This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A7
Demchenko, G.V.
Nakazanie po...

HARVARD LAW LIBRARY

Received APR 1 1932

НАКАЗАНІЕ

по

ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ

въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 гг.).

Изслѣдованіе

Г. В. ДЕМЧЕНКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго Б. Васильковская у., д. № 29—31.
1894.

Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1893 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.

APR 1 1932

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе. 1

ВВЕДЕНІЕ.

Литература предмета; источники, въ особенности Литовскій Статутъ (общія замѣчанія) 3

I. Развитіе основныхъ понятій уголовнаго права эпохи Статутовъ (преступленіе и наказаніе, условія вмѣненія) . . 6

II. Смѣшеніе въ Л. Статутѣ уголовныхъ воззрѣній разныхъ эпохъ. 28

I. ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О НАКАЗАНІИ.

Глава Первая. Понятіе наказанія, объемъ и границы карательной дѣятельности 33

I. Понятіе наказанія (предупредительная и карательная дѣятельность государства, историческая измѣнчивость понятія наказанія и объема карательной дѣятельности; наказаніе по Л. Статуту: терминъ, понятіе, господство договорнаго начала въ области уголовныхъ отношеній). 33

II. Наказаніе и другія послѣдствія преступленія 49

А. Вознагражденіе за вредъ и убытки отъ преступленія . 49

1. Общія замѣчанія (тѣсная связь между гражданскими и уголовными послѣдствіями правонарушенія; вознагражденіе за вредъ и убытки по Л. Статуту: „шкоды"—терминъ, понятіе, виды и содержаніе гражданскаго вознагражденія потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія) . . . 49

СТР.

2. Гражданское значеніе „караній“. 59
а) Уголовные штрафы, служащіе вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданскимъ удовлетвореніемъ вслѣдствіе особенныхъ свойствъ и природы самаго правонарушенія 60
б) Гражданское значеніе уголовныхъ штрафовъ въ зависимости отъ спеціальныхъ предписаній закона 66
в) Гражданское значеніе уголовныхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ съ третьихъ лицъ 70
3. Карательный элементъ въ гражданскихъ взысканіяхъ 74
а) Уплата шкодъ, какъ наказаніе для виновнаго въ случаяхъ злодѣйства и под. 76
б) Карательное значеніе „навязки за омешканье роботы“ 79
в) Штрафныя шкоды въ тѣсномъ смыслѣ этого слова 81

Б. Пеня или неустойка въ сдѣлкахъ гражданскаго права (особыя черты неустойки древняго права; чѣмъ онѣ обусловливаются; однородность „винъ такъ в семъ статуте, яко и въ записехъ добровольныхъ описаныхъ“) . 90

Глава Вторая. Субъектъ карательнаго права 99

I. Условія, опредѣляющія степень полноты государственнаго верховенства въ уголовномъ правѣ (общія историческія условія и особенныя условія литовско-русскаго государства XVI вѣка). 99

II. Субъектомъ карательнаго права признается государство (верховенство государя въ области законодательства и въ области суда). 107

III. Нѣкоторыя ограниченія предыдущаго положенія (обычай, потерпѣвшій, вотчинники, города) 114

Глава Третья. Объектъ карательнаго права (наказанію подлежитъ лицо, совершившее преступное дѣяніе) 121

I. Отвѣтственность животныхъ 123

II. Отвѣтственность третьихъ лицъ 126

А. Отвѣтственность вмѣсто виновныхъ. 127
1. Понятіе заступничества; добровольное заступничество (его условія и послѣдствія). 127
2. Необходимое заступничество (понятіе, содержаніе и условія необходимаго заступничества) 131
а) Круговая порука 133
б) Поручительство 137
в) Землевладѣніе 141

СТР.

г) Другія основанія необходимаго заступничества (отвѣтственность урядa, отвѣтственность лицъ подозрительныхъ или прикосновенныхъ къ преступленію и под.) 144

Б. Отвѣтственность рядомъ съ виновными (отвѣтственность семьи за преступленія отца) 147

Глава Четвертая. Содержаніе и условія карательной дѣятельности. 153

I. Основанія карательнаго права 154

А. Вліяніе христіанской религіи и европейской цивилизаціи . 154

Б. Воззрѣнія законодателя на основанія карательнаго права (рѣчи Л. Сапѣги и ихъ содержаніе) 162

а) Наказаніе установлено Богомъ 165

б) Наказаніе оправдывается съ точки зрѣнія божеской и человѣческой справедливости 165

в) Наказаніе необходимо для охраны правопорядка, для цѣлости общества и государства и для утвержденія общей свободы . . 167

г) Наказаніе преступника необходимо съ точки зрѣнія интересовъ потерпѣвшаго 168

II. Задачи карательной дѣятельности (общая характеристика эпохи) 170

А. Главныя цѣли наказанія 174

1. Удовлетвореніе пострадавшаго (денежныя пени, личныя наказанія, испрошеніе прощенія) 174

2. Устрашеніе (угроза наказаніемъ; непосредственная цѣль этой угрозы) 178

3. Предупрежденіе преступленій (преступныя дѣянія предупреждаются угрозой наказанія и его исполненіемъ). 180

4. Возмездіе за совершенное зло (характеръ возмездія; возмездіе какъ месть со стороны потерпѣвшаго, во имя интересовъ государства или на основаніи велѣній Божества) 183

Б. Второстепенныя цѣли наказанія 186

1. Извлеченіе матеріальныхъ выгодъ 186

2. Принужденіе преступника къ исполненію требованій государственной власти 187

3. Общественная охрана и устраненіе опасныхъ людей . . 188

4. Исправленіе преступника. 189

5. Возбужденіе ревности къ преслѣдованію преступниковъ . 189

III. Общія свойства наказанія (постепенное усиленіе къ концу XVI в. строгости взысканій за отдѣльныя преступленія и постепенное расширеніе области личныхъ наказаній) . . 189

1. Индивидуальность наказаній. 196

2. Справедливость наказаній 197

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое изслѣдованіе имѣетъ непосредственное отношеніе къ исторіи *русскаго* уголовнаго права. Въ этой области Литовскій Статутъ занимаетъ особенно завидное, исключительное положеніе, примыкая, съ одной стороны, къ Русской Правдѣ, съ другой—къ Уложенію царя Алексѣя Михайловича. Перваго преимущества не имѣютъ памятники восточной Россіи, относящіеся къ XIV, XV и первой половинѣ XVI вѣка, такъ какъ въ эту эпоху въ московскомъ государствѣ теряются почти всякіе слѣды дѣйствія Русской Правды, уступившей мало по малу свое мѣсто инымъ источникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ почти всякая связь между правомъ древнѣйшаго земскаго періода русской исторіи и правомъ московскаго государства. Въ числѣ же источниковъ Уложенія ц. Алексѣя Михайловича конкурируютъ въ равной степени памятники московскаго законодательства и Литовскій Статутъ. Такимъ образомъ, исторія наказанія въ литовско-русскомъ правѣ XVI в. представляетъ несомнѣнный интересъ и для изучающаго исторію уголовнаго права восточной Россіи. Съ этой точки зрѣнія изученіе наказанія въ Литовскомъ Статутѣ является введеніемъ къ исторіи наказанія въ эпоху Уложенія ц. Алексѣя Михайловича и реформъ Петра Великаго.

Въ нашемъ изложеніи мы придерживаемся по возможности системы, выработанной наукой для изслѣдованія института наказанія въ

современномъ намъ правѣ. Тамъ, однако, гдѣ у законодателя того времени были свои взгляды, своя система, мы оставляемъ эту систему ненарушимой; напротивъ, мы по необходимости должны прибѣгнуть къ какому нибудь порядку тамъ, гдѣ мы находимъ только рядъ понятій, общихъ идей или положеній, набросанныхъ безсистемно и хаотично. Изъ нѣсколькихъ системъ, существующихъ въ наукѣ въ настоящее время, мы выбрали ту, которая, по нашему мнѣнію, полнѣе всего дозволяетъ охватить разсматриваемый предметъ и представляетъ наибольшія удобства изложенія. Насколько удаченъ нашъ выборъ и, особенно, тѣ измѣненія системы, которыя пришлось намъ сдѣлать въ виду особенностей изслѣдуемаго памятника,—объ этомъ пусть судитъ читатель.

ВВЕДЕНІЕ.

Литература предмета; источники, въ особенности Литовскій Статутъ.

Нельзя указать ни на одно сочиненіе, которое бы имѣло непосредственное отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. Вопросъ о наказаніи въ Литовскомъ Статутѣ есть вопросъ, совершенно еще не затронутый въ литературѣ, хотя отдѣльныя указанія, отрывочныя замѣчанія и ссылки на Статутъ встрѣчаются у многихъ писателей, касавшихся русской и литовско-русской исторіи [1]). Мы можемъ назвать нѣсколько именъ, указать нѣсколько сочиненій, имѣющихъ даже, повидимому, болѣе непосредственное отношеніе къ Литовскому Статуту и къ его уголовному праву [2]), но и лучшее между ними (а такимъ,

---

[1]) Изслѣдователи исторіи русскаго права, начиная съ тридцатыхъ (*Строевъ*) и сороковыхъ годовъ (*Лиовскій, Колоссовскій*), весьма часто обращаются къ Литовскому Статуту, какъ памятнику русскаго права, для сопоставленія и объясненія отдѣльныхъ положеній права восточной Россіи. Но у всѣхъ этихъ писателей отрывочныя и весьма разбросанныя сообщенія сдѣланы мимоходомъ. Гораздо больше можно найти у другихъ писателей, историковъ и юристовъ, спеціально касавшихся исторіи Великаго Княжества Литовскаго, напр. у В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Ѳ. И. Леонтовича, М. Н. Ясинскаго, Н. Тумасова, К. Бестужева-Рюмина, Чарнецкаго, Иванишева, И. М. Собѣстіанскаго, С. А. Бершадскаго и др.

[2]) Напр. *Czackiego*, O Litewskich i polskich prawach (Warszawa, 1800 roku, t. I—II); *Maciejowskiego*, Historya prawodawstw słowiańskich (Warszawa, 1832—1836 roku, t. I—VI); *Jaroszewicza*, Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacyi (Wilno, 1844 roku, t. I—III); *Иванишева*, О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германской вирой (Кіевъ, 1840 года); *Леонтовича*, Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права (Кіевъ, 1865 года); *Семенова*, О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси (1854 года—во Временникѣ импер. москов. общества исторіи и древностей россійскихъ). Можно указать, наконецъ, на сочиненіе проф. *Тальберга*, Насильственное похищеніе имущества по русскому праву (С.-Петербургъ, 1880 года), одна изъ главъ котораго спеціально посвящена Литовскому Статуту

безспорно, слѣдуетъ признать краткій очеркъ Ѳ. И. Леонтовича—„Русская Правда и Литовскій Статутъ“) представляетъ изъ себя не болѣе, какъ „опытъ сравненія главныхъ положеній Русской Правды съ древними памятниками литовскаго законодательства“, и при томъ, къ сожалѣнію, опытъ этотъ страдаетъ излишней сжатостью изложенія, вслѣдствіе чего капитальный вопросъ только намѣченъ въ общихъ чертахъ. Изъ другихъ авторовъ заслуживаетъ спеціальнаго упоминанія развѣ только Мацѣйовскій съ его извѣстной „Исторіей славянскихъ законодательствъ“; но упомянуть о немъ слѣдуетъ скорѣе для того, чтобы предостеречь отъ его ошибокъ, чѣмъ для того, чтобы рекомендовать для прочтенія тѣ нѣсколько страничекъ его труда, которыя онъ посвящаетъ уголовному праву Литовскаго Статута („Prawo karne Litwy“).

Бѣдность литературы предмета не соотвѣтствуетъ обилію сырого матеріала (изданнаго и не изданнаго), отличающагося большимъ богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія. Для нашихъ цѣлей мы воспользовались важнѣйшимъ памятникомъ всей литовско-русской исторіи—Литовскимъ Статутомъ, присоединивъ къ нему другіе памятники настолько, насколько это требовалось по самому существу работы и совмѣщалось съ тѣмъ временемъ, которое мы имѣли въ своемъ распоряженіи. Такимъ образомъ, кромѣ Литовскаго Статута, мы ознакомились съ наиболѣе важными изданными памятниками, а также съ нѣкоторыми изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива.

Записовыя и поточныя книги Луцкаго гродскаго суда, [1]) просмотрѣнныя нами въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, относятся къ эпохѣ введенія въ дѣйствіе Статута второй редакціи (1560—1566 г.). Въ общей массѣ актовъ, заключающихся въ этихъ книгахъ (2566 номеровъ), только незначительная сравнительно часть содержитъ въ себѣ судебныя рѣшенія (декреты), т. е. изображеніе того, какъ понимались и какъ примѣнялись постановленія Статута судами того времени, что́ собственно и было для насъ наиболѣе интересно. Съ этой стороны большій интересъ представляютъ нѣкоторыя изданія Виленской Археографической Коммиссіи, посвященныя актамъ судебнымъ, таковы: XV-ый томъ актовъ—рѣшенія Главнаго Литовскаго Трибунала въ періодъ времени отъ 1637—1687 года, XVII-ый томъ—

---

[1]) За №№ 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040.

судебные акты Гродненскаго земскаго суда за 1539—1565 годы. Въ обоихъ томахъ заключается множество актовъ, относящихся къ уголовному праву, при чемъ первый изъ нихъ (XV т.), хотя и принадлежитъ къ эпохѣ нѣсколько позднѣйшей, чѣмъ изучаемая нами, однако представляетъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ является выразителемъ взглядовъ высшаго судилища относительно смысла и примѣненія тѣхъ или другихъ артикуловъ того же Статута (въ его третьей редакціи 1538 года).

Основнымъ источникомъ предлагаемаго изслѣдованія служитъ Литовскій Статутъ въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 года) [1])— богатѣйшій памятникъ для исторіи русскаго права, слишкомъ мало, къ сожалѣнію, обратившій на себя до сихъ поръ вниманіе нашихъ ученыхъ изслѣдователей [2]). На этомъ памятникѣ мы сосредоточили все наше вниманіе, имъ главнымъ образомъ пользовались для нашихъ выводовъ, стараясь по возможности исчерпать все содержаніе Статута въ интересующемъ насъ отношеніи.

Оставляя въ сторонѣ внѣшнюю исторію Статута, какъ предметъ чуждый нашей задачѣ, хотя далеко не окончательно обработанный въ литературѣ [3]), мы попытаемся предварительно опредѣлить значеніе Статута, какъ кодекса уголовнаго права XVI вѣка. Чтобы слишкомъ не уклоняться отъ нашей темы, отмѣтимъ только самое существенное и ближайшимъ образомъ соприкасающееся съ тѣми вопросами, которые входятъ въ ея составъ и не могутъ быть въ достаточной степени по-

---

[1]) Мы пользовались Статутомъ въ изданіи „Временника Императ. общества исторіи и древн. россійскихъ“, кн. XVIII (Статутъ 1529 г.), кн. XXIII (Ст. 1566 г.) и кн. XIX (Ст. 1588 г.). Впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ приходилось обращаться и къ другимъ его изданіямъ (*Мамоничевское*—первоначальное изданіе 1588 года; *Дзялынскаго* въ его Zbiór praw litewskich; изданія *польскія* XVIII вѣка; т. н. *Сенатское* изданіе 1811 года).

[2]) „При всей важности разсматриваемаго памятника въ дѣлѣ изученія древне-русскаго права, говоритъ проф. Тальбергъ, Литовскій Статутъ до настоящаго времени остается безъ всякой научной разработки и не пріобрѣлъ еще, такъ сказать, права гражданства въ историко-юридической литературѣ нашей“ (*Тальбергъ*, указ. соч. стр. 52). Хотя слова эти были сказаны въ 1880 году, но въ существенномъ дѣло не измѣнилось и до настоящаго времени.

[3]) Внѣшняя исторія Статута изложена у *Чацкаго*, O litewskich i polskich prawach т. I; *Ярошевича*, Obraz Litwy pod względem jéj cywilizacyi, т. II; *Даниловича*, Взглядъ на Литовское законодательство, въ Юрид. Запискахъ Рѣдкина, т. I; *Чарнецкаго*, Исторія Литовскаго Статута, въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ за 1866—7 г.

няты и объяснены безъ предварительнаго знакомства съ развитіемъ основныхъ понятій уголовнаго права эпохи Статутовъ.

I. Развитіе основныхъ понятій уголовнаго права эпохи Статутовъ.

Три редакціи Литовскаго Статута преемственно смѣняли одна другую. Каждая предшествующая редакція служила матеріаломъ для послѣдующей; но новая редакція включала предыдущую далеко не въ ея первоначальномъ видѣ: она измѣняла, дополняла и исправляла старый кодексъ, она прибавляла къ нему новыя узаконенія, которыя успѣли уже накопиться послѣ его изданія. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ въ своихъ трехъ редакціяхъ является, если можно такъ выразиться, живой исторіей литовско-русскаго права XVI вѣка. Примѣръ другого такого *кодекса-исторіи* мы имѣемъ въ Русской Правдѣ, которая, по выраженію Попова, также есть „исторія уголовнаго права отъ Ярослава до Владиміра Мономаха включительно“ [1]). Оба кодекса слѣдуютъ другъ за другомъ во времени и по своему содержанію [2]),

---

[1]) См. *Попова*, Русская Правда въ отношеніи къ уголов. праву, изд. 1841 г., Положенія, 2.

[2]) „Юго-западная Русь, говоритъ Бѣляевъ, состоя подъ владычествомъ литовскихъ великихъ князей и потомъ въ соединеніи съ Польшей, стремившейся къ распространенію въ ней польскихъ законовъ и обычаевъ, естественно должна была быть болѣе устойчивою и упорною въ поддержаніи своихъ старыхъ обычаевъ и законовъ,' дабы отстоять свою національность и нравственную самостоятельность. А посему въ законодательныхъ памятникахъ юго-западной Руси мы находимъ болѣе тѣсную связь съ Русской Правдой и древнѣйшими русскими юридическими обычаями, нежели въ памятникахъ сѣверо-восточной московской Руси. Сѣверо-восточная Русь въ своемъ юридическомъ развитіи дѣйствовала какъ то свободнѣе, нежели ея юго-западная сестра; ей побѣдоносной и независимой не было нужды въ борьбѣ и упорномъ отстаиваніи своей старины. Но совсѣмъ другое было положеніе въ юго-западной Руси Литовской; тамъ старина была единственною опорою для охраненія національности, на ней только держалась нравственная самостоятельность и независимость народности, всякое нововведеніе тамъ грозило чужеземнымъ вліяніемъ. Все это сообщило законодательнымъ памятникамъ юго-западной Руси свой характеръ, отличающій ихъ строгою и какою-то несвободною покорностью Русской Правдѣ и вообще старымъ юридическимъ обычаямъ“. То же самое говоритъ и проф. Леонтовичъ относительно литовско-русскаго права вообще и Статута Литовскаго въ частности: „Русскія начала сохранились въ юго-западной Россіи не потому только, что они глубоко вросли въ ея бытъ: тѣ же начала въ старое время не менѣе глубоко коренились въ быту восточной Россіи, а между тѣмъ здѣсь они очень рано утрачиваются—подъ конецъ XV столѣтія отъ нихъ почти не осталось и слѣда. Отмѣна древне-русскихъ началъ въ восточной Россіи и сохраненіе ихъ въ западной обязаны, главнымъ образомъ, вліянію законодательства: что

какъ нельзя лучше, дополняютъ другъ друга. Русская Правда во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ (Правда Ярослава, Правда Ярославичей и Правда пространная [1]) есть замѣчательный памятникъ перехода уголовнаго права отъ періода мести въ періодъ композицій; Литовскій Статутъ въ его трехъ редакціяхъ есть также не менѣе замѣчательный памятникъ, но уже болѣе поздней эпохи; въ немъ мы видимъ и на немъ наблюдаемъ живую исторію уголовнаго права той эпохи, когда система денежныхъ выкуповъ смѣняется системой публичныхъ наказаній, система композицій уступаетъ мѣсто системѣ устрашающихъ каръ. Соотвѣтственно этому происходятъ измѣненіи и въ основныхъ понятіяхъ

безслѣдно исчезло въ судныхъ грамотахъ, Судебникахъ и Уложеніи восточной Россіи, то надолго удержалось въ литовско-русскихъ областныхъ привилеяхъ, Судебникѣ и Статутахъ. Законодательство литовское, въ отличіе отъ московскаго, всегда слѣдовало *консервативному* направленію, болѣе или менѣе проникавшему всѣ памятники литовско-русскаго законодательства. То-же самое направленіе замѣчаемъ и въ Литовскомъ Статутѣ, въ особенности старомъ: гдѣ только дѣло идетъ о чисто-юридическихъ отношеніяхъ, тамъ Статутъ строго консервативенъ, держится въ главномъ стараго юридическаго порядка, современнаго еще Русской Правдѣ" (См. *Бѣляева*, О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ рус. законамъ, стр. 117; *Леонтовича*, Рус. Правда и Литов. Статутъ, стр. 14). Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Бѣляева и проф. Леонтовича относительно консервативности литовско-русскаго права, объясняемой внѣшними условіями литовско-русской исторіи, не можемъ не замѣтить однако, что послѣдній изъ двухъ названныхъ ученыхъ слишкомъ умаляетъ значеніе бытовыхъ особенностей различныхъ частей древней Россіи: характерныя черты быта юго-западной, сѣверо-восточной и сѣверо-западной Россіи въ своихъ особенностяхъ выступали уже и въ эпоху Русской Правды. Едва ли не самое правильное объясненіе сходства литовскаго права съ древне-русскимъ мы находимъ въ томъ, что „литовско-русское государство обнимало собою самую коренную и древнѣйшую Русь: Кіевскую, Сѣверскую, Волынскую, Полоцкую и Туровскую земли, т. е. территорію зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси (Русской Правды)" (*Владимірскаго-Буданова*, Помѣстья Литов. Государства, стр. 2). Русская Правда была создана и выражала въ себѣ основныя начала юридическаго быта тѣхъ областей, какія впослѣдствіи легли въ основаніе Великаго Княжества Литовскаго. Между тѣмъ Русь сѣверо-восточная, не являясь родиной Русской Правды, представляла только почву, въ то время весьма родственную, а потому весьма подходящую для примѣненія началъ Русской Правды. Литовское право консервативно, но вѣдь и оно не оставалось безъ развитія, безъ движенія. И что-же?—въ своемъ развитіи оно въ значительной мѣрѣ развиваетъ начала Русской Правды, дѣлаетъ дальнѣйшіе шаги въ томъ направленіи, какое было указано ею. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, сказывается ничто другое, какъ только проявленіе стараго и всѣмъ извѣстнаго закона: растеніе даетъ надлежащій плодъ только тогда, когда оно растетъ на свойственной ему почвѣ и въ свойственномъ ему климатѣ.

[1]) См. *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 1888 г., стр. 92—93.

уголовнаго права. Конечно, въ эпоху Статутовъ измѣненія эти не слишкомъ значительны; для этого потребовалось бы не одно, но нѣсколько столѣтій. Тѣмъ не менѣе измѣненія, и при томъ довольно существенныя, во взглядахъ законодателя на преступленіе и наказаніе сразу бросаются въ глаза, если сопоставить двѣ крайнія редакціи разсматриваемаго кодекса.

Здѣсь мы постараемся показать, въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ развивалась идея преступленія и наказанія въ эту переходную эпоху отъ одного уклада уголовнаго права къ другому.

Въ уголовномъ правѣ литовской Руси XVI вѣка понятіе преступленія отличается слѣдующими весьма существенными чертами:

а) преступленіе есть „*кривда*“, обида, неправда по отношенію къ тому, кто потерпѣлъ отъ преступленія, чьи интересы были имъ непосредственно нарушены [1]);

б) преступленіе есть „*выступокъ*“ [2]), нарушеніе закона (обычая), такъ какъ, совершая преступленіе, преступникъ „выступаетъ изъ той или другой уставы“ [3]);

в) преступленіе нарушаетъ „покой посполитый“, причиняетъ „*шкоду земскую*“, другими словами—оно общевредно и общеопасно [4]);

г) преступленіе есть „*вина*“, такъ какъ предполагаетъ виновность его совершителя [5]);

---

[1]) Это можно видѣть почти въ каждомъ артикулѣ, относящемся къ уголов. праву.

[2]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступленіе обозначается словомъ „*збытокъ*“, которое довольно близко подходитъ по своему значенію къ термину „выступъ, выступокъ“ („збытокъ“ соотвѣтствуетъ латин. „excessio“, польск. „exces“), хотя и имѣетъ нѣсколько болѣе общее и болѣе широкое употребленіе (имъ обозначается всякій вообще излишекъ, выступленіе изъ опредѣленныхъ предѣловъ независимо отъ того, имѣетъ ли это выступленіе какое нб. юридическое значеніе или не имѣетъ). См. Трет. Ст. IV, 29, 64; VI, 11; XIV, 4, 33; Акт. Вил. Ком. т. XV, № 191, стр. 306. Ср. *Горбачевскаго*, Словарь древняго акт. языка, стр. 121 (подъ слов. excessio). Также точно терминъ „выступокъ“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняется словомъ „*безправье*“. См. Трет. Ст. XI, 28; IV, 76. Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, № 185, стр. 219; № 223, стр. 280.

[3]) Напр. Перв. Ст. I, 26; II, 4, 7, 9; VI, 25, 36; VIII, 19, 21. Вт. Ст. I, 30; II, 6, 26 и др. Трет. Ст. XI, 14 и мн. др.

[4]) Перв. Ст. VII, 31; Вт. Ст. X, 17; XI, 1, 5, 11 и др. Трет. Ст. I, 25; III, 32; X, 17; XI, 1,5, 14,28.

[5]) Напр. Перв. Ст. I, 7; V, 9; Вт. Ст. I, 14; VI, 12; Трет. Ст. I, 18; VI, 14 и мн. др.

д) преступленіе есть грѣхъ, такъ какъ „*противно пану Богу*“ и отъ него „панъ Богъ бываетъ оображонъ“ [1];

е) вслѣдствіе всего этого преступленіе есть „*злочинство*“, дѣйствіе дурное и постыдное, „злый вчинокъ“ [2].

Съ такими чертами выступаетъ понятіе преступленія въ началѣ разсматриваемаго періода; ими же оно характеризуется и въ концѣ столѣтія. Но это отнюдь не свидѣтельствуетъ о неизмѣнности и неподвижности самого понятія: между понятіями перваго и третьяго Статута разница весьма замѣтная; то, о чемъ первый говоритъ вскользь, и чему еще не придается особеннаго значенія, послѣдній, напротивъ, выдвигаетъ на первый планъ, признаетъ наиболѣе существеннымъ и важнымъ; наоборотъ, въ третьемъ Статутѣ отступаетъ на второй планъ то, что считалось въ началѣ столѣтія самымъ важнымъ и чему придавалось особенное значеніе.

Наиболѣе измѣненій произошло во взглядахъ на общественное значеніе всякаго преступленія.

Въ эпоху перваго Статута преступленіе разсматривалось главнымъ образомъ какъ „кривда“, а преступникъ—какъ „шкодникъ“. Понятіе „обиды“ Русской Правды нашло для себя соотвѣтствующее выраженіе въ „кривдѣ“ Статута. Соотвѣтственно этому мы замѣчаемъ въ разсматриваемомъ кодексѣ слѣдующія черты, обыкновенныя при взглядѣ на преступленіе, какъ на дѣйствіе, имѣющее по-преимуществу значеніе частное—только для тѣхъ лицъ, которыя въ немъ непосредственно заинтересованы:

а) Потерпѣвшій самъ отыскиваетъ своего „шкодника“, самъ подаетъ на него жалобу въ судъ и ведетъ дѣло въ обычномъ состязательномъ порядкѣ; особой слѣдственной формы для уголовныхъ дѣлъ еще не существуетъ [3].

б) Преступникъ всегда и прежде всего обязанъ удовлетворить потерпѣвшаго за причиненную ему шкоду (уплата шкодъ) и кривду (уплата частнаго штрафа); публично-уголовнаго наказанія во множествѣ случаевъ нѣтъ никакого.

---

[1]) Вт. Ст. XI, 16. Трет. Ст. XI, 28; IV, 25, 105 и мн. др.

[2]) См. Перв. Ст. I, 3, 13; Вт. Ст. XIV, 13; Трет. Ст. IV, 105 -преступникъ совершаетъ преступленіе, „пробачивши боязни бозьское и въ стыду людъского“.

[3]) Напр. VI, 4, 6, 10.

в) Вслѣдствіе этого мало обращается вниманія на субъективную сторону преступленія: часто наступаетъ одинаковая отвѣтственность за преступленія, повлекшія равный вредъ несмотря на различіе въ степени злой воли и сознанія преступника [1]).

г) Вслѣдствіе того же обстоятельства власть мало заинтересована захватомъ и наказаніемъ настоящаго преступника, когда взысканіе почему-либо можно обратить на третье лицо,—это послѣднее удовлетворитъ потерпѣвшаго, а „собе маеть виннаго искати", т. е. съ виновными можетъ вести расчеты уже отъ себя лично [2]).

д) Потерпѣвшему предоставляется возможность вступать съ преступникомъ въ тѣ или другія сдѣлки по поводу совершеннаго преступленія, мириться на тѣхъ или другихъ условіяхъ или даже оставить дѣяніе безъ послѣдствій, простивъ виновнаго [3]).

е) Постороннимъ лицамъ дозволяется выкупать преступника отъ наказанія, при томъ не только въ болѣе легкихъ случаяхъ (уплата слѣдуемаго съ преступника штрафа), но и въ случаяхъ самыхъ тяжкихъ (выкупъ отъ смертной казни) [4]).

ж) Личныя и имущественныя наказанія (штрафы въ пользу общественной власти), имѣющія публичный характеръ, занимаютъ второе, подчиненное мѣсто послѣ штрафовъ въ пользу потерпѣвшаго: личное наказаніе (если только оно назначено закономъ) тогда лишь постигнетъ преступника, когда потерпѣвшій найдетъ это для себя выгоднымъ и дастъ на это свое согласіе; общественная власть только тогда получитъ свой штрафъ, когда будетъ удовлетворенъ потерпѣвшій и, слѣдовательно, изъ оставшейся за удовлетвореніемъ потерпѣвшаго части имущества преступника; если ничего не останется, ничего она и не получитъ [5]).

Вотъ тѣ черты, въ которыхъ съ поразительной ясностью обнаруживается вся смутность понятія о преступленіи, какъ дѣйствіи, въ которомъ заинтересовано все общество. Такой взглядъ на преступленіе не представляетъ впрочемъ чего нибудь неожиданнаго и исклю-

---

[1]) Напр. VII, 25.
[2]) Напр. VII, 7, 18, 24, 27; XIII, 2, 5.
[3]) Напр. VII, 21, 30; XI, 13; XIII, 6, 25.
[4]) Напр. VII, 30; XIII, 6.
[5]) Напр VII, 1.

чительнаго: онъ составляетъ принадлежность всѣхъ болѣе древнихъ законодательствъ [1]).

Но если уже и въ эпоху Русской Правды „обида“ во многихъ случаяхъ разсматривалась съ общественной точки зрѣнія, а не только съ точки зрѣнія интересовъ потерпѣвшаго, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать это относительно „кривды“ перваго Статута, памятника значительно болѣе поздней эпохи. „Укривжоный“ получаетъ удовлетвореніе со своего „шкодника“; но власть государственная не относится къ этому совершенно безучастно; напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея участіе простирается даже дальше того, что можно бы было ожидать послѣ знакомства съ общимъ характеромъ памятника. Заинтересованность власти въ преступленіи, а слѣдовательно, сознаніе его общественнаго значенія проявляется въ слѣдующемъ:

а) Преступникъ своимъ дѣйствіемъ нарушилъ законъ (обычай), проявилъ свое „непослушенство“, „упорство“; за это, послѣ удовлетворенія потерпѣвшаго, онъ, какъ виновный предъ общественной властью, уплатитъ въ ея пользу опредѣленный штрафъ (въ болѣе легкихъ случаяхъ) или подвергнется опредѣленному личному наказанію (наприм. смертной казни).

б) Въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ законодатель переходитъ отъ денежныхъ штрафовъ къ наказаніямъ личнымъ и старается, по возможности, устранить произволъ въ наказаніи преступника: съ теоретической точки зрѣнія законодателя преступникъ непремѣнно долженъ бы подвергнуться заслуженному наказанію, никакого соглашенія съ потерпѣвшимъ не должно бы быть; въ видахъ этого сдѣлки преступника съ потерпѣвшимъ если еще категорически и не воспрещаются, то во всякомъ случаѣ при болѣе тяжкихъ преступленіяхъ соединяются съ нѣкоторыми послѣдствіями, невыгодными для потерпѣвшаго (или вообще для лица, освободившаго преступника отъ наказанія) [2]).

в) Еще въ большей степени, несомнѣнно, сознается общественное значеніе преступленій публичныхъ (государственныхъ, противъ

---

[1]) См. *Богдановскаго*, Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русск. правѣ до Петра В., изд. 1857 г., стр. 92, 93 и сл. Ср. *Чебышева-Дмитріева*, О прест. дѣйствіи по русск. до-петр. праву, изд. 1862 г., стр. 6 и сл.

[2]) Напр. VII, 30; XIII, 6, 25.

постановленій о военной службѣ и под.), въ которыхъ нѣтъ собственно потерпѣвшаго; преступникъ карается здѣсь не за то, что онъ совершилъ кривду по отношенію къ опредѣленному частному лицу, но за то, что нарушилъ извѣстныя предписанія закона, имѣющія общественное значеніе (не пожелалъ, напримѣръ, служить земской службы, перешелъ на сторону непріятеля). Русская Правда не знаетъ этихъ преступленій, и расправа съ виновными въ нихъ, которая иногда имѣла мѣсто даже въ ея время, носила въ значительной мѣрѣ характеръ мести разгнѣваннаго князя или возстанія недовольнаго народа [1]). Такой произволъ въ наказаніи за многія публичныя преступленія устраненъ Литовскимъ Статутомъ, который разсматриваетъ ихъ уже съ точки зрѣнія не того или другого частнаго случая, вызывавшаго месть представителя верховной власти, но съ точки зрѣнія общей, признающей цѣлый рядъ случаевъ извѣстнаго рода (напр. измѣну) вообще одинаково вредными и потому заслуживающими всегда одного опредѣленнаго наказанія (лишеніе чести, конфискація). Въ преступленіяхъ публичныхъ, какъ это и естественно, нѣтъ мѣста для того произвола, какой былъ предоставленъ потерпѣвшему при отмѣнѣ наказанія, такъ какъ нѣтъ потерпѣвшаго частнаго лица.

г) Такимъ образомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ законодатель достигаетъ довольно яснаго представленія объ общественномъ значеніи „кривды-выступка“, что и выражаетъ однажды, говоря, что въ преступленіи заключается „шкода для Рѣчи Посполитой“ [2]).

Эти данныя заставляютъ признать, что и въ эпоху перваго Статута преступленіе разсматривается уже съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ „кривда“—по отношенію къ потерпѣвшему, и какъ „шкода для Рѣчи Посполитой“—по отношенію къ всему обществу (государству). Тѣмъ не менѣе, подводя итогъ сказанному, нельзя не прійти къ заключенію, что въ виду второстепеннаго значенія публичныхъ преступленій (число ихъ крайне ограничено) и въ виду второстепеннаго (подчиненнаго) значенія публичныхъ наказаній, являющихся прибавочной частью при главномъ, направленномъ на вознагражденіе и удовлетвореніе потерпѣвшаго, въ эпоху перваго Статута господствуетъ

---

[1]) *Богдановскаго*, указ. соч. стр. 55—56; *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи рус. права, стр. 270–271.

[2]) См. VII, 31; ср. IV, 3.

взглядъ на преступленіе, какъ на „кривду", хотя взглядъ этотъ уже далеко не выдержанъ и не проводится со всѣми логически вытекающими изъ него послѣдствіями: онъ поколебленъ уже въ своихъ основаніяхъ противоположнымъ воззрѣніемъ на преступленіе, какъ на зло общественное.

Въ промежутокъ времени между изданіемъ перваго и второго Статутовъ (1529—1566 года) понятіе преступленія получаетъ свое дальнѣйшее развитіе.

Самымъ замѣчательнымъ и важнымъ въ интересующемъ насъ отношеніи нововведеніемъ второго Статута, безспорно, слѣдуетъ признать установленіе публичнаго преслѣдованія нѣкоторыхъ болѣе важныхъ преступленій. Съ тѣхъ поръ, какъ законодатель сказалъ: „а хотя бы сынове або кровные не хотѣли фолдровати (а не будеть ли хто стояти або фолдровати) [1]), тогды врядъ нашъ (господарскій) маеть также на томъ врядѣ своемъ поймавши (виновнаго) скарати", — съ этихъ поръ совершается, такъ сказать, офиціальное признаніе преступленія, какъ дѣйствія общевреднаго и общеопаснаго [2]). Но признаніе это относится не только къ преступленіямъ болѣе тяжкимъ: и въ другихъ не столь тяжкихъ случаяхъ законодатель теперь уже весьма нерѣдко мотивируетъ то или другое свое постановленіе слѣдующимъ образомъ: „тежъ обачивши есмо въ томъ шкоду земскую... уставуемъ", или: „обачившы есьмо то, ижъ многіе се шкоды дѣлаютъ Речи Посполитой... уставуемъ" [3]).

Тѣмъ не менѣе отношенія, которыя возникаютъ между преступникомъ и потерпѣвшимъ, по прежнему во множествѣ случаевъ должны быть признаны по существу тѣми же договорными отношеніями прежняго времени: пострадавшій отъ преступленія требуетъ у своего обидчика, чтобы онъ вознаградилъ его за шкоду и за обиду; законъ устанавливаетъ извѣстную таксу для этихъ шкодъ и обидъ; но если стороны согласятся, примирятся на чемъ нибудь меньшемъ, то и это допускается закономъ, хотя бы при этомъ извѣстное личное наказаніе

---

[1]) *Foldrować*—преслѣдовать кого нб. См. *Горбачевскаго*, Словарь древняго актов. языка с.-зап. края, изд. 1874 г.

[2]) Напр. III, 41; XI, 4, 10, 31; XIV, 16. Важнѣйшія уголовныя дѣла выдѣляются отъ дѣлъ гражданскихъ и подчиняются спеціальному вѣдомству замковаго суда, см. IV, 20.

[3]) X, 17; XI, 1,5, 11 и др.

замѣнялось денежнымъ выкупомъ: преступникъ можетъ „окупать свое горло“ даже въ такихъ преступленіяхъ, какъ воровство (злодѣйство), относимое Статутомъ къ числу наиболѣе тяжкихъ преступленій [1]).

Всѣ эти факты, столь противорѣчащіе указанному сознанію общественнаго значенія всякаго преступленія, доказываютъ только, что, во-первыхъ, это сознаніе было еще далеко неполнымъ, несовершеннымъ (въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вторую редакцію кодекса отдѣляетъ отъ первой промежутокъ времени едва лишь въ 35 лѣтъ), и, во-вторыхъ, что система выкуповъ вслѣдствіе своей очевидной выгодности для потерпѣвшаго, который получаетъ при ней хоть какое-нибудь удовлетвореніе, отличается большой устойчивостью и долговѣчностью, особенно тамъ, гдѣ (какъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ) власть государственная не обладаетъ достаточной силой, чтобы своимъ могущественнымъ вмѣшательствомъ оказать содѣйствіе новымъ идеямъ и рѣзко измѣнить основныя положенія двухъ коренныхъ институтовъ уголовнаго права—преступленія и наказанія. „Идея наказанія, говоритъ проф. Богдановскій, въ формѣ денежныхъ выкуповъ живетъ обыкновенно въ народномъ правѣ чрезвычайно долго, и только тогда является въ новой формѣ, когда является въ народѣ сознаніе о государствѣ, какъ объ единомъ и живомъ организмѣ, и о преступленіи, какъ дѣйствіи, во всякомъ случаѣ враждебномъ этому организму“ [2]), и когда, прибавимъ отъ себя, само государство становится достаточно могущественнымъ для того, чтобы утвердить институтъ наказанія соотвѣтственно новому пониманію его. Послѣднее обстоятельство, какъ увидимъ ниже, имѣло немаловажное значеніе при организаціи наказанія въ той формѣ, какую даетъ ему третій Статутъ—памятникъ, вообще говоря, принципіально высказывающійся за первостепенное значеніе общественнаго момента преступнаго дѣянія.

Вмѣстѣ съ развитіемъ сознанія о томъ, что преступленіе есть дѣйствіе общевредное и общеопасное, во второмъ Статутѣ развивается область преступленій публичныхъ (государственныхъ и др.); въ особенности слѣдуетъ сказать это о преступленіяхъ государственныхъ и противъ порядка управленія: вмѣсто небольшаго числа отдѣльныхъ

---

[1]) Напр. IV, 30; XI, 28, 33; XIV, 1, 6, 10, 28.

[2]) *Богдановскій*, указ. соч., стр. 5.

случаевъ преступленій этого рода, извѣстныхъ старому Статуту, во второмъ Статутѣ мы встрѣчаемъ цѣльную группу этихъ преступленій, довольно развитую и законченную; государство съ своей территоріей и въ лицѣ своихъ представителей (какъ верховной власти, такъ и властей подчиненныхъ) получаетъ теперь надлежащую охрану отъ незаконныхъ посягательствъ и нарушенія его правъ отдѣльными частными лицами. Нельзя думать, чтобы это совпаденіе было случайнымъ: понятіе о преступленіи и наказаніи развивается вмѣстѣ съ развитіемъ государственной жизни; сознаніе и признаніе государства, какъ извѣстной прочной и постоянной формы общежитія, соединяется съ сознаніемъ и признаніемъ преступленія—явленіемъ противогосударственнымъ, наказанія—средствомъ для борьбы съ этимъ явленіемъ, на которое теперь и обращается главное вниманіе со стороны государственной власти.

Къ концу столѣтія понятіе преступленія еще болѣе измѣняется въ указанномъ направленіи. Третій Статутъ служитъ для насъ прекраснымъ выраженіемъ того, насколько и какъ успѣла развиться идея преступленія въ теченіе четверти вѣка, отдѣляющаго вторую редакцію кодекса отъ его послѣдней редакціи (1566—1588 г.).

Сознаніе общественнаго значенія преступнаго дѣянія проглядываетъ на каждой страницѣ новаго Статута; въ цѣлой массѣ случаевъ самаго разнообразнаго характера законодатель спеціально указываетъ на то, что преступникъ нарушаетъ „покой посполитый“, причиняетъ „шкоду земскую“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается забота о томъ, чтобы „взрушитель покоя посполитого“ не остался безъ наказанія. Статутовыя Поправы 1578 года вводятъ „шкрутениумъ“—общій порядокъ слѣдствія по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Значительно увеличивается (удвоивается) число тѣхъ преступленій, когда самъ врядъ уполномочивается по собственной иниціативѣ (ex officio) преслѣдовать преступника [2]). Во многихъ случаяхъ возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ совершившаго преступное дѣяніе не только дозволяется, но и поощряется или даже вмѣняется въ обязанность всякому гражданину [3]): „а такового явного выступцу пры го-

---

[1]) Напр. I, 25; III, 32; X, 17; XI, 1, 5, 14, 28.

[2]) Напр. I, 10; XI, 4, 6, 7, 26, 60; XII, 9, XIV, 8, 19, 31, 33.

[3]) Actiones populares римскаго права. См. I, 34; III, 3; IV, 62; XII, 9; XIV, 33.

рачомъ учинку не только врядъ тотъ повинъне имати казати маеть, але и всимъ тамъ будучымъ для завъстегненья такого сваволенства, яко противъ взрушителя покою посполитого, повъставшы противъ таковому помочъ чынити вольно будеть", „каждому шляхътичу, хто похочетъ, позвати о то до суду вгродъского на рокъ завитый волно", „и о въшемъ хто колъвекъ его передъ насъ господара на сеймъ позоветъ, тогды на первшомъ року, яко на завитомъ, стати маетъ..., а тому, хто о то его позоветъ, тотъ же позваный сто копъ грошей заплатити повиненъ будеть". Слугамъ вмѣняется въ обязанность помогать своему пану при преслѣдованіи преступниковъ; такую же помощь одинъ врядъ обязанъ оказывать другому [1]): „кгды жъ се подъ часъ трафляеть, же слуги за росказаньемъ пановъ своихъ злодея и иныхъ злочынцовъ паньскихъ имати и гонити не хотять..., въ чомъ людемъ злымъ не только фолкгу, але и великую оборону тымъ чынили, абы рукъ уходили тыхъ, которые ихъ поймати могли, для того уставуемъ..., таковый (т. е. не пожелавшій „гонити злочынцовъ") самъ, если шляхътичъ седети винепъ на замку нашомъ шесть недѣль, а нешляхътича водлугъ важности выступку пану карати волно"; „нетолько врядъ врядови ку пойманью такового сказаного (на смерть) помочь давати повиненъ, але врядъ местъскій и место, въ которомъ се то деяти будеть, противъ таковому непослушному або противному взрушитисе мають". Примѣненіе наказанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже не зависитъ отъ воли лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ преступленіи [2]): „а тымъ, которыхъ право на седенье до вежи на дно скажетъ, хотя бы и сторона противная вольнымъ везенья чинила, врядъ ни которое фолкги [3]) чинити немаеть"; „и хотя жъ подъ часъ то собе обваровываютъ (участники поединка), естли бы одинъ другого ранилъ або забилъ, же того на собе сами и потомъкове ихъ позыскивати немаютъ, однакъ же то въ речы посполитой жадного помноженья и пожытку не чинятъ..., а про то мы тому, яко шкодливому звычаеви в панстве нашомъ великомъ князстве литовскомъ не хотели допустити большей ширитися, а покой посполитый добре объваровываючы, уставуемъ..."

Въ понятіи преступленія на первый планъ выдвигается его противозаконность, его постыдность и грѣховность, его опасность и общест-

[1]) Напр. IV, 32; XII, 23.

[2]) Напр IV, 32; XI, 14.

[3]) Folga—облегченіе, послабленіе.

венное значеніе всякаго преступленія; преступленіе, какъ „кривда", не игнорируется, не забывается законодателемъ, но мало по малу отступаетъ на второй планъ въ виду довольно опредѣленнаго сознанія его общественнаго значенія. И въ новомъ Статутѣ мы находимъ многія положенія, доказывающія, что и до сихъ поръ еще не забытъ старый взглядъ на преступленіе, какъ на дѣйствіе, имѣющее значеніе частное, только для тѣхъ лицъ, кто въ немъ непосредственно заинтересованъ. Частный способъ вчинанія исковъ уголовныхъ господствуетъ, но преслѣдованіе важнѣйшихъ преступленій составляетъ обязанность вряда; допускается по прежнему довольно значительный произволъ при наказаніи преступника, которое весьма часто ставится въ полную зависимость отъ воли потерпѣвшаго или какихъ нибудь другихъ случайныхъ обстоятельствъ [1]); но слѣды такого произвола мы находимъ и въ правѣ народовъ болѣе развитыхъ: одни и тѣ же факты имѣютъ различный смыслъ въ зависимости отъ того, какое значеніе и мѣсто занимаютъ они въ цѣлой системѣ права, и если возможность примиренія обиженнаго съ обидчикомъ во время господства мести, несомнѣнно, слѣдуетъ разсматривать, какъ одно изъ проявленій господства частноправнаго взгляда на преступленіе, то, напротивъ, совсѣмъ другое значеніе имѣетъ то дозволеніе современнаго намъ права, въ силу котораго возбужденіе преслѣдованія и примѣненіе наказанія за нѣкоторыя преступленія также предоставлено на усмотрѣніе потерпѣвшаго [2]). Мы, конечно, не желаемъ и не можемъ истолковывать дозволеніе примиренія преступника съ потерпѣвшимъ, даваемое третьимъ Статутомъ, въ томъ же смыслѣ, какъ оно понимается въ настоящее время; этимъ сопоставленіемъ мы хотимъ только рельефнѣе показать, какъ одинаковыя положенія получаютъ различный смыслъ въ зависимости отъ общаго духа права: одно значеніе и одинъ смыслъ имѣетъ постановленіе перваго Статута: „теж коли бы хто о злодейство або о которое иное злочинство на каранье або на смерть врадом права посполитого вказан былъ, а в томъ караньи шию свою пенязми откупит, або ся от того каранья або от шии страченя через приятелей своих, або гостей, пословъ, панов выпрохан былъ або выправенъ" [3]); другой смыслъ

[1]) Напр. XI, 12; XIV, 29 и мн. др.

[2]) См. *Таганцева*, Лекціи по рус. уголов. праву, изд. 1887 г., в. I, 39; *Фойницкаго*, Ученіе о наказаніи, изд. 1889 г., стр. 6.

[3]) См. Перв. Ст. VII, 30.

получаютъ соотвѣтствующіе такимъ постановленіямъ факты, если мы встрѣчаемся съ ними уже не въ XVI, но въ XVIII столѣтіи [1]); въ послѣднемъ случаѣ это скорѣе свидѣтельствуетъ о всегдашней необходимости смягченія въ нѣкоторыхъ случаяхъ строгихъ требованій закона.

Какъ бы то ни было, отношенія между преступникомъ и потерпѣвшимъ даже и въ концѣ изучаемаго столѣтія сохранили еще въ значительной мѣрѣ свой прежній договорный характеръ. Въ третьемъ Статутѣ мы наблюдаемъ довольно любопытное явленіе: законодатель множество разъ повторяетъ, что преступленіе есть дѣйствіе общевредное и общеопасное, что преступникъ долженъ быть пойманъ и наказанъ, что наказаніе должно послужить для него возмездіемъ за его „злые вчинки“ и „сваволъство“; но рядомъ съ этимъ по прежнему разрѣшаются разныя сдѣлки между преступникомъ и потерпѣвшимъ; „еднанье“ дозволяется и даже охраняется закономъ (за нарушеніе еднанья положенъ опредѣленный штрафъ); преступникъ и потерпѣвшій могутъ войти въ опредѣленное соглашеніе между собой, и не только до того времени, пока не начато еще судебное преслѣдованіе виновнаго, но даже и послѣ—примиреніе возможно и во время суда („пока судъ намышляется“), и послѣ постановленія судебнаго приговора (за немногими исключеніями) [2]). Путемъ соглашенія можетъ быть совершенно измѣнено или отмѣнено то наказаніе, которое Статутъ назначаетъ въ томъ или другомъ случаѣ.

Всѣ эти и подобные факты доказываютъ устойчивость взглядовъ, унаслѣдованныхъ отъ прежняго времени, когда интересамъ потерпѣвшаго придавалось первенствующее значеніе; но въ нихъ замѣчается и нѣчто поучительное: „исторія древнихъ законодательствъ“, говоритъ Прейсъ [3]), „свидѣтельствуетъ, что правовое сознаніе человѣчества болѣе молодого, дѣйствовавшаго подъ непосредственнымъ вліяніемъ чувства, менѣе ученаго, но болѣе реальнаго, чѣмъ совре-

[1]) Въ городѣ Ковлѣ въ 1704 году отмѣненъ былъ смертный приговоръ „ad instantiam почтенныхъ особъ, а именно: ксендза Тржесніовскаго, настоятеля приходского ковельскаго костела, а также велебныхъ отцевъ настоятелей церкви Благовѣщенской и церкви соборной—отца Луки и отца Василія, также пана Зелинскаго и многихъ, собравшихся въ ратушѣ людей, достойныхъ уваженія“. См. *Антоновича*, Монографіи по исторіи зап. и юго-зап. Россіи, т. I, стр. 177.

[2]) См, IV, 25, 54; XI, 56 и мн. др.

[3]) См. *Савича*, „О конгрессѣ международнаго общества криминалистовъ“, Юридич. лѣтопись, 1891 г., № 10, стр. 269.

менное, обезпечивало пострадавшему отъ посягательства лицу большее удовлетвореніе, сравнительно съ тѣмъ, которое предоставляемъ ему мы, и давало началу вознагражденія за вредъ, причиненный посягательствомъ, болѣе дѣйствительное, чѣмъ нынѣ, осуществленіе". Какъ бы ни относилось юное общество къ преступленію, во всякомъ случаѣ оно не можетъ и не станетъ относиться хладнокровно къ огражденію интереса частнаго, правъ и требованій пострадавшихъ отъ преступленія лицъ, во имя охраны соціальнаго порядка, во имя защиты не столь непосредственнаго интереса государства, нарушаемаго преступникомъ и преступленіемъ. Много еще потребовалось умственной работы, чтобы восторжествовало (быть можетъ, столь же крайнее) убѣжденіе нашего времени, вслѣдствіе котораго интересы частнаго лица иногда игнорируются во имя интересовъ государственныхъ. Новые взгляды развиваются медленно, шагъ за шагомъ, и съ такой же постепенностью вымираютъ и уступаютъ имъ мѣсто взгляды старые.

Слѣдуетъ признать значительнымъ успѣхомъ уже то одно, что новый (третій) Статутъ, въ противоположность старому, хотя теоретически (и только отчасти практически), но все же таки выдвинулъ *на первый планъ* и призналъ въ принципѣ общественную сторону всякаго преступленія.

Преступленіе есть не только наказуемое посягательство на норму права въ ея реальномъ бытіи, но и посягательство вмѣняемое, предполагающее присутствіе извѣстныхъ условій нормальной психической дѣятельности преступника и являющееся результатомъ его виновности [1]). Гдѣ нѣтъ на лицо всѣхъ указанныхъ условій, тамъ нѣтъ и отвѣтственности за совершенное. Но далеко не такъ смотрѣли на преступленіе во времена прошедшія: исторія уголовнаго права, какъ извѣстно, начинается съ чисто объективнаго взгляда на преступленіе; всякій матеріальный вредъ, всякое матеріальное зло, причиненное кому нибудь, вызываетъ реакцію со стороны потерпѣвшаго и, подобно тому какъ дитя бьетъ камень, о который оно ударилось, такъ и первобытный человѣкъ въ слѣпомъ раздраженіи преслѣдуетъ своего „шкод-

[1]) См. *Таганцева*, Лекціи по рус. угол. праву, в. I, стр. 67; в. II, стр. 626—627.

ника", не обращая никакого вниманія на его субъективную виновность въ совершенномъ [1]).

Литовскій Статутъ, даже въ своей первой редакціи, безспорно принадлежитъ уже къ памятникамъ той эпохи, когда опредѣленное психическое состояніе преступника начинаетъ признаваться однимъ изъ важныхъ условій опредѣленія наказанія за то или другое преступленіе, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе существенное значеніе и привлекаетъ къ себѣ все большее и большее вниманіе законодателя. Размѣръ наказанія, по общему правилу, опредѣляется не только послѣдствіями преступленія, но и внутренней виновностью преступника; одни и тѣ же послѣдствія разсматриваются различно и облагаются различными наказаніями въ зависимости отъ внутренней стороны дѣянія; субъективная невинность или невмѣняемость преступника очень часто совершенно устраняетъ всякую отвѣтственность за совершенное, хотя въ другихъ случаяхъ оно и можетъ повлечь за собой довольно строгое взысканіе; наоборотъ, различныя послѣдствія при одинаковой виновности преступника не оставляются безъ вниманія, но со своей стороны вліяютъ извѣстнымъ образомъ на опредѣленіе размѣра наказанія [2]).

Приступая къ разсмотрѣнію относящихся сюда постановленій Литовскаго Статута, мы должны замѣтить, что во многихъ случаяхъ, въ виду переходного характера эпохи, весьма трудно уловить, что собственно привлекаетъ вниманіе законодателя: внѣшній ли составъ преступленія, или особая напряженность злой воли преступника? Выдѣляя, напримѣръ, убійство отца или матери въ особое преступленіе и облагая его болѣе высокимъ наказаніемъ, имѣлъ ли въ виду законодатель тѣ особенныя отношенія, которыя существуютъ между родителями и дѣтьми, и вслѣдствіе которыхъ убійство отца или матери можетъ указывать на высшую степень безнравственности и напряженности злой воли преступника, почему преступленіе этого рода вызываетъ у всякаго бо́льшее негодованіе, чѣмъ убійство

---

[1]) Противоположнаго воззрѣнія держится Wilda. Его доводы, впрочемъ, не могутъ опровергнуть взгляда, изложеннаго выше и установленнаго Rogge еще въ 20-мъ году настоящаго столѣтія. См. *Таганцева*, Курсъ рус. уг. права, 1879 г., отд. III, стр. 2—3. *Сергѣевича*, Лекціи по ист. рус. права, 1890 г., стр. 483 и слѣд.

[2]) Напр. Перв. Ст. VII, 8, 14, 15, 16, 23; XIII, 20 и др.; или VII, 9; XIII, 1 и мн. др.

обыкновенное,—или же законодатель обращалъ все вниманіе на внѣшній составъ преступленія и имѣлъ въ виду охрану семейнаго строя, поддержаніе отеческой власти? Всѣ подобные вопросы требуютъ тщательнаго разсмотрѣнія, чтобы не приписать законодателю того, о чемъ онъ не думалъ и чего онъ совершенно не имѣлъ въ виду, устанавливая извѣстное правило. Ихъ нужно изслѣдовать въ связи съ другими сходными постановленіями и общимъ духомъ законодательства: нельзя мѣрить современнымъ аршиномъ того, что создано четыре вѣка тому назадъ [1]).

Итакъ, какіе факты свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что Литовскій Статутъ, даже въ его первой редакціи, по общему правилу обращаетъ серьёзное вниманіе на субъективную виновность и вмѣняемость преступника? Какое значеніе придаетъ имъ законодатель и какъ понимаетъ ихъ?—Болѣе обстоятельный отвѣтъ на предложенные вопросы читатель найдетъ ниже [2]); здѣсь же достаточно будетъ сдѣлать только нѣсколько предварительныхъ замѣчаній и указать только на нѣсколько фактовъ, которые могутъ показать, какъ постепенно въ этомъ отношеніи развивались взгляды законодателя въ теченіе всего XVI столѣтія.

Что касается перваго Статута, то слѣдуетъ отмѣтить:

а) Преступленіе не влечетъ за собой никакого наказанія, если оно совершено вслѣдствіе необходимой обороны или крайней необходимости, по приказанію пана или съ дозволенія закона [3]).

б) Обыкновенное наказаніе увеличивается, если существуютъ обстоятельства, выражающія, по мнѣнію законодателя того времени, особенную напряженность злой воли или особенную испорченность преступника. Сюда относятся: повтореніе преступленій, преодолѣніе особыхъ препятствій при совершеніи преступленія, особое отношеніе субъекта преступленія къ своей жертвѣ, степень умышленности, способъ дѣятельности, степень соучастія [4]).

---

[1]) Нѣкоторыя соображенія по этому поводу можно найти у *Колоссовскаго*, Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію Ал. Мих., Архивъ историч. и практическихъ свѣдѣній Калачова, 1859 г., кн. 3.

[2]) См. ниже главу пятую (о примѣненіи наказанія).

[3]) См. Перв. Ст. VII, 4, 5, 16, 26; VIII, 16; XIII, 20, 21; XII, 15; VII, 18, 19; IX, 1; VII, 3; XI, 13.

[4]) Напр. Перв. Ст. XIII, 1; XIII, 10; VII, 14, 15; VII, 8, 29; IX, 1, 18; VII, 19.

Пропуски перваго Статута дополняются частью во второмъ, частью въ третьемъ: появляются отсутствовавшія прежде опредѣленія о возрастѣ и душевныхъ болѣзняхъ [1]). Конечно, взглядъ законодателя, выражающійся въ классической фразѣ: „ни хто ни отъ кого в невинъности своей терпеть не повиненъ“ [2])—значительно тормозитъ неуклонное слѣдованіе и примѣненіе основныхъ началъ вмѣненія во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ; однако развивающееся сознаніе этихъ началъ побуждаетъ законодателя по возможности примирить и согласить между собой встрѣчающіяся противорѣчія: случайное убійство, влекущее за собой по первому и второму Статуту кромѣ уплаты головщины еще опредѣленное публично-уголовное наказаніе (уплату вины, тюремное заключеніе), признается въ третьемъ Статутѣ неподлежащимъ никакому другому наказанію кромѣ уплаты головщины—фактъ особенно интересный въ виду усилившейся строгости закона въ отношеніи къ обыкновенному убійству [3]). Приведенный примѣръ заслуживаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Въ первомъ Статутѣ различается убійство „въ звадѣ“ отъ убійства „которою пригодою“; но какъ то, такъ и другое уравнивается по наказанію [4]). Очевидно, отличая случай, какъ возможность полнаго отсутствія злой воли, законъ не придаетъ этому никакого значенія; здѣсь еще старый взглядъ: одни результаты, стало быть, и одинаковая виновность и наказуемость; потерпѣвшему нисколько не легче отъ того, что онъ потерпѣлъ отъ случая, а не отъ неосторожности; онъ требуетъ вознагражденія, и законъ удовлетворяетъ его. Этотъ мотивъ совершенно ясно выраженъ законодателемъ въ другомъ мѣстѣ: „Теж коли бы хто о рану другого позвалъ, а он позваный менилъ: жем тя ранил не вмыслне, а брал бы ся тот позваный на довод. Мы бачечи, иже где никому рана мела не винна быти, уставляемъ и сказуем: тые раны жалобнику мают плачоны быти“ [5]). Въ этомъ видны остатки частноправнаго взгляда на преступленіе и наказаніе; при такомъ взглядѣ, понятно, законодателю не было никакой надобности го-

---

[1]) См. Вт. Ст. XIV, 8; Трет. Ст. XI, 35; XIV, 11; I, 4; IV 105.

[2]) Трет. Ст. XI, 24.

[3]) Ср. Перв. Ст. XII, 29; Вт. Ст. XI, 27; Трет. Ст. XI, 23.

[4]) См. Перв. Ст. VII, 29.

[5]) Перв. Ст. VII, 25.

ворить о случайности дѣянія; о ней первый Статутъ нигдѣ больше и не упоминаетъ.

Во второмъ Статутѣ въ отношеніи къ уголовному праву о случайности дѣянія говорится столь же мало, какъ и въ первомъ [1]). Напротивъ, въ области гражданскаго права о ней упоминается неоднократно. Разсмотримъ относящіяся сюда мѣста кодекса.

Законодатель различаетъ тѣхъ, „которые маетности своей на збыткохъ марнѣ тратили и за таковыми збыточными тратами въ долги попали", отъ тѣхъ, „которые въ долги пришли и въ убозство попали зъ Божъего допущенья; то есть, если бы огнемъ погорѣли або маетности ихъ стонули, албо бы отъ разбою отъ непріятеля нашого забрани были, або хто бы тежъ для Речы Посполитое ку утратѣ у въ убозство пришолъ"; только послѣднимъ могутъ быть выданы „листы желѣзные", дающіе отсрочку (до трехъ лѣтъ) въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ [2]). „Хто бы мѣлъ речи въ себе якіе кольвекъ рухомые въ заставѣ або у схованью, а тые бы речи съ пригоды огнемъ погорѣли або покрадены (были), тогды маеть быти воленъ" [3]). Составленіе завѣщанія („тестамента") „у пригодѣ" могло быть и безъ соблюденія всѣхъ необходимыхъ формальностей [4]). Нашедшій случайно кладъ на чужой землѣ получаетъ половину найденнаго, въ то время какъ „хто бы умыслнѣ на чужой земли кладу искалъ и нашолъ, тогды маеть, што будеть найдено, все тое отдати (тому), чій кгрунтъ естъ" [5]).

Всѣ приведенные случаи доказываютъ, что законодатель смотритъ собственно на случайность дѣянія, какъ на обстоятельство, дающее право на извѣстное снисхожденіе, на извѣстное уклоненіе отъ тѣхъ общихъ нормъ, которыми регулируются отношенія гражданъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Чѣмъ же, спрашивается, объяснить, что въ вопросахъ уголовнаго права законодатель все еще придерживается стараго взгляда? Почему случайное убійство по прежнему влечетъ за собой какъ штрафъ въ

---

[1]) Вт. Ст. XI, 27, 28.

[2]) Вт. Ст. I, 23.

[3]) Вт. Ст. VII, 22.

[4]) Ibidem VIII, 3.

[5]) Ibidem IX, 20; ср. также VI, 9.

пользу потерпѣвшаго, такъ и публично-уголовное взысканіе (тюремное заключеніе)? Стало быть, признается виновнымъ и случайный убійца, какъ обязанный не только удовлетворить потерпѣвшаго (это еще можно бы было объяснить тѣмъ положеніемъ, что „нихто въ невинности своей терпѣти не маеть"), но и несущій опредѣленное личное наказаніе (тюремное заключеніе)? Но, вѣдь, это противорѣчитъ хотя бы тому, что утратившій „пригодою" отданныя на сохраненіе вещи признается свободнымъ отъ уплаты „шкодъ" собственнику этихъ вещей?

Указанныя недоразумѣнія, кажется, слѣдуетъ объяснить такъ: хотя законодатель уже различаетъ довольно ясно степени отношенія воли къ совершаемому дѣянію; хотя случай, какъ полное отсутствіе воли, не можетъ быть поставленъ въ вину физическому исполнителю даннаго дѣйствія; но въ предыдущій періодъ оцѣнки преступленія съ точки зрѣнія потерпѣвшаго установился взглядъ, что и случайное преступленіе наказуемо; и вотъ, какъ отголосокъ этого взгляда, какъ форма, лишенная уже своего настоящаго содержанія, сохраняется это положеніе и въ послѣдующее время: въ исторіи подобныя явленія встрѣчаются нерѣдко; „формы права консервативны и сохраняются долго послѣ того, какъ исчезло ихъ содержаніе, задерживая дальнѣйшее развитіе права" [1]).

Третій Статутъ, изданный черезъ 22 года послѣ второго, дѣлаетъ первый шагъ въ новомъ направленіи: случайность дѣянія устраняетъ отвѣтственность, публично-уголовнаго наказанія не полагается никакого; остается только штрафъ въ пользу потерпѣвшаго (удовлетвореніе потерпѣвшаго за „кривду") или его родственниковъ; устранить этотъ штрафъ законодатель все еще не рѣшается, „кгды жъ ни хто ни отъ кого в невинъности своей терпеть не повиненъ". Такимъ образомъ случайное убійство влечетъ за собой уплату головщины, случайное нанесеніе раны—уплату навязки [2]). Впрочемъ, въ преступленіяхъ болѣе легкихъ случай вполнѣ снимаетъ всякую отвѣтственность за содѣянное: освобождается отъ наказанія тотъ, кто „зъ якое пригоды пожаръ (въ лѣсу) пустилъ" [3]).

---

[1]) См. *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи рус. права, стр. 3.

[2]) Трет. Ст. XI, 7, 15, 23, 24; XII, 7.

[3]) Ibidem X, 13, 17. Ср. также XI, 7: головщина не платится, если ее некому платить.

Нѣкоторый спеціальный интересъ представляетъ постановленіе Статута о случайномъ нанесеніи раны.

Первый Статутъ опредѣляетъ: „Теж коли бы хто о рану другого позвалъ, а он позваный менилъ: жем тя ранил не вмыслне, а брал бы ся тот позваный на довод. Мы бачечи иже где никому рана мела не винна быти, уставляемъ и сказуем: тые раны жалобнику мают плачены быти". Почти буквально то же самое находимъ мы и въ Статутахъ второй и третьей редакціи [1]). Стало быть, законодатель относится къ случайному нанесенію ранъ совершенно одинаково какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ столѣтія? Стало быть, въ этомъ случаѣ не обращается *никакого* вниманія на условія виновности: ранившій платитъ навязку за раны только лишь на томъ основаніи, что есть потерпѣвшій, который „в невинъности своей терпеть не повиненъ"?—Какъ на тотъ, такъ и на другой вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Конечно, интересы потерпѣвшаго нарушены, онъ требуетъ удовлетворенія, и законодатель признаетъ это требованіе. Но какая разница между тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ приведенное постановленіе въ Статутѣ первомъ и въ Статутахъ послѣдующихъ! Старый Статутъ назначаетъ одно опредѣленное наказаніе какъ за случайное, такъ и за умышленное нанесеніе ранъ: виновный и въ томъ, и въ другомъ случаѣ платитъ потерпѣвшему навязку за раны [2]); иначе относится къ этому Статутъ третій: виновный въ умышленномъ нанесеніи обыкновенныхъ ранъ платитъ потерпѣвшему навязку и подвергается тюремному заключенію (на 6 недѣль); для виновнаго же въ случайномъ нанесеніи ранъ оставлено одно прежнее наказаніе, т. е. здѣсь послѣдній случай признанъ болѣе легкимъ, заслуживающимъ смягченнаго наказанія [3]). Такъ измѣняется характеръ однихъ и тѣхъ же фактовъ въ зависимости отъ того, какое значеніе и какое мѣсто занимаютъ они среди другихъ однородныхъ постановленій и въ общей системѣ права.

Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что все только что сказанное нами о значеніи случайности дѣянія, хотя и достаточно ясно показываетъ, въ какой степени успѣли въ теченіе столѣтія измѣниться взгля-

---

[1]) Ср. Перв. Ст. VII, 25; Вт. Ст. XI, 28; Трет. Ст. XI, 24.

[2]) Напр. ср. Перв. Ст. III, 14 и VII, 25.

[3]) Ср. Трет. Ст. XI, 10, 24, 27.

ды законодателя на значеніе субъективнаго момента преступленія, но еще не даетъ намъ полной возможности уловить руководящую мысль закона: въ навязкѣ за случайное пораненіе перваго Статута довольно трудно опредѣлить, что̀ собственно слѣдуетъ отнести здѣсь на счетъ непониманія законодателемъ того, что у виновнаго въ этомъ дѣяніи отсутствуетъ злая воля и злой умыселъ, и что̀ слѣдуетъ приписать вліянію взгляда, „иже где никому рана мела не винна быти“, вслѣдствіе котораго законодатель не рѣшается еще отмѣнить той части взысканія, какая идетъ въ пользу потерпѣвшаго, хотя и признаетъ въ принципѣ указанное дѣяніе ненаказуемымъ (какъ это, дѣйствительно, и выражается въ однородномъ постановленіи третьяго Статута).

Гораздо яснѣе и опредѣленнѣе выступаютъ особенности Л. Статута въ разсматриваемомъ отношеніи, если обратимся къ нѣкоторымъ другимъ постановленіямъ кодекса.

„А люди шаленые, которые за допущеньемъ божимъ отъ розуму отъшедши звыкли людемъ раны задавати а часомъ и забойства чинити, тогды таковые если будутъ мети маетность, отъ приятелъ и слугъ своихъ в замкненью моцномъ и за сторожою доброю, звлаща кгды в томъ явне черезъ врядъ узнаны будуть, хованы быти мають, а убогихъ шаленыхъ людей врядъ нашъ местский, гдѣ ся то трафитъ, а на именьяхъ князскихъ панъскихъ сами панове албо ихъ врядники въ везенью задерживати повинъни. А пакли бы шаленый з везенья вырвавшися кого забилъ албо ранилъ, тогды за забитого у вежи на дне рокъ и шесть недель, а за раны у льжейшомъ везенью полъ рока седети маеть. А где бы хто такому шаленому брони додалъ альбо его ку збытку словы побудилъ, тогды тотъ самъ водлугъ важности выступку за то утерпети повиненъ будеть. Такъ же где бы хто шалевши а за ся ку здоровью и розуму зуполному пришолъ, а потомъ бы ся то ему отновило, же бы за ся почалъ шалети и в томъ шаленъстве кого забилъ, тогды такий вжо горъломъ и заплатою головщизны каранъ будеть, бо тотъ ведаючи до себе такий припадокъ, повиненъ около себе опатръность и сторожу мети и меръне ся ховати“ [1]).

[1]) См. Трет. Ст. XI, 35. Вопреки совершенно ясному смыслу даннаго артикула проф. Кистяковскій говоритъ, что „по Литовскому Статуту 1588 г. сумасшествіе не избавляло отъ смертной казни за совершеніе убійства во второй разъ“. См. *Кистяковскаго*, Изслѣдованіе о смертной казни, изд. 1867 г., стр. 103.

Ни первый, ни второй Статутъ ни слова не говорятъ о значеніи душевныхъ болѣзней въ области уголовнаго права. Приведенное постановленіе впервые встрѣчается только въ третьей редакціи кодекса, и тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что даже въ концѣ XVI столѣтія сумасшествіе признавалось обстоятельствомъ, устраняющимъ виновность и наказуемость, только въ менѣе важныхъ случаяхъ; за болѣе же тяжкія преступленія „шаленый" подлежалъ отвѣтственности хотя и нѣсколько смягченной.

Подобно этому и постановленія о возрастѣ впервые встрѣчаются только въ Статутѣ второй и третьей редакціи: малолѣтній преступникъ подлежитъ смягченной отвѣтственности; даже въ случаѣ повторенія преступленій малолѣтній „злодей" наказывается „не горъломъ, але якимъ караньемъ на теле" [1]).

Если такъ относятся къ основнымъ условіямъ вмѣненія Статуты второй и третьей редакціи, то тѣмъ болѣе мы должны ожидать этого отъ Статута первой редакціи, который и въ другихъ отношеніяхъ представляетъ сравнительно съ ними низшую степень развитія. Итакъ, въ вопросѣ о вмѣненіи даже третій Статутъ еще далеко не свободенъ отъ колебаній, примѣръ которыхъ мы имѣемъ и въ только что приведенномъ постановленіи Статута (сумасшедшій подвергается тюремному заключенію); однако, безспорно, сравнительно со старымъ Статутомъ нельзя не замѣтить значительнаго шага впередъ [2]), рѣзкій примѣръ котораго представляютъ постановленія о случайномъ убійствѣ: по первому и второму Статуту виновный въ случайномъ убійствѣ

[1]) Вт. Ст. XIV, 8; Трет. Ст. I, 3; XIV, 11.

[2]) Болѣе полное пониманіе того значенія, какое имѣетъ сознаніе и воля преступника при опредѣленіи состава преступнаго дѣянія и его наказуемости, не могло не отразиться и на внѣшней редакціи кодекса. Напримѣръ, редакторы второго Статута, исправляя старый кодексъ, замѣтили, что во многихъ случаяхъ при назначеніи наказанія за преступленіе необходимо указать на тѣ внутренніе мотивы, какіе руководили преступникомъ, такъ какъ при отсутствіи этихъ мотивовъ у субъекта преступленія и сами дѣянія получаютъ совсѣмъ иной характеръ. Составители перваго Статута не обратили на это вниманія, почему въ немъ и оказались довольно значительные пробѣлы. Такъ, старый Статутъ говоритъ: кто убьетъ отца—тратитъ горло и честь; въ новомъ добавлено: кто убьетъ отца „изъ якое памети"—тратитъ горло, честь и имѣніе; старый Статутъ говоритъ: если хорунжій оставитъ земянина дома или отпуститъ его со службы безъ вѣдома гетмана—тратитъ врядъ и имѣніе; новый добавляетъ: тратитъ врядъ, если будетъ доказано, что онъ „умыслнѣ оставилъ". Ср. Перв. Ст. VII, 14; II, 10 и Вт. Ст. XI, 16; II, 18. Второй Статутъ страннымъ образомъ относитъ къ обыкновенному убійству „умореніе" заключеннаго „у везеню"; третій Статутъ, напротивъ (и совершенно справедливо), видитъ въ этомъ убійство квалифицированное. Ср. Поправы Ст. стр. 206 и Трет. Ст. XI, 28.

подлежитъ публично-уголовному наказанію; въ концѣ же столѣтія случайное убійство, несмотря на расширеніе области публично-уголовныхъ наказаній, влечетъ за собой только лишь уплату штрафа въ пользу потерпѣвшаго.

II. Смѣшеніе въ Л. Статутѣ уголовныхъ воззрѣній разныхъ эпохъ.

Указанное нами развитіе основныхъ понятій уголовнаго права въ эпоху Статута выражается въ этомъ кодексѣ далеко не ясно и не безъ значительныхъ колебаній. Въ каждой редакціи его замѣтно *сосуществованіе* противоположныхъ положеній и воззрѣній различныхъ эпохъ. Это объясняется тѣмъ, что право каждой эпохи у каждаго народа создается вѣками, но въ своемъ прогрессивномъ развитіи оно тщетно стремится поспѣть за быстрымъ развитіемъ жизни, тщетно старается уничтожить анахронизмы, видоизмѣнить старыя нормы соотвѣтственно потребностямъ времени и создать новыя; да и жизнь сама не есть стройная логическая формула, въ которой нѣтъ противорѣчій: рядомъ съ новымъ существуетъ и старое, изъ нѣсколькихъ борющихся началъ неизвѣстно еще, за которымъ останется побѣда. Всѣ эти противорѣчія жизни отражаются и въ правѣ: выработанное предыдущей эпохой разрушается и на его мѣстѣ возникаетъ новое; но разрушеніе стараго и возникновеніе новаго совершается не одно послѣ другого, но вмѣстѣ, параллельно одно съ другимъ; происходитъ медленная замѣна одного другимъ, такъ что одновременно существуютъ и новое, и отживающее, противорѣчивое старое. Конечно, бываютъ моменты бо́льшихъ противорѣчій, когда старые принципы борются съ новыми, или же меньшихъ противорѣчій, когда основные принципы установлены и дѣло идетъ только о частностяхъ, о детальномъ примѣненіи новыхъ принциповъ,—но во всякомъ случаѣ противорѣчія и анахронизмы въ правѣ всегда бывали и бываютъ; въ жизни нѣтъ ничего абсолютно-законченнаго и совершеннаго.

Въ свое время и въ надлежащихъ мѣстахъ будетъ сказано съ достаточной полнотой и подробностью обо всѣхъ частичныхъ отступленіяхъ и противорѣчіяхъ изучаемаго кодекса; теперь же слѣдуетъ сдѣлать только нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, необходимыхъ для того, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи не прибѣгать къ постояннымъ оговоркамъ и указаніямъ, что то или другое основное поло-

женіе кодекса выдержано далеко не всегда, далеко не всегда проводится со всѣми логически изъ него вытекающими послѣдствіями, что новые принципы еще далеко не установились и нерѣдко въ борьбѣ уступаютъ еще старымъ.

Противорѣчія и отступленія отсюда возникающія, въ отличіе отъ противорѣчій и недосмотровъ редакціонныхъ, могутъ быть названы противорѣчіями по существу, матеріальными, такъ какъ они происходятъ не отъ недостатковъ редакціи кодекса и, слѣдовательно, не уничтожаются съ исправленіемъ или разъясненіемъ этихъ недостатковъ, но являются или какъ необходимый результатъ шаткости и неустановленности основныхъ принциповъ уголовнаго права, или вслѣдствіе непослѣдовательности въ тѣхъ частныхъ и логическихъ выводахъ, къ которымъ, съ современной точки зрѣнія, эти принципы должны были бы привести. Съ такой непослѣдовательностью мы встрѣчаемся и въ современныхъ намъ кодексахъ, но еще больше во времена прошедшія, когда наука уголовнаго права существовала еще въ зачаточномъ состояніи и не могла оказать никакой помощи при переработкѣ матеріала, который полагался въ основаніе кодекса и представлялъ громадное разнообразіе, такъ какъ заимствовался отчасти изъ обычая и обычнаго права, отчасти же изъ чужеземныхъ кодексовъ [1]). Образованный (для своего времени) законодатель являлся представителемъ новыхъ, прогрессивныхъ, передовыхъ идей, которыя

---

[1]) Да и что представлялъ изъ себя обычай того времени?—Ту же самую борьбу разнородныхъ началъ, то же несогласіе стараго и новаго, отживающаго и нарождающагося. Обычай разнился не только по мѣстности, но и по различнымъ классамъ общества; мало того: во многихъ случаяхъ обычай сталкивался съ закономъ, одна норма обычнаго права противорѣчила другой, что́ нарушало одинъ обычай—могло согласоваться съ другимъ. Естественно, при такихъ условіяхъ право часто было трудно распознаваемымъ; вслѣдствіе противорѣчія закона и обычая не признавалось судомъ то, что было согласно съ обычаемъ; существовало и одобрялось то, что противорѣчило закону; и правъ былъ законодатель, когда (въ 1522 г.) говорилъ: „justitia sola consuetudine ministrabatur, prout unicuique judicanti justius ac rectius, vel etiam corruptius videbatur, propter quod multae oriebantur querelae .." (см. *Даниловича*, Взглядъ на литов. законодательство, въ Юрид. Зап. Рѣдкина, т. I, стр. 13—16; также *Działyńskiego*, Zbiór praw Litewskich, стр. 121—123). По вопросу о разнообразіи обычнаго права и перерожденіи обычаевъ въ сферѣ семейственныхъ отношеній см. *Владимірскаго-Буданова*, Черты семейнаго права въ зап. Россіи въ половинѣ XVI вѣка. Въ уголовной сферѣ разнообразіе обычнаго права не было столь значительнымъ, но, несомнѣнно, существовало. Ср. Устав. земск. грамоты лит.-рус. государства. Ср. *Hube*, Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku, стр. 233—285.

онъ съ большей или меньшей настойчивостью стремился воплотить въ создаваемомъ кодексѣ; напротивъ, обычное право эпохи являлось очень часто отголоскомъ глубокой старины [1]). Приходилось примирять принципы самые противоположные, и безъ компромиссовъ дѣло не обходилось, да и не могло обойтись; идеи законодателя при ихъ приложеніи уступали или измѣнялись подъ вліяніемъ требованій жизни, традицій прошлаго времени и живучести обычнаго права.

Литовскій Статутъ, какъ мы знаемъ, принадлежитъ къ памятникамъ переходной эпохи въ развитіи уголовнаго права. Соотвѣтственно этому мы въ немъ находимъ немного понятій, вполнѣ установившихся. Нерѣдко встрѣчаются положенія самыя противоположныя, самыя противорѣчивыя, вытекающія изъ совершенно противоположныхъ принциповъ и основаній. Особенно много отступленій и противорѣчій въ первой редакціи кодекса, гдѣ отражается еще рѣзкая борьба противоположныхъ идей и принциповъ, въ то время какъ въ третьей редакціи принципы болѣе установлены, и дѣло идетъ только объ ихъ частичномъ примѣненіи: переходной характеръ эпохи наиболѣе рѣзко отразился въ первыхъ двухъ Статутахъ; третій Статутъ, собственно говоря, начинаетъ новую эпоху въ развитіи уголовнаго права (эпоха устрашающихъ каръ), хотя рѣзкой границы провести невозможно. Изслѣдователю необходимо отнестись къ этому весьма внимательно, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно допустить множество ошибокъ, можно даже совершенно не понять общаго характера памятника, принявъ второстепенное за главное, старое за новое, отживающее за нарождающееся.

Приведемъ нѣкоторые примѣры, отчасти извѣстные уже намъ изъ предыдущаго.

а) Преступленіе есть „шкода для Рѣчи Посполитой“; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно является „кривдой“ для потерпѣвшаго; этому соотвѣтствуетъ двойственность конструкціи различныхъ преступленій и института наказанія; въ однихъ случаяхъ перевѣсъ получаетъ первая точка зрѣнія, въ другихъ—вторая [2]).

[1]) Содержаніе свое Литовскій Статутъ въ значительной мѣрѣ заимствовалъ изъ обычнаго права; вслѣдствіе этого „wielkie jest podobieństwo do prawdy, że nie jedno rozdorządzenie statutowe... początkiem swoim jeszcze epochy przedchrześciańskiéj dosięga“. См. *Jaroszewicza*, указ. соч. I, 158.

[2]) Конечно, преступленіе, какъ нарушеніе нормы права въ ея реальномъ бытіи, всегда можетъ нарушить не только общіе интересы, но и интересы опредѣленнаго част-

б) Преступленіе есть нарушеніе закона (nullum crimen, nulla poena sine lege); но при недостаткѣ закона судъ можетъ и долженъ руководствоваться обычнымъ правомъ.

в) Преступникъ долженъ удовлетворять извѣстнымъ условіямъ вмѣненія; но „въ невинности своей никто терпѣть не повиненъ", слѣдовательно, во множествѣ случаевъ этимъ условіямъ придается самое ничтожное значеніе.

г) Наказаніе есть институтъ государственный; но рядомъ съ публично-уголовными наказаніями существуетъ (и даже господствуетъ) система композицій; кромѣ того сохраняются нѣкоторые остатки учрежденія даже болѣе древняго— мести.

д) Наказаніе должно быть строго индивидуальнымъ: „не маеть ни хто ни за кого теръпети, только кождый самъ за себе" [1]); однако во множествѣ случаевъ дѣти отвѣчаютъ за отца, жена за мужа, заступца за заступаемаго, поручитель за того, за кого поручился.

Съ точки зрѣнія нашей задачи (изучить институтъ наказанія въ Литовскомъ Статутѣ) особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на тройственность системы наказаній и происходящія отсюда ограниченія: система композицій ограничивается началами, лежащими въ основаніи наказаній публично-уголовныхъ; съ другой стороны, публично-уголовныя наказанія не достигаютъ своего полнаго развитія, пока существуетъ месть и денежныя расплаты. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ различать три рода преступленій: тѣ, въ которыхъ наказаніе является по преимуществу или исключительно публично-уголовнымъ и устрашающимъ возмездіемъ за совершенное; тѣ, въ которыхъ наказаніе преслѣдуетъ главнымъ образомъ цѣли частнаго удовлетворенія потерпѣвшаго за причиненную ему „кривду"; наконецъ, преступленія смѣшанныя, т. е. такія, въ которыхъ наказаніе соединяетъ въ себѣ черты какъ публичнаго возмездія, такъ и частнаго удовлетворенія за совершенное. Примѣромъ перваго рода преступленій могутъ служить преступленія государственныя; ко второму роду преступленій относятся преступле-

---

наго лица (причинить матеріальные убытки, нравственное страданіе и пр.); но въ настоящее время эти черты преступленія не только не производятъ двойственности въ институтахъ уголовнаго права, но даже и вообще почти никакой роли въ немъ не играютъ. См. напр. *Фойницкаго*, Ученіе о наказаніи, стр. 6, 24 и сл.

[1]) См. Перв. Ст. I, 7; Вт. Ст. I, 14; Трет. Ст. I, 18.

нія частныя, кромѣ наиболѣе тяжкихъ, составляющихъ третью группу смѣшанныхъ преступленій. Это различіе преступленій по общему характеру назначаемыхъ за нихъ наказаній необходимо всегда имѣть въ виду[1]): въ то время какъ, напримѣръ, государственныя преступленія преслѣдуются помимо жалобы потерпѣвшаго, котораго можетъ и не быть, преслѣдованіе частныхъ преступленій всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія „укривжонаго“; въ то время какъ отмѣна наказанія за государственную измѣну обусловливается помилованіемъ, примѣненіе наказанія за частныя преступленія прежде всего зависитъ отъ воли потерпѣвшаго, который можетъ примириться и простить своего обидчика. Среднее положеніе занимаютъ преступленія смѣшанныя: преслѣдованіе ихъ зависитъ отъ жалобы потерпѣвшаго, но въ опредѣленныхъ случаяхъ объ этомъ долженъ позаботиться самъ врядъ; „укривжоный“ можетъ примириться со своимъ „шкодникомъ“, но послѣдствія этого во многихъ отношеніяхъ будутъ для него крайне невыгодны.

Если принять во вниманіе всѣ указанныя различія и противорѣчія, которыя находятся въ Литовскомъ Статутѣ всѣхъ трехъ редакцій; если припомнить тѣ историческія измѣненія, какимъ подвергались основныя понятія уголовнаго права въ теченіе всего XVI столѣтія; если, наконецъ, дать себѣ отчетъ въ томъ, насколько оба только что приведенныя обстоятельства препятствуютъ точности обобщеній при одновременномъ обозрѣніи уголовнаго права всѣхъ редакцій Литовскаго Статута; то легко можно понять, какими оговорками и ограниченіями должно сопровождаться каждое общее положеніе кодекса, сколько исключеній представляетъ каждое его правило, и сколько различныхъ правилъ можно вывести изъ этой массы разнообразныхъ исключеній.

---

[1]) Особенно слѣдуетъ помнить о немъ въ тѣхъ случаяхъ, когда (напр. въ первой главѣ I-го отд.) будетъ обращено главное вниманіе на систему композицій, которая представляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особенный интересъ именно по своей характерности и по тѣмъ особеннымъ чертамъ, какія благодаря ей получаетъ весь институтъ наказанія того времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ не приходится много говорить о публично-уголовныхъ наказаніяхъ: это значило бы въ значительной степени повторять тѣ положенія, которыя существуютъ и до настоящаго времени и признаются современной наукой уголов. права.

ОТДѢЛЪ I.

Общее ученіе о наказаніи.

Глава Первая. Понятіе наказанія, объемъ и границы карательной дѣятельности.

I. Понятіе наказанія.

Правовой порядокъ всякаго общества, созданный вѣками, утвержденный обычаемъ и закономъ, освященный религіей и моралью, всегда вызывалъ двоякую дѣятельность общества (государства) для своего охраненія: съ одной стороны, правонарушенія предупреждались или ихъ вредныя послѣдствія устранялись мѣрами объективнаго характера, съ другой стороны, для поддержанія правопорядка прибѣгали къ мѣрамъ личнаго воздѣйствія, которыя въ своей совокупности составляли содержаніе карательной дѣятельности общества (государства)[1]). Въ процессѣ историческаго развитія можно замѣтить постепенный переходъ отъ мѣръ второго рода къ мѣрамъ перваго рода; область карательной дѣятельности съ теченіемъ времени суживается и, на ея счетъ въ значительной мѣрѣ, расширяется область примѣненія мѣръ объективныхъ[2]). Такой переходъ объясняется многими причинами, изъ которыхъ главнѣйшими можно признать: постепенное развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ общества и постепенное измѣненіе общаго характера и цѣлей карательной дѣятельности.

---

[1]) Пользуемся терминологіей *Фойницкаго*, Ученіе о наказаніи, стр. 3.

[2]) См. *Garraud*, Traité théorique et pratique du droit pénal français, т. 1, стр. 52; *Jhering*, Das Schuldmoment im römischen Privatrecht, стр. 3—4, 17 и сл.; *Фойницкаго*, указ. соч., стр. 3—4.

Развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ общества находится въ самой тѣсной и непосредственной связи съ болѣе или менѣе значительнымъ примѣненіемъ объективныхъ мѣръ. Проще высѣчь, посадить въ тюрьму или отрубить голову у виновнаго въ томъ или другомъ правонарушеніи, нежели предупредить самое совершеніе преступленія или устранить его вредныя послѣдствія, не мстя преступнику, не срывая на немъ своего грубаго раздраженія по поводу совершеннаго. Бо́льшимъ духовнымъ развитіемъ общества обусловливается и бо́льшее пониманіе субъективнаго момента преступленія; соотвѣтственно этому возрастаетъ вниманіе къ личности преступника, къ условіямъ вмѣненія и субъективной виновности и преступности дѣянія. Область примѣненія карательныхъ мѣръ суживается вслѣдствіе устраненія отвѣтственности многихъ категорій лицъ невмѣняемыхъ или невиновныхъ, но отвѣчавшихъ за свои поступки по уголовному праву прежняго времени (отвѣтственность за случайныя дѣянія и под.); съ другой стороны и самыя мѣры карательной дѣятельности общества (государства) теряютъ свой рѣзко-карательный характеръ: на преступника начинаютъ смотрѣть, какъ на человѣка до извѣстной степени больного, какъ на печальный результатъ извѣстныхъ соціальныхъ условій—отсутствія образованія, дурного воспитанія, порочныхъ вліяній, матеріальной нужды и пр. Наказаніе изъ орудія мести обращается въ орудіе исправленія. Но духовное развитіе общества оказываетъ вліяніе и въ другомъ направленіи: успѣхи общественныхъ наукъ и развитіе способности и средствъ наблюденія надъ жизнью обществъ облегчаютъ отысканіе общественныхъ причинъ преступности и средствъ для борьбы съ нею: указать причины явленія—значитъ указать вмѣстѣ съ тѣмъ и средства для его воспроизведенія или предупрежденія.

Не слѣдуетъ изъ сказаннаго дѣлать вывода, что объективныя мѣры до нашего времени не играли никакой роли въ борьбѣ съ преступностью. Напротивъ, свое начало онѣ ведутъ съ древнѣйшихъ временъ[1]); но только въ послѣднее время получили болѣе широкое

---

[1]) Что касается, въ частности, эпохи Статутовъ, уже въ первой его редакціи мы встрѣчаемъ постановленія въ родѣ слѣдующаго: „Тежъ уставляем и приказуем воеводамъ и старостамъ и всим державцамъ нашимъ великого князства Литовского, абы недопущали корчомъ варити покутных (т. е. варить медъ въ частныхъ корчмахъ) на местцехъ не слушных..., бо черезъ таковые корчмы много ся злодейства чинит и теж плат наш

примѣненіе, такъ какъ только въ послѣднее время для этого нашлись у государства достаточныя матеріальныя средства. Примѣненіе объективныхъ мѣръ борьбы съ преступленіемъ требуетъ громадныхъ капиталовъ. Проще, повторяемъ, и дешевле наказать преступника, чѣмъ озаботиться о предупрежденіи преступленія созданіемъ школъ, поднятіемъ народнаго образованія и благосостоянія. Милліоны, которые тратитъ современное государство въ указанныхъ цѣляхъ, были не подъ силу при общей бѣдности, при малонаселенности и сравнительной обширности территоріи древняго государства. Къ тому же расходованіе болѣе или менѣе значительныхъ суммъ для цѣлей общественной безопасности не казалось тогда столь необходимымъ, какъ въ настоящее время: преступленіе разсматривалось какъ дѣло частное; наказаніе также прежде всего преслѣдовало цѣли частнаго удовлетворенія потерпѣвшаго; вслѣдствіе этого область примѣненія субъективныхъ мѣръ личнаго воздѣйствія могла расширяться до крайности, и не такъ чувствовалась потребность въ мѣрахъ объективныхъ.

Дѣйствительно, обращаясь къ самой карательной дѣятельности, нельзя не замѣтить, что въ современныхъ понятіяхъ наказаніе отличается такими чертами, какія дѣлаютъ немыслимымъ его приложеніе въ массѣ тѣхъ случаевъ, въ какихъ оно раньше примѣнялось, какъ необходимое и естественное послѣдствіе правонарушенія, и что, слѣдо-

---

Господарскій уменшается“ (см. Перв. Ст. III, 17). Подобныя же постановленія находятся и въ послѣдующихъ редакціяхъ кодекса, напримѣръ: „Ижъ нѣкоторые станы люди можные звыкли приежджати до судовъ и врядовъ нашыхъ з великими почты слугъ и приятелъ своихъ, за чимъ тежъ многіе розницы, розрухи и своволенъства межи людьми деютсе, а убожъшымъ людемъ и о господы, а о покой передъ таковыми трудно бываеть. Про то уставуемъ и такъ мети хочемъ, абы на роки земъские и рочки гродские, такъ же и до судовъ подъкоморскихъ и комисарскихъ нихто якогожъ кольвекъ стану и достоеньства з великими непотребными почты слугъ и приятелъ своихъ, такъ же збройне и з гайдуками або драбы не приежъджалъ, одно в почъствѣ меръномъ, скромномъ, такой справе уживанью справедливости святое пристойномъ и потребномъ“ (см. Трет. Ст. IV, 52). „Ижъ цыгани суть люди непотребные и порожнуючые, которые не толко жадное послуги пожытку намъ и ни кому в речы посполитой нечинятъ, але и овшемъ шкода черезъ нихъ въ ошукиванью простыхъ людей и въ крадежы, а снать и въ збиванью патаемномъ не малая ся деетъ, а часомъ выходечы до иншихъ земель, звлаща непріятельскихъ, шпекгами (лазутчикъ, шпіонъ) и вожами до злого могли бы ся ставати, а про то уставуемъ, абы ихъ конечно отъ того часу нигде въ панъстве нашомъ великомъ князьстве литовъскомъ и в земляхъ до него належачыхъ далей не было ховано“... (Трет. Ст. XIV, 35. См. также ibid. III, 3; IV, 53; XII, 24; XIV, 4, 8, 33, и др.).

вательно, въ самомъ развитіи понятія о наказаніи заключаются важныя основанія для постепеннаго сокращенія области его примѣненія

Если не принять въ соображеніе исторической измѣнчивости этого понятія, то, изслѣдуя институтъ наказанія даже не очень отдаленнаго прошлаго, легко можно оставить безъ вниманія большую или меньшую часть мѣръ, которыя въ свое время разсматривались какъ наказаніе и которыя, несомнѣнно, носили въ себѣ нѣкоторыя черты наказанія въ современномъ смыслѣ этого слова. Мы знаемъ, что въ извѣстныя эпохи развитія уголовнаго права господствующей формой наказанія являлись денежныя пени, штрафы въ пользу потерпѣвшаго или въ пользу общественной власти. Въ настоящее время такіе штрафы въ пользу потерпѣвшаго отъ преступленія, какъ несогласные съ общимъ характеромъ института наказанія, существуютъ только въ видѣ исключенія (Busse германскаго права, безчестье русскаго права и под.). Криминалисты, вполнѣ послѣдовательно проводящіе взглядъ на наказаніе, какъ на институтъ государственный, выключаютъ эти штрафы изъ области наказанія и ставятъ ихъ въ числѣ другихъ юридическихъ послѣдствій преступленія (рядомъ съ вознагражденіемъ за вредъ и убытки отъ преступленія) [1]). Но было бы большой ошибкой стать въ подобное же отношеніе къ денежнымъ пенямъ прежняго времени; современному понятію наказанія нѣтъ мѣста въ прошломъ, и свойственныя ему нынѣ черты проходили свои опредѣленныя стадіи развитія.

Съ современной точки зрѣнія наказаніе есть институтъ государственный; оно налагается государственной властью въ интересахъ публичныхъ Но исходнымъ моментомъ въ исторіи наказанія была месть, личная расправа обиженнаго съ обидчикомъ. Прежде чѣмъ совершился переходъ отъ одной крайности къ другой, институтъ наказанія прошелъ черезъ множество промежуточныхъ стадій развитія: сперва самъ обиженный при помощи своего рода мстилъ своему

---

[1]) См. *Таганцева*, Лекціи по рус. уголов. праву, в. III, стр. 1009 и сл. Фойницкій, напротивъ, помѣщаетъ, буссу и безчестье въ ряду имущественныхъ наказаній (конфискація, денежные штрафы), хотя и называетъ ихъ наказаніями гражданскими". См. *Фойницкаго*, указ. соч., стр. 184—185.

обидчику [1]); потомъ общество начало контролировать эту месть, установило ея обязательность и дало ей опредѣленныя формы [2]); потомъ государство усилило этотъ контроль, ограничило постепенно права мстителя и превратило месть въ одну изъ карательныхъ мѣръ, осуществляя которую мститель дѣйствовалъ, какъ агентъ, какъ уполномоченный со стороны государства [3]); потомъ само государство стало карать преступника, но наказаніе назначалось главнымъ образомъ въ интересахъ потерпѣвшаго, и только постепенно интересы послѣдняго были вытѣснены интересами государственными, только постепенно карательная дѣятельность проникласъ цѣлями общественной пользы и общественнаго интереса и перестала преслѣдовать цѣли удовлетворенія потерпѣвшаго за нанесенную ему „обиду“ (выраженіе Русской Правды) или за причиненную ему „кривду“ (выраженіе Литовскаго Статута).

Конечно, нельзя не замѣтить, что уже съ древнѣйшихъ временъ нѣкоторыя дѣянія, ближайшимъ образомъ затрогивающія интересы всего общества (измѣна, оскорбленіе божества и под.), вызывали противъ себя реакцію со стороны всѣхъ; захваченный и уличенный въ ихъ совершеніи немедленно погибалъ подъ ударами раздраженныхъ соплеменниковъ. Съ теченіемъ времени указанныя дѣянія сложились въ группу такъ называемыхъ публичныхъ преступленій и, соотвѣтственно ихъ общему характеру, назначаемое за нихъ наказаніе раньше всего въ своемъ развитіи пріобрѣло публичное значеніе. Можно думать, что институтъ наказанія развивался въ такомъ направленіи уже съ древнѣйшихъ временъ, и что уже въ самомъ началѣ исторіи каждаго народа, рядомъ съ общимъ и господствующимъ типомъ преступленій

---

[1]) Думаютъ, что совершенно животный характеръ месть могла имѣть лишь въ доисторическое время (bellum omnium contra omnes). Въ древнѣйшихъ памятникахъ всѣхъ народовъ она, дѣйствительно, является уже съ извѣстными ограниченіями и въ формѣ опредѣленнаго правового института. См. *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи рус. пр., стр. 255—256.

[2]) Месть составляетъ священную обязанность ближайшихъ родственниковъ убитаго; месть должна находиться въ извѣстной соразмѣрности съ вызвавшимъ ее преступленіемъ; месть должна совершаться открыто, безъ всякаго коварства; виновный не можетъ защищаться противъ мести и т. д. См. *Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, изд. 1889 г., стр. 73—74.

[3]) См. *Богдановскаго*, указ. соч., стр. 9 и сл.; *Владимірскаго-Буданова*, указ. соч., стр. 274—275.

и наказаній, существовала небольшая сравнительно группа ихъ съ преобладающимъ публичнымъ характеромъ [1]). Новѣйшіе изслѣдователи нѣмецкаго права (Maurer, Amira, Richthofen) блистательно доказали это, по крайней мѣрѣ, для уголовнаго права Германцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опровергли болѣе старые, взаимно противорѣчащіе взгляды ученыхъ, по одному изъ которыхъ (теорія господства частноправнаго начала въ древнемъ уголовномъ правѣ) во всѣхъ случаяхъ потерпѣвшему самому предоставлялось вѣдаться со своимъ обидчикомъ, по другому же (теорія господства публичнаго начала), напротивъ, всякое преступленіе влекло за собой полную потерю мира (Friedlosigkeit) [2]). Дальнѣйшее развитіе уголовнаго права въ значительной мѣрѣ заключалось въ расширеніи области *публичныхъ* преступленій и наказаній на счетъ преступленій и наказаній *частныхъ*: сначала, конечно, только наиболѣе тяжкія изъ преступленій второй категоріи перешли въ первую (отцеубійство, братоубійство и под.) [3]); потомъ то же самое случилось и съ остальными.

Такимъ образомъ въ исторіи наказанія мы необходимо должны различать два теченія, оба весьма характерныя и въ достаточной мѣрѣ другъ другу противоположныя, но во взаимодѣйствіи создавшія опредѣлен-

---

[1]) См. *Богдановскаго*, указ. соч., стр. 55, 56 и сл. Въ историческомъ развитіи уголовнаго права Гарро различаетъ три типическихъ формы, изъ которыхъ древнѣйшую („telle paraît avoir été partout la première phase de l' humanité") называетъ варварской и характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „durant la conception barbare les délits sont divisés en *délits publics*, punis de peines corporelles cruelles, et *délits privés*, poursuivis et réprimés par la victime ou sa famille..." См. *Garraud*, указ. соч., т. I, стр. 53—54.

[2]) См. *Schröder*, указ. соч., стр. 71 и сл. Отголоскомъ этихъ взглядовъ въ литературѣ исторіи русскаго права служатъ сочиненія, съ одной стороны, проф. *Богдановскаго*, который говоритъ, что „при началѣ нашей исторіи мы застаемъ еще полное господство мести и самоуправства, которыя были, вѣроятно, главными, если не единственными средствами возстановленія нарушенныхъ правъ, или возмездія за причиненное однимъ другому зло" (ук. соч., стр. 10), съ другой стороны, *Чебышева-Дмитріева*, по мнѣнію котораго „не преступленіе было чисто-частнымъ дѣломъ, а наоборотъ, гражданская неправда, подобно преступленію, вызывала противъ себя реакцію со стороны общества" (указ. соч. стр. 23, 78). Ср. *Wilda*, Das strafrecht der Germanen, стр. 270; *Du-Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр. 120 и сл.

[3]) Иллюстраціей того, какъ рано и въ какой формѣ могъ совершаться этотъ переходъ, можетъ служить фактъ изъ быта американскихъ индѣйцевъ, сообщаемый Теннеромъ: „Однажды два брата поссорились между собой, и одинъ зарѣзалъ другого. Свидѣтели этого происшествія были до того поражены имъ, сочли преступленіе до того ужаснымъ, что тотчасъ же умертвили братоубійцу". См. *Чебышева-Дмитріева*, указ. соч., стр. 25.

ную градацію карательныхъ мѣръ, въ ряду которыхъ числились не только публичныя наказанія, но и месть, и денежные выкупы [1]), при чемъ первыя значительно уступали послѣднимъ въ степени своей общеупотребительности—господствующимъ типомъ преступленій и наказаній были преступленія и наказанія частныя.

Подобныя же измѣненія происходили и въ другихъ условіяхъ наказанія, существенныхъ съ современной точки зрѣнія. Въ настоящее время наказаніе налагается на лицо, признанное судебнымъ приговоромъ виновнымъ въ преступленіи; но и въ этомъ отношеніи институтъ наказанія проходилъ опредѣленныя стадіи развитія: наказаніе постигало животныхъ и лицъ ни въ чемъ неповинныхъ, вмѣстѣ съ преступникомъ отвѣчалъ его родъ и его семья. Далѣе, наказаніе налагается теперь на основаніи закона, по приговору суда, въ соотвѣтствіи со зломъ, причиненнымъ преступникомъ; но въ первоначальную эпоху своего развитія наказаніе опредѣлялось обычаемъ и степенью раздраженія обиженнаго (потерпѣвшаго).

Итакъ, исторія наказанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія развитія самаго понятія о наказаніи. Въ этомъ развитіи можно подмѣтить одну весьма существенную черту: исторія наказанія есть переходъ его изъ области частнаго интереса въ область интереса публичнаго, есть постепенное развитіе государственности наказанія. Съ этой чертой довольно тѣсно связано другое явленіе: до новаго времени исторія наказанія была исторіей его постепеннаго сокращенія [2]). Въ самомъ дѣлѣ, пока при опредѣленіи наказанія интересъ потерпѣвшаго имѣлъ первенствующее значеніе, до тѣхъ поръ карательное начало могло проникать всѣ области права; всякое правонарушеніе, поскольку оно затрогивало интересы частнаго лица, было вмѣстѣ съ тѣмъ и

---

[1]) Только по этому и можетъ быть о нихъ рѣчь въ исторіи уголовнаго права вообще и наказанія въ частности.

[2]) См. выше стр. 33, прим. 2. Іерингъ замѣчаетъ: „wenn die Jdee des Rechts wächst, sterben die Strafen ab, der Aufwand von Strafmitteln steht im umgekehrten Verhältniss zu der Vollkommenheit der Rechtsordnung und der Reife der Völker“ (см. *Jhering*, указ. соч. стр. 67). Едва ли мысль эта можетъ быть названа вѣрной по отношенію ко всей вообще исторіи уголовнаго права; но относительно періода мести, композицій и устрашающихъ каръ она вполнѣ правильна и отмѣчаетъ общее направленіе эпохи (сокращеніе области наказуемаго правонарушенія-кривды; вымираніе жестокихъ и безцѣльныхъ казней и пр.).

обидой (кривдой) и, какъ таковое, требовало не только возстановленія нарушеннаго состоянія, но и наказанія обидчика, такъ какъ „никто въ невинности своей терпѣть не повиненъ“ [1]). Между тѣмъ понятіе обиды (кривды) по самому существу своему имѣло весьма растяжимые предѣлы. „Подобно тому какъ дитя бьетъ камень, о который оно ударилось, и даже какъ взрослый человѣкъ подъ первымъ впечатлѣніемъ боли невольно испытываетъ чувство негодованія и злости противъ ея невинной причины—чувство, которое только у необразованныхъ и вспыльчивыхъ людей слишкомъ легко проявляется во внѣшнемъ дѣйствіи,—такъ и у первобытнаго человѣка правовое чувство находится всецѣло подъ господствомъ боли (огорченія, обиды). Простое противорѣчіе уже кажется ему неправдой. Противорѣчіе есть проба для самообладанія, страсть не выноситъ его. Грубаго человѣка сердитъ даже простое разногласіе мнѣній, и онъ собственную запальчивость, вызванную этимъ разногласіемъ, оправдываетъ обвиненіемъ въ умышленной лжи; ошибочное утвержденіе является для него, какъ для ребенка, неправдой. Это наблюденіе въ равной мѣрѣ относится къ народамъ, какъ и къ индивидуумамъ. Народъ, возбужденный въ своихъ страстяхъ какой-нибудь идеей, наказываетъ простое разногласіе мнѣній; кострами и гильотинами опровергаются взгляды; ошибки, т. е. истины, которыя не по плечу массѣ, и которыхъ она не понимаетъ, считаются преступленіями. Выраженіемъ этого настроенія въ правѣ дѣтскаго періода является наказаніе для стороны, проигравшей свою тяжбу. Въ чемъ состоитъ ея преступленіе? Она утверждала нѣчто неистинное, т. е. быть можетъ нѣчто истинное, но только не могла доказать его, противная сторона отприсягнулась или судья не пожелалъ вникнуть въ ея утвержденіе. Безразлично! она неправа,—и, слѣдовательно, подлежитъ наказанію“ [2]).

---

[1]) См. выше стр. 22.

[2]) *Jhering*, Das Schuldmoment im römischen Privatrecht, стр. 8—9. Замѣчательные примѣры такого взгляда на преступленіе и наказаніе мы встрѣчаемъ неоднократно и въ Литовскомъ Статутѣ, гдѣ апелляція является обвиненіемъ суда въ умышленномъ неправосудіи, искъ—своего рода пари (часто проигравшій уплачиваетъ заранѣе установленный закладъ, или сумма иска crescit in duplum). См. Перв. Ст. VI, 1; Вт. Ст. IV, 61; Трет. Ст. IV, 37, 40, 53, 86. Вт Ст. IX, 13; XIII, 2; Трет. Ст. IV, 89; IX, 21, 22; XII 17; XIII, 2; XIV, 9 и др. Ак. Вил. Ком., т. XV, №№ 112, 136, 157, 181, 198, 256, 17, 20, 215 и др.

Насколько широка была область кривды и сфера примѣненія карательнаго начала, это лучше всего можно наблюдать на древнемъ процессѣ. Не безъ основанія думаютъ, что въ древнѣйшія времена существовалъ одинъ только уголовный процессъ; защита гражданскихъ интересовъ была предоставлена частному соглашенію и самопомощи; частноправныя притязанія подлежали суду только при ихъ безспорности и послѣ того, какъ отвѣтчикъ оказался формально неправымъ, отказавшись выполнить безспорное требованіе истца; наказаніе такой неправды, въ связи съ гражданскимъ удовлетвореніемъ истца, и составляло предметъ судебнаго разсмотрѣнія; для спорныхъ гражданскихъ притязаній судебнаго разбирательства еще не существовало [1]).

Такимъ образомъ пока наказаніе являлось удовлетвореніемъ за причиненную преступникомъ обиду (кривду), до тѣхъ поръ, при растяжимости самаго понятія обиды, область наказуемыхъ дѣяній была весьма обширной, карательное начало проникало всѣ области права.

Литовскій Статутъ слѣдуетъ признать кодексомъ общества довольно развитого, достигшаго довольно высокой, сравнительно, степени цивилизаціи [2]). Въ разсматриваемую эпоху (XVI столѣтіе) мы находимъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ прочно сложившійся государственный организмъ, развитыя формы общественности. Соотвѣтственно этому въ понятіи наказанія весьма сильно замѣчается уже элементъ его публичности, элементъ, который, какъ можно думать, проявился бы еще въ болѣе сильной степени, если бы этому не помѣшало начавшееся въ XVI в. развитіе шляхетской анархіи, благодаря которой личное начало получило ненормальное значеніе и господство, уничтожившія въ концѣ-концовъ весь правовой порядокъ и приведшія къ погибели самое государство. Нѣкоторый, регрессъ можно подмѣтить уже и въ разсматриваемую эпоху. Напримѣръ, Литовскій Статутъ расширяетъ, сравнительно съ Судебникомъ Казиміра (1468 г.) и

---

[1]) См. *Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, стр. 79 и сл.; *Löning*, Der Vertragsbruch und seine Folgen, стр. 562—578.

[2]) „Zważiwszy teraz to wszystko, co Litwa w XVI, i na początku XVII wieku, dla prawodawstwa swego zdziałała lub zdziałać chciała, ktoż wątpić będzie, że do podobnych usiłowań do tego rodzaju narodowéj działalności, nie sama praktyczna znajomość potrzeb kraju i obywatelskich stosunków, ale wyższy stopień umysłowéj kultury, koniecznie, był potrzebny". См. *Jaroszewicza*, Obraz Litwy, т. II, стр. 147.

уставными земскими грамотами, права личности (потерпѣвшаго) при примѣненіи и отмѣнѣ наказанія. Въ то время, какъ Судебникъ Казиміра категорически воспрещаетъ сдѣлки потерпѣвшаго съ обокравшимъ его „злодѣемъ", грозитъ за это наказаніемъ и въ концѣ-концовъ подтверждаетъ, что „надъ злодѣемъ милости не надобѣ", Литовскій Статутъ подобныя сдѣлки разрѣшаетъ, хотя и соединяетъ съ ними нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія для того, кто „злодея скарати не далъ" [1]). Очевидно, расширеніе личнаго произвола въ указанномъ направленіи должно быть объясняемо отнюдь не ослабленіемъ пониманія общественнаго момента преступленія, развитіе котораго (пониманія) мы намѣтили выше, но общимъ развитіемъ значенія личности, личнаго начала и личнаго произвола, которыми характеризуется вся польско-литовская исторія послѣднихъ трехъ вѣковъ самостоятельнаго существованія польско-литовскаго государства (XVI, XVII и XVIII вв.).

Въ Литовскомъ Статутѣ мы наблюдаемъ развитую систему композицій, развивающуюся систему публично-уголовныхъ наказаній и остатки мести, доживающей послѣдніе дни своего существованія. По своему преобладанію, по своему особенному характеру и по своей законченности система композицій заслуживаетъ особеннаго вниманія: господство договорнаго начала кладетъ рѣзкій отпечатокъ на всю совокупность карательныхъ мѣръ. Соотвѣтственно этому наказаніе („каранье, вина, скаранье, покута, пена, казнь—карати, винити, виновати, казнити") [2]) въ Литовскомъ Статутѣ является какъ *зло или страданіе, которое налагается въ возмездіе за совершенное преступленіе уполномоченнымъ къ тому органомъ, дѣйствующимъ на основаніи закона или обычая, и которое однакожъ прежде всего имѣетъ*

---

[1]) Ср. Судебникъ Каз., ст. 12; Устав. зем. грам. изд. *Ясинскаго*, стр. 177—178, 192; Перв. Ст. XI, 13; XIII, 6, 25; Вт. Ст. XI, 33; XIV, 10; Трет. Ст. XI, 56; XIV, 13.

[2]) См. Перв. Ст. I, 1; Вт. Ст. I, 2; IV, 39; Трет. Ст. IV, 1, 62. Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2038, № 45, листъ 278 на об.; кн. 2040, № 18, листъ 95 на об. Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 727. Ак. Зап. Р., т. II, № 7. Уст. зем. грам. въ изд. *Ясинскаго*, стр. 173 и 181. Судебникъ Казиміра, ст. 12. Чаще всего употребляется слово „каранье", „карати" и „вина", „винити". Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что подъ терминомъ „каранье", „карати" предпочтительно разумѣются наказанія личныя, хотя иногда и говорится „карати виною пенежною", „карати заплатою пенежною" (напр. Перв. Ст. I, 1; Трет. Ст. XI, 16). Слово „наказанье", встрѣчающееся въ актахъ XVII ст., означаетъ „распоряженіе, постановленіе". См. Ак. Вил. Ком. т. XV, № 112.

въ виду интересы потерпѣвшаго (осуществленіе публичныхъ цѣлей посредствомъ удовлетворенія потерпѣвшаго). Анализируя указанное понятіе и иллюстрируя его примѣрами изъ Статута, мы находимъ, что

1. Наказаніе причиняетъ преступнику страданіе, которое онъ долженъ „терпети за свою вину“ [1]*; съ этой стороны наказаніе есть „вина“ и „покута“ (эпитимія), которою искупается совершенное преступленіе* [2]*.*

2. Область примѣненія наказанія опредѣляется понятіемъ о преступленіи, при чемъ господствуетъ точка зрѣнія кривды, о границахъ которой была рѣчь выше.

3. Органомъ, опредѣляющимъ наказаніе, является не только судъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самъ потерпѣвшій, замѣняющій назначенное закономъ наказаніе по соглашенію съ самимъ преступникомъ [3]*.*

4. Преслѣдуя цѣли частнаго удовлетворенія, наказаніе является для потерпѣвшаго „нагородой“ [4]*, характеръ которой оно сохраняетъ отчасти даже при обращеніи имущественной отвѣтственности въ личную („а за навязку маетъ висети“)* [5]*.*

---

[1]) См. Перв. Ст. I, 7 и др.

[2]) Въ одномъ, напр., изъ актовъ, относящихся къ 1564 году, читаемъ: „я за тот выступокъ свои поднялся покуту терпети взамку луцком тыжден седѣти“. См. Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2038, № 45, листъ 278 на об.; Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 280, № 727 и др.

[3]) См. Трет. Ст. IV, 32. Ак. Кіев. Центр. Арх., кн. 2038, № 45, листъ 278 на об.; ки. 2040, № 18, листъ 95 на об.

[4]) См. Трет. Ст. IV, 31; XI, 14, 27. Примѣромъ особеннаго значенія, которое придается терминамъ „нагорода“ и „каранье“ (см. пред. стр. прим. 2), могутъ служить нерѣдко встрѣчающіяся въ Статутѣ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „маеть каранъ быти везеньемъ, а за раны маеть нагородити“, „не маеть жадного каранья терпети, одно маеть головщину (кгвалтъ, раны) платити“ и под. Ср. середину и окончаніе XI, 27 въ Трет. Ст.

[5]) Съ этой точки зрѣнія весьма характерна обычная формула судебныхъ приговоровъ: „Мы судъ столько-то копъ (штрафовъ и шкодъ) на такомъ-то (виновномъ), *а самого его на горло стятьемъ (на выволаніе и под.), его милости пану такому-то (истцу) вскажуемъ*“. См. напр. Ак. Вил. Ком. т. XV, № 74, стр. 106; № 271, стр. 430; № 293, стр. 477; № 294, стр. 479 и мн. др. Несомнѣнно, что удовлетвореніе раздраженія, вызваннаго преступленіемъ, потерпѣвшій можетъ найти и въ мести, которая постигнетъ личность и имущество преступника, и въ денежной пенѣ, которую уплатитъ ему его обидчикъ, и даже въ томъ личномъ наказаніи, которому подвергнетъ преступника государство, и которое съ точки зрѣнія потерпѣвшаго окажется достаточной отплатой за причиненную ему обиду.

Послѣдняя черта въ понятіи наказанія является настолько существенной, что требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Рядомъ съ наказаніями частными, денежными пенями въ пользу потерпѣвшаго, существуютъ наказанія публичныя, хотя извѣстный элементъ публичности, какъ сказано, не чуждъ и первымъ. Содержаніе публично-уголовныхъ наказаній вполнѣ опредѣляется стремленіемъ общества (государства) отомстить преступнику и устрашить другихъ, чтобы утвердить такимъ образомъ ненарушимость существующаго правопорядка. Напротивъ, природа денежныхъ выкуповъ прежде всего обусловливается желаніемъ удовлетворить потерпѣвшаго. Отсюда вытекаютъ многочисленныя и важныя слѣдствія.

Преступленіе совершено. Какія послѣдствія наступаютъ для преступника? Какъ опредѣляются отношенія между преступникомъ и потерпѣвшимъ, и какая роль принадлежитъ государству?—Между обиженнымъ и обидчикомъ возникаютъ отношенія совершенно аналогичныя отношеніямъ кредитора и должника. Возникаетъ своеобразное obligatio ex delicto[1]), въ которомъ для должника (преступника) заключается двоякая обязанность: онъ долженъ удовлетворить потерпѣвшаго, во-первыхъ, за причиненную послѣднему кривду и, во-вторыхъ, за соединенную съ ней шкоду. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отношеніи удовлетвореніе можетъ обратиться изъ имущественнаго въ личное, вмѣсто „нагороды пенежной“ преступникъ можетъ быть выданъ „за шию“, или даже подвергнутъ какому нибудь „каранью на теле“[2]). Такимъ образомъ разсматриваемое своеобразное обязательство отличается отъ всякаго другого обязательства тѣмъ, что вытекающія изъ него требованія имѣютъ штрафной характеръ. Поэтому уже по самой природѣ отношеній, возникающихъ между преступникомъ и потер-

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія правъ Мацѣйовскій, который излагаетъ обязательственное право непосредственно передъ правомъ уголовнымъ и озаглавливаетъ этотъ отдѣлъ своего труда такъ: „Z-obowiązania środkują między cywilném a karném prawem“. Всѣ авторы, касавшіеся системы композицій, согласны между собой въ этомъ отношеніи (см. напр. *Сергѣевича*, Лекціи по истор. рус. пр., стр. 510; *Богдановскаго*, Развитіе понятій о прест. и наказ., стр. 53; *Wilda*, Das Strafrecht der Germanen, стр. 484), хотя и не всѣ одинаково правы (напр. Богдановскій видитъ здѣсь *чисто гражданское обязательство*).

[2]) Основаніемъ для этого служитъ несостоятельность преступника или большая или меньшая тяжесть преступленія, а иногда и то, и другое вмѣстѣ. См. напр. Трет. Ст. IV, 98; XIV, 3, Ср. *Wilda*, Das Strafrecht der Germanen, стр. 484.

пѣвшимъ, наказаніе пріобрѣтаетъ нѣсколько весьма характерныхъ и важныхъ чертъ [1]).

а) Какъ долговое требованіе, *наказаніе зависитъ отъ произвола потерпѣвшаго*, хотя максимальный размѣръ этого требованія уже опредѣленъ закономъ. Судъ назначаетъ наказаніе не выше того предѣла, какой указанъ закономъ, но и не больше того, чего требуетъ истецъ: „вшакже троякихъ зарукъ, въ которые любо бы слушне за спротивенство тому декретови попадать мѣлъ, поневажъ оныхъ сторона не афектовала, на сесь часъ на его милости не всказуючи, абы его милость панъ Стренковскій самую тымъ декретомъ всказаную истизну... подъ виною выволанья оддалъ и заплатилъ, наказуемъ“ [2]). Само собою разумѣется, что произволъ этотъ терпитъ тѣмъ большія ограниченія, чѣмъ больше пріобрѣтаетъ наказаніе характеръ публичности: будучи вполнѣ неограниченнымъ относительно штрафовъ, идущихъ въ пользу самого потерпѣвшаго, онъ подлежитъ значительнымъ ограниченіямъ, когда дѣло касается штрафовъ, поступающихъ въ пользу вряда и составляющихъ его доходъ, или когда рядомъ съ денежнымъ штрафомъ или на смѣну его появляется одно изъ личныхъ наказаній (особенно въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ). Въ послѣднемъ случаѣ *иногда* уже преслѣдованіе преступника составляетъ самостоятельную обязанность вряда, и наказаніе постигаетъ виновнаго, хотя бы объ этомъ и не было предъявлено никакого иска [3]); *гораздо чаще*, впрочемъ, всѣ ограниченія сводятся къ тому, что на того, кто проститъ, примирится или выкупитъ преступника отъ опредѣленнаго судомъ наказанія, возлагается отвѣтственность за дальнѣйшія „шкоды“, какія только могутъ произойти въ будущемъ отъ пощаженнаго такимъ образомъ „злочинцы“ [4]).

---

[1]) Здѣсь мы сдѣлаемъ только самыя общія замѣчанія, болѣе подробное развитіе которыхъ читатель найдетъ ниже.

[2]) См. Ак. Вил. Ком. т. XV, № 273; также № 188 (гдѣ отмѣнено даже выволаніе, т. е. одно изъ самыхъ тяжкихъ личныхъ наказаній, и при томъ только на томъ основаніи, что его „еще на сесь часъ и сама сторона не афектовала“; ср. Трет. Ст. XI, 40) и мн. др., напр., ср. ib. стр. 207, 210, 219, 220, 222, 241, 243, 272, 300, 312, 313, 322, 328, 331, 346, 358, 361, 363, 373, 402, 419, 424, 425, 427, 433, 434, 436, 465 и др. Ср. Трет. Ст. IV, 92: „похочетъ ли сторона жалобная—то ей волно будетъ“.

[3]) Напр. Вт. Ст. III, 41; XI, 4, 10, 31; XIV, 16. Трет. Ст. I, 10; XI, 4, 6, 7, 26, 60; XII, 9; XIV, 8, 19, 31, 33.

[4]) Напр. Перв. Ст. VII, 30; XIII, 6, 25; Вт. Ст. XI, 33; XIV, 10; Трет. Ст. XIV, 13.

б) Какъ долговое требованіе, *наказаніе падаетъ главнымъ образомъ на имущество преступника* и, соотвѣтственно этому, оно является наслѣдственнымъ. Смерть преступника не препятствуетъ предъявленію иска къ его наслѣдникамъ, которые отвѣчаютъ въ размѣрѣ полученнаго наслѣдства, „бо хто осегаеть добра, повиненъ носити и беремена“ [1]).

в) *При несостоятельности преступника*, наказаніе, какъ долговое требованіе, въ своихъ послѣдствіяхъ вполнѣ совпадаетъ съ послѣдствіями всякаго вообще иного долгового требованія при тѣхъ же условіяхъ: *взысканіе обращается на личность преступника (должника)*; въ выдачѣ „за шію“ (въ кабалу) сливаются гражданскія и уголовныя послѣдствія преступленія [2]).

г) Какъ долговое требованіе, *наказаніе допускаетъ интерцессію и цессію.* Истцемъ по поводу того или другого преступленія можетъ быть всякій, кому потерпѣвшій уступитъ свое требованіе къ отвѣтчику; наоборотъ, отвѣтчика можетъ замѣнить всякій, кто согласится уплатить слѣдуемый штрафъ или подвергнуться опредѣленному личному наказанію [3]).

д) Какъ обязательственное требованіе, *наказаніе допускаетъ компенсацію.* Два однородныхъ и противоположныхъ требованія взаимно уничтожаются. Та сторона, которая оказалась должникомъ въ бо́льшей суммѣ, платитъ только излишекъ, который не могъ уничтожиться взаимнымъ зачетомъ [4]).

Тѣмъ не менѣе наказаніе имѣетъ нѣсколько чертъ, благодаря которымъ оно существенно отличается отъ обыкновеннаго долгового требованія. Укажемъ главнѣйшія.

а) *Наказаніе удовлетворяетъ „кривду“ (нематеріальный ущербъ)*, причиненную потерпѣвшему, или является возмездіемъ за причиненную преступленіемъ „шкоду для Рѣчи Посполитой“.

---

[1]) См. Перв. Ст. VII, 4; Вт. Ст. XI, 4; Трет. Ст. XI, 48; VII, 18 и др.

[2]) См. Трет. Ст. IV, 98 и мн. др.

[3]) См. Вт. Ст. IV, 31; Трет. Ст. IV, 55; XI, 67; Ср. Перв. Ст. VI, 12.

[4]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обѣ стороны, не прибѣгая къ суду, самостоятельно производятъ такой зачетъ и опредѣляютъ, кто изъ нихъ и чему долженъ подвергнуться. См. напр. Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2035, № 11, листъ 28, № 53, листъ 57 на об.; кн. 2040, № 60, листъ 394 на об.

б) Для потерпѣвшаго *наказаніе является средствомъ отмщенія*: „Служебникъ пана Якуба Жарчинского врядника воротневъского, Петръ Осинскии“, читаемъ въ одномъ изъ судебныхъ актовъ, относящемся къ 1563 г., „оповедалъ и созналъ тыми словы, иж деи часовъ недавно минулых, едучи з Луцка, служебник ее милости панеи Зверовое..., Климъ Ѳедоровичъ, на дорозе мене збил и зранил, которого деи збитя и зраненъя мяломъ ся барзо зле, але зласки божое и за пилностью доброго барбера вылечился есми стое раны. Ино мя тот Климко Ѳедорович, служебникъ ее милости пани Зверовое, здобрыми людми втомъ перебыл и за барберство и за выкладъ мои мне досыт вчинилъ. За которою прозбою его и за причинами людеи добрых яся знихрестянскимъ (з нимъ хрестянскимъ?) обычаемъ погодил и *гневъ свои ему отпустил, прирекаючи ему самъ за себе и завъси приятели* [1]) *свои того ему николи немстити, але о то вечне молчати маю.* На што есми ему и лист свои под печатми людеи добрыхъ дал“ [2]).

в) Для преступника *наказаніе является излишкомъ сверхъ уплаты шкодъ*, сверхъ возвращенія того, что пріобрѣтено или уничтожено преступленіемъ; другими словами, оно служитъ не для возмѣщенія убытковъ или возстановленія прежняго состоянія, но является матеріальнымъ лишеніемъ, зломъ, которое преступникъ терпитъ въ отплату за нанесенную обиду (кривду) [3]).

г) *Къ наказанію*, въ отличіе отъ долгового требованія, *присоединяется обыкновенно пеня въ пользу общественной власти*; мало по малу пеня эта (главнымъ образомъ въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ) начинаетъ замѣняться личными наказаніями, которыя все болѣе и болѣе вытѣсняютъ штрафы въ пользу потерпѣвшаго: послѣдній считаетъ себя удовлетвореннымъ, видя своего обидчика наказаннымъ [4]).

---

[1]) Здѣсь слово „пріятель“ имѣетъ, кажется, такое же значеніе, какъ и „Freund“ древне-германскаго права—терминъ, которымъ обозначались родственныя связи, такъ что слово „пріятель“ было синонимомъ „родственника“. См. *Schröder*, ук. соч., стр. 60. Ср. Трет. Ст. IV, 1 („приятель кровный и заховалый“); VI, 11 („старшые приятели дому“).

[2]) См. Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2037, № 2, листъ 195 на об.

[3]) Типическимъ примѣромъ могутъ служить штрафы, размѣръ которыхъ опредѣляется кратной стоимостью похищеннаго (уничтоженнаго): виновный вознаграждаетъ потерпѣвшаго вдвое (вчетверо) противъ причиненныхъ убытковъ.

[4]) Второй и третій Статуты рѣшительно склоняются въ пользу такой замѣны штрафовъ, поступающихъ королю, какимъ нибудь личнымъ наказаніемъ; напротивъ, рѣзкаго стремленія къ подобной замѣнѣ штрафовъ, поступающихъ въ пользу потерпѣвшаго, въ эпоху Статутовъ еще не замѣчается.

д) *Размѣръ наказанія опредѣляется тяжестью причиненной кривды.* Но такъ какъ послѣдняя не имѣетъ матеріальной цѣнности, то условная оцѣнка ея дѣлается самимъ законодателемъ. Такимъ образомъ размѣръ наказанія обыкновенно точно опредѣленъ закономъ.

Таковы основныя черты, которыми характеризуется развитая система композицій, и которыя сообщаются отчасти и другимъ наказаніямъ, существующимъ и развивающимся одновременно съ ней (наказанія личныя): общій характеръ эпохи (въ данномъ случаѣ господство договорнаго начала въ области уголовныхъ отношеній) кладетъ свой отпечатокъ на всю совокупность карательныхъ мѣръ, хотя бы отдѣльныя группы ихъ и представляли изъ себя зачатки системъ, совершенно противоположныхъ по своимъ основаніямъ [1]).

Спрашивается, какимъ образомъ разсматриваемая система наказаній можетъ мириться съ довольно развитымъ сознаніемъ общественнаго момента преступленія?—Она и не мирится. Разъ признано, что въ преступленіи заключается „шкода для Рѣчи Посполитой“, что преступленіе является „шкодой земской“, система композицій начинаетъ мало по малу разрушаться, и на смѣну ей вырабатывается система публично-уголовныхъ и устрашающихъ наказаній. Но это разрушеніе и эта замѣна не могутъ совершиться сразу, внезапно: послѣ признанія преступленія дѣйствіемъ общевреднымъ и общеопаснымъ институтъ наказанія сохраняетъ еще въ продолженіе нѣкотораго времени многія черты своего прежняго частноправнаго характера. Л. Статутъ въ его трехъ редакціяхъ изображаетъ намъ разрушеніе системы композицій и переходъ къ системѣ публично-уголовныхъ и устрашающихъ каръ. Если этотъ переходъ не осуществился вполнѣ въ той мѣрѣ, какъ это можно было бы ожидать, слѣдя за развитіемъ идеи преступленія въ эпоху Статутовъ, то причина этого заключается въ начинающейся анархіи, въ чрезмѣрномъ развитіи личности и соединенномъ съ этимъ безсиліемъ государственной власти—о чемъ неоднократно будетъ еще рѣчь впереди.

Останавливаться здѣсь долѣе на указанныхъ чертахъ наказанія мы считаемъ излишнимъ: вся дальнѣйшая работа наша будетъ служить подтвержденіемъ и развитіемъ означенныхъ общихъ выводовъ.

---

[1]) См. выше стр. 30 и сл.

Теперь же будетъ небезполезно разсмотрѣть тѣ отношенія, въ которыхъ находятся карательныя мѣры Л. Статута къ нѣкоторымъ другимъ соприкасающимся съ ними послѣдствіямъ преступленія.

II. Наказаніе и другія послѣдствія преступленія.

Между различными послѣдствіями правонарушенія особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя тѣснѣе всего соприкасаются съ наказаніемъ и при томъ въ своихъ отношеніяхъ къ нему занимаютъ, сравнительно съ современнымъ правомъ, совершенно особое положеніе. Съ этой стороны особеннаго вниманія заслуживаютъ вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные правонарушеніемъ, и пеня или неустойка гражданскаго права. Тѣмъ и другимъ преслѣдуется въ извѣстной степени цѣль удовлетворенія потерпѣвшаго, и въ этомъ отношеніи указанныя послѣдствія правонарушенія стояли въ прежнее время гораздо ближе къ понятію наказанія, чѣмъ въ настоящее время, когда государственность наказанія проводитъ между ними и карательными мѣрами уголовнаго права самую рѣзкую и опредѣленную грань.

A. Вознагражденіе за вредъ и убытки отъ преступленія.

1. Общія замѣчанія.

Всякое правонарушеніе можетъ заключать въ себѣ два момента: съ одной стороны, оно, какъ нарушеніе *нормы права*, можетъ быть спеціально предусмотрѣно уголовнымъ закономъ и воспрещено подъ угрозой опредѣленнаго наказанія; съ другой стороны, оно, какъ нарушеніе нормы права въ ея *реальномъ бытіи*, можетъ сопровождаться опредѣленнымъ имущественнымъ вредомъ, нарушеніемъ чьихъ-нибудь опредѣленныхъ имущественныхъ интересовъ. Разсматриваемое съ первой точки зрѣнія правонарушеніе является неправдой уголовной и при томъ наказуемой; разсматриваемое со второй точки зрѣнія правонарушеніе является неправдой гражданской, требующей возстановленія нарушеннаго права или возмѣщенія вреда и убытковъ.

Вопросъ о вредѣ и убыткахъ отъ преступленія, вопросъ о томъ, кто, когда, и кому долженъ возмѣстить причиненный преступленіемъ ущербъ,—входитъ въ область гражданскаго права. Но и въ уголов-

помъ правѣ нельзя обойти его, тѣмъ болѣе въ старомъ уголовномъ правѣ: этимъ путемъ можно выяснить отношеніе законодателя къ частному и общественному моментамъ преступленія, опредѣлить взаимное отношеніе и значеніе того и другого.

Современная доктрина отказалась отъ попытки дѣлать принципіальное различіе между неправдой уголовной и гражданской; послѣ тщательнаго анализа понятія неправды она пришла къ тому заключенію, „что неправда едина и что то, что мы называемъ неправдой уголовной и гражданской, составляетъ только различныя стороны одного и того же понятія“ [1]). Тѣмъ не менѣе „каждый изъ моментовъ неправды имѣетъ самостоятельную юридическую структуру, отражающуюся на условіяхъ констатированія и разбирательства неправды, а въ особенности на ея юридическихъ послѣдствіяхъ, на вознагражденіи и наказаніи. При этомъ, конечно, они сохраняютъ, по общему правилу, эти особенности, независимо отъ того, являются ли эти моменты самостоятельно, отдѣльно другъ отъ друга, или совмѣстно; но нельзя не замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, дѣйствующее право знаетъ и отступленія отъ этого начала. Такъ, гражданское право допускаетъ послѣдствія гражданской неправды, имѣющія карательный характеръ, какъ напр., личное задержаніе, и наоборотъ, въ уголовномъ правѣ встрѣчаются, хотя и въ видѣ изъятія, послѣдствія гражданскаго характера, какъ poena privata, возстановленіе нарушеннаго владѣнія, пеня за фискальныя нарушенія“ [2]).

Еще болѣе тѣсную связь между обоими моментами неправды мы встрѣчаемъ въ древнѣйшія эпохи права [3]). Это объясняется и обусловливается прежде всего и главнымъ образомъ особеннымъ, свойственнымъ вообще древнѣйшему законодательству, пониманіемъ преступленія (кривда) и наказанія (удовлетвореніе потерпѣвшаго за причиненную ему кривду-обиду).

Отрицая существованіе различныхъ видовъ неправды и утверждая, что неправда едина, мы не можемъ, конечно, согласиться съ тѣми

---

[1]) См. *Таганцева*, Лекціи по рус. уголов. праву, выпускъ I, стр. 64; *Сергѣевскаго*, Рус. уголов. право, стр. 66—69. Ср. *Ренненкампфа*, Юридическ. энциклоп., изд. 1889 г., стр. 194—200.

[2]) См. *Таганцева*, ibidem стр. 65—66.

[3]) См. между прочимъ *Чебышева-Дмитріева*, указ. соч., стр. 78—92.

взаимно противоположными воззрѣніями, которыя стараются доказать и установить, что въ древнемъ правѣ господствуетъ преимущественно тотъ или другой видъ неправды [1]). Тѣмъ не менѣе извѣстная доля истины заключается въ каждомъ изъ этихъ воззрѣній.

Конечно, неправда, понимаемая въ своемъ родовомъ значеніи, какъ „виновное посягательство на норму права, какъ неисполненіе требованія права тѣмъ, къ кому оно обращается, тѣмъ, который можетъ выполнить, но сознательно или по небрежности не выполняетъ этого требованія“ [2]),—такъ понимаемая неправда прежде, какъ и теперь, является единой, и говорить о преобладаніи гражданскаго или уголовнаго момента неправды можно только въ одномъ совершенно опредѣленномъ смыслѣ.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

При господствѣ взгляда на преступленіе, какъ на кривду, и на наказаніе, какъ на одно изъ средствъ удовлетворенія потерпѣвшаго, гражданскій моментъ преступленія во многихъ отношеніяхъ имѣетъ первенствующее значеніе. Преступленіе строится тогда по типу правонарушенія гражданскаго, уголовная отвѣтственность зависитъ не столько отъ общаго характера и свойствъ преступной воли, сколько отъ размѣра причиненнаго вреда или ущерба, преслѣдованіе правонарушенія обусловливается не столько соображеніями общественной пользы, сколько задачами частнаго удовлетворенія [3]). Въ этомъ именно смыслѣ можно говорить о преобладаніи частнаго, гражданскаго момента преступленія. Напротивъ, о преобладаніи уголовной неправды можно говорить только въ смыслѣ преобладанія въ древнемъ правѣ карательнаго начала вообще.

Уголовная отвѣтственность имѣетъ по-преимуществу карательный характеръ; элементъ возмездія, идея отплаты является едва-ли не самой существенной, самой постоянной чертой наказанія [4]). До настоящаго,

---

[1]) Ср. *Богдановскаго* (указан. соч.) и *Чебышева-Дмитріева* (указ. соч.).

[2]) См. *Таганцева*, указ. соч., стр. 61.

[3]) См. выше стр. 9 и сл., также 42 и сл.

[4]) „So dürfen wir die Behauptung aufstellen, dass die Jdee der Vergeltung in Theorie und Praxis des Strafrechts aller Zeiten, bald mehr, bald weniger scharf ausgeprägt, bald vorherrschend, bald gegen äussere Zwecke zurücktretend, immer aber gleich einem roten Faden aus der Masse der übrigen leitenden Prinzipien erkennbar hervorleuchtet“. См. *Günther*, Die Jdee der Wiedervergeltung in der Geschichte und Philosophie der Strafrechts, изд. 1889 г., вып. I, стр. 16.

по крайней мѣрѣ, времени не было такой эпохи, когда бы наказаніе являлось въ какомъ нибудь иномъ видѣ: наказаніе было всегда зломъ или страданіемъ, которое преступникъ терпѣлъ въ отплату за совершенное имъ правонарушеніе [1]). Но карательный элементъ въ широкой степени проникалъ всѣ области древняго права [2]). Послѣдствія правонарушенія, разсматриваемаго съ частной точки зрѣнія кривды (обиды), всегда носили въ большей или меньшей степени карательный характеръ, благодаря которому они самымъ тѣснымъ образомъ примыкали къ мѣрамъ уголовной отвѣтственности, особенно въ то время, когда отвѣтственность эта содержала въ себѣ весьма слабый элементъ общественности (государственности). Такимъ образомъ всякое правонарушеніе, разсматриваемое какъ кривда, несмотря на общій частноправный характеръ отношеній, возникающихъ между „укривженымъ“ и „шкодникомъ“, въ своихъ послѣдствіяхъ всегда являлось съ карательнымъ характеромъ, и въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, область наказуемаго правонарушенія была весьма обширной, уголовная неправда встрѣчалась на каждомъ шагу; правонарушитель платилъ потерпѣвшему штрафъ, удовлетворявшій послѣдняго не только за „шкоду“, но и за „кривду“, а такъ какъ элементъ кривды почти во всѣхъ случаяхъ сопутствовалъ элементу шкоды, то почти во всѣхъ случаяхъ удовлетвореніе потерпѣвшаго за шкоду соединялось съ наказаніемъ обидчика за кривду.

Эта связь, существовавшая между гражданскими и уголовными послѣдствіями правонарушенія, была тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ въ большей степени наказаніе было проникнуто идеей частнаго удовлетворенія потерпѣвшаго за причиненную ему кривду. Когда наказаніе налагалось на преступника главнымъ образомъ въ интересахъ потерпѣвшаго, оно настолько близко соприкасалось съ гражданскими послѣдствіями преступленія (вознагражденіе за вредъ и убытки отъ преступленія), что очень часто одно бывало совершенно неотдѣлимо отъ другого [3]). Особенно слѣдуетъ сказать это о временахъ болѣе древнихъ.

---

[1]) См. *Таганцева*, Лекціи, выпускъ III, стр. 1210—1211; Ср. *Фойницкаго*, Ученіе о наказаніи, стр. 322.

[2]) См. выше стр. 39 и сл.

[3]) См. *Wilda*, Das Strafrecht der Germanen, стр. 314 и сл. Ср. *Liszt*, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, изд. 1891 г., стр. 250—251. *Таганцевъ*, Лекціи, вып. III, стр. 982—983, 996—997.

Въ древнѣйшую эпоху мститель, убивая своего обидчика и захватывая его имущество, въ одномъ актѣ соединялъ два дѣйствія, достигалъ двухъ цѣлей—удовлетворялъ себя за причиненную ему кривду и вознаграждалъ себя за понесенныя шкоды. Съ замѣной мести денежными выкупами началось постепенное выдѣленіе этихъ по существу различныхъ, но соединявшихся въ ней элементовъ [1]). Сначала еще по прежнему въ одномъ общемъ штрафѣ, идущемъ въ пользу потерпѣвшаго, соединялись и уплата шкодъ, и вознагражденіе за кривду, и уголовное наказаніе преступника. Мало по малу однако, вмѣстѣ съ усиленіемъ общественной власти, штрафъ раздвояется: одна часть его по прежнему поступаетъ въ пользу потерпѣвшаго (шкода и кривда), другая—въ пользу вряда [2]). Съ теченіемъ времени штрафъ въ пользу потерпѣвшаго распадается на свои составныя части (штрафъ за кривду и вознагражденіе за причиненныя шкоды) [3]) и, такъ какъ теряются основанія для уплаты штрафа въ пользу потерпѣвшаго за причиненную ему кривду (она можетъ быть удовлетворена и личнымъ наказаніемъ преступника), а также въ виду все бо́льшаго и бо́льшаго сознанія общественнаго момента преступленія,—штрафы, поступающіе въ пользу потерпѣвшаго, мало по малу вымираютъ и уступаютъ свое мѣсто наказаніямъ публично-уголовнымъ, явившимся на смѣну первоначальныхъ штрафовъ въ пользу вряда [4]).

Въ Литовскомъ Статутѣ мы, конечно, напрасно стали бы искать такого полнаго сліянія гражданскихъ (шкоды) и уголовныхъ (каранье) послѣдствій правонарушенія: въ немъ система композицій заканчиваетъ уже свое существованіе и мало-по-малу уступаетъ мѣсто карамъ устрашающимъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые слѣды прежняго сліянія „шкодъ“ и „караній“ еще очень замѣтны и находятъ свое объясненіе въ свойственномъ эпохѣ частноправномъ взглядѣ на наказаніе.

Во многихъ артикулахъ Л. Статута, относящихся къ уголовному праву, санкція закона слагается изъ трехъ частей: сперва опредѣляется личное наказаніе, которому подлежитъ нарушитель даннаго

---

[1]) См. *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи рус. права, стр. 275.

[2]) Ср. *Du-Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр. 143—144.

[3]) Это явленіе мы можемъ наблюдать въ Л. Статутѣ.

[4]) Ср. *Wilda*, указ. соч., стр. 270—271, 484 и сл.

запрета [1]), потомъ обозначается родъ и размѣръ денежныхъ штрафовъ, наконецъ указывается на необходимость вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Одного общаго постановленія о необходимости гражданскаго удовлетворенія потерпѣвшаго мы не находимъ; его замѣняютъ постоянныя указанія, что въ томъ, или другомъ, или третьемъ случаѣ виновный „*маетъ шкоду платити, нагородити, оправити или оправовати*“ [2]).

Терминъ „шкода“ имѣетъ два значенія: въ болѣе обширномъ смыслѣ подъ „шкодами“ разумѣется вообще *всякій вредъ*, причиненный чьимъ-нибудь интересамъ [3]); въ тѣсномъ смыслѣ терминъ „шкода“ означаетъ *матеріальный ущербъ*, подлежащій возмѣщенію, „тое, в чом зостанет винен“—и въ этомъ смыслѣ этотъ терминъ употребляется чаще всего.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ зависимости отъ ихъ индивидуальныхъ особенностей, слово „шкода“ нерѣдко замѣняется другими, равнозначащими или имѣющими болѣе тѣсное, видовое значеніе. Такимъ образомъ рядомъ съ общимъ названіемъ „шкода“ мы встрѣчаемъ въ Л. Статутѣ нѣсколько названій спеціальныхъ: „утрата, згуба, страва, накладъ, выкладъ, спустошенье, знищенье“ и др., при чемъ первыя два (утрата, згуба) по своему общему значенію весьма близко приближаются къ термину „шкода“, но употребляются довольно рѣдко [4]), послѣдними же (страва, накладъ, выкладъ, спустошенье, знищенье) обозначаются отдѣльные виды причиненнаго вреда и убытковъ, и

---

[1]) Говоря о „наказаніи, уголовномъ наказаніи“, мы всегда разумѣемъ не только наказанія личныя или штрафы въ пользу вряда, но также и штрафы въ пользу потерпѣвшаго. Напротивъ, выраженіе: „удовлетвореніе потерпѣвшаго“ не имѣетъ такого вполнѣ опредѣленнаго значенія, такъ какъ можетъ обозначать и „удовлетвореніе за кривду“ (штрафъ), и „удовлетвореніе за шкоду“ (возмѣщеніе вреда и убытковъ).

[2]) См. Перв. Ст. VIII, 13; Вт. Ст. III, 26; Трет. Ст. IV, 9 и др.

[3]) Напр., „неприятели замку шкоду вчинили“, „шкода стала войску нашему от неприятеля нашего такъ в людяхъ, яко и в коняхъ военъныхъ“, „маю отъ него шкодливую рану“, „вчинилъ мнѣ шкоду—ранилъ мя“ и пр. Для терминологіи см. Перв. Ст. II, 7, 12, 13; VIII, 15; Вт. Ст. III, 38; IV, 5; XI, 5; XIV, 1; Трет. Ст. II, 20; IV, 9, 31, 60, 76; IX, 3; XI, 18, 40; XII, 7. Акты Кіев. Центр. Арх. кн. 2036, № 27, листъ 176 на об.; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, № 105, стр. 111.

[4]) См. Перв. Ст. IV, 7; VIII, 23; Вт. Ст. III, 26; IV, 27; Трет. Ст. III, 31; V, 11; VI, 4; IX, 25; Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2035, № 53, листъ 57 на об.

нѣкоторыя изъ нихъ употребляются весьма часто и имѣютъ свое спеціальное, техническое значеніе [1]).

Кромѣ того для обозначенія того или другого вида убытковъ иногда въ общему термину „шкода“ присоединяется опредѣляющее слово или выраженіе; говорится, напримѣръ, „шкода покраденая“ для обозначенія убытковъ, причиненныхъ воровствомъ [2]).

Для обозначенія отдѣльныхъ опредѣленныхъ видовъ вреда, причиненнаго преступленіемъ и подлежащаго возмѣщенію, чаще всего употребляются два изъ указанныхъ терминовъ: страва и накладъ (выкладъ). Словами: „маеть страву и шкоду платити“ обыкновенно обозначается обязанность отвѣтчика (обвиненнаго) вознаградить потерпѣвшаго въ числѣ другихъ убытковъ также и за тѣ расходы, которые послѣдній вынужденъ былъ сдѣлать для собственнаго содержанія во все время процесса („проѣсти“ въ правѣ восточной Россіи) [3]). Но кромѣ того отвѣтчикъ обязанъ былъ удовлетворить истца и за издержки самого процесса, онъ долженъ былъ уплатить ему всѣ его „шкоды и наклады (наклады правные), которые онъ наложилъ на светковъ и на судъ (наложилъ на тое право)“. Впрочемъ, слово накладъ имѣетъ иногда болѣе широкое значеніе; имъ могутъ обозначаться всякія издержки вообще (а не только судебныя). Но въ этомъ смыслѣ терминъ этотъ употребляется гораздо рѣже; по крайней мѣрѣ, когда рѣчь идетъ о вознагражденіи потерпѣвшаго за „шкоды и наклады“, въ большинствѣ случаевъ разумѣются именно „наклады правные“ [4]).

---

[1]) См. Перв. Ст. VI, 1, 9; Вт. Ст. IX, 16; XI, 14; Трет. Ст. III, 7, 30; V, 11; IX, 25; Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2039, № 1, листъ 85.

[2]) См. напр. Трет. Ст. XIV, 11, 14, 16.

[3]) См. Трет. Ст. III, 7; IV 31; XII, 17; Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2036, № 27, листъ 176 на об. Ср. Перв. Ст. VI, 9; Вт. Ст. XI, 14 и др. Ср. *Кистяковскаго*, О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, изд. 1868 г., стр. 60; *Ланге*, Древнее рус. уголов. судопроизводство, изд. 1884 г., стр. 127.

[4]) „А которые здавна за привильями и листами нашими мыто и мостовое на именьяхъ своихъ беруть, тые *властнымъ накладомъ своимъ* въ тыхъ именьяхъ своихъ на дорогахъ гати, мосты, гребли, ровы направовати мають. А гдѣ бы хто мостовъ, гатей, гребель направленыхъ на мелъ, а для того бы переѣздъ былъ трудный, а кому бы се на тыхъ местъцахъ шкода стала, тому тотъ же панъ, хто мыто береть, виненъ будеть шкоду оправити и *з накладомъ, што ищучи шкоды наложитъ*“ (Трет. Ст. I, 29). Для терминологіи см. Перв. Ст. VI, 1, 9, 17; VII, 11; VIII, 6, 15, 25; X, 1; Вт. Ст. I, 25; III, 25; IX, 13; XI, 21; Трет. Ст. I, 29; III, 30; IV, 20, 31; VI, 4; VII, 28; IX, 3; X, 7; XI, 5; Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 22, стр. 9.

Такимъ образомъ при ближайшемъ знакомствѣ съ терминологіей Статута мы можемъ уже отчасти опредѣлить отдѣльные виды и содержаніе вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Для болѣе полнаго знакомства съ вопросомъ мы должны, впрочемъ, ближе ознакомиться съ постановленіями Статута по этому предмету, такъ какъ для нѣкоторыхъ видовъ шкодъ не существуетъ особеннаго названія, и самое понятіе шкоды получаетъ иногда весьма любопытное содержаніе.

Лицо, совершившее преступленіе, обязано вознаградить потерпѣвшаго въ двухъ направленіяхъ: оно обязано возстановить нарушенное имущественное право и уплатить причиненные правонарушеніемъ убытки.

Возстановленіе нарушеннаго права заключается въ возвратѣ захваченныхъ вещей (вполнѣ или въ той мѣрѣ, въ какой онѣ могутъ быть возвращены), въ исправленіи того, что повреждено, испорчено или разрушено, въ уничтоженіи того, что возникло вслѣдствіе насилія (гвалта), обмана и вообще вслѣдствіе преступной дѣятельности. Такъ, выведенная челядь возвращается тому, у кого она выведена; пограничная рѣка, перекопанная „умыслне ку шкоде суседа своего“, должна быть „по старому загамована“; испорченная граница (межа) должна быть „направлена по старому“; испортившій или сжегшій чужой „млынъ“ обязанъ его „знову своимъ накладомъ збудовати“; присыпавшій „греблю к чужому берегу“ обязанъ „тую греблю роскопати“ [1]).

Если этимъ путемъ потерпѣвшій не можетъ быть вполнѣ удовлетворенъ за причиненный ему ущербъ, тогда наступаетъ необходимость уплаты (виновный „маеть шкоду платити“), которая слагается изъ двухъ частей: вознагражденія за наличный вредъ (damnum emergens) и вознагражденія за тотъ доходъ, котораго потерпѣвшій лишился вслѣдствіе захвата (уничтоженія, порчи) даннаго имущества (lucrum cessans).

Въ составъ наличнаго вреда, подлежащаго гражданскому удовлетворенію, входятъ: уплата стоимости похищеннаго (уничтоженнаго,

---

[1]) См. Перв. Ст. VI, 1; VIII, 12; IX, 8; Вт. Ст. X, 7; XII, 10; XIV, 2; Трет. Ст. III, 26; IV, 31; IX, 18, 20; X, 7; XII, 15, 18; XIV, 3, 24 и мн. др.

испорченнаго) предмета, вознагражденіе за всѣ расходы, понесенные при его отысканіи (страва, наклады), плата за „барберство“ [1]), если потерпѣвшій принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи врача, который лѣчилъ его отъ причиненныхъ ему преступникомъ тѣлесныхъ поврежденій [2]).

Составъ lucrum cessans опредѣляется различно для каждаго даннаго случая, при чемъ подлежатъ возмѣщенію только тѣ изъ утерянныхъ доходовъ, которые получались непосредственно отъ захваченнаго (поврежденнаго) имущества, и размѣръ которыхъ поддается болѣе или менѣе точному опредѣленію. Такимъ образомъ, виновный въ умышленномъ отводѣ пограничной рѣки („реку перекопалъ умыслне ку шкоде суседа своего“) обязанъ „вси шкоды, што въ пожитокъ тое реки шкодовалъ, з розсудку оправити“; виновный въ поврежденіи „млына“ („млынъ сказилъ або греблю перекопалъ або млынъ зжогъ“) „маеть шкоды або за мешканье млива за слушнымъ доводомъ оправити“ [3]); захватившій чужое имѣніе обязанъ вознаградить потерпѣвшаго „за неналежное тыхъ кгрунтовъ держанье и пожитковъ зъ нихъ уживанье“ [4]).

По общему правилу шкоды платитъ тотъ, кто отвѣчаетъ и за кривду (лучше сказать: шкоды выплачиваются изъ того же имущества, изъ котораго выплачиваются и штрафы въ пользу потерпѣвшаго или въ пользу вряда); гражданское же удовлетвореніе поступаетъ въ пользу потерпѣвшаго, каковымъ, само собою разумѣется, далеко не всегда бываетъ тотъ, противъ кого было направлено преступное дѣйствіе [5]).

---

[1]) Barwierz—цырюльникъ, брадобрѣй.

[2]) Напр. Перв. Ст. V, 8; VI, 1, 9; VIII, 12; IX, 8; Вт. Ст. IV, 64; V, 10; IX, 19; X, 7; XI, 14; XIV, 1, 6, 27; Трет. Ст. III, 21; IV, 31; X, 7; XI, 54; XII, 7, 14, 18, 22; XIV, 16; Ак. Кіев. Центр. Арх., кн. 2040, № 38, листъ 201; Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 481, т. XVII, стр. 9, 291, 381 и мн. др.

[3]) См. Трет. Ст X, 7: „оный шкодовалъ, ижъ млынъ стоялъ, а пожитку ему з млива не было...“

[4]) Напр. Перв. Ст. IX, 8; VIII, 20; Вт. Ст. V, 10; IX, 19; X, 7; XII, 10; Трет. Ст. VII, 22; IX, 20, 29; X, 7; XI, 4; XII, 14, 18; Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 377, 453 и мн. др.

[5]) Подробности о лицахъ, платящихъ и получающихъ вознагражденіе см. Перв. Ст. VII, 7, 18, 27; VIII, 6; XI, 10, 14; XII, 16; XIII, 2, 3, 5, 6, 14, 17, 22, 25, 27; Вт. Стат. I, 25; IV, 7, 67; V, 10, 16; VI, 4, 8, 9; VII, 19; IX, 19; X, 1; XI, 4, 11, 20, 24; XII, 10; XIII 13, 14; XIV, 1, 5, 6, 7, 8, 10, 15, 16, 21, 23, 29; стр. 204, 207; Трет. Ст. I,

Вмѣстѣ съ жалобой потерпѣвшій представляетъ въ судъ „реестръ шкодъ“ [1]), въ которомъ точно обозначаетъ свои убытки и ихъ размѣръ, пользуясь для опредѣленія послѣдняго „шацункомъ водле статуту земского и водле важности речи и тежъ водле купли, што за што куплено“ [2]); другими словами—размѣръ вознагражденія за шкоды для каждаго даннаго случая опредѣляется или, во-первыхъ, по той таксѣ, какая установлена Статутомъ для тѣхъ или другихъ предметовъ [3]), или, во-вторыхъ, соотвѣтственно ихъ обыкновенной или рыночной стоимости [4]), при чемъ принимается въ расчетъ не только обыкновенная, средняя стоимость или доходность даннаго имущества, но и его дѣйствительная стоимость (за сколько купленъ данный предметъ или сколько за него „было давано торгуючи“). Послѣднее обстоятельство, само собою разумѣется, должно быть доказано истцемъ; но разъ оно доказано, разъ установлена дѣйствительная доходность или стоимость предмета, она подлежитъ полному возмѣщенію, хота бы даже для этого предмета Статутъ предлагалъ свой „шацунокъ“, и хотя бы этотъ „шацунокъ“ былъ значительно меньше той суммы, за которую предметъ купленъ, или которая „давана торгуючи“ (покупателями) [5]).

27; IV, 5, 10, 29, 31, 48, 49, 64, 94, 98; VI, 4, 11; VII, 6, 10, 11, 18, 28, 30; IX, 3, 22, 29; X, 1, 5; XI, 4, 36, 37, 38, 40, 41, 48, 54; XII, 14, 15, 18, 22; XIII, 2, 14; XIV, 1, 2, 4, 5, 9, 10, 11, 13, 16, 18, 19, 20, 23; Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2035, № 20, листъ 130 на об.; кн. 2036, № 27, листъ 176 на об.; кн. 2040, № 8, листъ 408 на об., № 18, листъ 470 на об; Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 106; Христом. *Владимірскаго-Буданова*, вып. II, стр. 38.

[1]) См. Трет. Ст. XI, 59; Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2040, № 38, листъ 118; № 21, листъ 423.

[2]) См. Перв. Ст. XII, 1; Вт. Ст. XIII, 1; Трет. Ст. XIII, 1; Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2040, № 21, листъ 423.

[3]) Въ Л. Статутѣ (какъ и въ Р. Правдѣ) мы находимъ множество артикуловъ, посвященныхъ исключительно или почти исключительно опредѣленію цѣны различныхъ предметовъ. См. Перв Ст. IX, 2, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 18; XII, 1, 2, 9, 10, 12—14; Вт. Ст. X, 2, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15; XII, 10; XIII, 1, 2, 7—12; Трет. Ст. IV, 24, 25; IX, 29; X, 2, 8, 9, 11—16; XII, 14; XIII, 1, 2, 5—12.

[4]) Судебные акты даютъ иногда интересныя свѣдѣнія о цѣнахъ на тѣ предметы, о которыхъ Статутъ забываетъ упомянуть. См. напр. Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2035, № 11, листъ 28; № 20, листъ 130 на об.; кн. 2036, № 1, листъ 157 на об.; кн. 2038, № 4, листъ 26 на об.; кн. 2039, № 1, листъ 85; кн. 2040, № 28, листъ 109; № 38, листъ 118; № 38, листъ 201; № 49, листъ 211; № 21, листъ 423. Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 60, 104, 248, 385, 233, 422; Ак юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 112, 265; Ак. Вил. Ком., т. XVII, стр. 65, 124, 159, 184, 244, 329, 408; Ак. Зап. Рос., т. II, стр. 27, 28 и мн. др.

[5]) См. Перв. Ст. XII, 1; Вт. Ст. XIII, 1; Трет. Ст. XIII, 1. Относительно условій отвѣтственности за шкоды см. Перв. Ст. V, 7; VII, 7, 18, 27; VIII, 6, 19, 20; IX, 6; XI,

2. *Гражданское значеніе „каранія“.*

Мы ознакомились въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ гражданскаго удовлетворенія потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія. Другой характеръ имѣютъ штрафы, поступающіе въ пользу потерпѣвшаго, хотя между ними и существуютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія, вслѣдствіе чего во многихъ случаяхъ возможно полное смѣшеніе гражданскихъ и уголовныхъ послѣдствій правонарушенія.

Штрафъ, уплачиваемый преступникомъ потерпѣвшему, преслѣдуетъ главнымъ образомъ двѣ цѣли: во-первыхъ, онъ является тѣмъ удовлетвореніемъ, которое потерпѣвшій получаетъ отъ своего обидчика за причиненное ему зло и нанесенное оскорбленіе, т. е. штрафъ служитъ средствомъ успокоить раздраженное чувство потерпѣвшаго (вознагражденіе за кривду); во-вторыхъ, штрафъ является наказаніемъ для преступника, которымъ искупается его вина. Но и съ этими чертами штрафъ есть не болѣе, какъ извѣстная денежная сумма, поступающая изъ имущества преступника въ имущество потерпѣвшаго; уплата штрафа уменьшаетъ имущество перваго на столько, на сколько увеличивается имущество второго. Вслѣдствіе этого въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда „кривда“ (обида) ничтожна, или когда шкода также не достигаетъ большихъ размѣровъ (сравнительно съ размѣрами штрафа), можетъ оказаться, что потерпѣвшій будетъ вполнѣ удовлетворенъ за ту и за другую уплатой одного только штрафа, который, какъ прибавка къ его имуществу, покроетъ шкоду и сверхъ того, какъ уплата, произведенная обидчикомъ, и слѣдовательно, выражающая признаніе имъ своей вины или, по крайней мѣрѣ, его смиреніе [1]), окажется

14; XII, 15; XIII, 5, 6, 14, 17, 22, 25, 27; Вт. Ст. I, 25; III, 32; IV, 7, 14, 64, 67; VI, 2, 9; VII, 19, 21, 22; IX, 12, 19; X, 1; XI, 2, 5, 11, 14, 20; XII, 5, 10; XIII, 13, 14; XIV, 1, 2, 5, 6, 7, 10, 15, 16, 21, 23, 27, 29; стр. 207, 210, 211; Трет. Ст. I, 27, 29; IV, 24, 25, 29, 31, 37, 45, 48, 49, 64; VI, 11; VII, 18, 28, 29, 30; IX, 3, 21, 22, 29; X, 1, 5; XI, 19, 20, 21, 37, 38, 40, 41, 52, 54, 59; XII, 14, 15, 18, 22; XIII, 2, 13, 14; XIV, 1, 2, 4, 5, 9, 10, 13, 18, 19, 20, 23; Ак. Кіев. Центр. Арх. кн. 2035, № 20, листъ 130 на об.; кн. 2040, № 8, листъ 408 на об., № 18, листъ 470 на об.; Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 304; т. XVII, стр. 291; Христом. *Владимірскаго-Буданова*, в. II, стр. 38.

[1]) „Die Zahlung der Busse enthielt aber zugleich ein Bekenntniss des begangenen Unrechts, insofern eine Demüthigung von Seiten des Zahlenden, und daher gewissermassen eine Wiederherstellung der Ehre für den Verletzten“. См. *Wilda*, Das Strafrecht der Germanen, стр. 315.

достаточнымъ удовлетвореніемъ за понесенную кривду (обиду). Дѣйствительно, наше предположеніе вполнѣ подтверждается Л. Статутомъ: во множествѣ случаевъ уголовный штрафъ, платимый преступникомъ потерпѣвшему, въ извѣстныхъ отношеніяхъ является также и гражданскимъ удовлетвореніемъ послѣдняго за причиненную ему шкоду.

Вся масса самыхъ разнообразныхъ случаевъ этого рода можетъ быть сведена къ тремъ категоріямъ:

а) *Въ нѣкоторыхъ случаяхъ уголовный штрафъ является одновременно и гражданскимъ удовлетвореніемъ вслѣдствіе особенныхъ свойствъ и природы самаго правонарушенія.*

б) *Въ нѣкоторыхъ случаяхъ штрафъ пріобрѣтаетъ такое значеніе спеціально ad hoc, въ виду спеціальнаго указанія закона, что въ данномъ случаѣ уплатой штрафа погашаются шкоды.*

в) *Иногда, наконецъ, штрафъ пріобрѣтаетъ характеръ гражданскаго удовлетворенія за вредъ и убытки по тому только, что взыскивается съ третьяго лица, невиновнаго въ томъ преступленіи, за которое платится штрафъ.*

а) Что касается штрафовъ перваго рода, съ ними мы встрѣчаемся въ исторіи уголовнаго права всѣхъ странъ и всѣхъ націй. Относительно ихъ еще Вильда (въ 1342 г.) сдѣлалъ вполнѣ вѣрное замѣчаніе, сказавъ, что они являются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особымъ видомъ гражданскаго удовлетворенія за вредъ и убытки отъ преступленія (die Busse ist eine Art Schadenersatzes) [1]). Штрафы эти назначаются за убійство и за тѣлесныя поврежденія, т. е. именно въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственнымъ результатомъ преступленія является ущербъ въ большей степени нравственный (слѣдовательно, не поддающійся оцѣнкѣ), чѣмъ матеріальный, имущественный. Тѣмъ не менѣе, безспорно, и послѣдняго рода ущербъ достигаетъ иногда значительныхъ размѣровъ. Кромѣ непосредственныхъ убытковъ, которые падаютъ на потерпѣвшаго или близкихъ ему лицъ (судебныя издержки,

---

[1]) См. *Wilda*, указ. соч. стр. 314 и сл.; ср. *Du-Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр. 141. Впрочемъ мысль Вильда нельзя назвать вполнѣ правильной въ виду того ограниченія, которое онъ даетъ ей, поясняя: „aber dennoch unterscheidet sich die Busse vom Schadenersatz dadurch, dass sie für Güter gegeben wurde, die keinen Verkehrs= oder Marktpreis hatten, wenn gleich eine rechtliche Schätzung und Werthbestimmung derselben stattfand“.

плата за лѣченіе, за погребеніе и пр.), косвенный вредъ по своимъ размѣрамъ бываетъ иногда громаденъ и даже невознаградимъ: семья лишается своего кормильца, панъ—своего работника, потерпѣвшій теряетъ возможность добывать себѣ средства къ существованію.

Въ современномъ правѣ всѣ эти матеріальные и поддающіеся оцѣнкѣ убытки подлежатъ возмѣщенію въ общемъ порядкѣ гражданскихъ взысканій и по своему характеру, въ существенныхъ чертахъ не отличаются отъ послѣднихъ [1]). Иное положеніе занимали они въ прошлыя времена. Головщина (плата за голову) и навязка (плата за раны, побои и пр.). Л. Статута послужатъ наилучшей иллюстраціей для сказаннаго.

Что такое головщина?—Это есть плата за голову (Wehrgeld), уплачиваемая убійцей родственникамъ или господину убитаго. Относительно этого согласны всѣ изслѣдователи древняго права. Но далеко не такое единодушіе встрѣчаемъ мы относительно самой природы разсматриваемаго штрафа. Нѣкоторые и до сихъ поръ еще стоятъ на точкѣ зрѣнія Иванишева, утверждавшаго, что плата за голову у Славянъ „вся поступаетъ мстителю, какъ гражданское удовлетвореніе за вредъ, и слѣдовательно нисколько не имѣетъ уголовнаго характера“ [2]). Но такъ-ли это? Посмотримъ, какого взгляда придерживается относительно головщины самъ Статутъ. Вотъ нѣсколько любопытныхъ сопоставленій:

За убійство въ дракѣ виновный „не мает за то *иншого жадного каранья мети, одно головщину* платити“; за нанесеніе раны ножомъ „або якимъ инымъ до бою незвыклымъ начиньемъ“ виновный „за чоловека простого *заплатою пенежною такъ, яко за головщизну, каранъ будетъ*“; „хто бы шляхтича на смерть забилъ..., тогды за того забитого *при иншомъ каранью*, въ семъ статуте водлугъ учинку описаномъ, *маетъ быти головщины плачоно* сто копъ грошей“; „шаленый“, ви-

---

[1]) См. *Таганцева*, Лекціи, вып. III, стр. 994—997.

[2]) См. *Иванишева*, стр. 43; *Hube*, Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku, изд. 1866 г., стр. 240, 249. *Тумасовъ* называетъ головщину „податью, данью за голову“ (см. его „Дворянство зап. Россіи въ XVI в.“, стр. 77); Чебышевъ-Дмитріевъ говоритъ, что уплата головщины есть частное вознагражденіе потерпѣвшаго, и что въ немъ выражается гражданская сторона преступленія. См. *Чебышева-Дмитріева*, ук. соч. стр. 89; ср. *Таганцева*, Лекціи по рус. угол. пр., вып. III, стр. 1089.

новный въ убійствѣ, (при извѣстныхъ условіяхъ) „вжо *горломъ и заплатою головщизны каранъ будетъ*“ (слѣдовательно, головщина—каранье) [1]).

„Гдѣ бы заступца (убійцы) на горло былъ сказанъ, такий тамъ же на томъ вряде до его повету неотъсылаючы каранъ быти маеть, а по отправу *головщины албо иншихъ шкодъ*, на немъ сказаныхъ, отослано быти маеть“ (слѣдовательно, головщина—шкода) [2]).

Братьямъ предлагается, чтобы они „посполу *такъ о коренье за голову* забитого отца (або брата, або матки, або сестры), *яко и о головщизну* правомъ чинили и доходили“; если у убитаго нѣтъ жены и дѣтей, то Статутъ опредѣляетъ „хто з близкихъ маеть *каранья за голову и головщизны* доходити“ (слѣдовательно, головщина не есть каранье) [3]).

„*Головщизна водлугъ стану* зъ именья того кгвалтовника *и тежъ шкоды*, если бы которые на томъ кгвалте вчынены, детямъ або близскимъ забитого плачоны быти маютъ“; отприсягнувшійся „отъ горла, *головщизны*, везенья *и отъ шкодъ* воленъ будетъ“ (слѣдовательно, головщина не есть шкода) [4]).

Если мы будемъ поочередно останавливаться на каждой группѣ приведенныхъ примѣровъ, то поочередно будемъ приходить къ совершенно противоположнымъ выводамъ: головщина—каранье, головщина—шкода, головщина—ни то, ни другое. Какъ примирить или, по крайней мѣрѣ, какъ объяснить всѣ эти противорѣчія? Невозможно допустить, чтобы редакторы Статута, которые видѣли передъ собой отношенія дѣйствительной жизни, не имѣли истиннаго представленія о природѣ головщины. Очевидно, какъ бы они ни называли и куда бы они ни относили плату за голову, они во всѣхъ случаяхъ указывали на тѣ черты, которыя въ дѣйствительности были присущи головщинѣ. Если они въ однихъ случаяхъ относили головщину къ числу „караній“, въ другихъ—видѣли въ ней гражданское удовлетвореніе, то это значитъ, что и въ дѣйствительности головщина имѣла и то, и другое на ченіе; ее относили то къ той, то къ другой категоріи взыска-

---

[1]) См. Перв. Ст. VII, 23; Трет. Ст. XI, 16, 27, 35. Naczynie—сосудъ, инструментъ.

[2]) См. Трет. Ст. IV, 55.

[3]) См. Трет. Ст. XI, 44, 45.

[4]) См. Вт. Ст. XI, 2, 4; Трет. Ст. XI, 1, 21 и мн. др.

ній, смотря по тому, на что въ данномъ случаѣ обращалось главное вниманіе [1]).

Карательный характеръ головщины, какъ уголовнаго штрафа, явствуетъ изъ того, что размѣръ ея опредѣляется не въ зависимости отъ дѣйствительнаго или возможнаго вреда, но исключительно въ зависимости отъ тяжести преступленія (кратная головщина) [2]) и отъ сословія (стана) или пола убитаго [3]). Убійство шляхтича или женщины, какъ бы ни былъ ничтоженъ проистекающій отсюда матеріальный ущербъ, возвышаетъ величину головщины въ нѣсколько разъ; напротивъ, головщина спускается до весьма ничтожныхъ размѣровъ, если убитъ мужчина „простого стану“. Для преступника головщина является наказаніемъ, для потерпѣвшаго — удовлетвореніемъ за причиненную кривду.

Но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, съ другой стороны, головщина же является и вознагражденіемъ за шкоды, за тѣ матеріальныя потери, которыя связаны со смертью человѣка, какъ необходимыя, но только болѣе отдаленныя ея послѣдствія. Говоримъ: болѣе отдаленныя послѣдствія, такъ какъ убытки, непосредственно причиненные убійствомъ, подлежатъ и непосредственному возмѣщенію [4]), виновный „маеть головщину и шкоду платити“ [5]).

Особенно рѣзко выступаетъ частноправный элементъ головщины

---

[1]) Въ германскомъ правѣ мы наблюдаемъ то же самое явленіе: денежныя пени, рядомъ съ общимъ названіемъ *Busse*, *bôtjan* (emenda), въ нѣкоторыхъ случаяхъ называются *vîte* (poena—названіе, которое даетъ имъ Тацитъ). См. *Wilda*, указ. соч. стр. 314, 318; *Du-Boys*, указ. соч. т. I, стр. 141 -142; *Schröder*, указ. соч. стр. 71.

[2]) Напр. Трет. Ст. I, 9, 10, 13; IV, 11 и мн. др.

[3]) Напр. см. Перв. Ст. XI, 1, 2, 3, 4; Вт, Ст. XII, 1, 2, 3, 6; Трет. Ст. XII, 3, 4, 5, 6, 7, 10; XI, 27 и мн. др.

[4]) Впрочемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдовало взаимное соглашеніе, или когда имущества преступника не хватило на покрытіе всѣхъ шкодъ, встрѣчаются нѣкоторыя отступленія, и „плата за голову“ можетъ разсматриваться одновременно и какъ „плата за шкоды и наклады“. См. напр. Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2038, № 4, листъ 26 на об.; № 5, листъ 53 на об.: Иванъ и Игнатъ Гуляльницкіе заявляютъ, что „Яцко Гуляльницкий зъеднаня и зугоды приятелское, еднаючи за голову небожчика Ѳедора Ивановича Микитчича, заставилъ и записал трох человеков своих... у сороку копах грошеи личбы литовское... за шкоды и наклады наши, которые есмо подняли по животе брата родного небожчика Ѳедора на именю своемъ Гуляльницкомъ...“ Ср. Вт. Ст. XI, 24; Трет. Ст. XI, 46; XII, 18 и нѣкот. др.

[5]) Съ такой формулой мы встрѣчаемся неоднократно, см. Трет. Ст. XI, 1, 4 и др.

въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о людяхъ несвободныхъ, т. е. когда убійство является вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтоженіемъ предмета опредѣленной рыночной цѣнности, представляемой личностью убитаго: виновный въ убійствѣ несвободнаго человѣка (холопа, челядина, отчизного человѣка) [1]) платитъ головщину такъ же точно, какъ и тотъ, кто такъ или иначе отнялъ у пана его человѣка (напр. содѣйствуя побѣгу послѣдняго) [2]), или кто самъ выкупаетъ у своего пана свою свободу [3]). Въ послѣднихъ случаяхъ головщина измѣняетъ свое первоначальное значеніе (плата за голову *убитаго*) и почти [4]) утрачиваетъ свой карательный характеръ; мы имѣемъ дѣло съ таксированной цѣной холопа, о первоначальномъ карательномъ характерѣ которой свидѣтельствуетъ только лишь ея высота [5]).

Приведемъ нѣкоторыя постановленія Статута.

„Если бы который шляхтичъ чоловека простого стану забилъ (а не былъ бы на горачомъ учинъку пойманъ)..., маетъ за забитого головщину платити и шкоды, которые бы ся в тотъ часъ стали, оправити“ [6]).—„Уставуемъ, кгды бы хто чыю челядь неволную вывелъ, або ведаючы заказъ в себе переховывалъ..., таковый будетъ повиненъ тую челедь отыскивати, а отыскавши отдати тому пану; а где бы отыскати ее не могъ..., будетъ повиненъ тую челядь самъ ценою пла-

---

[1]) См. *Леонтовича*, Крестьяне юго зап. Россіи по литов. праву XV и XVI столѣтій, въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ, 1863 г., № 10, стр. 12 и сл.

[2]) Перв. Ст. XI, 10; VIII, 20; XI, 4; Вт. Ст. XII, 9, 10; Поправ. Стат. стр. 206—207; Трет. Ст. XII, 14, 18. Ак. Кіев. Центр. Арх. кн. 2040, № 18, листъ 470 на об.

[3]) См. Трет. Ст. III, 38. Ср. Трет. Ст. VII, 13 и 3.

[4]) Но не вполнѣ—см. напр. Трет. Ст. III, 38.

[5]) Размѣръ головщины Статута значительно выше обыкновенной цѣны холопа, котораго нерѣдко продавали за сумму въ два съ половиной раза меньшую противъ назначаемой Статутомъ. См. напр. Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 158, стр. 65: „продалъ ми онъ холопа своего Охремьца за двѣ копе грошей обель вечне“. Если даже не принимать во вниманіе уменьшенія цѣнности денегъ (грошъ въ 1528 г.=7, 22 к.; въ 1545 г.=6, 49 коп.), то разница между приведенной цѣной холопа (актъ относится къ 1540 г.) и головщиной перваго Статута всетаки окажется довольно существенной („за паробка неволного головщины пять копъ грошей“). Продажа холопа за двѣ копы грошей не должна казаться слишкомъ необычайной и дешевой, такъ какъ въ тѣ времена трудъ, вообще говоря, цѣнился дешево и заработная плата была ничтожна. См. Перв. Ст. XI, 6, 7, 8; Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. LVI.

[6]) См. Трет. Ст. XII, 1 (артикулъ приведенъ съ сокращеніями).

тити, яко вышей описано [1]), и шкоду оправити такъ тую, естли бы которую тая челядь утекаючи пану своему учинила, яко и замешканье роботы отъ того часу, отъ которого ему тая челядь не робила" [2]).—Панъ, на имѣніи котораго оказались чьи нибудь збѣги, „естли бы такихъ збеговъ отдати не хотелъ, тогды виненъ будетъ за нихъ самыхъ, жонъ и дети ихъ головы, яко за головщизну, водлугъ описанья сего статуту... заплатити" [3]).—Отчизные люди, убѣжавшіе отъ своихъ пановъ и скрывавшіеся въ теченіе десяти лѣтъ въ какомъ нибудь городѣ („месте"), получаютъ свободу, „але се мають окупити водлугъ стану своего шацункомъ сего статуту за кождую голову [4]), иле ихъ будетъ" [5]).

Очевидно, головщина, соединяя въ себѣ элементъ уголовный (карательный) и гражданскій, въ однихъ случаяхъ является съ преобладающимъ характеромъ перваго и разсматривается, какъ „вина пенежная и каранье", въ другихъ случаяхъ, напротивъ, гражданскій моментъ получаетъ преобладающее значеніе, и тогда головщина является не болѣе, какъ платой за причиненный ущербъ „водлугъ шацунку статутового".

Другой штрафъ, который по самой природѣ правонарушенія соединяетъ въ себѣ черты уголовнаго наказанія и гражданскаго удовлетворенія потерпѣвшаго, носитъ названіе навязки [6]). Виновный въ оскорбленіи чести, въ нанесеніи побоевъ, ранъ, увѣчій платитъ потерпѣвшему навязку. Относительно карательнаго характера навязки, какъ уголовнаго штрафа, мы можемъ сказать то же самое, что говорили о головщинѣ: размѣръ навязки опредѣляется въ зависимости отъ тяже-

---

[1]) Ссылка дѣлается на 3-й ар. того же раздѣла: „о головщинахъ людей простого стану".

[2]) Трет. Ст. XII, 18.

[3]) См. Трет. Ст. XII, 14.

[4]) Ссылка на „статутовый шацунокъ" въ данномъ случаѣ, какъ и вообще, имѣетъ только одно значеніе и не можетъ давать повода къ какимъ бы то ни было недоразумѣніямъ, такъ какъ, кромѣ того артикула, гдѣ указанъ размѣръ головщинъ „людей простого стану" (XII, 3), нигдѣ и ни въ одной редакціи Статута не указывается иной какой нибудь особенной рыночной цѣны „за голову".

[5]) См. Трет. Ст. III, 38.

[6]) Навязка, какъ увидимъ ниже, имѣетъ два значенія. Здѣсь мы говоримъ исключительно о навязкѣ, которая служитъ штрафомъ за нѣкоторые виды преступленій противъ личности.

сти преступленія (кратная навязка) и отъ сословія или пола потерпѣвшаго. Вслѣдствіе этого навязка есть та „вина пенежная“, которою преступникъ, причинившій раны (увѣчье), „маеть каранъ быти“ [1]). Напротивъ, для потерпѣвшаго, получающаго въ навязкѣ извѣстное имущественное вознагражденіе, навязка есть „нагорода пенежная“ и при томъ не только за кривду, но (въ нѣкоторой степени) и за шкоду, за тотъ матеріальный ущербъ, который является болѣе отдаленнымъ результатомъ преступленія (ранъ, увѣчья), и за который Статутъ не назначаетъ особаго вознагражденія [2]).

б) Кромѣ головщины и навязки мы не находимъ въ Л. Статутѣ другихъ штрафовъ, которые бы вслѣдствіе особенной природы самаго правонарушенія соединяли въ себѣ элементы уголовной кары и гражданскаго удовлетворенія. Всѣ остальные штрафы, извѣстные Статуту, по общему правилу рѣзко отдѣляются отъ гражданскихъ послѣдствій преступнаго дѣянія именно тѣмъ, что они являются удовлетвореніемъ за кривду, за обиду и имѣютъ очень мало общаго съ вознагражденіемъ за шкоды [3]). Это отличіе всегда имѣетъ въ виду и самъ Л. Статутъ: обычная формула закона (а равно и судебныхъ приговоровъ) слагается изъ трехъ вполнѣ самостоятельныхъ частей—опредѣленія личнаго наказанія (виновный „маеть каранъ быти горломъ, везеньемъ, пугами“ и пр.), денежныхъ штрафовъ (виновный „маеть платити головщину, навязку, квалтъ, заруку“ и пр.) и гражданскаго вознагражденія (виновный „маеть шкоду оправити“) [4]).

Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодатель и не упоминаетъ о вознагражденіи за шкоды, то это еще вовсе не свидѣтельствуетъ, что

---

[1]) См. Трет. Ст. XI, 27; XII, 3, 4, 5, 6, 7, 10 и др.

[2]) См. Трет. Ст. XI, 27. Особенно рѣзко проявляется это въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшимъ оказывается чей-нибудь холопъ, и навязка (за раны, за увѣчья) поступаетъ пану.

[3]) См. выше стр. 46 и сл.; см. также второй отдѣлъ (карательныя мѣры).

[4]) Слѣдуетъ замѣтить, что довольно часто въ судебныхъ приговорахъ сперва указываются штрафы, и подводится ихъ общая сумма, потомъ—шкоды и ихъ сумма; въ заключеніе обыкновенно обѣ суммы складываются, и подводится общій итогъ, такъ что въ окончательной резолюціи суда штрафы и шкоды соединяются въ одной общей цифрѣ—„того всего сумою усказали есмо на нем“ столько-то. См. напр. Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2035, № 20, листъ 198; кн. 2039, № 8, листъ 238 на об.; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 104, 212, 451 и мн. др.

онѣ погашаются уплатой опредѣленныхъ въ этихъ случаяхъ штрафовъ [1]); это обыкновенный редакціонный пропускъ, какихъ много встрѣчается въ Статутѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, этотъ пропускъ легко можетъ быть обнаруженъ простымъ сопоставленіемъ различныхъ мѣстъ кодекса, напримѣръ: „хто бы на чый дом умыслне наехал, хотечы его (хозяина дома) забити..., тотъ шию тратить, а бой и головщина зыменя его близкимъ забитого мает быти плачона, а противня до скарбу господарского, также и ранамъ навязка"; между тѣмъ какъ въ слѣдующемъ артикулѣ находимъ: „тежъ естли бы тотъ кгвалтовникъ убившы кого втекъ въ земли проч; тогды зыменья его мает плачона быти убитого голова и *шкода* и вина господарская вышей писаная" [2]); въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „а хто чужое озеро въ пущы своей поволочить; тогды маеть тому, чие озеро будеть, кгвалт платити, а господарю противня и за рыбу, на чомъ тотъ смети иметь присягнути, што ему шкоды въ рыбе станетъ" [3]); между тѣмъ какъ дальше, въ совершенно аналогичномъ случаѣ, о шкодахъ не упомянуто ни словомъ: „также естли чужии сеножати у своей пущи хто кгвалтомъ покосить и вытискаючы того отъ его сеножатей бой вчинит; тогды повиненъ будетъ кгвалтъ платити, а господару противня" [4]).

Такимъ образомъ всѣ штрафы (кромѣ головщины и навязки), поступающіе въ пользу потерпѣвшаго, по общему правилу весьма рѣзко отличаются отъ гражданскихъ послѣдствій преступленія. Но

---

[1]) Подобный выводъ невольно приходитъ въ голову на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдствіемъ преступленія оказывается и нарушеніе матеріальныхъ интересовъ потерпѣвшаго, законодатель эксплицитно упоминаетъ объ уплатѣ причиненныхъ шкодъ; 2) иногда, напротивъ, положительно указывается, что особаго вознагражденія за шкоды нѣтъ, но что онѣ погашаются уплатой штрафа въ пользу потерпѣвшаго; 3) отсюда выводъ: быть можетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда о шкодахъ вовсе не упомянуто, онѣ покрываются штрафами. Отъ подобнаго вывода, ошибочнаго и не соотвѣтствующаго назначенію штрафовъ, какъ особаго вида удовлетворенія за кривду, предохранятъ насъ приводимыя ниже сопоставленія.

[2]) См. Перв. Ст. VII, 1 и 3.

[3]) См. Перв. Ст. IX, 5.

[4]) Ср. кромѣ того Перв. Ст. VIII, 16; XIII, 1; Трет. Ст. IV, 75, 105; XI, 51; XIII, 22, 27 и мн. др. Слѣдуетъ замѣтить еще, что иногда въ одной рукописи Статута о шкодахъ не упомянуто тамъ, гдѣ въ другой онѣ указываются; ср. напр. I, 23 рукописи *Дзялынскаго* и *Виленской*.

такъ какъ каждый изъ нихъ представляетъ опредѣленную денежную сумму, на которую увеличивается имущество потерпѣвшаго, то въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ этихъ штрафахъ вполнѣ возможно соединеніе какъ уголовнаго взысканія, такъ и гражданскаго вознагражденія. Такое соединеніе не вытекаетъ изъ общихъ свойствъ и самой природы этихъ штрафовъ, но обусловливается лишь волей законодателя (или соглашеніемъ сторонъ) и поэтому встрѣчается только въ видѣ исключенія въ тѣхъ случаяхъ, когда воля эта выражена вполнѣ опредѣленно. Само собою разумѣется, что такого же рода соединеніе возможно и при штрафахъ, разсмотрѣнныхъ уже нами (головщина, навязка), именно—когда они, по волѣ законодателя, въ томъ или другомъ случаѣ получаютъ значеніе взысканій, которыми покрываются также и ближайшіе, непосредственные убытки отъ совершеннаго правонарушенія, т. е. когда ихъ частноправное значеніе расширяется за предѣлы ихъ обыкновеннаго характера.

Не останавливаясь на тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ измѣненіе общаго характера наказанія обусловливается соглашеніемъ сторонъ, и которые могли быть очень многочислены [1]), разсмотримъ тѣ измѣненія, какія въ отдѣльныхъ случаяхъ происходятъ по волѣ самого законодателя.

Спеціальный штрафъ, поступающій въ пользу потерпѣвшаго за причиненное ему насиліе, носитъ названіе „кгвалта“ (гвалта), „кгвалтовной вины“ и имѣетъ постоянный размѣръ 12-ти руб. грошей [2]). Виновный въ причиненіи насилія удовлетворяетъ потерпѣвшаго за кривду уплатой кгвалта; кромѣ того за шкоду онъ обязанъ вознаградить потерпѣвшаго въ гражданскомъ порядкѣ. Это—общее правило. Но „если бы чія челядь невольная втекла, а заповѣдана бы зъ якого перейму..., тогды маеть тому, въ кого челядь зостанетъ, переемъ дати, съ чого будетъ первей заповѣдалъ“ [3]); „а естлибы безъ заповеди и переема въ кого тую челядь нашолъ, а тотъ бы ему не хотелъ тое челяди его безъ позему выдати, а взялъ на немъ позем кгвалтомъ..., тогды тотъ, хто взялъ, *за тотъ поземъ повиненъ платити, яко за кгвалтъ*,

---

[1]) Огромное значеніе воли потерпѣвшаго при примѣненіи наказанія будетъ разсмотрѣно нами ниже.

[2]) Подробности см. во второмъ отдѣлѣ (карательныя мѣры).

[3]) См. Вт. Ст. XIII, 5.

двинадцать рублевъ грошей“ [1]).—„Коли бы хто, якого кольвекъ достоенъства и стану будучы, а стоячы передъ судомъ отъступивши речи своее одинъ другого... пхнулъ або рукою ударилъ, хотябы не ранилъ; тогды маеть *заплатити стороне место навезки квалту двинадцать рублей грошей*“ [2]).

Въ первомъ изъ приведенныхъ случаевъ гвалтъ покрываетъ собою шкоду, платится и за кривду, и за захваченный насильно поземъ; во второмъ случаѣ гвалтъ пріобрѣтаетъ характеръ навязки.

„Естли бы по сказаньи навезки шляхетское сторона противная поведила, ижъ я водлугъ сказанья судовного навезку ему дати готовъ, нижли не естемъ ведомъ, естли онъ естъ шляхтичъ або ни, радъ быхъ о томъ ведалъ; тогды тотъ, хто ся менитъ быти шляхтичомъ, маеть ехати до оное земли або повету, отъ коля родомъ естъ..., а врядъ з оное земли або повету маеть писати листъ отвороный до суду, где се тое право точило, даючи о немъ сведецство, ижъ есть шляхтичъ. И кгды таковую ведомость о собе принесеть, тогды сторону свою противную маетъ до суду на другие роки припозвати..., а тотъ позваный по оказанью шляхетства *в место нагороды шкодъ навезку шляхетскую совито заплатити будетъ повиненъ*“ [3]).—Виновный въ причиненіи увѣчій, кромѣ опредѣленнаго личнаго наказанія, „*за вину такого окрутенства и своволенъства и за накладъ правный стороны жалобное предъ се будетъ виненъ за такий кождый членокъ стороне жалобной по пети десятъ копъ грошей платити*“ [4]).

О другихъ случаяхъ, подобныхъ приведеннымъ, Л. Статутъ почти

---

[1]) См. Перв. Ст. XII, 7. „Поземъ, поземшина“—плата за поимку бѣглой челяди. Она носитъ названіе „переймъ, переемъ“, если обѣщана заранѣе (по „заповѣди“) самимъ владѣльцемъ челяди. Ср. *Горбачевскаго*, Словарь древняго актов. языка сѣверо-зап. края. Въ данномъ случаѣ, однако, этотъ терминъ имѣетъ именно указанное значеніе. Ср. Трет. Ст. XII, 17.

[2]) См. Трет. Ст. IV, 62; Вт. Ст. IV, 39; Перв. Ст. VI, 22. Мотивъ такой замѣны совершенно понятенъ: желая возвысить наказаніе за нанесеніе побоевъ (ранъ), соединенное съ нарушеніемъ судебнаго порядка, законодатель назначаетъ вмѣсто навязки, размѣръ которой („водлугъ стану“) иногда спускался до очень ничтожныхъ предѣловъ, квалтъ, имѣющій постоянную и общую для всѣхъ сословій величину.

[3]) См. Трет. Ст. XI, 50. Ср. Вт. Ст. XIV, 2.

[4]) См. Трет. Ст. XI, 27. Въ однихъ случаяхъ эти 50 копъ грошей называются „нагородой пенежной“, въ другихъ—„виной пенежной“, иногда же—„навязкой“.

нигдѣ болѣе и не упоминаетъ [1]); въ дѣйствительности же такого рода случаи встрѣчались гораздо чаще. Очень часто потерпѣвшій, довольствуясь размѣромъ поступающихъ въ его пользу штрафовъ, самъ отказывался отъ гражданскаго вознагражденія и считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и за кривду, и за шкоду [2]).

в) Еще въ большей степени „пенежныя вины" теряютъ свой карательный характеръ тогда, когда онѣ взыскиваются съ третьяго лица, невиновнаго въ томъ преступленіи, за которое полагается данный штрафъ.

Требованіе потерпѣвшаго противъ своего обидчика основывается на самомъ фактѣ совершеннаго преступленія; характеромъ преступленія опредѣляется какъ общій характеръ этого требованія, такъ и виды, свойства и размѣръ входящихъ въ его составъ штрафовъ; послѣдніе получаютъ уголовное (карательное) значеніе только потому, что взыскиваются за данное преступленіе съ самого преступника. Для третьихъ лицъ, стоящихъ внѣ этихъ отношеній между преступникомъ и потерпѣвшимъ, обязательство уплатить штрафъ и право требовать его имѣютъ такое же значеніе, какъ и всякое иное иму-

---

[1]) Нѣкоторые другіе примѣры будутъ приведены ниже. Слѣдуетъ замѣтить, что иногда Статутъ выражается настолько неопредѣленно, что невозможно сдѣлать никакого заключенія относительно характера штрафовъ, назначаемыхъ въ томъ или другомъ случаѣ. Изданные до сихъ поръ и извѣстные намъ матеріалы также не могутъ оказать никакой помощи при разъясненіи этихъ мѣстъ кодекса. Впрочемъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ штрафы служатъ именно удовлетвореніемъ за кривду, такъ что всѣ эти отступленія (несомнѣнныя или только предполагаемыя) не могутъ измѣнить ихъ основного, первоначальнаго характера и относятся къ нему, какъ исключеніе относится къ правилу.

[2]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сумма убытковъ не только вполнѣ покрывалась штрафами, но иногда (особенно это можно сказать о „зарукѣ") покрывалась въ два, въ три или даже въ четыре раза. Такимъ образомъ хотя и предполагалось, что виновный „маеть платити шкоды и заруки", въ дѣйствительности однако истецъ очень часто ограничивался только послѣдними и не требовалъ первыхъ. См. Ак. Вил. Ком. т. XV, гдѣ можно найти множество примѣровъ этого рода. Ограничимся однимъ. Въ 1662 году началось дѣло по жалобѣ Гавріила Коленды, архіепископа Полоцкаго, Витебскаго etc., на неуплату Эслофомъ по заемному письму ста золотыхъ польскихъ. Главный Трибуналъ присудилъ Эслофа къ уплатѣ не только долга, но и неустойки, всего 405 золотыхъ; но такъ какъ отвѣтчикъ не хотѣлъ подчиниться рѣшенію трибунала („спротивенство декретови"—уголовный моментъ), то при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла взыскиваемая сумма постепенно увеличивалась, пока не дошла до 1625 золотыхъ. Само собою разумѣется, что, получая вмѣсто 100 золотыхъ 1625, истецъ не имѣлъ никакой нужды требовать судебныхъ и проч. издержекъ. См. Ак. Вил. Ком., т. XV, № 79, стр. 113.

щественное право и обязательство: данное требованіе является для нихъ (поскольку оно ихъ касается) составною частью имущества—ни больше, ни меньше. Всякій, кто причинитъ ущербъ чужому имуществу (безразлично, будетъ ли его дѣяніе преступнымъ или нѣтъ), обязанъ возмѣстить его; всякій, кто лишитъ меня возможности осуществить мои долговыя требованія, обязанъ вознаградить меня. Вслѣдствіе этого назначеніе штрафа не всегда свидѣтельствуетъ о преступности платящаго штрафъ, и самъ штрафъ далеко не всегда является однимъ изъ „караній"; не всегда, когда рѣчь идетъ объ уплатѣ головщины, навязки, вины или гвалта, мы имѣемъ дѣло съ убійцей, гвалтовникомъ или вообще „злочинцемъ".

Статутъ опредѣляетъ извѣстный порядокъ, въ какомъ „хто з близкихъ маеть каранья за голову и головщизны доходити". Если кто-нибудь изъ родственниковъ получитъ головщину съ нарушеніемъ установленнаго порядка, тогда другіе родственники, имѣющіе на полученіе ея бо́льшія права, могутъ предъявить къ нему искъ „о головщину", и требованіе ихъ должно быть удовлетворено, т. е. лица, незаконно получившія головщину, обязаны уступить ее тѣмъ, кому „головщизна тая належати маеть" [1]).—Если лицо, совершившее преступленіе, умираетъ, то на его наслѣдниковъ вмѣстѣ съ его имуществомъ (активомъ) переходятъ и его долги (пассивъ) [2]), въ томъ числѣ, конечно, и тѣ долги, которые возникли вслѣдствіе преступленія: „дети близские оного гвалтъ, головщизну, навезку и шкоды зыменья и маетности оного змерлого, поки ее станеть, платити винни будуть" [3]).

Въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ мы имѣемъ дѣло съ отношеніями чисто гражданскими, хотя и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ о взысканіяхъ, имѣющихъ обыкновенно вполнѣ уголовный характеръ.

Вопросъ становится значительно сложнѣе, когда къ подобнаго рода отношеніямъ присоединяется элементъ преступности, когда, напримѣръ, наслѣдники убійцы являются его укрывателями. Если совершен-

---

[1]) См. Вт. Ст. XI, 24, 25; Трет. Ст. XI, 44, 45, 46; Перв. Ст. VII, 11, 13.

[2]) „Дети, дошедъшы спадку правомъ по нимъ спаломъ, повинъни з него долъги отъцовъские або матъчины платити, бо хто осегаеть добра, повиненъ носити и беремена". См. Трет. Ст. VII, 18.

[3]) См. Трет. Ст. XI, 48; ср. Вт. Ст. XI, 4; Трет. Ст. XI, 4.

ное убійство относилось къ числу привилегированныхъ видовъ „мужобойства“, за которые полагается уплата одной только головщины [1]), то лица, скрывшія преступника или способствовавшія его побѣгу, отвѣчаютъ вмѣсто него, т. е. сами платятъ головщину и шкоду [2]). Но если укрывателями окажутся наслѣдники убійцы? Очевидно, въ такомъ случаѣ положеніе этихъ прикосновенныхъ къ преступленію наслѣдниковъ будетъ отличаться отъ положенія обыкновенныхъ наслѣдниковъ только тѣмъ, что обязанность платить шкоду и головщину для нихъ не будетъ ограничена размѣрами имущества, полученнаго по наслѣдству отъ убійцы („поки его станеть“). При достаточности этого имущества послѣднее условіе можетъ и не оказать никакого вліянія, и de facto головщина будетъ выплачена изъ того же наслѣдства.

Такимъ образомъ въ двухъ совершенно одинаковыхъ по внѣшности случаяхъ уплата штрафа можетъ имѣть различное значеніе: то она является выраженіемъ чисто гражданскихъ отношеній, то она пріобрѣтаетъ карательный характеръ и выражаетъ отношенія заступничества, когда, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, отвѣтственность за совершенное переносится съ одного лица на другое, вмѣсто преступника отвѣчаетъ его „заступца“. Съ вопросомъ о заступничествѣ мы познакомимся ниже. Теперь же ограничимся нѣсколькими примѣрами.

„Коли бы хто дан был в казнь нашу господарскую або в которую иншую в некоторой суме осажоной або о которое иное обвиненье, а онъ бы, которому оного виноватца (злочинцу) [3]) в руки поданого, своею неопаторностью с казни выпустилъ, тот мает сам тую суму або шкоду заплатити, в которой былъ посаженъ“ [4]). Третій Статутъ поясняетъ, въ чемъ могла состоять уплата „той сумы або шкоды“: виновный „маеть за голову або за раны шкоды стороне за доводомъ слушнымъ нагороду и заплату учинити“ [5]).—„Коли бы при какой ве-

---

[1]) Напр. Трет. Ст. XI, 21, 22, 23, 26; XII, 1, 7; XIV, 21, 32 и др.

[2]) См. напр. Трет. Ст. IV, 48, 49; XI, 25, 37; XIV, 13 и др.

[3]) См. заглавіе артикула.

[4]) См. Перв. Ст. I, 13; Трет. Ст. IV, 31.

[5]) См. Трет. Ст. IV, 31. Можно думать, что съ такимъ же содержаніемъ уплата шкодъ является и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Ср. напр. Перв. Ст. VII, 7; Вт. Ст. XI, 11; Трет. Ст. XI, 40; IV, 48 и 49; 98; XII, 14; Судебникъ Казиміра, ст. 8 и мн. др.

черней зваде некоторый человекъ свечу загасилъ, а в том некоторый с тыхъ, который при той зваде был, а ранен былъ, неведаючы от кого, а позвалъ до суда того, который свечу загасил, мовечы такъ, же я в той зваде ранен был, а не ведаю от кого за причиною твоею...; тогды тотъ, который свечу загасил, повинен ему раны платити, так тежъ о головщину в такой пригоде хочем быти сужоно, а тотъ, заплатившы раны або головщину, мает собе винного искати“ [1]). — „Когды бы чый слуга, або врядникъ, або хто жъ кольвекъ лезный, безъ службы при комъ мешкаючы, вчынившы кому кгвалтъ домовый або головщизну, и утекъ, а въ его пана черезъ сторону былъ застатъ и прыповеданъ, а онъ, справедливости з него не учинивъшы албо выдати его не хотечы, черезъ тую заповедь его упустилъ, тогды тотъ панъ, чый слуга то учинилъ, самъ кгвалтъ и головщизну и шкоду маеть платити, а собе искати на слузе“ [2]). — „Кгды бы кому кольвекъ в чиемъ дому шляхетскомъ або на дорозе, съ причины и направы господаря домового, бой, раны або якии шкоды сталися..., таковый (господарь) повиненъ будеть оные раны и шкоду своими власными пенезьми платити и оправовати, а тыхъ кгвалтовниковъ або шкодниковъ, хто бы то учинилъ, собе искати“ [3]).

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ штрафы взыскиваются не съ того лица, которое непосредственно виновно въ совершеніи даннаго преступленія. Вслѣдствіе этого здѣсь почти каждый изъ штрафовъ является съ двойственнымъ характеромъ: какъ выраженіе отвѣтственности за собственную вину платящаго штрафъ, онъ имѣетъ карательное значеніе; какъ вознагражденіе потерпѣвшаго, лишеннаго возможности осуществить свое имущественное требованіе относительно преступника, онъ имѣетъ значеніе гражданское, стоитъ рядомъ съ возна-

---

[1]) См. Перв. Ст. VII, 24; Вт. Ст. XI, 27; Трет. Ст. XI, 11. Во второмъ и третьемъ Статутахъ кромѣ того добавлено: „заплативши вси раны або головщизну и *заседьвши головщизну и заседьвши годъ и шесть недель, маеть собе винного искати*“, т. е. погасившій свѣчу подвергается тому же наказанію, что и убійца, если убійство совершено въ звадѣ (ср. Вт. Ст. XI, 26; однако Трет. Ст. XI, 10).

[2]) См. Перв. Ст. VII, 27; Вт. Ст. XI, 30; Трет. Ст. XI, 37.

[3]) См. Перв. Ст. VII, 18; Вт. Ст. XI, 20; Трет. Ст. XI, 41. Другіе примѣры: Вт. Ст. XII, 9, 10; XIV, 23; Попр. Статут. стр. 206—207; Трет. Ст. IV, 29, 48, 49, 98; XI, 67; XII, 14, 18; Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2040, № 8, листъ 408 на об.; Судебникъ Казиміра, ст. 8 и мн. др.

гражденіемъ за шкоды и, какъ мы видѣли [1]), иногда даже является подъ этимъ именемъ, такъ что выраженіе „маеть шкоды платити“ оказывается въ такихъ случаяхъ равнозначащимъ выраженію „маеть головщину, навязку, кгвалтъ etc. и шкоды платити“. Очевидно, уплата „шкоды“, такъ понимаемой, не имѣетъ чисто гражданскаго значенія, но носитъ въ значительной степени характеръ карательный, штрафной.

3. Карательный элементъ въ гражданскихъ взысканіяхъ.

Здѣсь мы приближаемся къ весьма важному и интересному вопросу о связи „шкодъ“ и „караній“, объ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ. До сихъ поръ мы разсматривали частноправное, гражданское значеніе „караній“; теперь разсмотримъ уголовное значеніе „шкодъ“. Мы видѣли, что нѣкоторые штрафы (головщина, навязка) по самой природѣ правонарушенія и всѣ вообще штрафы въ опредѣленныхъ случаяхъ имѣютъ значеніе гражданскаго вознагражденія потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія; посмотримъ, не пріобрѣтаетъ ли иногда уплата шкодъ штрафного характера, благодаря которому въ томъ или другомъ случаѣ дѣлается совершенно излишнимъ назначеніе особаго каранья.

Теоретически возможность карательной окраски гражданскихъ взысканій стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Разъ нарушается равновѣсіе между виновностью и отвѣтственностью за убытки, разъ размѣръ убытковъ, подлежащихъ возмѣщенію, не соотвѣтствуетъ винѣ отвѣчающихъ за нихъ,— имѣются на лицо всѣ условія, необходимыя для того, чтобы вознагражденіе за шкоды получило карательный характеръ [2]). Но даже и при полномъ соотвѣтствіи между виной и размѣ-

---

[1]) См. первый изъ приведенныхъ примѣровъ.

[2]) „Es ist ein sehr scheinbarer Gedanke: wenn Schuld und Schaden bewiesen sind, versteht sich die Verpflichtung zum vollen Schadensersatz von selbst, oder anders ausgedrückt: es genügt für letzteren der blosse Causal nexus. Aber jener Schluss ist ein Trugschluss, und zwar ein höchst gefährlicher. Soll der Mandatar haften, wenn er es versäumt hat, einen Brief, von dessen rechtzeitiger Abgabe für den Absender tausende von Thalern abhängen, zu bestellen? Der Causalnexus lässt sich hier möglicherweise mit der grössten Evidenz herstellen. Aber wer wird noch contrahiren wollen, wenn er eine kleine Vergesslichkeit mit seinem ganzen Vermögen bezahlen soll?“ См. *Jhering*, Das Schuldmoment, стр. 55—56. Тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ: „Ueberall ist es ihre (d. röm. Jurisprudenz) Sorge, dass der Anspruch des Verletzten auf Leistung des Interes-

ромъ вознагражденія за вредъ послѣднее можетъ имѣть нѣкоторыя черты, приближающія его къ „каранью“: уплата шкодъ можетъ разсматриваться какъ выраженіе извѣстнаго смиренія, признанія собственной неправоты и желанія искупить ее или, по крайней мѣрѣ, какъ выраженіе внѣшняго униженія обидчика, какъ символъ побѣды „укривжонаго“ надъ своимъ „шкодникомъ“. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ уплата шкодъ является для одной стороны наказаніемъ и искупленіемъ собственной вины, для другой—удовлетвореніемъ за кривду.

При громадной широтѣ сферы примѣненія карательнаго начала въ древнемъ правѣ область гражданскихъ взысканій не могла остаться внѣ его вліянія. Думаютъ, что древнее право вовсе не знало исковъ, направленныхъ на возмѣщеніе убытковъ отъ правонарушенія въ ихъ чистомъ видѣ: всякое правонарушеніе соединялось съ наказаніемъ или, по крайней мѣрѣ, влекло за собой уплату штрафныхъ шкодъ (вдвое, втрое, по наивысшей рыночной цѣнѣ и пр.)[1]). Въ гражданской области только постепенно, вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ права, идея наказанія уступила мѣсто идеѣ вознагражденія за вредъ и убытки[2]); но и до настоящаго времени обѣ области далеко еще не такъ рѣзко разграничены, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Литовскій Статутъ не представляетъ исключенія. Его карательныя мѣры въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, сливаются съ мѣрами гражданскаго удовлетворенія; наоборотъ, мѣры гражданскихъ взысканій очень часто входятъ въ область уголовнаго права, какъ

---

ses sich rein auf letzteres beschränke und nicht in eine poena ausarte, d. h. ihm mehr zuwende, als er ohne die widerrechtliche Handlung des Gegners gehabt haben würde. An Versuchungen zum Gegentheil fehlte es nicht; ich will einige namhaft machen. Die mora überträgt den casus auf den Schuldner. Aber wie, wenn der casus auch bei rechtzeitiger Leistung eingetreten wäre, also den Gläubiger getroffen haben würde? Ein Richter der alten Zeit würde darauf sicherlich keine Rücksicht genommen haben, aber die neuern Juristen sprechen in diesem Fall den Schuldner frei, denn hier würde der Schadensersatz in eine poena übergehen“ (ib. стр. 64).

[1]) „Das alte Recht kannte meines Wissens“, говоритъ Іерингъ, „keine einzige auf blossen Schadensersatz gerichtete Delictsklage, sondern jede derselben ging auf Strafe und zwar mindestens auf das Doppelte“. См. *Jhering*, указ. соч. стр. 62—63. „Die Verpflichtung zum Schadensersatz fällt nach römischer Auffassung unter den Gesichtspunkt der Strafe“ (ib., стр. 44). См. *Du-Boys*, указ. соч. т. I, стр. 101, 155; *Loiseleur*, указ. соч. стр. 84; *Schröder*, указ. соч. стр. 345.

[2]) См. *Jhering*, указ. соч. стр. 61, 66, 67 и др. „Die Thatsache ist, dass auf dem Gebiete des Civilrechts die Idee der Strafe der des Schadensersatzes erlegen ist“.

имѣющія всѣ черты, присущія наказанію того времени. Вознагражденіе за шкоды пріобрѣтаетъ характеръ „каранья“ въ трехъ случаяхъ:

а) *Когда по свойству самаго правонарушенія уплата шкодъ оказывается достаточнымъ удовлетвореніемъ и за кривду (что особенно часто бываетъ при уплатѣ шкодъ однимъ лицомъ вмѣсто другого), или вообще когда она не является только возвращеніемъ равноцѣнности того, что добыто посредствомъ правонарушенія, но дѣйствительно уменьшаетъ собственное имущество того, кто платитъ шкоду.*

б) *Когда подлежатъ возмѣщенію убытки болѣе отдаленные, особенно тѣ, которые входятъ въ составъ lucrum cessans.*

в) *Когда, наконецъ, размѣръ гражданскаго вознагражденія опредѣляется выше дѣйствительныхъ убытковъ (штрафныя шкоды въ тѣсномъ смыслѣ этого слова).*

а) При ближайшемъ знакомствѣ съ Литовскимъ Статутомъ изслѣдователя поражаетъ одно явленіе, часто встрѣчающееся въ этомъ кодексѣ: послѣдствія многихъ правонарушеній, представляющихъ всѣ черты кривды, вины и выступка, ограничиваются исключительно той сферой, содержаніе которой составляютъ разные виды гражданскаго вознагражденія потерпѣвшаго. Съ современной точки зрѣнія слѣдовало бы всѣ эти правонарушенія разсматривать только какъ правонарушенія гражданскія; слѣдовало бы отмѣтить, что (какъ это ни странно) въ такихъ-то и такихъ-то случаяхъ Л. Статутъ еще не усвоилъ правильной точки зрѣнія на данное правонарушеніе, какъ на дѣйствіе общевредное и общеопасное. Но подобный выводъ врядъ ли будетъ правильнымъ.

Въ старомъ законодательствѣ воровство является однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ и наиболѣе древнихъ преступленій [1]). Преступленіе это довольно рано въ исторіи уголовнаго права всѣхъ народовъ пріобрѣтаетъ характеръ публичности; это отражается между прочимъ и на его наказуемости: личныя наказанія за воровство встрѣчаются въ древнѣйшія эпохи права. Такой же характеръ имѣетъ „злодѣйство“ и по Л. Статуту. Между тѣмъ въ очень многихъ случаяхъ прикосновенности къ этому преступленію, а иногда и въ случаяхъ

[1]) См. *Богдановскаго*, Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи, стр. 101.

совершенія его виновный не несетъ иного наказанія, а только „маеть шкоды платити“.

„Тежъ уставуемъ..., естли бы хто стрельцовъ послалъ въ чужую пущу або самъ украдомъ зверь побилъ; тогды, естли на него будетъ доводомъ слушнымъ переведено колко зверу в бито, таковый *мает зверь платити под ценою ниже написаною* [1]). А естли бы стрелца поимано надъ зверемъ вбитымъ въ пущи; тогды мает веденъ быти до враду, а з ураду *маеть быти на смерть сказанъ*, яко иншые злодеи“[2]).—„Пакли жъ бы хто кому злодѣйскимъ обычаемъ гай порубалъ, а его зъ лицомъ и съ деревомъ поймано; тогды *маеть откупити горло свое*; естьли жь бы самого не поймано, а лице бы вынето, тогды за кождое дерево (*маеть заплатити цену*)“ [3]).—„А естли бы лице въ дому застато и дети и жона при томъ были и тыхъ речей краденыхъ, ведаючы ихъ быти крадеными, ужывали, тогды они *повинъни будуть тую шкоду платити*, а в недостатку заплаты и сами головами выдаваны быти, нижли не въ вечъную неволю, одно покуль ся выробить, яко тымъ, которые бы закуплены были“ [4]).—„Где бы хто кольвекъ шляхтича... третий разъ с причынъ певныхъ, а не згола, але за третимъ поволаньемъ о злодейство обвинилъ, тогъды вжо самъ третий з шляхтою оселою, з людми веры годными и неподойзреными, отъ того отприсягнутися маеть, а естли бы сполна светковъ не мелъ, хотя бы одного недоставало, с кимъ отъприсягнути ся, тогды за доводомъ слушнымъ або за присягою жалобника (въ томъ, что данный шляхтичъ его злодѣй, его шкодникъ) *маеть всю шкоду ему заплатити*“ [5]). —„Если бы тотъ злодей (подвергнутый пыткѣ) для чаровъ спалъ, а муки не чулъ, а тые чары былибы при немъ найдены у вустехъ або на голове у волосехъ, подъ пахами, або где индей, тогды... таковый *приличный зло-*

---

[1]) См. Перв. Ст. IX, 2; Вт. Ст. X, 2; Трет. Ст. X, 2. Артикулъ озаглавленъ: „Цена зверомъ дикимъ“.

[2]) См. Перв. Ст. IX, 1; Вт. Ст. X, 1; Трет. Ст. X, 1. Статутъ относитъ это преступленіе къ злодѣйству; ср. Трет. Ст. XIV, 27.

[3]) См. Перв. Ст. IX, 18; Вт. Ст. X, 15; Трет. Ст. X, 15 (въ послѣдней редакціи прибавлена „вина злодейская“). Указываемая Статутомъ „цена дереву“ вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣнѣ рыночной.

[4]) См. Перв. Ст. XIII, 27; Вт. Ст. XIV, 21; Трет. Ст. XIV, 23.

[5]) См. Вт. Ст. XIV, 7; Трет. Ст. XIV, 10.

дей [1]), хотя бы ся за такими чары до злодейства не призналъ, *будетъ повиненъ стороне жалобливой шкоду платити*“ [2]).

Какъ должны мы смотрѣть на уплату шкодъ во всѣхъ этихъ случаяхъ? Очевидно, нельзя сказать, что здѣсь уплата шкодъ есть „каранье“: шкоды здѣсь, какъ и вообще, являются вознагражденіемъ за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ. Но безспорно также, что въ приведенныхъ примѣрахъ уплата шкодъ имѣетъ значеніе каранья, имѣетъ нѣкоторыя своеобразныя черты, приближающія ее къ каранью: уплата шкодъ является здѣсь для потерпѣвшаго удовлетвореніемъ за кривду, для преступника—искупленіемъ собственной вины [3]). Конечно, эти черты не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы такого рода вознагражденіе за шкоды прямо относить къ числу своеобразныхъ карательныхъ мѣръ эпохи Статутовъ, но отмѣтить ихъ необходимо, такъ какъ, благодаря такому соединенію въ шкодахъ элементовъ уголовнаго наказанія и гражданскаго удовлетворенія, встрѣчаются иногда мѣры, которыя съ полнымъ правомъ могутъ быть помѣщены какъ въ ряду гражданскихъ взысканій, такъ и въ ряду уголовныхъ наказаній.

Впрочемъ, мы можемъ отмѣтить одно мѣсто кодекса, въ которомъ даже такая уплата шкодъ названа „навязкой“, т. е., говоря другими словами, отнесена къ числу караній [4]). Именно, въ ряду другихъ случаевъ, болѣе или менѣе аналогичныхъ только что приведеннымъ [5]),

---

[1]) Человѣкомъ „приличнымъ“ или „лицованымъ“ Статутъ называетъ: а) того, кто захваченъ съ поличнымъ, б) того, кто хотя „на тотъ часъ безъ лица будетъ пойманъ“, однако былъ захваченъ съ „лицомъ“ раньше, в) того, наконецъ, въ чьемъ дому найдено лицо и при томъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій. См. Вт. Ст. XIV, 14, 15, 12 и др.

[2]) См. Перв. Ст. XIII, 14; Вт. Ст. XIV, 15; Трет. Ст. XIV, 18. Друг. случаи см. Перв. Ст. XIII, 5, 6, 22, 25; Вт. Ст. X, 13, 14; XIV, 1, 5, 6, 10, 16, 23; XII, 10; Попр. Стат. стр. 207; Трет. Ст. XII, 14, 18; XIV, 1, 2, 5, 9, 13, 19, 20. Ак. Кіев. Центр. Арк. 2036, № 13, листъ 13; № 1, листъ 157 на об.

[3]) См. Перв. Ст. VI, 1: судья платитъ шкоды и наклады за ту кривду, которую онъ причинилъ своимъ неправосудіемъ. Ср. Вт. Ст. X, 17 и Трет. Ст. X, 17: виновный въ поджогѣ лѣса искупаетъ свою вину уплатой шкодъ (по Вт. Ст. „маетъ горломъ каранъ быти“).

[4]) О разныхъ значеніяхъ навязки см. во второмъ отдѣлѣ (о карат. мѣрахъ).

[5]) См. Перв. Ст. VI, 1, 27; VII, 7, 18; VIII, 6; Вт. Ст. I, 25; III, 17; IV, 14, 50, 67; VI, 4, 9; IX, 16; XI, 11, 20; XIII, 1, 14; Трет. Ст. I, 29; III, 21; IV, 37, 48, 98; IX, 29; X, 17; XI, 40, 41; Суд. Казиміра, ст. 8.

мы встрѣчаемъ слѣдующій: „Естли бы хто кому приказалъ слугу, а тот слуга, шкоду вчинивши тому пану своему, от него прочъ втекъ; тогды тот, который ему приказалъ..., сам повиненъ будет тую шкоду оправовати“ [1]). Артикулъ озаглавленъ: „К навезкам о приказ слуги“; значитъ, въ данномъ случаѣ уплата шкодъ разсматривается, какъ навязка. Надо замѣтить впрочемъ, что во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута мы только одинъ разъ встрѣтили это названіе въ примѣненіи къ такой уплатѣ шкодъ [2]). Быть можетъ, это редакціонная обмолвка, но во всякомъ случаѣ обмолвка весьма характерная и, какъ это мы сейчасъ увидимъ, во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствующая дѣйствительности, дѣйствительной природѣ отношеній.

б) Необходимость полнаго соотвѣтствія между степенью вины и размѣрами гражданскаго взысканія заставляетъ ограничивать извѣстными предѣлами отвѣтственность за вредъ вообще и въ особенности отвѣтственность за lucrum cessans. Но предѣлы эти въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ виду карательнаго характера взысканій, могутъ расширяться: виновный, кромѣ вознагражденія за тѣ убытки, которые подлежатъ возмѣщенію и въ обыкновенныхъ случаяхъ, вознаграждаетъ потерпѣвшаго также и за тѣ убытки, которые обыкновенно не взыскиваются, но въ данномъ случаѣ подлежатъ возмѣщенію именно какъ наказаніе для виновнаго, дѣлающее отвѣтственность болѣе тяжкой и чувствительной [3]). Вслѣдствіе этого уплата этихъ шкодъ легко можетъ быть замѣнена уплатой какого нибудь изъ извѣстныхъ Статуту штрафовъ.

---

[1]) См. Перв. Ст. XI, 14. Приказанымъ слугой назывался тотъ, служба котораго обезпечивалась ручательствомъ сторонних лицъ, бравшихъ на себя отвѣтственность за всякую неисправность приказанаго слуги. См. *Леонтовича*, Крестьяне юго-зап. Россіи, Универ. Изв., 1863 г. № 10, стр. 8. *Maciejowskiego*, Historya, т. V, стр. 406.

[2]) Ср. Вт. Ст. XII, 14; Трет. Стат. XII, 22.

[3]) Такое расширеніе предѣловъ обыкновенной гражданской отвѣтственности встрѣчается и въ современномъ правѣ, но, конечно, здѣсь оно имѣетъ совершенно иное значеніе и не имѣетъ никакого отношенія къ карательнымъ мѣрамъ (въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ въ современномъ уголовномъ правѣ). См. *Таганцева*, Леціи, вып. III, стр. 994: „Доходъ косвенный или вѣроятный, который могъ бы получить хозяинъ, возмѣщенію не подлежитъ... Впрочемъ, ст. 645 т. X, ч. I говоритъ, что если преступное дѣяніе учинено именно съ намѣреніемъ причинить потерпѣвшему болѣе или менѣе важные убытки или потери, то виновный обязанъ вознаградить не только за убытки, непосредственно происшедшіе отъ сего дѣянія, но и за всѣ тѣ, хотя и болѣе отдаленные, которые имъ дѣйствительно съ симъ намѣреніемъ причинены“.

Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ видъ вознагражденія за lucrum cessans, который носитъ спеціальное названіе „навязки за омешканье роботы“. Лицо, захватившее (добросовѣстно или недобросовѣстно) чьего-нибудь человѣка (холопа) и не пожелавшее по первому требованію „вчинить справедливость“ [1]) на этого человѣка и выдать его, отвѣчаетъ передъ земскимъ судомъ и, если окажется, что предъявленное къ нему требованіе основано на правѣ, обязывается выдать захваченнаго и при томъ съ навязкой „за омешканье роботы“, т. е. „маеть отъ кождое головы за каждую неделю по шести грошей заплатити“ [2]). Говоря безотносительно, эта „заплата“ представляетъ изъ себя самое обыкновенное вознагражденіе за причиненные убытки; такъ и называетъ ее въ нѣкоторыхъ (рѣдкихъ) случаяхъ Статутъ: „маеть шкоду оправити отъ того часу, отъ которого ему тая челядь не робила, мужику и жонцѣ за кождую недѣлю по шести грошей“ [3]). Почему же этотъ видъ гражданскаго вознагражденія въ большинствѣ случаевъ [4]) носитъ названіе навязки? Терминъ навязка, какъ увидимъ впослѣдствіи, всегда употребляется для обозначенія опредѣленнаго вида штрафовъ; да и по своему грамматическому значенію слово это обозначаетъ уплату какого-то излишка, уплату чего-то лишняго. Остается выбирать одно изъ двухъ: или въ данномъ случаѣ терминъ навязка выражаетъ не то, что имъ обыкновенно обозначается, или же онъ сохраняетъ свое обыкновенное значеніе, и въ такомъ случаѣ разсматриваемый видъ вознагражденія за убытки имѣетъ, слѣдовательно, нѣкоторыя черты, ставящія его на ряду съ „караньями“.

При ближайшемъ знакомствѣ съ тогдашней судебной практикой и съ кодексомъ мы должны признать послѣднее. Конечно, мы не можемъ сказать, что имѣемъ здѣсь дѣло со штрафными шкодами въ

---

[1]) Т. е. разобрать въ порядкѣ вотчиннаго суда основательность предъявленныхъ требованій.

[2]) См. Перв. Ст. X, 11; XI, 9; XII, 5, 8; Вт. Ст. VII, 19; XII, 9; XIV, 29; Попр. Стат. стр. 207; Трет. Ст. XII, 14, 15, 17; ср. Перв. Ст. VI, 10; XII, 5.

[3]) См. Трет. Ст. XII, 18; Вт. Ст. XII, 10; Ср. Перв. Ст. VIII, 20; Вт. Ст. IX, 19; Трет. Ст. VII, 22; IX, 29; XI, 4.

[4]) См. Перв. Ст. VI, 10; X, 11; XI, 9; XII, 5, 8; Вт. Ст. VII, 19; XII, 9; XIV, 29; Поправ. Ст. стр. 207; Трет. Ст. XII, 14, 15, 17. Навязка платится „по неделямъ подле давного обычая“ не только въ случаяхъ „омешканья роботы“ людьми, но также и за „омешканье роботы“ рабочаго скота (коней, быдла) и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ (см. Перв. Ст. VI, 10; Ср. Перв. Ст. XII, 5).

тѣсномъ смыслѣ этого слова [1]): размѣръ вознагражденія за „омешканье роботы“ хотя и очень великъ сравнительно съ обыкновенной платой того времени за работу въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока, однако ничѣмъ не превышаетъ обыкновенной платы за поденную работу—какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вознагражденіе взрослаго рабочаго равняется одному грошу въ день или шести грошамъ въ недѣлю [2]). Такимъ образомъ вознагражденіе за „омешканье роботы“ можно считать навязкой (т. е. излишкомъ платы сверхъ вознагражденія шкодъ) только при томъ условіи, если и въ дѣйствительности оно являлось расширеніемъ предѣловъ обыкновенной отвѣтственности за шкоды и обусловливалось главнымъ образомъ карательными задачами. Этотъ карательный характеръ навязки „за омешканье роботы“ въ высшей степени рельефно выступаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

„Естли бы на дорозе погонити не могъ, а в дому чиемъ засталъ (выведенную или выкраденную челядь) урядовне з вознымъ и зъ стороною, а онъ бы (т. е. тотъ, у кого найдена украденная челядь) тое челяди выдати не хотелъ, тогды тотъ укривжоный маеть собе справедливости водлугъ права доводити, и с права найдет ли се то, ижъ ее выдати не хотелъ, тогды онъ отъ того часу, якъ много тыхъ людей або челяди у себе задержалъ, *маетъ ихъ навезати, то естъ за омешканье роботы* ихъ отъ кождое головы за кождую неделю по шести грошей заплатити, *а отъ детей малыхъ, которые еще робити не могутъ, по два гроши*“ [3]).

Законодатель совершенно случайно объяснилъ, что онъ понимаетъ подъ навязкой „за омешканье роботы“, когда сказалъ: *дѣти, неспособныя къ работѣ*, навязываются „*за омешканье роботы*“ двумя грошами въ недѣлю.

в) Указанная связь между карательными и вознагражденіемъ за шкоды получаетъ иногда весьма характерное внѣшнее выраженіе; въ

---

[1]) См. ниже стр. 82 и сл.

[2]) Ак. Вил. Ком. т. XVII, № 376, стр. 145. Въ XVII столѣтіи поденная плата рабочему возросла до 10 грошей (для женщины 6 грошей); см. Ак. Вил. Ком. т. XV, № 283, стр. 453—454. Ср. Перв. Ст. XI, 6, 7, 8; Вт. Ст. XII, 5, 7; Трет. Ст. XII, 9, 11; XIV, 7, 11; Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. LVI.

[3]) Трет. Ст. XII, 15.

нѣкоторыхъ случаяхъ уплата шкодъ является караньемъ (а, слѣдовательно, и удовлетвореніемъ за кривду) потому именно, что карательный характеръ отражается на ея размѣрахъ: виновный платитъ не просто *шкоду*, но *шкоду штрафную*. Простѣйшій примѣръ такого гражданскаго вознагражденія представляетъ уплата кратныхъ шкодъ, съ которой мы встрѣчаемся въ древнемъ законодательствѣ всѣхъ народовъ [1]): тотъ, кто нарушилъ мои имущественные интересы, кто причинилъ мнѣ матеріальный ущербъ, виноватъ предо мною; я обиженъ, я требую удовлетворенія, для котораго недостаточно, если мой обидчикъ просто возмѣститъ мнѣ мой ущербъ—за обиду онъ долженъ уплатить мнѣ вдвое, втрое и под. Только такая „заплата“ можетъ удовлетворить древняго человѣка, у котораго такъ сильно развито чувство мести, желаніе отплаты [2]).

Въ Литовскомъ Статутѣ съ такимъ вознагражденіемъ за шкоды мы встрѣчаемся на каждомъ шагу. Для обозначенія его употребляются спеціальные термины: „платити шкоду совито“, „платити шкоду съ навязкой“, „навязывати шкоду“, „навязывати шкоду совито“, „платити совитую (троякую) навязку“ и под. [3]).

Нетрудно замѣтить, что въ случаяхъ уплаты кратныхъ шкодъ смѣшеніе уголовнаго каранья и гражданскаго вознагражденія является только кажущимся; мы безъ всякаго затрудненія можемъ выдѣлить ту часть, которая представляетъ изъ себя гражданское вознагражденіе въ его чистомъ видѣ, и ту, которая является штрафомъ, навязкой; можно сказать, что въ этихъ случаяхъ размѣръ штрафа опредѣляется въ зависимости отъ размѣра шкодъ.

Но разложеніе штрафныхъ шкодъ на ихъ составныя части бываетъ далеко не всегда удобоисполнимо и возможно: уплата штрафныхъ шкодъ является въ видѣ уплаты кратныхъ шкодъ только въ простѣйшихъ (хотя и наиболѣе частыхъ) случаяхъ; въ другихъ случаяхъ размѣръ штрафныхъ шкодъ опредѣляется не простымъ увели-

---

[1]) См. *Du-Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр. 101, 155; *Jhering*, Das Schuldmoment, стр. 18, 62—63; *Баронъ*, Система рим. гражд. права, изд. 1888 г., вып. III, стр. 159.

[2]) См. *Jhering*, указ. соч. стр. 18.

[3]) Напр. Трет. Ст. III, 37; XI, 1; XIII, 2 и мн. др.—второе значеніе термина „навязка“.

ченіемъ суммы дѣйствительныхъ убытковъ вдвое, втрое и под., но общимъ повышеніемъ размѣровъ гражданскаго вознагражденія. Такимъ образомъ очень часто вмѣсто того, чтобы назначать уплату шкодъ съ навязкой, законодатель назначаетъ вознагражденіе за шкоды въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ высшей рыночной стоимости уничтоженнаго или поврежденнаго имущества[1]), или вообще назначаетъ такую „заплату", которая превышаетъ даже возможный въ данномъ случаѣ максимальный размѣръ дѣйствительныхъ убытковъ. Само собою разумѣется, что элементъ гражданскаго удовлетворенія и уголовной отплаты сливаются здѣсь до того тѣсно, что отдѣленіе одного отъ другого становится рѣшительно невозможнымъ: одна и та же „заплата" является одновременно карательемъ и гражданскимъ вознагражденіемъ за причиненные убытки, что̀ отражается и на терминологіи кодекса, въ которомъ очень часто „заплата" эта появляется то съ однимъ, то съ другимъ наименованіемъ, противоположнымъ первому и по существу противорѣчащимъ ему (вина—шкода).

Ближайшее знакомство съ нѣкоторыми примѣрами убѣдитъ насъ въ справедливости сказаннаго.

При внимательномъ изученіи Л. Статута очень рельефно выступаетъ несоразмѣрно большая оцѣнка стоимости нѣкоторыхъ видовъ шкодъ, такъ что само собою напрашивается заключеніе, что это шкоды штрафныя, хотя прямого указанія на это нельзя отыскать въ кодексѣ. Чтобы правильно понять значеніе разнообразныхъ „заплатъ" въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно подозрѣвать, что имѣешь дѣло со штрафными шкодами, необходимо прежде всего уяснить себѣ, по какому изъ только-что указанныхъ способовъ опредѣленъ ихъ размѣръ: если „заплата" представляетъ не болѣе, какъ кратную величину обыкновенной шкоды, другими словами, если законодатель, вмѣсто предписанія платить шкоду совито или съ навязкой, самъ удвоиваетъ размѣръ подлежащей возмѣщенію шкоды и, не упоминая объ этомъ, ограничивается просто предписаніемъ, что виновный „маеть такую-то шкоду

---

[1]) Въ римскомъ правѣ отвѣтственность виновнаго въ убійствѣ чужого раба или четвероногаго стаднаго животнаго выражалась (по lex Aquilia) въ обязанности возмѣщенія вреда по высшей цѣнѣ убитаго, какая существовала въ послѣднемъ году; другіе убытки возмѣщались по высшей цѣнѣ за послѣдніе тридцать дней. См. *Барона*, указ. соч., вып. III, стр. 160. Ср. Перв. Ст. XII, 1; Вт. Ст. XIII, 1, 2; Трет. Ст. XIII, 1, 5.

платити",—тогда мы поступимъ вполнѣ правильно, если разложимъ эту шкоду на ея составныя части и будемъ разсматривать ее, какъ шкоду съ навязкой. Превосходный примѣръ такого чисто внѣшняго соединенія навязки и шкоды мы имѣемъ въ томъ артикулѣ Статута, гдѣ предусматривается насильственное уничтоженіе чужой сохи, вола и под. [1]).

„Тежъ уставуемъ, ижъ коли бы хто которую землю держалъ въ упокою три годы, а съ покоемъ ее сѣялъ або оралъ, а другій пришедшы на тое поле жыто пожалъ або жатое побралъ и вдарилъ самого, або человѣка его, або которого кольвекъ стану, або соху, колеса, борону зрубалъ и сошники взялъ; таковый маеть платити кгвалтъ дванадцать рублей грошей, а если возметъ безъ бою, то маеть шкоду платити зъ навезкою, коня конемъ, вола воломъ навезати, а за соху десеть грошей, а за нароги дванадцать грошей, за колеса дванадцать грошей, за борону шесть грошей заплатити".

Въ данномъ случаѣ уже одно сопоставленіе первой и послѣдней части санкціи закона вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія: что это за цѣна сохи, колесъ, нароговъ, бороны? шкода ли это просто, или, быть можетъ, шкода совитая (съ навязкой)? Второй Статутъ [2]) не представляетъ никакихъ данныхъ для отвѣта на предложенный вопросъ. Но въ третьемъ Статутѣ, гдѣ приведенный артикулъ повторяется почти безо всякихъ измѣненій, мы находимъ въ особомъ XIII-омъ раздѣлѣ, почти всецѣло посвященномъ опредѣленію стоимости различныхъ предметовъ, одно мѣсто, гдѣ указана „цена речамъ дома робленымъ, одежы належачимъ и инъшымъ" и гдѣ между прочимъ указана цѣна колесъ: „за колеса мужицкие простые шесть грошей" [3]). Такъ какъ цѣна предметовъ, указываемая въ 5—12 артикулахъ XIII раздѣла, должна быть признана, безспорно, цѣной обыкновенной (здѣсь она указана безо всякаго отношенія къ тому или другому преступленію) [4]); такъ какъ,

---

[1]) Перв. Ст. VIII, 16; Вт. Ст. IX, 14; Трет. Ст. IX, 23; Ак. Вил. Ком. т. XVII, № 300, стр. 123.

[2]) Первый Статутъ выражается совершенно кратко: „тогды мает шкоду платити з навезкою".

[3]) Трет. Ст. XIII, 11.

[4]) Въ другихъ мѣстахъ кодекса мы нерѣдко находимъ ссылки на цѣны разныхъ предметовъ, какъ онѣ установлены въ данномъ раздѣлѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ артикулахъ, и всегда цѣны эти разсматриваются, какъ нормальныя. См. напр. Трет. Ст. III,

съ другой стороны, здѣсь цѣна колесъ указана вдвое меньшая, чѣмъ въ выше приведенномъ артикулѣ,—то выводъ ясенъ самъ собой: „двана-дцать грошей“ за колеса есть шкода съ навязкой; слѣдовательно, такого же рода шкоду мы имѣемъ и въ цѣнѣ другихъ рядомъ упоминаемыхъ предметовъ (сохи, нароговъ, бороны).

Въ другихъ случаяхъ несоразмѣрно большой оцѣнки нѣкоторыхъ видовъ вреда мы хотя и имѣемъ дѣло со штрафными шкодами, но для разложенія ихъ на составныя части нѣтъ никакихъ данныхъ ни въ самомъ Статутѣ, ни въ колеблющемся и непостоянномъ размѣрѣ дѣйствительныхъ шкодъ даннаго рода, вслѣдствіе чего назначенная Статутомъ цыфра можетъ стоять въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ цыфрѣ, выражающей дѣйствительные убытки [1]). Примѣры штрафныхъ шкодъ довольно многочислены и разнообразны. Мы приведемъ только наиболѣе характерные; относительно другихъ сдѣлаемъ самыя общія указанія, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ крайне трудно съ полной достовѣрностью установить штрафной характеръ шкодъ, такъ какъ краткое и неясное выраженіе кодекса (за то-то „маеть платити“ столько-то) часто допускаетъ весьма разнообразныя толкованія [2]).

„А вед же где бы выволаный угѣкъ ся до насъ (господаря), мѣнуючы быть укрывжонъ переводомъ права [3]) отъ стороны албо отъ вряду; таковому поднесеня до права [4]) маеть быти съ канцлярей нашой дати до суду нашого господарского..., а урадъ маеть справедливость учинити слушне права и статуту Великого Князьства Литов-

---

21, 26; IV, 98; IX, 23; X, 1, 3, 4, 5, 6, 11; ср. однако Вт. Ст. V, 11; Трет. Ст. V, 1, 3, 12; XIV, 28. Это же подтверждается и суд. актами—см. прим. 4 къ стр. 58.

[1]) Напр., Статутъ назначаетъ, положимъ, 100 копъ гр. („маеть платити за шкоду 100 копъ грошей“), въ дѣйствительности же въ разнообразныхъ аналогичныхъ случаяхъ истинный размѣръ шкоды можетъ выразиться и въ нѣсколькихъ грошахъ, и въ нѣсколькихъ десяткахъ грошей, и даже въ нѣсколькихъ десяткахъ копъ грошей.

[2]) „Платити столько-то“ можетъ означать, во-первыхъ, уплату обыкновенныхъ шкодъ, во-вторыхъ, уплату шкодъ штрафныхъ, въ-третьихъ, уплату штрафа.

[3]) „Злый переводъ права“—выигрышъ процесса благодаря какой-нибудь хитрости или обману. См. Трет. Ст. IV, 41; *Горбачевскаго*, Словарь древ. акт. языка etc, стр. 254.

[4]) Т. е. временная отмѣна выволанія, чтобы дать возможность выволанному „зъ стороною своею противною росправитися“. Трет. Ст. I, 12.

ского поступкомъ. А гды бысь з вылзку нашого господарского показало, ижъ врядъ подле права сказалъ; такъ *за страву и шкоду сто копъ грошей заплатити (маетъ)*“ [1]).—„А гдѣ бы ся то въ судѣ показало, сторона поводовая [2]) кого невинне кромѣ значноѣ слушное причины въ таковой речи (крывавой) доброй славѣ дотклыве обжаловала и въ книги вписати дала; таковый каждый за такую потварь [3]) маеть быти сказанъ на вязепе у вежи на пол року, и къ тому сторонѣ *за всѣ шкоды и наклади безъ доводу сто копъ грошей заплатити будетъ повыненъ заразомъ*“ [4]).—„Если бы тежъ хто будучи о похвалку на здоровье або на пожогу вчиненую позванъ, а ку праву безъ причинъ правныхъ не сталъ, або ставши передъ врядомъ и по доводе на него тое похвалки а поруки по собе не даючи, и до везенья ити не хотелъ и въ томъ ся вряду спротивилъ и послушенъ не былъ, а былъ бы такъ можнымъ, же бы его врядъ до везенья примусити не могъ, тогды за то самъ маеть быти до насъ господара черезъ листъ отвороный оного вряду на выволанье отосланъ, а къ тому *за наклады и шкоды стороне жалобной маетъ тотъ врядъ на именью того противного пятьдесятъ копъ грошей отправити*“ [5]).—„Хто бы чужое дерево бортное со пчолами, сосну, або дубъ, або иншое дерево бортное сказилъ, корень у земли урубалъ, або пожаромъ огожъ (ожогъ?), або яко кольвекъ и неумыслне с пригоды попсовалъ, тотъ за кождое дерево со пчолами будетъ виненъ платити по две копе грошей, а за выробленое без пчолъ копу грошей, за кремъ полъкопы грошей; а хто бы квалтовне умыслне вытискаючи кого з крунту або з уходовъ звечныхъ албо тежъ злодейскимъ обычаемъ дерево борътное очеръ [6]), або зжогъ, або знамена вырубалъ, або огнемъ выжогъ, а то бы на него переведено, тогды маетъ тому пану, чые дерево, такъ платить: *за бортъ со пчолами не подъбираными три рубли грошей* [7]), *за дерево бортное*,

---

[1]) Поправы Статутовыя, стр. 209—210.

[2]) Т. е. истецъ.

[3]) Potwarz—клевета, злословіе.

[4]) Попр. Стат. стр. 211.

[5]) См. Трет. Ст. XI, 40.

[6]) Очертить дерево—arborem siccare, т. е. подрубить корни дерева или какимъ-либо инымъ образомъ сдѣлать такъ, чтобы дерево засохло. См. *Ясинскаго*, указ. соч. стр. 180; Ак. Вил. Ком., т. XVII, стр. XXXIX.

[7]) „Не подъбираныя пчолы“=„пчолы неляжоныя“. По словамъ Раковѣцкаго, въ

где первей пчолы были, хотя безъ пчолъ за псованое по две копе грошей, за дерево на борть выробленое, где еще пчолы не были, копу грошей, а за кремъ безъ борти, иле ихъ сказилъ, за кождый по полъ копы грошей“ [1]).—„Коли бы шляхтичъ шляхтичу границу сказилъ, або огнемъ выжогъ [2]), або вырубалъ квалтовнѣ, або яко кольвекъ инакъ выказилъ, або копцы роскопалъ, або межу сказилъ..., тогды таковый маеть заплатити ображоному дванадцать рублевъ грошей, а суду земскому копу грошей, а *за кождый копецъ скажоный три копе грошей*“ [3]).

При внимательномъ разсмотрѣніи приведенныхъ примѣровъ всякій замѣтитъ, что, во-первыхъ, въ однихъ случаяхъ (первые три примѣра) установленъ общій размѣръ вознагражденія за такія шкоды, которыя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мотутъ достигать самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и которыя, слѣдовательно, ни коимъ образомъ не могутъ быть подведены подъ одинъ общій шаблонъ [4]); во-вторыхъ, въ

древнемъ польскомъ языкѣ употреблялось слово łażbić, въ смыслѣ pszczoły podbierać, т. е. выбирать медъ изъ улья. См. *Мрочка-Дроздовскаго*, Изслѣдованія о Рус. Правдѣ, вып. II, стр. 192, 218—219; это подтверждается Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2037, № 8, листъ 199 на об.: „онъ без ведомости его чегверы бчолы убортехъ сполечныхъ подлазити казал и мед собе побрал“. Въ Сенатскомъ изданіи Статута это мѣсто неправильно переведено: „борть безъ поврежденія пчелъ три рубля“. Ср. *Лаге*, Изслѣдов. объ уголов. правѣ Рус. Пр., стр. 207.

[1]) Перв. Ст. IX, 14, 15, 16; Вт. Ст. X, 13; Трет. Ст. X, 13. Ср. Ак. Вил. Ком., т. XV, № 47, стр. 60; т. XVII, № 306, стр. 125; Трет. Ст. X, 3, 6. Ср. Улож. Ал. Мих. X, 218, 240; *Sokolsky*, Beitrag zur Lehre etc., стр. 44—45; *Верховскій*, Источники Улож. Ал. Мих., Юрид. Вѣст. 1889 г., № 11.

[2]) „Zwykle zarąbywano na drzewach znaki, z spaleniem drzewa, nikły znaki graniczne“. См. *Czackiego*, O litew. i pol. prawach, т. II, стр. 190; Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 774, стр. 303.

[3]) Вт. Ст. IX, 9; Трет. Ст. IX, 18. Копецъ—насыпь изъ земли или небольшой курганъ для обозначенія границъ поземельной собственности; см. *Горбачевскаго*, Словарь древ. акт. языка etc.

[4]) Въ посольскихъ наказныхъ рѣчахъ 1538 года находимъ между прочимъ такіе мотивы просьбы княжатъ, пановъ и земянъ, чтобы ихъ не вызывали на судъ „зъ великого князства до коруны“: „Рачъ то, милостивый королю, ваша милость передъ себе взять, ижъ трафиться таковая пря, которая и за колько копъ не будеть стояти, а трафиться тежъ сутяжій якій упорный и вызоветь до коруны другого такового жъ собѣ ровного, приводячи его въ шкоду; тогды оный позваный во двой або во трой на собѣ мусить справити, нижли то стоить, о што на него жалуеть; а вызоветь ли которого поважнѣйшого, тогды и колькимъ десятъ копъ не обыйдеться; пакъ ли бы былъ вызванъ панъ который радный,

другихъ случаяхъ (примѣръ съ бортнымъ деревомъ) размѣръ вознагражденія за одну и ту же шкоду измѣняется въ зависимости отъ степени умышленности или неумышленности преступленія или отъ способа дѣятельности преступника [1]); въ-третьихъ, наконецъ, самая оцѣнка шкодъ является весьма преувеличенной [2]). Если-бы во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ дѣло шло объ уплатѣ обыкновенныхъ шкодъ, то ни одно изъ отмѣченныхъ нами явленій не имѣло бы никакого объясненія. Напротивъ, съ точки зрѣнія штрафныхъ шкодъ объясненіе ихъ не представляетъ затрудненія: въ каждомъ случаѣ размѣръ вознагражденія за шкоду опредѣленъ не столько въ соотвѣтствіи съ размѣрами дѣйствительно причиненнаго объективнаго вреда, сколько въ зависимости отъ общихъ карательныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ этимъ вознагражденіемъ. Такимъ образомъ, всѣ разсматриваемыя „заплаты“ съ равнымъ правомъ могутъ быть названы или штрафнымъ *вознагражденіемъ за шкоды* (какъ это дѣлаетъ въ большинствѣ случаевъ Статутъ) или *карaньемъ*, покрывающимъ шкоды (какъ это нерѣдко встрѣчается въ судебныхъ приговорахъ). Вотъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ:

„Мы судъ..., абы его милость панъ Борзобогатый... за учиненую отповѣдь и похвалку... *вины статутовое* копъ петдесятъ грошей литовскихъ... отдалъ и заплатилъ..., наказуемъ“ [3]).—„Мы судъ... *за учиненую одповѣдь и похвалку и поднятые шкоды* [4]) пятьдесятъ копъ..., а

тогды принамнѣй мусялъ бы о тысячу копъ наложити“. См. Ак. Юж. и Зап. Россіи, т. I, № 101, стр. 93. Дѣйствительно, въ судебныхъ актахъ мы встрѣчаемъ судеб. издержки самыхъ разнообразныхъ размѣровъ (отъ нѣсколькихъ грошей до нѣсколькихъ десятковъ копъ грош.)—см. Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 207, 219, 243, 300, 313, 358, 363, 373, 402, 419, 422, 427, 433, 434, 454, 471, 481; т. XVII, стр. 124, 184, 381, 408 и др.

[1]) Сначала за дерево съ пчелами указана одна цѣна (2 коп. гр.), потомъ другая (3 руб. гр.); то-же самое и за дерево безъ пчелъ (1 коп. гр., 2 коп. гр.).

[2]) Напр., можетъ-ли конецъ стоить три копы грошей, когда за „вкапываніе“ его подкоморый получалъ 12 гр.? (См. Вт. Ст. IV, 70). Неужели насыпка небольшого граничнаго холмика обходилась въ 168 гр., т. е. въ 10 руб. 50 коп., и это при существовавшихъ низкихъ размѣрахъ заработной платы?

[3]) См. Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 304, № 188. Ср. этотъ и слѣдующіе примѣры между собой и съ вышеприведеннымъ мѣстомъ Статута (Трет. Ст. XI, 40).

[4]) Т. е. шкоды, соединенныя съ первоначальнымъ „оповеданіемъ и записаніемъ похвалки до книгъ“ (см. Трет. Ст. XI, 40), такъ какъ прочія шкоды подлежатъ особому

самого его пана Яна Берновича за туюжъ учиненую отповѣдь и похвалку на выволанье его милости отцу архимандритѣ Слуцкому всказуемъ“ [1]).—„Мы судъ... *за удѣланую похвалку и шкоды, наклады* петьдесятъ копъ... на его милости пану Войнѣ, старостѣ Браславскимъ, и пани малжонцѣ его милости (всказуемъ)“ [2]).—„Мы судъ... за удѣланую одповѣдь и похвалку *вины водлугъ права и за шкоды* петьдесятъ копъ грошей литовскихъ... на ихъ милостяхъ панахъ Лескевичахъ... всказуемъ“ [3]).—„Хто бы кого позвавши... на роки судовые... самъ безъ слушныхъ прычинъ з доводомъ своимъ несталъ, тогды, естли бы тотъ же и о тожъ другий разъ сторону свою противную позвалъ, *маетъ первей за нестанье свое позваному страву заплатити*“ [4]).—„Хто бы будучи позванъ на перъшихъ рокохъ земскихъ не сталъ..., таковый маетъ стороне на другихъ рокохъ, первей нижли в судъ уступить, *заплатити нестайного..., а естлибы... вины нестанъное вышей мененое* заплатити за разомъ нехотелъ..., в речи своей упадаетъ“ [5]).

Сказаннымъ вполнѣ уясняется общій характеръ штрафныхъ шкодъ. Приведенные же примѣры являются типическими примѣрами и для всѣхъ остальныхъ случаевъ, когда вообще Статутъ назначаетъ въ такомъ же видѣ плату за шкоды [6]). Слѣдуетъ замѣтить, впро-

---

возмѣщенію: „...за учиненую одповѣдь и похвалку вины петьдесятъ копъ грошей литовскихъ, за шкоды наклады правные зъ уваженья нашого (судей) двѣстѣ золотыхъ“... См. Ак. Вил. Ком., т. XV, № 295, стр. 481.

[1]) Ак. Вил. Ком., т. XV, № 191, стр. 307.

[2]) Ак. Вил. Ком., т. XV, № 213, стр. 338.

[3]) Ак. Вил. Ком., т. XV, № 230, стр. 365; № 259, стр. 413; № 271, стр. 430; № 282, стр. 451 и мн. др., напр., ib. стр. 149, 304, 350, 370, 372, 377, 385, 407, 411, 454, 471, 477, 478, 481 и др.

[4]) Вт. Ст. IV, 14; Трет. Ст. IV, 24 (ср. нач. и конецъ арт.). Въ третьемъ Статутѣ для различныхъ рязрядовъ лицъ опредѣляются и различные размѣры „стравы“ (10 коп. гр., 5 копъ гр.), что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ положеніямъ, выраженнымъ въ извѣстныхъ намъ наказныхъ рѣчахъ—см. выше прим. 4 къ стр. 87.

[5]) Перв. Ст. VI, 17; Вт. Ст. IV, 12, 13; Трет. Ст. IV, 22, 23, 60; Устав. земск. Грам. стр. 187; ср. Трет. Ст. I, 14; IV, 25, 44, 48, 75, 94; IX, 6,7; XII, 9; Вт. Ст. IV, 15, 64; Перв. Ст. VI, 19; Ак. Вил. Ком., т. XV, № 277, стр. 439.

[6]) Перв. Ст. IX, 10; Вт. Ст. X, 9; Трет. Ст. X, 9 (плата за бобровые гоны—ср. Перв. Ст. VIII, 12).—Перв. Ст. IX, 9; Вт. Ст. X, 8; Трет. Ст. X, 8 (плата за соколье или лебединое гнѣздо, за перевѣсъ).—Перв. Ст. IX, 12, 13; Вт. Ст. X, 11, 12; Трет. Ст. X, 11, 12 (плата за принады или за шатеръ—ср. *Лаппе*, Изслѣд. о Рус. Правдѣ, стр. 193—194).—Перв. Ст. IX, 17; Вт. Ст. X, 14; Трет. Ст. X, 14 (плата за пчелы—ср. Ак.

чемъ, что случаи этого рода встрѣчаются, вообще говоря, довольно рѣдко, и что по общему правилу, несмотря на всѣ приведенныя отступленія, каранье въ Литовскомъ Статутѣ довольно рѣзко выдѣлено отъ тѣхъ послѣдствій, которыя входятъ въ составъ гражданскаго вознагражденія за вредъ и убытки отъ преступленія.

Б. Пеня или неустойка въ сдѣлкахъ гражданскаго права.

Въ области гражданскаго права мы и въ настоящее время встрѣчаемся съ своеобразными мѣрами, которыми пользуются для укрѣпленія или обезпеченія заключаемыхъ обязательствъ. Въ числѣ разнообразныхъ мѣръ, въ большей или меньшей степени гарантирующихъ надлежащее исполненіе обязательства, видную роль играетъ неустойка. Значеніе неустойки обусловливается ея двойственнымъ характеромъ: неустойка является штрафомъ для неисправнаго должника или средствомъ для покрытія такихъ убытковъ кредитора, которые не могутъ быть точно доказаны на судѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ неустойка, несомнѣнно, заключаетъ въ себѣ карательный элементъ и имѣетъ, слѣдовательно, нѣкоторыя общія съ наказаніемъ черты. Однако общій частноправный характеръ ея проводитъ рѣзкую разграничительную черту между ней и карательными мѣрами уголовнаго права [1]).

Нѣсколько иное юридическое положеніе занимаетъ неустойка въ древнемъ правѣ, когда частноправный элементъ имѣлъ преобладающее

Вил. Ком., т. XV, стр. 60; Ак. Зап. Рос., т. II, стр. 27, 368).—Перв Ст. IX, 19; Вт. Ст. X, 16; Трет. Ст. X, 16 (плата за щепное дерево и пр.).—Перв. Ст. IX, 11; Вт. Ст. X, 10; Трет. Ст. X, 10 (плата за хмель).—Перв. Ст. XIII, 10; Вт. Ст. XIV, 11; Трет. Ст. XIV, 14 (вина за кражу изъ клѣти—ср. Ак. Вил. Ком., т. XVII, стр. 250).—Въ большинствѣ случаевъ (насколько это можно вывести изъ невполнѣ ясно редактированныхъ мѣстъ кодекса) мы имѣемъ дѣло или со штрафными шкодами, или съ такого рода виной, уплатой которой погашаются вмѣстѣ съ тѣмъ и шкоды. Ср. *Леонтовича*, Рус. Правда и Лит. Ст., стр. 30 - 31; *Линовскаго*, Изслѣд. началъ угол. права въ Уложеніи ц. Ал. Мих., стр. 81—85; *Sokolsky*, Beitrag zur Lehre etc., стр. 44—47. Плата за дерево хотя и назначена довольно высокая, однако ничего штрафного въ себѣ не заключаетъ: см. Перв. Ст. IX, 18; Вт. Ст. X, 15; Трет. Ст. X, 15; ср. Трет. Ст. II, 19; IX, 19; X, 5; Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 233, 248; Ак. Ю. и З. Россіи, т. I, стр. 112; Ак. Вил. Ком., т. XVII, стр. 329.

[1]) См. *Таганцева*, Лекціи по рус. угол. праву, вып. III, стр. 1007—1009; *Garraud*, Traité théorique et pratique du droit pénal français, т. I, стр. 570.

значеніе, и договорное начало проникало всѣ области права. Положеніе это, обусловливаясь нѣкоторыми внутренними свойствами самой неустойки, придаетъ ей тѣмъ не менѣе своеобразныя внѣшнія черты, которыя можно понять только при правильномъ объясненіи обезпечиваемыхъ неустойкой правоотношеній.

Попытаемся въ общихъ чертахъ выяснить положеніе, занимаемое неустойкой въ древнемъ правѣ, и указать нѣкоторыя особенности ея сравнительно съ современнымъ правомъ.

Сдѣлками гражданскаго права создается опредѣленное правовое состояніе. Чѣмъ обезпечивается его ненарушимость въ эпоху Литовскаго Статута?—Законами, обычаемъ. Но кромѣ того употребляются разнаго рода мѣры, примѣняемыя и въ другихъ случаяхъ вообще для поддержанія правопорядка. Въ ряду этихъ мѣръ особенное значеніе имѣютъ спеціальныя приказанія или запрещенія тѣхъ или другихъ дѣйствій, обезпечиваемыя подъ угрозой уплаты „заклада“. Право такихъ спеціальныхъ приказаній или запрещеній, право выражать свою волю „подъ закладомъ“ принадлежитъ королю и его врядникамъ. Но въ извѣстной степени оно предоставлено и частнымъ лицамъ [1]): въ опредѣленныхъ закономъ или обычаемъ случаяхъ частное лицо можетъ самостоятельно „заповѣдывать“ (или приказывать) извѣстное дѣйствіе „подъ закладомъ“, и закладъ этотъ считается „слушнымъ“, если при его установленіи были соблюдены всѣ необходимыя условія.

Выразить свою волю частное лицо можетъ не только на словахъ, но и въ юридическомъ документѣ. Оно можетъ составить документъ (чисто гражданскій) и его ненарушимость утвердить закладомъ. „Упорный“, который нарушитъ или станетъ оспаривать выраженную въ этомъ документѣ волю и созданное ею правосостояніе, заплатитъ установленный закладъ.

„Si vero ego ipse, aut ullus de heredibus meis vel quoheredibus, *vel quislibet opposita persona*, qui contra hanc venditionem, quem ego nullo cogente sed spontanea voluntate fieri vel firmare rogavi, venire conaverit, tantum et alium tantum, quantum ipse res immelioratae

---

[1]) Подробности о закладѣ (ср. Bann, Wette нѣм. пр.), какъ особомъ видѣ „караній“, будутъ изложены ниже во второмъ отдѣлѣ (о карат. мѣрахъ).

valuerint, conponat, et insuper posito fisco auro untia una, argenti pondera V coactus exsolvat et sua repetitio vindicare non valeat“ [1]). —„Листъ вызнаный Семена Гриньковича..., который зъ жоною своею... вызнаваетъ, ижъ продалъ обель властное селищо свое... ку манастыру светого Михаила Золотоверхого..., и еслибы хто колвекъ зъ нихъ самыхъ и потомковъ ихъ, *албо хто зъ стороны* въ томъ селищѣ и кгрунтѣ его церкви Божей переказу чинилъ, и тамъ што кгрунту того отыймовалъ, таковый кождый заруки на господара пятдесятъ копъ грошей, а пана воеводу Кіевского тридцать копъ грошей вины замковое повиненъ будетъ заплатити“ [2]).

Внѣшнія черты, которыя мы замѣчаемъ въ приведенныхъ примѣрахъ неустойки, придаютъ ей весьма своеобразный характеръ: обязательство платить ее относится не только къ продавцу и его наслѣдникамъ, но и ко всякому *третьему лицу*; получаетъ ее не только потерпѣвшій покупщикъ, но и *государство* (король, врядъ).

Гдѣ объясненіе этихъ свойствъ неустойки, столь странныхъ и несовмѣстимыхъ съ нашими современными понятіями о договорѣ?

Всякое дѣйствіе, нарушающее права другого лица, есть кривда; всякая кривда есть преступленіе; всякое преступленіе должно быть заглажено со стороны виновнаго. Это—точка зрѣнія древняго права; въ ней же слѣдуетъ искать объясненія и отвѣта на предложенный вопросъ. Незаконное нарушеніе правъ другого лица можетъ имѣть двоякую форму: оно можетъ быть самоуправнымъ и своевольнымъ вторженіемъ въ правовую сферу другого лица; съ другой стороны, правонарушеніе можетъ явиться результатомъ матеріально-несправедливаго процесса, т. е. дѣйствія, формально основаннаго на правѣ и, слѣдовательно, по внѣшности вполнѣ правомѣрнаго [3]).

---

[1]) Примѣръ взятъ изъ древне-нѣмецкихъ актовъ, см. *Löning*, Der Vertragsbruch und seine Rechtsfolgen, изд. 1876 г., стр. 535.

[2]) Ак. Ю. и З. Россіи, т. I, № 156, стр. 176—177; № 169, стр. 195. Ср. Вт. Ст. стр. 190, 191, 196 (формы записей); Ак. Ю. и З. Россіи, т. I, № 97, стр. 83; № 120, стр. 127.

[3]) См. *Löning*, Der Vertragsbruch, стр. 560—579. Авторъ занимается выясненіемъ происхожденія и правового значенія штрафовъ, устанавливаемыхъ въ древненѣмецкихъ юридическихъ актахъ (Ueber Ursprung und rechtliche Bedeutung der in den altdeutschen Urkunden enthaltenen Strafklauseln). Нѣкоторыми соображеніями Löning'a мы пользуемся для разъясненія аналогичныхъ фактовъ изъ исторіи литовско-русскаго права.

Самоуправное и формально-неправомѣрное вторженіе въ правовую сферу другого лица можетъ сопровождаться обманомъ, насиліемъ и проч.; но во многихъ случаяхъ правонарушеніе можетъ оказаться слѣдствіемъ простого бездѣйствія, отказа или нежеланія выполнить правомѣрное требованіе опредѣленнаго лица. Характерной особенностью древняго права именно и является признаніе за всѣми указанными случаями однородныхъ и общихъ чертъ кривды, отъ которой „нихто в невинъности своей терпеть не повиненъ“. Съ этой точки зрѣнія въ Литовскомъ Статутѣ находится одно весьма знаменательное постановленіе:

„Естлибы колко перъсонъ однымъ листомъ кому кольвекъ описалися, а по томъ бы которые з нихъ тотъ записъ свой нарушили..., тогды сторона *укривжоная*, которой тотъ записъ служить, можеть... таковыхъ позывати, отъ которыхъ се надъ тотъ описъ ему *кривда* деетъ..., кгдыжъ... кождый самъ за свой *учинокъ и выступъ* у кождого права отъповедати... маеть“ [1]).

Какъ видимъ, простое невыполненіе обязательства разсматривается какъ кривда, учинокъ и выступъ, къ которому и примѣняется общее положеніе: „не маеть ни хто ни за кого теръпети, только кождый самъ за себе“ [2]).

Другой характерной особенностью древняго права является та точка зрѣнія, съ которой оно относится къ возбужденію матеріально-неправомѣрнаго иска или вообще къ матеріально-несправедливому отрицанію (оспариванію) чьего-нибудь права, какого-нибудь правомѣрнаго состоянія. Въ этомъ отношеніи древнее право составляетъ полную противоположность праву современному. Въ настоящее время всякій можетъ вполнѣ безнаказанно оспаривать въ судебномъ порядкѣ права другого лица; какъ бы ни былъ матеріально неоснователенъ

---

[1]) Трет. Ст. VII, 25. Ср. выше стр. 39 и сл.

[2]) Трет. Ст. I, 18; VII, 18. Въ древнемъ правѣ обыкновенно устанавливались особыя наказанія за неисправность или забывчивость при исполненіи сдѣлокъ и договоровъ. См. *Таганцева*, указ. соч., 52 - 53; *Jhering* (Das Schuldmoment im römischen Privatrecht) разсматриваетъ нѣкоторые виды обязательствъ и приходитъ къ тому выводу, что „bei ihnen allen hat sich die Jdee der obligatorischen Kraft des Verhältnisses erst durch den Gesichtspunkt des Delicts hindurch arbeiten müssen“ (стр. 36). У него же мы находимъ нѣсколько весьма любопытныхъ фактическихъ указаній.

его искъ, и какъ бы ни относился къ нему самъ истецъ—безразлично, онъ можетъ попытать счастье, и въ худшемъ случаѣ поплатится только возмѣщеніемъ судебныхъ издержекъ. Иного взгляда придерживается древнее право.

Древній процессъ имѣетъ форму пари. „Если удастся попытка, на которую разсчитывалъ истецъ, то онъ выигрываетъ мою вещь; въ случаѣ неудачи онъ долженъ столько-же потерять, сколько бы могъ выиграть. Здѣсь проявляется, такъ сказать, идея игры, при которой ставки должны быть равными. Хорошо бы сыгралъ тотъ, кто въ благопріятномъ случаѣ получитъ чужое имущество, въ неблагопріятномъ же только возвратитъ его, ничѣмъ не рискуя и ничего не теряя!“ [1]). Въ Л. Статутѣ отголоскомъ этого воззрѣнія является цѣлый рядъ штрафовъ, падающихъ на сторону, проигравшую свой искъ или не успѣвшую доказать того или другого своего требованія и утвержденія.

„Теж уставуемъ, иж коли бы хто *немаючы жадное справедливости* або через суд позвал кого другого о именее..., таковый мает

---

[1]) См. *Jhering*, Das Schuldmoment im römischen Privatrecht, стр. 18; *Schröder*, Lehrbuch, стр. 79 и сл.; *Löning*, Der Vertragsbruch, стр. 562—578. Довольно интересенъ во многихъ отношеніяхъ обычай „выдачки“ (договора о явкѣ къ суду, скрѣпляемаго закладомъ). „Обычай заключать устный договоръ о будущихъ процессуальныхъ отношеніяхъ, т. е. о предметѣ спора и срокѣ явки въ судъ, въ формѣ пари (битья объ закладъ) существовалъ съ древнѣйшихъ временъ у многихъ славянскихъ народовъ. Въ Литвѣ символомъ совершенія выдачки служило бросаніе вверхъ шапокъ. При выдачкѣ стороны не только точно опредѣляли предметъ спора и срокъ явки къ суду, но и условливались о размѣрахъ той суммы, которая должна была служить закладомъ, и которая передавалась обѣими сторонами на руки сторонннхъ третьихъ лицъ, присутствовавшихъ при заключеніи договора. Послѣдствія заключеннаго договора, повидимому, были слѣд.: сторона, не явившаяся въ судъ въ назначенный срокъ, теряла свой закладъ въ пользу противной стороны; въ томъ же случаѣ, когда являлись въ судъ обѣ стороны, находящійся на сохраненіи у третьихъ лицъ закладъ вручался судьѣ, затѣмъ производился судъ, и тотъ изъ тяжущихся, который на судѣ оказывался неправымъ, терялъ свой закладъ въ пользу судебной власти“. См. *Ясинскаго*, Устав. зем. грам., стр. 189—190; *Тумасова*, Дворянство зап. Россіи въ XVI в., стр. 101—102; *Jaroszewicza*, Obraz Litwy, т. I, стр. 160, 161. Ср. Перв. Ст. VIII, 15, 16; Вт. Ст. IX, 13, 14; Трет. Ст. IX, 22, 23. Въ актахъ изучаемой эпохи стороны обыкновенно „ставятъ шапки“ до извѣстныхъ свидѣтелей или доказательствъ, при чемъ иногда ручаются головой за справедливость своихъ показаній (ставятъ шапки „подъ утратой горла“). См. Ак. Вил. Ком., т. XVII, стр. XXXIII и №№ 3, 11, 18, 21, 29, 44, 52, 64, 90, 92, 94, 110, 148, 165, 167, 171, 180, 224, 227 и многъ. др.; ср. устав. гр. въ изд. *Ясинскаго*, стр. 189—190; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, № 232.

заплатити три рубли судьи, а три рубли тому, кого через суд ку праву позовет“ [1]).—„А гдѣ бы на которого свѣдка што велъ (рѣчь идетъ объ отводѣ свидѣтелей), а не довелъ, тогды маеть того свѣдка навезати водлугъ стану его“ [2]).—„А хто неслушне и противъ праву отъзоветься (рѣчь идетъ объ апелляціи)..., тогды тотъ оному, противко которому ся отозвалъ, маеть шесть копъ грошей заплатити, а платы, доходы або пожитки, которые бралъ въ томъ часе, по отозве держачы то, о што право идеть, за доводомъ слушнымъ з навескою маеть ушкожоному вернути *для тое причины, або ся нихто упорьне а въ чюжомъ користечы надъ право ку проволоце стороны своее противное не отъзывалъ*“ [3]). —„Хтобы, будучи позваный о именье, а стороны своее жалобное (истца) не признавалъ бы за потомка тое особы, по комъ чого ищеть... (въ случаѣ если это будетъ опровергнуто присягой истца) *за то, же ему (истцу) непризнаньемъ своимъ быть его близкимъ до того, чого искалъ, трудность задавала* (отъпорьная сторона—отвѣтчикъ), маеть заплатити двадъцать копъ грошей“ [4]).

Такимъ образомъ въ какой-бы формѣ ни совершалось вторженіе въ правовую сферу другого лица, оно есть кривда и, какъ кривда, подлежитъ искупленію, которое, какъ мы видѣли [5]), только въ рѣдкихъ случаяхъ заключается въ возстановленіи нарушеннаго состоянія и въ возмѣщеніи убытковъ, обыкновенно же выражается въ видѣ особеннаго штрафа, выплачиваемаго обидчикомъ. Таково основное положеніе древняго права.

Нечего и говорить, что далеко не всѣ случаи кривды могли быть предусмотрѣны закономъ, и далеко не во всѣхъ случаяхъ могло быть установлено надлежащее „каранье“. Съ такими случаями кривды обыкновенно мы и имѣемъ дѣло, когда встрѣчаемся съ обязательствомъ платить „закладъ“, создаваемымъ волею частнаго лица: послѣднее не устанавливаетъ произвольно наказанія, не создаетъ новыхъ видовъ

---

[1]) Перв. Ст. VI, 19; VIII, 15, 16; Трет. Ст. IV, 29; XI, 38 и нѣкот. др.

[2]) Вт. Ст. IV, 54; IX, 4; Трет. Ст. IX, 15.

[3]) Трет. Ст. IV, 89 и мн. др.

[4]) Трет. Ст. IV, 72.

[5]) См. выше стр. 74 и сл.

преступленій, но опредѣляетъ только размѣръ и видъ взысканія за тѣ дѣянія, которыя и безъ этого въ общемъ правосознаніи считаются преступными[1]), но для которыхъ въ данномъ случаѣ почему-нибудь признается недостаточнымъ наказаніе, установленное закономъ, или угроза отвѣтственности въ будущей загробной жизни[2]).

Такимъ образомъ неустойка древняго права есть прежде всего штрафъ за кривду, причиненную нарушеніемъ (оспариваніемъ) правосостоянія, созданнаго договоромъ. Карательный моментъ имѣетъ первенствующее значеніе и, какъ вытекающій изъ самой природы отношеній, обезпечиваемыхъ неустойкой, сохраняетъ это значеніе и для тѣхъ случаевъ, когда неустойка устанавливается только относительно и съ согласія стороны, участвующей въ договорѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такой формой неустойки, которая ближе всего соотвѣтствуетъ неустойкѣ современнаго намъ права. Однако мы сдѣлаемъ большую ошибку, если внесемъ современную намъ точку зрѣнія въ отношенія древняго права и если попытаемся выдѣлить эту форму заклада отъ другихъ его видовъ, ближе соприкасающихся съ карательными мѣрами уголовнаго права. Въ современномъ Статуту правѣ такое выдѣленіе существуетъ еще въ зачаточномъ состояніи; всѣ виды заклада (заруки, вины) являются однородными въ своихъ существенныхъ чертахъ, всѣ имѣютъ въ большей или меньшей степени харак-

---

[1]) Löning такъ характеризуетъ юридическое значеніе штрафовъ, встрѣчающихся въ древне-нѣмецкихъ актахъ: „Die Strafklauseln in den deutschen Urkunden dieser Periode sind nicht *konstitutiver*, sondern deklarativer Natur; *sie setzen nicht eine Strafe fest kraft privaten Willens*, sondern sie bilden... den Ausdruck des deutschen Rechtsgedankens, dass die Verletzung gewisser Rechtsverhältnisse... durch eine, an sich *über dem Parteiwillen stehende, kraft Rechtssatzes eintretende Strafleistung zu sühnen sei*". См. указ. соч. стр. 600.

[2]) „А по моемъ животѣ, хто бы зъ дѣтей моихъ або зъ близкихъ моихъ хотѣлъ то рушити и въ тыи людци Старинщане, которыи то я на церковъ Божью по своей души и моихъ родителей отписалъ на вѣчность, которыми причинами вступати або ихъ отъ церкви Божіи отнимати, тотъ со мною розсудитца на страшномъ судѣ передъ милостивымъ Богомъ, а господарю королю вины маетъ заплатити пятдесятъ копъ грошей, а воеводѣ Виленскому вины двадцать копъ грошей"—См. Ак. Ю. и З. Россіи, т. I, № 120, стр. 127; Ак. Зап. Россіи, т. II, стр. 127, № 103. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ угрозы высказываются еще рѣшительнѣе и энергичнѣе: „таковый да будетъ проклятъ въ семъ свѣтѣ и будучимъ, и со мною розсудится на страшномъ и нелицемѣрномъ судищи"—см. Ак. Зап. Россіи, т. II, № 105, стр. 129.

теръ каранья за причиненную кривду. Внѣшнимъ выраженіемъ общаго карательнаго характера неустойки является возможность распространять ея дѣйствіе на третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ договорѣ, и постоянно устанавливаемая обязанность платить ее въ пользу вряда. Внѣшнимъ выраженіемъ общности всѣхъ видовъ неустойки является общность ихъ названія, которая, какъ это легко замѣтить послѣ всего сказаннаго, далеко не случайна и не произвольна [1]).

Въ какихъ же отношеніяхъ находится закладъ къ карательнымъ мѣрамъ литовско-русскаго уголовнаго права?—Лучшій отвѣтъ на это мы находимъ въ самомъ Статутѣ.

„Кгды бы хто попалъ у вину якую слушне правомъ переконаную, которому вряду нашому земъскому або кгродскому, такъ в семъ статуте, яко и въ записехъ добровольныхъ описаную, тогды такие вины мають належати... всимъ тремъ урядникомъ...; ведьже кождый врядъ нашъ водле доброго уваженья и хрестияньского поступку прихильнейшымъ маеть быти до отпущенья такихъ винъ, нижли до бранья ихъ, звлаща сиротамъ убогимъ, а не своволнымъ фолькга в томъ чинена быти маеть“ [2]).

Какъ видимъ, и уголовные штрафы, и неустойку Статутъ одинаково называетъ наказаніемъ (виной); все различіе сводится къ тому, что перваго рода наказанія опредѣлены въ самомъ Статутѣ („в семъ статуте описаны“), второго же рода штрафы установлены „въ записехъ добровольныхъ“,—различіе весьма существенное съ современной точки зрѣнія, но не имѣвшее большого значенія тогда, когда всякое правонарушеніе разсматривалось какъ кривда, наказаніе—какъ одно изъ средствъ удовлетворенія за причиненную кривду, и когда, съ другой стороны, нѣкоторыя несомнѣнно уголовныя взысканія опредѣлялись въ извѣстныхъ случаяхъ по взаимному соглашенію обиженнаго и обидчика, и притомъ

---

[1]) Съ терминологіей Статута мы познакомимся ниже (во второмъ отдѣлѣ—о карательныхъ мѣрахъ).

[2]) Трет. Ст. IV, 101.

спеціально ad hoc, для даннаго случая и въ виду даннаго правонарушенія: во всѣхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ долговымъ требованіемъ одного лица къ другому, и притомъ съ требованіемъ штрафнымъ, карательнымъ [1]).

---

[1]) Этимъ объясняется совѣтъ законодателя „отпускать вины сиротамъ и убогимъ, а не своевольнымъ людямъ“. Лица, навлекшія на себя такіе штрафы безо всякаго со своей стороны своеволія, упрямства или вины, но случайно, по бѣдности или неосмотрительности, безъ сомнѣнія, при общемъ карательномъ характерѣ заруки, вполнѣ заслуживали ея „отпущенія“.

Глава Вторая. Субъектъ карательнаго права.

I. Условія, опредѣляющія степень полноты государственнаго верховенства въ уголовномъ правѣ.

Въ настоящее время у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ право наказанія составляетъ исключительную принадлежность государства, конкретнымъ представителемъ котораго и вмѣстѣ съ тѣмъ реальнымъ субъектомъ карательнаго права является верховная государственная власть въ лицѣ ея главы [1]). Исключительное верховенство государства въ области уголовнаго права выражается въ слѣдующихъ чертахъ, вытекающихъ изъ самаго понятія права наказанія (jus puniendi): а) только государству принадлежитъ полное и исключительное право запрещать извѣстныя дѣйствія подъ угрозой наказанія; б) только государству принадлежитъ полное и исключительное право преслѣдовать нарушителей этихъ запрещеній, опредѣлять и примѣнять къ нимъ установленное наказаніе. Правда, въ виду особенностей извѣстнаго рода отношеній, мы встрѣчаемъ и теперь еще извѣстныя группы лицъ (семья, сословіе и пр.), имѣющія опредѣленную карательную власть; но въ настоящее время все это не самостоятельные, но производные субъекты карательнаго права, пользующіеся своей властью на основаніи уступки, сдѣланной имъ государствомъ.

Иное положеніе вещей наблюдаемъ во времена прошедшія, особенно въ эпохи древнѣйшія и наиболѣе удаленныя отъ насъ.

---

[1]) См. *Фойницкаго*, Ученіе о наказаніи, стр. 4 и сл.; *Таганцева*, Лекціи, вып. III, стр. 1086 и сл. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, которое считаетъ субъектомъ карательнаго права самое общество (Баръ, Таганцевъ).

Исторія, какъ можно думать, застаетъ человѣческое общество въ той его формѣ, которая извѣстна подъ именемъ родового союза. Много вѣковъ прошло, и много промежуточныхъ формъ пережило общество, прежде чѣмъ организовалось государство, которое при самомъ возникновеніи своемъ нашло уже опредѣленный правовой порядокъ, опредѣленныя юридическія отношенія и опредѣленныя общественныя группы, поддерживающія этотъ порядокъ и эти отношенія. Много времени потребовалось для развитія самого государства, прежде чѣмъ оно сложилось въ ту форму, въ какой мы его знаемъ въ настоящее время. Долго еще послѣ своего возникновенія государственная организація должна была дѣлить свою власть съ автономными союзами (родовыми, территоріальными), существовавшими раньше ея и сохранившими въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ почти полную независимость и самостоятельность. Эта постепенная смѣна однихъ общественныхъ формъ другими имѣла существенное значеніе въ развитіи уголовнаго права вообще и субъекта карательнаго права въ частности.

„Наказанія, какъ и преступленія, не созданы государствомъ, они древнѣе государства“, замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ [1]). Кому же въ такомъ случаѣ принадлежало раньше государства право запрещенія тѣхъ или другихъ дѣяній подъ угрозой наказанія и право преслѣдованія лицъ, нарушавшихъ эти запреты?—Обычай, какъ вообще, такъ и въ уголовномъ правѣ въ частности, былъ той силой, которая создавала право, и той формой, въ которую послѣднее отливалось. Общественная группа, къ которой принадлежалъ преступникъ и потерпѣвшій (сначала родовая, потомъ территоріальная), была тѣмъ конкретнымъ носителемъ карательнаго права, отъ имени или, по крайней мѣрѣ, при содѣйствіи котораго потерпѣвшій возстановлялъ свое нарушенное право и наказывалъ своего обидчика [2]). Въ отношеніяхъ между отдѣльными общественными союзами господствовала точка зрѣнія отношеній международныхъ: въ то время какъ внутри союза потерпѣвшій, преслѣдуя обидчика съ помощью своихъ сородственниковъ (соплеменниковъ), являлся, такъ сказать, органомъ, дѣйствующимъ по уполномоченію цѣлаго союза, въ отношеніяхъ между отдѣльными союзами (если преступникъ и потерпѣвшій принадлежали къ различнымъ обще-

---

[1]) См. *Сергѣевича*, Лекціи по исторіи рус. права, стр. 503.

[2]) *Чебышева-Дмитріева*, О преступномъ дѣйствіи etc., стр. 6 и сл.

ственнымъ группамъ) онъ со своими помощниками являлся одной изъ воюющихъ сторонъ, право наказанія было правомъ войны.

Съ переходомъ къ государственной жизни отношенія между различными автономными общественными группами получили опредѣленный правовой характеръ; явилась власть верховная и нейтральная, которая могла принять на себя разрѣшеніе между-родовыхъ (между-общинныхъ) столкновеній. Но въ своей внутренней жизни общины не нуждались въ государственномъ вмѣшательствѣ [1]): право преслѣдованія и наказанія за преступленія, совершаемыя внутри общины, осталось, какъ и въ былое время, ея самостоятельнымъ правомъ. Такая автономность отдѣльныхъ общественныхъ группъ въ большей или меньшей степени сохранялась весьма долгое время; первоначальную самостоятельность рода (семьи) можно наблюдать еще не только при смѣнѣ кровнаго общественнаго союза территоріальнымъ, но даже и во времена значительно болѣе позднія [2]); то же самое можно сказать относительно союзовъ территоріальныхъ. Это совершенно естественно и понятно: „въ исторіи, какъ и въ природѣ, ничто вполнѣ не исчезаетъ; болѣе примитивныя формы, переходя въ другія новыя, остаются замѣтными и въ послѣдующемъ быту“ [3]). Только весьма медленно и постепенно въ процессѣ историческаго развитія ограничивается самостоятельность карательнаго права тѣхъ автономныхъ общественныхъ союзовъ, которые существовали прежде государства [4]); только постепенно, послѣ упорной борьбы, достигаетъ государство полнаго и исключительнаго господства въ области уголовнаго права—процессъ, который,

---

[1]) Даже „въ позднѣйшія времена, когда юридическія отношенія усложнились и самостоятельность народа была болѣе или менѣе парализована княжеской властью, члены одного и того же союза управлялись сами во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ и только по дѣламъ съ членами другихъ союзовъ обращались къ князю. Изъ всѣхъ извѣстныхъ грамотъ—говоритъ проф. Дмитріевъ—только одна говоритъ о тяжбѣ между крестьянами одной волости“. *Чебышева-Дмитріева*, ук. соч. стр. 22; *Дмитріева*, Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 6 и сл.

[2]) Припомнимъ власть отца семейства (pater familias) въ древнемъ римскомъ правѣ. См. между прочимъ *Таганцева*, указ. соч. стр. 1028 и сл.

[3]) *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ исторіи рус. права, стр. 12.

[4]) Pendant longtemps l'État a partagé le ministère pénal soit avec l'individu qu'il a laissé se défendre et se venger, soit avec des associations, des corporations, qui, au point de vue de la répression, ont formé des États dans l'État même“. *Garraud*, Traité du droit pénal français, т. I, стр. 53.

по справедливому замѣчанію проф. Таганцева, завершился только въ настоящее время [1]).

Дѣйствительно, при ближайшемъ знакомствѣ съ XVI вѣкомъ литовско-русской исторіи мы встрѣчаемъ еще нѣкоторые слѣды господствовавшей нѣкогда автономіи различныхъ общественныхъ союзовъ и соотвѣтствующія этому ограниченія правъ государственной власти, далеко еще не достигшей въ дѣйствительности той полноты верховенства, какая признается за ней въ теоріи.

Но XVI-й вѣкъ литовско-русской исторіи характеризуется кромѣ того нѣкоторыми явленіями въ государственной и общественной жизни, имѣвшими весьма важныя и обильныя послѣдствія: это есть эпоха перелома въ литовско-русской исторіи, эпоха паденія велико-княжеской власти, развитія правъ и вольностей шляхетскаго сословія, начало анархіи и разложенія государственнаго организма [2]). Въ государствѣ появляются тысячи мелкихъ государствъ, обладающихъ извѣстными верховными правами, пользующихся извѣстной самостоятельностью и независимостью, основанной отчасти на правѣ, отчасти же проявляющейся какъ фактъ, какъ фактическое установленіе новаго порядка и какъ фактическое отрицаніе того права, которое признавалось въ принципѣ, но для поддержанія котораго верховная государственная власть не имѣла достаточныхъ средствъ.

Исторія литовско-русскаго права, поскольку она находитъ свое выраженіе въ литовско-русскомъ законодательствѣ, характеризуется необычайнымъ развитіемъ привилегій. Господствующимъ типомъ закона являются „привилеи“, въ которыхъ подтверждаются отчасти уже существующія нормы обычнаго права, отчасти же создаются новыя, жалуются новыя права и вольности. „Происходитъ интересное и замѣча-

---

[1]) *Таганцева*, указ. соч., стр. 1090. Однако, по мнѣнію того же ученаго, даже и въ настоящее время, дисциплинарная власть, которой пользуются различныя учрежденія и лица, пополняетъ, а *иногда и ограничиваетъ* карательную власть государства. См. ib., стр. 1028.

[2]) См. *Бобржинскаго*, Очеркъ исторіи Польши, изд. 1891 г., т. II; *Тумасова*, Дворянство западной Россіи въ XVI вѣкѣ.—Подводя итоги царствованія Сигизмунда I (1506—1548 г.), Бобржинскій замѣчаетъ: „Онъ (Сигизмундъ) засталъ народъ здоровымъ, оставилъ его больнымъ, засталъ государство въ бурномъ, но сильномъ развитіи, оставилъ его клонящимся къ упадку“ (ib., стр. 57).

тельное явленіе: привилегія стремится исключить общій законъ", „частное право строится по типу государственному" [1]).

До тѣхъ поръ пока государственная власть, уступающая тѣ или другія свои права отдѣльнымъ разрядамъ лицъ, сохраняетъ за собой право верховнаго контроля, право пересмотра и отнятія прежде даннаго пожалованія, до тѣхъ поръ всѣ ея пожалованія еще не заключаютъ въ себѣ отказа отъ правъ и не выражаютъ самоограниченія верховной власти. Такой характеръ имѣли привилегіи Московскаго государства. Напротивъ, въ литовской Руси уже къ XVI-му вѣку окончательно утвердилось правило: пожалованное не можетъ быть отнято безъ добровольнаго согласія того, кто имъ пользуется [2]). Въ такой формѣ привилегіи являлись уже формальнымъ ограниченіемъ правъ верховной власти, такъ какъ то, что было уже ею разъ уступлено, вполнѣ ускользало отъ ея верховнаго контроля. Ненарушимость данныхъ привилегій окончательно была подтверждена на конфедераціи 1573 года, когда состоялось соглашеніе: „иначей на жадного пана не позволяти, одно съ таковою певною а меновитою умовою, ижъ намъ первей права вси, привилья и волности наши, которые суть и которые ему подадимъ, по обранью поприсегнути маетъ",—постановленіе, которое было включено въ составъ третьяго Статута [3]) и сдѣлалось основнымъ закономъ Рѣчи Посполитой и притомъ, по выраженію Бобржинскаго, закономъ „на два столѣтія единственнымъ обязательнымъ и непоколебимымъ" [4]). Какое значеніе имѣло разъ данное пожалованіе, прекрасной иллюстраціей этого можетъ послужить эпоха исправленія стараго Статута и введенія новаго судебнаго порядка („нового обычая суду и порадку судового"), которымъ нарушался „стародавный обычай владности суду воеводъ, старостъ и иныхъ врадовъ старыхъ". Несмотря на общее желаніе исправить недостатки стараго процесса, признаваемые всѣми и доказанные многолѣтнимъ

---

[1]) *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 6, 197; *Ясинскаго*, Уставныя земскія грамоты, стр. 4—9 и сл; *Чарнецкаго*, Исторія Литовскаго Статута, Кіев. Универ. Извѣстія за 1866 г. № 9, за 1867 г. № 1, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 (Очеркъ до-статутоваго законодательства Литвы).

[2]) *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 196 и сл.

[3]) Трет. Ст. III, 3.

[4]) *Бобржинскаго*, указ. соч., т. II, стр. 161. Трет. Ст. III, 5; Акты Вил. Ком., т. V, стр. 214, 219.

опытомъ, потребовалось спеціальное согласіе „воеводъ, старостъ и иныхъ врадовъ старыхъ“ и спеціальное заявленіе съ ихъ стороны, что они отъ всѣхъ своихъ прежнихъ судебныхъ правъ „отступили и выреклись“ [1]).

Конечно, не всѣ пожалованія состояли въ передачѣ тѣмъ или другимъ лицамъ тѣхъ или другихъ публичныхъ правъ, и не всякое пожалованіе публичныхъ правъ соединялось съ полнымъ устраненіемъ государственнаго контроля и вмѣшательства (напр. для городовъ съ магдебургскимъ правомъ высшей судебной инстанціей былъ самъ король); но въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются пожалованія, имѣющія значеніе полнаго и исключительнаго предоставленія того или другого публичнаго права тому или другому лицу (разрядамъ лицъ), при чемъ устранялся всякій надзоръ со стороны государства. Такое, напримѣръ, значеніе получило пожалованіе Казиміра (1457 г.) [2]): землевладѣльцы пріобрѣли полное и исключительное право суда и наказанія своихъ подданныхъ, если послѣдніе, конечно, сами не были шляхтичами и если преступленіемъ не затрогивались интересы какого-нибудь другого лица, стоящаго внѣ власти даннаго пана.

Таковы тѣ юридическія основанія, послѣдствіемъ которыхъ было большее или меньшее ограниченіе верховной государственной власти.

Не меньшее значеніе, главнымъ образомъ во второй половинѣ XVI столѣтія [3]), имѣли основанія чисто фактическія: безсиліе власти, съ одной стороны, господство насилія и произвола, съ другой. XVI-й вѣкъ есть вѣкъ постепеннаго паденія королевской власти, права которой все больше и больше ограничиваются шляхтой. Но ограниченія великокняжеской власти не обозначали перемѣщенія цѣльной верховной власти отъ одного центра къ другому, отъ короля къ сейму. Въ этомъ не было бы еще, пожалуй, ничего дурного. Пагубная сторона дѣла заключалась въ томъ, что вмѣстѣ съ ограниченіемъ и паденіемъ королевской власти раздроблялась и падала власть государственная вообще.

---

[1]) См. Бѣльскій привилей 1564 года (въ приложеніи ко второму Статуту, стр. 4—11).

[2]) *Ясинскаго*, указ. соч. стр. 18; *Леонтовича*, Крестьяне юго-зап. Россіи Унив. Извѣстія, 1863 г. № 10, стр. 41.

[3]) До уніи 1569 года нижеприводимыя черты польскихъ порядковъ невполнѣ примѣнимы къ Литовскому государству, гдѣ власть великаго князя была еще довольно сильной.

Сеймъ не могъ замѣнить и не замѣнилъ короля [1]). Создалось своеобразное политическое устройство, которое стѣсняло короля и еще болѣе стѣсняло сеймъ и существовало „только для того, чтобы эти двѣ магистратуры всегда взаимно парализовали другъ друга и не приводили ни къ какому правительству, какъ фактору, стѣсняющему свободу“ [2]).

Въ дѣйствительной жизни слабость власти проявлялась на каждомъ шагу. Законы хорошо исполнялись только тогда, когда исполненіе ихъ почему-либо было выгодно для лица исполняющаго. Напротивъ, во множествѣ случаевъ законъ оставался мертвой буквой, такъ какъ не было силы, которая бы могла заставить повиноваться ему. „Законъ былъ безсиленъ передъ такой мощной силой, какъ шляхетская. Судъ въ большинствѣ случаевъ существовалъ только такъ, pro forma; онъ судилъ, писалъ рѣшенія; но эти рѣшенія теряли всякую силу, всякій смыслъ, какъ только приходилось столкнуться съ живою дѣйствительностью: слаба была въ то время исполнительная власть. Чтобы заставить кого-нибудь изъ шляхтичей покориться рѣшенію суда, приходилось иногда употреблять въ дѣло военную силу, созывать посполитое рушенье изъ цѣлаго повѣта или даже изъ нѣсколькихъ, но и тогда выходило мало толку. Безчисленные примѣры, взятые изъ бытовой жизни, доказываютъ это самымъ наглядымъ образомъ“ [3]).

---

[1]) „ Въ принципѣ король пользуется исполнительною властью, но онъ могъ-бы сдѣлать изъ нея плохое употребленіе, могъ-бы стремиться къ абсолютному правленію, и потому власть эта такъ ограничивается, что фактически она у него отнимается. Король не долженъ ничего предпринимать безъ совѣта сенаторовъ, особенно не долженъ ничего начинать безъ нихъ въ дѣлахъ дипломатическихъ. Второй контроль составляютъ великіе коронные и литовскіе сановники особенно канцлеры, подскарбій и гетманы. Ни каждый изъ нихъ въ отдѣльности, ни всѣ они вмѣстѣ не могутъ ничего предпринять безъ короля, но каждый изъ нихъ можетъ отказать въ повиновеніи, если ему кажется, что король дѣйствуетъ противозаконно. Поэтому они пользуются своими должностями на началахъ пожизненности и несмѣняемости, король же также пользуется своимъ саномъ только пожизненно и избирается всею шляхтой поголовно, чтобы онъ помнилъ, что получаетъ свой санъ по волѣ народа, и чтобы наслѣдственность трона не угрожала свободѣ. Третій контроль надъ королемъ находится въ рукахъ сейма, который можетъ отмѣнить и уничтожить всякій его шагъ. Наконецъ четвертымъ и послѣднимъ контролемъ надъ королемъ и сеймомъ пользуется всякій шляхтичъ, такъ какъ онъ можетъ отказать королю въ повиновеніи, а сеймъ сорвать и уничтожить путемъ liberum veto“. См. *Бобржинскаго*, указ. соч., т. II, стр. 161—167.

[2]) Ibid. стр. 163.

[3]) *Тумасова*, указ. соч., стр. 87 и сл. Примѣры, приводимые Тумасовымъ, мо-

Такое фактическое положеніе вещей не могло не отражаться и въ правѣ: власть не могла категорически предписывать или запрещать того, чего она сама не была въ состояніи выполнить, и для осуществленія чего требовалось добровольное согласіе и содѣйствіе самихъ заинтересованныхъ въ томъ лицъ. Съ этимъ положеніемъ законодатель долженъ былъ считаться и считался: нѣкоторыя постановленія Статута именно и обусловливаются тѣмъ предположеніемъ, что виновный „въ томъ ся вряду спротивилъ и послушенъ не былъ, а былъ такъ можнымъ, же его врядъ (обыкновенными мѣрами) примусити не могъ (выполнить свои требованія)“ [1]).

Всѣ отмѣченныя явленія отражаются извѣстнымъ образомъ въ уголовномъ правѣ эпохи. Въ частности ими обусловливаются въ значительной степени тѣ своеобразныя черты государственнаго верховенства въ области наказанія, о которыхъ намъ предстоитъ сказать нѣсколько словъ.

гутъ быть дополнены десятками и сотнями другихъ, ссылаться на которые нѣтъ никакой надобности, такъ какъ они встрѣчаются на каждомъ шагу. Авторъ предисловія къ XV-му тому Актовъ Вил. Коммиссіи даетъ весьма любопытную характеристику отношеній шляхты къ рѣшеніямъ верховнаго судилища—Главнаго Литовскаго Трибунала: „Высшей санкціи законъ не имѣлъ: одни паны на сеймѣ постановили, другіе паны въ Трибуналѣ рѣшили, а третіе такіе же паны, не бывшіе ни на сеймѣ, ни въ Трибуналѣ, не исполнили постановленія—дѣло очень простое и понятное, особенно при той безнаказанности, какая была тогда господствующею среди всѣхъ классовъ общества“ (стр. XXXII).

[1]) Трет. Ст. XI, 40. Указанный общій характеръ общественнаго и государственнаго строя литовско-русскаго государства обусловливаетъ собою и нѣкоторыя своеобразныя черты въ самомъ понятіи преступленія. Въ то время какъ въ восточной Россіи преступленіе пріобрѣтаетъ характеръ „лихого дѣла“, которымъ занимаются „лихіе люди“, и борьба съ послѣдними становится главной цѣлью такъ называемыхъ губныхъ учрежденій, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ выдвигается другая сторона преступленія: всякое вообще преступленіе, поскольку оно соединено съ насиліемъ, разсматривается какъ „гвалтъ“ (насиліе) – въ обширномъ смыслѣ этого слова, и рядъ преступленій выдѣляется въ отдѣльную группу подъ спеціальнымъ названіемъ „гвалта“—въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ различія самой исторіи обѣихъ частей Россіи. Въ восточной Россіи развивается сильная центральная власть, объединяющая и господствующая надъ разнородными и часто враждебными другъ другу элементами юнаго государства; она подчиняетъ себѣ эти элементы, ограничиваетъ ихъ свободу общими для всего государства и всѣхъ гражданъ законами; она надѣляетъ отдѣльныхъ лицъ и отдѣльные классы общества извѣстными правами, но зато она и господствуетъ надъ ними: то, что дано сегодня, можетъ быть отнято завтра, пожалованіе одного князя не предрѣшаетъ еще его утвержденія другимъ. На иныхъ началахъ слагалось общественное и государственное устройство Литвы и ея составныхъ частей: здѣсь еще съ XII вѣка (земля Волынская) замѣчается сильное

II. Субъектомъ карательнаго права признается государство.

Субъектомъ карательнаго права признается государство или, лучше сказать, его представитель—государь, великій князь. Верховная власть государя существуетъ не только какъ фактъ, но признается и въ принципѣ; существующее государственное устройство считается вполнѣ нормальнымъ и въ извѣстной степени соотвѣствующимъ идеалу, какъ онъ

развитіе боярской власти, которая съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливается, частью, благодаря нѣкоторымъ мѣстнымъ условіямъ, частью же, подъ вліяніемъ примѣра сосѣдей (Польши, Венгріи). Вслѣдствіе слабости государственной власти—съ одной стороны, силы и независимости пановъ-землевладѣльцевъ—съ другой, въ области права можно отмѣтить слѣдующую черту: произволъ и своеволіе, насиліе и самоуправство становятся обычными проявленіями жизни; постоянныя столкновенія, недоразумѣнія и споры одного лица съ другимъ очень часто не имѣютъ характера тѣхъ отношеній, какія вообще устанавливаются между двумя лицами, ведущими споръ о правѣ въ государствѣ, гдѣ власть государственная обладаетъ достаточной силой, чтобы разрѣшить этотъ споръ и привести свой приговоръ въ исполненіе; очень часто стороны стараются собственной силой поддержать свое дѣйствительное или мнимое право; вырабатывается понятіе гвалта и, какъ видъ послѣдняго, понятіе грабежа. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, почему на практикѣ терялось различіе между „гвалтовникомъ"—лихимъ человѣкомъ и „гвалтовникомъ" обыкновеннымъ: разнаго рода самоуправство и насиліе являлось не только характерной чертой того или другого безнравственнаго, дурного (лихого) человѣка, но просто (и даже въ большинствѣ случаевъ) было характерной чертой всей тогдашней жизни и всѣхъ отношеній. Въ благоустроенномъ государствѣ подобный произволъ и своеволіе не мыслимы, и вотъ законодатель запрещаетъ ихъ, назначаетъ за нихъ разнаго рода наказанія, часто весьма строгія; выдвигается рядъ преступленій, извѣстныхъ подъ названіемъ „гвалта", отличительная черта котораго—насиліе, самоуправство, и за этимъ насиліемъ, за этой внѣшней, такъ сказать, формой преступленія теряется внутренняя сторона его совершителя: послѣдній является прежде всего „гвалтовникомъ", а не „лихимъ человѣкомъ", каковымъ онъ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ и не былъ; оригинальное понятіе „гвалта" прикрываетъ собой злочинцевъ всякаго рода—и обыкновенныхъ людей (своевольную шляхту), и профессіональныхъ хищниковъ (лихихъ людей). Слѣдуетъ замѣтить, что выраженіе „лихой человѣкъ", „лихіе люди" извѣстно и литовско-русскому праву (см. Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 253, № 212; Ак. зап. Россіи, т. II, стр. 44, № 37), хотя чаще употребляется равнозначащее—„злочинецъ" (отъ „злочинство"). Любопытно, что въ литовско-русскомъ правѣ преступленіе прежде всего понимается какъ „злочинство" тогда, когда оно совершено коварнымъ, воровскимъ способомъ („злодейскимъ обычаемъ"), типическимъ примѣромъ чего можетъ служить воровство (терминъ „злодейство" по своему грамматическому составу вполнѣ соотвѣтствуетъ термину „злочинство", но употребляется для обозначенія одного только опредѣленнаго вида преступленій—воровства, татьбы, и очень рѣдко встрѣчается съ общимъ значеніемъ дурного, лихого дѣла). Напротивъ, въ преступленіяхъ, совершаемыхъ съ помощью насилія, на первый планъ выступаетъ „гвалтъ", почему и

изображенъ въ философскихъ трактатахъ Аристотеля и Цицерона[1]). Государю принадлежитъ „звирхность", единственное ограниченіе которой заключается въ законахъ[2]): законы для государя столь же обязательны, какъ и для его подданныхъ. Верховенство въ области уголовнаго права выражается въ признаніи великаго князя „зверхнимъ врядомъ"[3]) „найвышимъ сторожемъ всихъ правъ и вольностей", который обязанъ „боронити и стеречи, абы во всемъ и во всѣхъ артыкулѣхъ цѣлъ тотъ статутъ былъ заховань"[4]). Какъ „найвышій сторожъ всихъ правъ и вольностей", великій князь обладаетъ верховнымъ правомъ наказанія, которое необходимо для охраны и поддержанія существующаго правопорядка. Законы исполняются, потому что они разумны. Но такъ какъ не всѣ люди способны слѣдовать указаніямъ разума, то для утвержденія ненарушимости законовъ государь имѣетъ верховное право запрещать извѣстныя дѣйствія подъ угрозой наказанія[5]), а также преслѣдовать и карать нарушителей этихъ запрещеній. Такимъ образомъ государю принадлежитъ верховенство въ области законодательства и въ области суда.

Въ области законодательства верховенство великаго князя выражается прежде всего въ томъ, что отъ его имени исходятъ всѣ законы, отъ него зависитъ ихъ окончательное утвержденіе[6]). Правда, уже въ началѣ столѣтія „господаръ шлюбуетъ вси уфалы старые держати,

---

преступникъ чаще называется „гвалтовникомъ", чѣмъ „злочинцей". Въ этомъ отношеніи литовско-русское право такъ же, какъ и древнее право другихъ народовъ, придерживается того воззрѣнія, по которому дерзость, смѣлость и сила нападенія признаются доказательствомъ меньшей безнравственности и испорченности преступника. См. *Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, стр. 72; *Loiseleur*, Les crimes et les peines, стр. 137; *Du-Boys*, Histoire, т. I, стр. 121; *Чебышевъ-Дмитріевъ*, указ. соч., стр. 32—33.

[1]) См. рѣчи Л. Сапѣги въ приложеніи къ третьему Статуту, стр. V—VII, X—XII.

[2]) Напр. Трет. Ст. стр. VI; IX, 1, 2; XI, 27, 28; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I' стр. 101, 190 и мн. др.

[3]) Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 190.

[4]) Трет. Ст. стр. VII; Вт. Ст. стр. 8.

[5]) Напр. Трет. Ст. XI, 14 и мн. др.

[6]) Перв. Ст. стр. 11; III, 6; VI, 3; Вт. Ст. стр. 3, 5, 6, 8, 11, 13, 14; I, 1; II, 2; III, 12; стр. 200, 206; Трет. Ст. стр. III, VI; I, 1; III, 3, 5, 6, 15; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 11; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 95, 100, 101; Христоматія *Владимірскаго-Буданова*, вып. II, стр. 36.

а новые съ паны радами прибавляти“ [1]) или, какъ опредѣляетъ Бѣльскій привилей 1564 года, новые законы вводятся „за волею нашою господарскою сполнымъ а одностайнымъ намышленьемъ радою и позволеньемъ всѣхъ становъ родичовъ и обывателей оного панства Великаго Князства“ [2]). Однако какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ столѣтія обычная формула закона остается одна и та же („уставуемъ и даемъ моцъ вѣчными часы звирхностью владности нашое господарское съ прозволеньемъ пановъ радъ нашихъ и всихъ становъ всихъ земль того панства нашого Великого Князства Литовского“) [3]), такъ какъ въ принципѣ верховенство короля остается ненарушимымъ: король „уставуетъ“, „даетъ права и вольности“, даетъ верховное утвержденіе („потверждаетъ“, „стверъждаетъ“, „даетъ потверженье“) тѣмъ правамъ и тѣмъ измѣненіямъ („поправамъ“) ихъ, которыя вводятся сеймомъ [4]); въ свою очередь сеймъ представляетъ королю новые законы и проситъ его объ ихъ окончательномъ утвержденіи („абы то зверхностью нашею господарскою было имъ утверженно“) [5]). Съ этой точки зрѣнія весьма характерными словами начинается Литовскій Статутъ второй и третьей редакціи: „Вси обыватели великого князства литовскаго, тымъ однымъ *правомъ* писанымъ и *отъ насъ данымъ*, сужоны быти мають“ [6]).

Въ области суда верховенство государя выражается въ томъ, что ему принадлежитъ высшая судебная власть. Съ древнѣйшихъ временъ въ сознаніи народа глубоко вкоренилось воззрѣніе на князя, какъ на своего естественнаго судью и защитника [7]). Въ принципѣ государь признается верховнымъ охранителемъ закона отъ нарушеній, верховнымъ „сторожомъ справедливости“, который „повиненъ кождому съ

---

[1]) Перв. Ст. III, 6. См. *Бобржинскаго*, указ. соч., т. II, стр. 9.

[2]) Вт. Ст. стр. 8.

[3]) Вт. Ст. IV, 2 и мн. др.

[4]) Напр. Трет. Ст. стр. III, IV и мн. др.

[5]) Вт. Ст. стр. 200 (поправы статутовыя).

[6]) Вт. Ст. I, 1; Трет. Ст. I, 1.

[7]) Въ XVI вѣкѣ произошло болѣе или менѣе полное объединеніе всѣхъ Земель, входящихъ въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Напротивъ, въ XV в. „Земля находилась еще въ переходномъ состояніи отъ прежняго положенія независимаго государства къ новому состоянію провинціи“; поэтому (въ XV в.) „высшая судебная власть исходитъ отъ государя не какъ в. кн. Литовскаго, а какъ князя данной Земли“. См. *Владимірскаго-Буданова*, Христоматія, вып. II, стр. 50—51.

подданыхъ, якогожъ кольвекъ рожаю, въ покою а справедливости заховати, абы ся надъ право никому не дѣяло“ [1]). Только государю принадлежитъ право суда и наказанія, это *исключительное* право его и установленныхъ имъ урядовъ: „звѣрхность, которая намъ тылко належитъ“ [2]); потерпѣвшій не имѣетъ права самъ расправляться со своимъ обидчикомъ, но, „водле воли и мысли своее самъ некараючи, маетъ до вряду належного за разомъ (виновныхъ) провадити и тамъ ихъ, правомъ переконавъши, водле выступку ихъ дасть урядъ с права покарати“ [3]). Преслѣдованіе преступниковъ и отправленіе правосудія составляетъ не только право но и обязанность государя: „мы господаръ с повинъности нашое справедливости светое, же бы на вшелякомъ местъцу в боязни божой отправована была, такъ уставуемъ...“, „виненъ его милость кождому съ подданыхъ своихъ, а звлаща тымъ, которые зъ жалобами своими ку его милости приходять, справедливость дѣлати зъ вирхности своее господарское“ [4]).

Выраженіемъ этого воззрѣнія на короля, какъ на верховнаго судью, является то положеніе, которое онъ занимаетъ въ ряду судебныхъ установленій, и та власть, которой онъ пользуется въ области карательныхъ мѣропріятій.

а) Королю *принадлежитъ право суда* [5]), хотя въ эпоху Статута подсудность королю ограничена уже опредѣленными условіями, безъ которыхъ „нихто ся не мает отозвати перед правомъ ни до короля ани до сойму“ [6]); въ уставныхъ земскихъ грамотахъ право непосредственнаго королевскаго суда еще ничѣмъ не ограничено: „а хто бы не вступая у право... отозвался на насъ на господаря, того пустити передъ насъ“ [7]).

По Литовскому Статуту право непосредственнаго суда (въ первой инстанціи) предоставлено королю только въ наиболѣе важныхъ слу-

---

[1]) Трет. Ст. I, 8; Вт. Ст. стр. 8; Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 151, 217.

[2]) Вт. Ст. стр. 206.

[3]) Трет. Ст. XI, 28.

[4]) Вт. Ст. стр. 5; Трет. Ст. IV, 36; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 101.

[5]) Напр. Перв. Ст. I, 23; VI, 4; Вт. Ст. III, 8, 39; IV, 2, 41, 45; стр. 206, 218; Трет. Ст. I, 10, 15; III, 46; IV, 63; XI, 28; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 356; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 226.

[6]) Перв. Ст. VI, 6, 2 и др.

[7]) Устав. земск. грам., стр. 184.

чаяхъ (напр. дѣла о лишеніи шляхетской чести разсматриваются королемъ на сеймѣ, назначеніе выволанія всегда зависитъ отъ королевскаго усмотрѣнія)[1]), или же относительно главнѣйшихъ сановниковъ государства (радные паны, епископы и пр.) и вообще тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ „господарские закривалные листы“ („абы его ни хто не судил кромѣ насъ господара“)[2]). Можно думать, что въ дѣйствительной жизни случаи обращенія къ непосредственному господарскому суду были гораздо многочисленнѣе указываемыхъ Статутомъ; по крайней мѣрѣ въ 1538 году мы встрѣчаемъ весьма любопытное заявленіе короля представителямъ радныхъ пановъ и всей шляхты, что онъ „великое набѣганье и докуки отъ подданыхъ великого князства маеть, которые сами до его милости у кривдахъ своихъ утекають, яко зъ высокихъ преложоныхъ домовъ, такъ и отъ шляхты посполитого человѣка, просячи, абы его милость въ тыхъ кривдахъ ихъ справедливость имъ рачилъ учинити“, и что онъ считаетъ своимъ долгомъ удовлетворять эти просьбы, „бо не была бы речъ слушная, же бы его королевская милость на докуки подданыхъ своихъ не рачилъ литости мѣти и справедливости имъ мѣлъ у себе боронити“[3]).

б) Въ большинствѣ случаевъ судъ короля является *судомъ высшей инстанціи*[4]); къ нему обращаются съ „отозвомъ“ („апеляцыей“) отъ судовъ земскихъ, гродскихъ, подкоморскихъ, комиссарскихъ, мѣстскихъ[5]), а также отъ судовъ вотчинныхъ и пріятельскихъ, непосредственный контроль надъ которыми обыкновенно[6]), при наличности опредѣленныхъ условій, принадлежалъ судамъ земскимъ и гродскимъ. Высшей судебной инстанціей король является во всѣхъ случаяхъ потому, что по общему воззрѣнію ему принадлежитъ „вышшое право,

---

[1]) Вт. Ст. III, 39; Поправ. Стат. стр. 218; Трет. Ст. III, 46; XI, 5 и др.

[2]) Перв. Ст. VI, 8. На этомъ основано различіе „панов, которые не судятся у поветех“, отъ „шляхты, которые сут у поветех“ (см. Перв. Ст. VI, 1, 4 и др.).

[3]) Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 100—101.

[4]) Перв. Ст. VI, 1, 2, 6; Вт. Ст. II, 26; IV, 21, 61, 70; стр. 211; Трет. Ст. I, 15; III, 32; IV, 86; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 28. Перв. Ст. VI, 23; Трет. Ст. III, 38; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 136, 166, 209; Ак. зап. Россіи т. II, стр. 92.

[5]) См. ниже пунктъ III подъ лит. в.

[6]) Но не всегда. См. напр. Перв. Ст. VI, 6: „о кривды паном земяном от паней удов и от наместника и от подданых их естли бы справедливости не стала..., а мы господар в тот часъ въ панстве нашом великомъ князстве Литовском не будем; тогды оны (укривжоный) мает ожаловати паном радомъ нашимъ...“

наивышшое, бо́лшое право“ [1]), которое остается за нимъ несмотря на учрежденіе Главнаго Литовскаго Трибунала, какъ высшей инстанціи для окончательнаго рѣшенія большинства апелляціонныхъ дѣлъ. Непосредственное вмѣшательство короля не только допускалось, но даже считалось необходимымъ въ случаяхъ разногласія членовъ Трибунала: „пакли бы в ровности вотъ (голосовъ) о которую справу тые шесть трыбуналистовъ незгодилися, тогды таковые речы отсылати маютъ до насъ господара“ [2]).

в) Назначеніе нѣкоторыхъ судей зависитъ непосредственно отъ государя или его врядовъ (суды земскіе, подкоморскіе, гродскіе, комиссарскіе), но всѣ вообще *суды дѣйствуютъ отъ имени и по уполномоченію государя* [3]); они представляютъ великаго князя, которому принадлежитъ верховный надзоръ за ними: „вряды наши судовые за порученьемъ нашимъ шафуючи справедливостью людскою, местъце наше господарское заседаютъ“ [4]). Даже спеціальные суды духовныхъ властей имѣютъ право „судити, радити, справовати и водлугъ выступку кождого, водлугъ духовенства своего и правилъ светыхъ отецъ, карати“—только съ разрѣшенія пановъ-радъ и господаря, какъ „зверхняго оборонца костеловъ и церквей Божьихъ и размноженья вшелякихъ порядковъ въ церквахъ“ [5]). Надъ вотчинными, пріятельскими и копными судами контроль принадлежитъ врядамъ земскимъ или гродскимъ, къ которымъ обращаются въ случаѣ отказа „вчинить справедливость“ или въ случаѣ какихъ-нибудь „кривдъ“, допущенныхъ при „чиненіи справедливости“ [6]). Суды нѣкоторыхъ врядовъ (напр. гетмана) также замѣняютъ „наше мѣстцо, наше госпо-

---

[1]) Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 28; Ак. зап. Россіи т. II, стр. 92; Устав. зем. грам. стр. 184.

[2]) Трет. Ст. III, 32.

[3]) Перв. Ст. VI, 22; Вт. Ст. стр. 3; IV, 1, 70; Трет. Ст. IV, 1, 36; IX, 1, 2; ср. Перв. Ст. VI, 8; Вт. Ст. IV, 41, 70; стр. 221; Трет. Ст. I, 10; IV, 1, 63; IX, 2; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 171; Ак. зап. Россіи, т. II, стр. 28.

[4]) Трет. Ст. I, 10.

[5]) Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 226.

[6]) Перв. Ст. VI, 4, 6, 10; XI, 9; XIII, 5; Вт. Ст. IV, 29, 47; XII, 9; XIV, 1; Трет. Ст. IV, 14, 15, 48, 49, 50, 51, 64, 67, 68, 69, 102; XIV, 1; Акты Кіев. Центр. Архива кн. 2036, листъ 13, 157 на об.; кн. 2037, листъ 58; кн. 2039, листъ 284, 374; кн. 2040, листъ 321, 408 на об. и мн. др.—Вт. Ст. IV, 60; Трет. Ст. IV, 85; Ак. Кіев. Центр. Арх. кн. 2039, листъ 371 на об.

дарское местъцо", такъ какъ и вряды сами являются представителями и уполномоченными верховной власти [1]). Хотя Главный Литовскій Трибуналъ считается верховнымъ судомъ и послѣдней инстанціей для большинства какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, однако въ принципѣ и онъ разсматривается, какъ замѣститель государя: „позвы предъ тотъ судъ мають быти подъ титуломъ нашимъ кролевскимъ" [2]).

г) Королю, наконецъ, принадлежитъ *верховное право преслѣдованія преступниковъ* и примѣненія къ нимъ установленнаго закономъ и опредѣленнаго судомъ наказанія. Конечно, вслѣдствіе неполнаго сознанія общественнаго момента преступленія во многихъ случаяхъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія всецѣло поставлено въ зависимость отъ воли потерпѣвшаго; но въ болѣе важныхъ случаяхъ объ этомъ обязанъ позаботиться самъ врядъ, такъ какъ воеводы, стоящіе во главѣ мѣстныхъ врядовъ, спеціально и назначены для того, „абы на мѣстцы нашомъ господарьскомъ порадку и небезпеченства престрегали... если бы, чого Боже уховай, такъ отъ непріятеля, яко и зъ иныхъ припадковъ небезпечность, шкода и злочинства якіе отъ своволныхъ людей дѣятися мѣли, того абы съ повинное вѣры своее противо намъ господару и Речи Посполитой пильнѣ догледали и постерегали и своволныхъ, люзныхъ людей не терпѣли, але ихъ карати велѣли" [3]).

Королю принадлежитъ верховное право помилованія, смягченія или отсрочки судебнаго преслѣдованія и наказанія виновнаго въ томъ или другомъ преступленіи [4]). Равнымъ образомъ отъ него же зависитъ назначеніе нѣкоторыхъ наиболѣе тяжкихъ наказаній (напр. выволанія). Ограниченія королевскаго верховенства въ этомъ отношеніи проистекаютъ отъ общаго частноправнаго характера многихъ изъ

---

[1]) Ак. зап. Россіи т. II, № 25, стр. 28; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, № 154, стр. 171; Вт. Ст. стр. 3 („кождый водлѣ заслугъ и годности своее отъ насъ Господаря на мѣстца зацные преложенства зъ ласки нашое браны быти мають"); Перв. Сг. Ш, 3 и др.

[2]) Вт. Ст. стр. 221 (поправы статутовыя, арт. 12). Писарь земскій также выдаетъ „позвы подъ печатью и подъ тытуломъ нашимъ". Для этого въ каждый земскій судъ „мы господаръ даемъ подъ геръбомъ того панъства нашого великого княжства литовъского погонею печать, на которой естъ написано около геръбу имя того повету" (Трет. Ст. IV, 12).

[3]) См. Ак. юж. и зап. Россіи т. I, № 154, стр. 171 (актъ относится къ 1570 году).

[4]) Напр. Перв. Ст. II, 1, 7, 12; VII, 30; Вт. Ст. I, 7, 18 и др. Подробности ниже въ 5-й главѣ (о примѣненіи наказанія).

карательныхъ мѣръ: требованія одного лица къ другому, основанныя на обязательствѣ вообще, а слѣдовательно и требованія, основанныя на obligatio ex delicto, только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть уничтожены по усмотрѣнію властей [1]).

III. Нѣкоторыя ограниченія предыдущаго положенія.

Мы ознакомились съ идеей и фактическими проявленіями государственнаго верховенства въ области карательнаго права. Разсмотримъ теперь тѣ ограниченія карательнаго права государства, которыя стоятъ въ противорѣчіи съ основнымъ понятіемъ о королевской „зверхности“, и объясненіе которыхъ, какъ мы видѣли, слѣдуетъ искать частью въ историческихъ переживаніяхъ, частью же въ новомъ направленіи, принятомъ въ XVI вѣкѣ исторіей литовско-русскаго государства [2]).

Въ области законодательства до конца XVI столѣтія обычай имѣетъ огромное значеніе: во множествѣ случаевъ законъ черпаетъ свои опредѣленія изъ обычнаго права; обычай конкурируетъ съ закономъ, дополняетъ, а иногда даже исправляетъ постановленія закона. Въ древнѣйшія эпохи „значеніе права, въ смыслѣ обязательной общей нормы, признается прежде всего за обычаемъ; правомъ считается то, что освящено соблюденіемъ. Это—первоначальное воззрѣніе; но оно живо еще и въ XVI вѣкѣ. Признаніе за волей государя способности творить право—явленіе вторичное; оно возникаетъ на глазахъ исторіи и развивается весьма медленно. Еще въ XVI в. великіе князья московскіе находятъ нужнымъ оправдывать свои распоряженія ссылкою на старину. Ясно, что еще нѣтъ сознанія о томъ, что воля ихъ, какъ

---

[1]) Впрочемъ, иногда даже и тѣ наказанія, которыя въ значительной степени проникнуты характеромъ публичности, не подлежатъ отмѣнѣ путемъ помилованія именно потому, что они или составляютъ доходъ вряда, или же во всякомъ случаѣ являются извѣстнымъ удовлетвореніемъ и для потерпѣвшаго. См. напр. Вт. Ст. I, 21: „а мы Господаръ не маемъ таковыхъ закладовъ никому отпущати“.

[2]) Мы касаемся не всѣхъ условій ограниченія карательной власти государства, но только нѣкоторыхъ, оставляя въ сторонѣ тѣ многочисленныя и болѣе спеціальныя условія средневѣковаго государства (карат. власть церкви, братствъ, различныхъ союзовъ ремесленныхъ, національныхъ и пр.), изслѣдованіе которыхъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко и потребовало бы большой спеціальной работы.

субъекта верховной власти, творитъ право“ [1]). Въ Литовской Руси, какъ мы видѣли, сознаніе это болѣе развито; однако ссылки на обычай для подкрѣпленія закона и указанія, что „мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ, хочемъ все по тому мѣти, какъ будетъ было“ [2]), встрѣчаются довольно часто.

Первый Статутъ хотя и заявляетъ, что „вси ровно а одностайно тым писанымъ правомъ мають сужоны быти“, однако не исключаетъ возможности примѣненія обычая: „естли бы ся што пригодило перед судьями, чого бы в тых правах не было описано; тогды то даем на розознанье судей под сумненьем их, иж они мають упоменувшы Бога и то сказати водлуг стародавного обычая“ [3]).

Разрѣшеніе это имѣло громадное практическое значеніе, и притомъ, какъ увидимъ, не только въ области гражданскаго, но и въ области уголовнаго права. Черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ изданія Статута оказалось, что „на розныхъ мѣстцахъ и урядѣхъ поправляютъ речы и артыкулы новые а розные, которые въ томъ статутѣ не были и не суть описаны, одно противные статутови а ку понетью и уфалѣ годные“ [4]). Такой порядокъ вещей показался ненормальнымъ и вреднымъ; поэтому при исправленіи кодекса было рѣшено провозгласить „nullum crimen, nulla poena sine lege“: „судья и подсудокъ и судъ замковый або дворный и нихто иный ничого съ головы и зъ умыслу своего судити и сказовати не мають и не будутъ мочы, только водле статуту сего, яко въ немъ стоить выображоно“ [5]). Соотвѣтственно этому была измѣнена редакція начальнаго артикула кодекса; первый Статутъ говоритъ: „(винные) подле *звычая* правъ хрестиянскихъ мают быти караны“; второй исправляетъ: „винни мають быти караны виною у артыкулехъ нижей описаныхъ меновите назначоною“ [6]).

Однако требованія дѣйствительной жизни оказались сильнѣе закона; къ концу столѣтія законодатель былъ вынужденъ сдѣлать уступку: судъ

---

[1]) См. *Сергѣевича*, Лекціи по исторіи рус. права, стр. 19.

[2]) Устав. Зем. Гр. стр. 2, 113. Трет. Ст. I, 29; II, 5, 7; III, 13, 15, 17, 29; XI, 28 и др. Вт. Ст. II, 5, 7; III, 5, 9, 10, 12, 14, 24, 39; IV, 5; IX, 22; XIII, 2; XIV, 24 и др.

[3]) Перв. Ст. I, 9; VI, 1, 6, 37.

[4]) Вт. Ст. стр. 6.

[5]) Вт. Ст. IV, 30.

[6]) Ср. Перв. Ст. I, 1; Вт. Ст. I, 2; Трет. Ст. I, 2.

замковый такъ же, какъ и судъ земскій „где бы чого в томъ статуте недоставало... прихиляючыся до ближъшое справедливости водле сумненья своего и прикладомъ иншыхъ правъ хрестианьскихъ то отправовати и судити маеть“ [1]). Очевидно, практика доказала преждевременность провозглашеннаго вторымъ Статутомъ принципа „nullum crimen, nulla poena sine lege“. Впрочемъ, разрѣшая указанное отступленіе, третій Статутъ не возвращается ко временамъ перваго, когда законъ допускалъ одновременное существованіе и дѣйствіе обычая, но только исправляетъ ошибку второго, который нѣсколько поторопился со своимъ категорическимъ заявленіемъ. Какъ общее правило, положеніе второго Статута признается и теперь (на это указываетъ заглавіе приведеннаго артикула: „а судъ ижъбы з головы ничого не судилъ“); но нѣтъ правила безъ исключенія—въ видѣ исключенія предусматриваются возможные случаи, когда суду прійдется судить „прихиляючыся до ближъшое справедливости водле сумненья своего“, а слѣдовательно примѣнить наказаніе, быть можетъ, въ такихъ случаяхъ, которые не запрещены Статутомъ, но считаются преступными по „стародавному обычаю“.

Въ области суда, преслѣдованія и наказанія преступниковъ мы должны отмѣтить слѣдующія явленія, не согласующіяся съ идеей государственнаго верховенства въ уголовномъ правѣ.

а) *Частное лицо (потерпѣвшій)* пользуется огромной властью при возбужденіи преслѣдованія противъ преступника, при опредѣленіи и примѣненіи къ нему наказанія. Власть эта не можетъ быть объясняема однимъ только частноправнымъ взглядомъ на преступленіе (въ третьемъ Статутѣ, какъ мы знаемъ, даже напротивъ—преступленіе признается прежде всего зломъ общественнымъ). Тѣ черты наказанія, которыя придаютъ ему частноправный характеръ (господство договорнаго начала въ области уголовныхъ отношеній), обусловливаются въ значительной степени, съ одной стороны, историческими традиціями (месть, композиціи), съ другой стороны, зависятъ отъ слабости общественной власти: государство признаетъ извѣстный фактъ нежелательнымъ, несовмѣстимымъ съ требованіями правильнаго общежитія и тѣмъ не менѣе допускаетъ его; фактическія обстоятельства

[1]) Трет. Ст. IV, 54.

и возрастающая сила личности заставляютъ его быть непослѣдовательнымъ и допускать то, къ чему оно относится весьма неодобрительно. Съ фактами мы познакомимся ниже [1]).

б) Постепенно путемъ привилегій *землевладѣльцы* пріобрѣтаютъ неограниченныя права надъ своими подданными: „къ концу XVI столѣтія мы видимъ вездѣ, во всѣхъ сферахъ жизни личной и общественной, съ одной стороны, тяготѣющій надъ крестьянами произволъ пановъ, съ другой—рѣшительную беззащитность даже вольныхъ хлоповъ, поставленныхъ какъ-бы внѣ закона“ [2]). Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что такая полная власть землевладѣльца надъ своими слугами и крестьянами имѣла не вполнѣ частноправный характеръ власти собственника надъ принадлежащими ему вещами; напротивъ, крестьяне считались не только „подданными“ своего пана, но также „подданными“ Великаго Княжества Литовскаго. Власть землевладѣльца носила въ значительной степени публичный характеръ: „частные вотчинники пріобрѣли полныя государственныя права суда и управленія въ своихъ имѣніяхъ“ [3]). Выраженіемъ полноты карательной власти землевладѣльцевъ можетъ служить одно замѣчательное постановленіе третьяго Статута относительно „захованья въ покою всихъ подданыхъ нашихъ обывателей того паньства зъ стороны розного розуменья и уживанья набоженьства хрестияньского“: запрещая религіозныя преслѣдованія, законодатель считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать оговорку—„ведъже черезъ тую конъфедерацыю нашу зверхности жадное надъ подъдаными ихъ, такъ становъ духовныхъ, яко и светскихъ не уймуемъ и послушенъства жадного подъданыхъ противъко пановъ ихъ непсуемъ, и овшемъ естли бы таковая своя воля гдѣ была подъ обликомъ набоженьства, тогды яко завжды было, будеть вольно и теперь кождому пану подданого своего непослушного такъ въ духовныхъ, яко и светскихъ речахъ подлугъ порозуменья своего скарать“ [4]). Постановленіе это подтверждается кромѣ того еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ кодекса [5]).

---

[1]) См. ниже о примѣненіи наказанія—глава пятая.

[2]) *Леонтовича*, Крестьяне юго-зап. Россіи, Кіев. Унив. Извѣстія за 1863 г., № 10, стр. 4.

[3]) *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 6.

[4]) Трет. Ст. III, 3.

[5]) Напр. Трет. Ст. XII, 23. См. *Леонтовича*, Крестьяне юго-зап. Россіи, Унив. Изв., 1863 г., № 10, стр. 39. Поправы Ст. стр. 206.

Имѣя неограниченное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертной казнью, вотчинники стояли внѣ всякаго контроля со стороны государства, которое безвозвратно уступило имъ карательную власть надъ крестьянами во всей ея полнотѣ. Государственное вмѣшательство имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда или самъ вотчинникъ отказывался отъ своихъ правъ въ данномъ случаѣ [1]), или же когда приходилось примирять интересы двухъ землевладѣльцевъ или вообще интересы вотчинника (его подданныхъ) и лицъ, стоящихъ внѣ его власти. Въ послѣднемъ случаѣ судебная власть вотчинника находилась подъ контролемъ вряда (земскаго, гродскаго), къ которому и обращался жалующійся, если находилъ дѣйствія пана неправильными, видѣлъ въ нихъ „кривду“ для себя [2]). Напротивъ, власть пана не имѣла никакихъ ограниченій, когда не затрогивались интересы сторонніхъ неподвластныхъ ему лицъ. Любопытный примѣръ воззрѣній пана на неограниченность собственной карательной власти находимъ у Иванишева [3]). Въ 1573 году возный кременецкій, Григорій Гуляльницкій, доносилъ уряду кременецкому: „Былъ я у пана Ласка Секунскаго вмѣстѣ съ слугою князя Николая Збаражскаго, Лавриномъ Козулею. И Лавринъ Козуля спрашивалъ пана Михаила Ласка: „Для чего ты приказалъ безвинно повѣсить боярина господарскаго Евхима, который имѣлъ братьевъ и осѣдлость въ Жолобѣ?“. И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ: „Кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ“. Потомъ спрашивалъ Лавринъ у пана Михаила Ласка: „По какой причинѣ ты приказалъ замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сѣдельника, и для чего забралъ себѣ все ихъ имущество?“. Панъ Ласко признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лавриновичѣ и Степанѣ сказалъ: „Они получили плату по заслугамъ, и я никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были крестьяне моихъ селъ“ [4]).

---

[1]) Напр. Трет. Ст. IV, 48; Вт. Ст. IV, 29; Перв. Ст. VI, 4, 10 и мн. др. („слуги и подданого своего вырекъся“).

[2]) Перв. Ст. VI, 10; XI, 9; XIII, 5; Вт. Ст. IV, 22, 29, 44, 46; XII, 9; XIV, 1; Трет. Ст. IV, 48, 49, 64, 67; XI, 37; XII, 14; XIV, 1, 2; кромѣ того III, 32, 34; IV, 14, 39, 50, 51, 66, 68, 69.

[3]) См. *Иванишева*, Сочиненія, стр. 257.

[4]) Изъ Акт. Кіев. Центр. Ар., кн. гродская луцкая 1573 г., листъ 166 на об.

в) Наконецъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ о законодательной и судебной власти *городовъ, надѣленныхъ магдебургскимъ правомъ* [1]).

Всякая грамота на магдебургское право начинается слѣдующимъ важнымъ пожалованіемъ: „Даемъ и даруемъ на вѣчность право нѣмецкое магдебургское, отдаляя всѣ иныя права польскія, литовскія и русскія и всѣ иные обычаи, которые были бы несогласны съ правомъ нѣмецкимъ магдебургскимъ". Этимъ пожалованіемъ городъ совершенно выдѣляется изъ сферы дѣйствія общихъ государственныхъ законовъ; законодательное опредѣленіе дальнѣйшихъ правъ и уставовъ внутри города предоставляется ему самому [2]). Впрочемъ, между положеніемъ городовъ и шляхты замѣчается существенное различіе: города съ самаго начала, вмѣстѣ съ пожалованіемъ магдебургскаго права, получаютъ своеобразную форму самоуправленія и чужой кодексъ гражданскаго и уголовнаго права, развивать положенія котораго и приспособлять ихъ къ потребностямъ своей жизни они могутъ не сообща, не всѣ вмѣстѣ на общемъ сеймѣ своихъ представителей, но каждый въ отдѣльности, такъ какъ не всѣ они вмѣстѣ, но каждый въ отдѣльности (и притомъ въ разныя времена) и для себя только получили пожалованіе нѣмецкаго права. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ неподвижности муниципальнаго законодательства и тѣхъ его недостатковъ, которые вызывали жалобы горожанъ и вмѣшательство центральнаго правительства. „Немногіе города воспользовались своимъ правомъ относительно измѣненія или, по крайней мѣрѣ, лучшаго приспособленія саксонскихъ законовъ къ славянскому быту" [3]); въ тѣхъ же случаяхъ, когда города издавали новыя узаконенія, послѣднія очень часто имѣли пристрастный и своекорыстный характеръ. Во

---

[1]) О правахъ и положеніи городовъ см. *Владимірскаго-Буданова*, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ; *Антоновича*, Изслѣдованіе о городахъ юго-зап. края (Монографіи, т. I, 1885 г.). Общія замѣчанія о привилегіяхъ на Магдебургское право можно найти у *Ясинскаго*, Устав. Зем. Грамоты, стр. 21—23. Предлагаемыя данныя мы заимствуемъ у М. Ф. Владимірскаго-Буданова, словами котораго нерѣдко и выражаемся. Мы не касаемся магдебургій въ частныхъ вотчинахъ, которыя находились въ полной зависимости отъ землевладѣльца и его урядниковъ.

[2]) См. *Владимірскаго-Буданова*, указ. соч., Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1868 г., Сентябрь, стр. 759.

[3]) Ib. стр. 766.

всякомъ случаѣ въ дѣйствительности „всегда и вездѣ робкіе шаги (городовъ) на поприщѣ законодательства дѣлались при помощи королевской или сеймовой власти“ [1]).

Второй важнѣйшій пунктъ жалованныхъ грамотъ на магдебургское право—слѣдующій: „На вѣки освобождаемъ всѣхъ горожанъ отъ судовъ и власти всѣхъ воеводъ и пановъ и старостъ, судей и подсудковъ, намѣстниковъ и другихъ урядниковъ, такъ что горожане не будутъ обязаны отвѣчать передъ ними, о чемъ бы ни жаловались на нихъ“. Этимъ пожалованіемъ устанавливалось самоуправленіе и самостоятельный судъ въ городахъ [2]). Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже указывали, высшая судебная власть принадлежала королю и надъ городомъ: онъ судилъ горожанъ самъ лично или черезъ своихъ уполномоченныхъ (судъ комиссарскій, судъ асессорскій), къ нему обращались горожане со своими апелляціями: „а естли войтъ альбо бурмистры будуть видѣтися несправедливы, тогды о тую речь маютъ позвани быти передъ насъ самихъ и имъ отповѣдати, которыхъ же маемъ тымъ правомъ судити“; „а гдѣ бы ся кому съ подданныхъ нашыхъ мѣщанъ... отъ суду... войта головного, або отъ лентвойта... або отъ бурмистровъ и радецъ кривда и уближенье якое у справедливости его, або въ чомъ кольвекъ видѣла, тогды кождому отъ суду ихъ апеляцыя до насъ господара допущона маеть быти завжды“ [3]).

Итакъ, карательная власть городовъ по отношенію къ власти государства можетъ быть изображена слѣдующимъ образомъ: города такъ же, какъ и вотчинники, постепенно путемъ привилегій пріобрѣли настолько полныя права, что совершенно выдѣлились изъ государства, и король остался единственнымъ связующимъ звеномъ между ними и шляхтой. Такъ, по крайней мѣрѣ, было de jure; въ дѣйствительности же права городовъ очень и очень часто бывали нарушаемы, особенно въ болѣе позднія эпохи развитія шляхетскаго могущества.

---

[1]) Ib., стр. 768.

[2]) Ib., стр. 768.

[3]) См. Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 136, 166 и др.

Глава Третья. Объектъ карательнаго права.

Непосредственнымъ объектомъ карательной дѣятельности государства является лицо, совершившее преступное дѣяніе. Преступникъ подлежитъ наказанію, отъ котораго его не можетъ защитить „жаденъ привилей, ани зацность, ани достоенство“ [1]), ни иностранное подданство его, разъ онъ признанъ виновнымъ въ преступленіи: „вси обыватели великого князства литовскаго..., почонъшы отъ вышъшого стану ажъ до нижшого..., такъ же чужоземцы заграничники великого князства литовъского, приежъдчые и якимъ колвекъ обычаемъ прибылые люди... маютъ быть сужоны на тыхъ врядѣхъ, гдѣ хто выступить“ и „винные мають быти карани“ [2]). Единственное исключеніе допускается относительно короля.

Король подчиненъ законамъ, которые должны быть для него такъ же святы, какъ и для другихъ подданныхъ Великаго Княжества Литовскаго; во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ поступать согласно съ существующими законами [3]). Но гдѣ та власть, которая могла бы судить и наказать короля въ случаѣ преступнаго съ его стороны нарушенія права?—Такой власти не существуетъ, потому что самъ король является представителемъ государства [4]). Сеймъ,

---

[1]) См. Трет. Ст. I, 4 и мн. др.

[2]) Вт. Ст. I, 1; Трет. Ст. I, 1; Перв. Ст. I, 1; Вт. Ст. I, 2; Трет. Ст. I, 2 и др.

[3]) Трет. Ст. стр. IV, V—VII, X—XII.

[4]) См. предыдущую главу. Напротивъ, въ древне-германскомъ правѣ король во всѣхъ отношеніяхъ находился подъ дѣйствіемъ закона: „Es war... festgesetzt, dass, wer einen seiner Kriegsgenossen durch Wunden oder Schläge verletzen würde, als ein Ehrloser (mit Nidingsnamen) aus der Kriegsgenossenschaft ausgestossen und als Friedloser aus allen Ländern, welche Knut beherrschte, verbannt sein sollte. Nun geschah es aber, dass

шляхта, недовольный народъ могутъ возстать[1]) и устранить нежелательнаго для нихъ государя, замѣстивъ вакантный тронъ какимъ-нибудь другимъ вновь избраннымъ лицомъ; но судить короля и наказывать его они не имѣютъ права, такъ какъ не имъ, но королю, какъ представителю государства, и только ему одному, принадлежитъ верховенство въ области уголовнаго права.

Литовскій Статутъ нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о безнаказанности преступленій, если совершителемъ ихъ является король. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно рѣшительно заявляется, что „мы Господаръ однымъ тымъ правомъ судитисе маемъ“ [2]). Но заявленія эти всегда имѣютъ въ виду отношенія частнаго, гражданскаго права[3]). Напротивъ, высказанное нами общее положеніе подтверждается отчасти въ другихъ законодательныхъ памятникахъ эпохи, отчасти фактами изъ дѣйствительной жизни.

Весьма важное опредѣленіе находится въ Бѣльскомъ привилеѣ 1564 года: „не только ихъ милость панове воеводове и иные врадники, але тежъ, посполъ князи, панове, маршалки, панята, и якимъ кольвекъ обычаемъ названые врадники наши и вся шляхта никого не выймуючы, *почавшы отъ старшаго по насъ Господаря* ажъ до наименшаго, такъ духовный яко и свѣцкій Великаго Князства Литовскаго, на томъ сеймѣ великомъ вальномъ Бѣльскомъ въ одно ровное право въ однакій а не инакшій судъ, моцъ и поступки судовые и послушенства... сами и потомками своими поддали и поддаютъ“ [4]). Если дѣйствію

Knut selbst einen seiner Krieger erschlug; der König war seinem eigenen Gesetz verfal, len, denn dass er über demselben stehe, war der germanischen Vorstellung fremd, und die hier übereinstimmenden, sonst in manchen Punkten abweichenden Erzählungen zeigen. dass ihm selbst, wie dem Thingmannalith, jeder Gedanke daran fern lag.“. См. *Wilda*, указ. соч., стр. 402 – 403.

[1]) Ср. Трет. Ст. III, 3: „противъко таковому вси повстанемъ на его скаженье“; ib., стр. XI: „хто бы кольвекъ с тихъ трохъ речей (честь, жизнь, имущество) в чомъ насъ укривдити и подлугъ уподобанья своего, а не водле правъ нашихъ надъ нами паствити се мелъ, тотъ бы вжо не паномъ нашимъ, але сказителемъ правъ и волностей нашихъ былъ“...

[2]) Вт. Ст. I, 16. Весьма рѣшительно выражается манифестъ объ утвержденіи третьяго Статута: „тотъ статутъ... ствержаемъ..., водле которого вже яко смы сами господаръ, такъ и вси инные станы... заховатисе маемъ“ (Трет. Ст., стр. IV).

[3]) Напр. Вт. Ст. I, 16; IV, 2; Трет. Ст. I, 19, 20; III, 33 и др.

[4]) Вт. Ст. стр. 7.

общей судебной власти подлежатъ всѣ, „почавшы отъ старшаго по насъ Господаря“, то, очевидно, самъ государь отсюда исключается. Фактическое подтвержденіе этого мы имѣемъ въ царствованіе Сигизмунда III, который, заботясь болѣе о шведскихъ, чѣмъ о польско-литовскихъ интересахъ, дозволилъ себѣ явное нарушеніе законовъ страны, можно даже сказать, совершилъ положительную измѣну, заключивъ съ Австріей тайные договоры объ уступкѣ Габсбургамъ (за ихъ помощь въ его собственныхъ шведскихъ дѣлахъ) части государства, призвавшаго его на тронъ. Происки Сигизмунда были замѣчены Замойскимъ, готовившаяся измѣна была обнаружена; но все это имѣло только одно послѣдствіе для короля: онъ, къ великому своему униженію, вынужденъ былъ отречься отъ заключенныхъ съ Австріей договоровъ [1]).

Итакъ, за исключеніемъ короля, какъ верховнаго представителя государства, непосредственнымъ объектомъ карательнаго права является лицо, совершившее преступное дѣйствіе. Это общее и основное положеніе въ своемъ историческомъ развитіи подвергается многимъ видоизмѣненіямъ: расширеніемъ этого положенія является привлеченіе къ отвѣтственности животныхъ и лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ; суженіе этого положенія обусловливается обращеніемъ вниманія на субъективный моментъ преступленія [2]).

I. Отвѣтственность животныхъ.

Въ древнѣйшую эпоху права отвѣтственности за преступленія подлежали въ опредѣленныхъ случаяхъ рабы и животныя. Отвѣтственность первыхъ такъ же, какъ и отвѣтственность вторыхъ, слѣдуетъ разсматривать, какъ расширеніе общаго положенія, по которому объектомъ карательнаго права можетъ быть только лицо: рабы такъ же, какъ и животныя, не считались лицами; рабъ былъ вещью своего господина [3]). Въ эпоху Литовскаго Статута институтъ рабства хотя

---

[1]) См. *Бобржинскій*, указ. соч. т. II, стр. 148.

[2]) См. выше стр. 19 и сл. Вопроса о значеніи субъективнаго момента преступленія намъ прійдется кромѣ того коснуться ниже (гл. V).

[3]) Такое положеніе занимали рабы въ римскомъ правѣ; также относилось къ нимъ и германское право. См. *Барона*, Система рим. граж. права, вып. I, стр. 31; *Loiseleur*, Les crimes et les peines, стр. 83 и слѣд.; *Schröder*, Lehrbuch, стр. 37. По Рус. Правдѣ холопъ не несетъ лично отвѣтственности за преступленія—*Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 261.

еще и сохранился, но уже потерялъ свой первоначальный характеръ: рабъ достигаетъ нѣкоторой степени правоспособности и дѣеспособности; права его весьма ограничены, но тѣмъ не менѣе признаются и охраняются закономъ, именно—его жизнь и тѣлесная неприкосновенность находятъ защиту въ уголовномъ законѣ; гражданскій законъ болѣе или менѣе признаетъ и охраняетъ его имущественныя права [1]). Такимъ образомъ мы не можемъ считать извѣстную Л. Статуту отвѣтственность раба („невольника“) за преступленія расширеніемъ высказаннаго выше положенія.

Другое дѣло отвѣтственность животныхъ.

Отвѣтственность животныхъ слѣдуетъ считать явленіемъ общимъ всѣмъ народамъ въ эпоху господства объективнаго взгляда на преступленіе [2]). Въ западной Европѣ эта отвѣтственность удержалась гораздо дольше, чѣмъ у Славянъ, у которыхъ „довольно рано (сравнительно) преступленіе оцѣнивается по количеству злой воли дѣятеля“. Хотя и въ исторіи славянскихъ народовъ можно указать немногіе случаи подобной отвѣтственности [3]), но какъ самое рѣдкое исключеніе. Въ этомъ отношеніи уголовное право Славянъ представляетъ несомнѣнную особенность сравнительно съ правомъ другихъ народовъ западной Европы, у которыхъ факты историческихъ переживаній этого рода дожили почти до нашего времени [4]).

Значительный интересъ представляютъ своеобразныя постановленія литовско-русскаго права.

Въ Литовскомъ Статутѣ по общему правилу животное не признается самостоятельнымъ объектомъ карательнаго права. Вмѣсто животнаго отвѣчаетъ его хозяинъ, который побудилъ (науськалъ) своего „пса, быдля или коня“ „уѣсть, образить кого-нибудь или вчинить

---

[1]) См. *Леонтовича*, Крестьяне юго-зап. Россіи, Унив. Извѣст. 1863 г., № 10, стр. 12 и сл., 30 и сл.

[2]) См. *Таганцева*, Курсъ рус. угол. права, т. I, стр. 6—8.

[3]) Напр., проф. *Сергѣевскій* (стр. 89) приводитъ случай казни при Михаилѣ Ѳедоровичѣ обезъяны, забѣжавшей въ церковь и произведшей тамъ безпорядокъ. Ср. *Таганцева*, Лекціи, вып. II, стр. 386. Но другихъ подобныхъ случаевъ мы не находимъ ни въ законахъ, ни въ практикѣ русскаго права съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

[4]) „У англичанъ еще не такъ давно былъ такого рода случай: лѣтъ 20 или 30 тому назадъ боевой пѣтухъ ранилъ $1^1/_2$ годового ребенка, который умеръ отъ раны; пѣтухъ за это былъ казненъ.“ (*Сергѣевича*, Лекціи, стр. 485).

ему шкоду“ или который, зная неспокойный нравъ своего животнаго, „оного быдляти стеречи, а пса на привези держати и мети не хотелъ“ [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ владѣлецъ животнаго отвѣчаетъ не только въ гражданскомъ („маеть шкоду платити“), но и въ уголовномъ порядкѣ („повиненъ его будеть навезати, якобы его самъ своею рукою ранилъ“) [2]). Тѣмъ не менѣе, въ противоположность общему характеру права славянскихъ народовъ, владѣлецъ животнаго можетъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, выдавъ его потерпѣвшему (noxae datio римскаго права) [3]).

„За таковое быдло господарь будет повинен отказывати и шкоду заступати, *або винного выдати*“ [4]). „Еслижъ бы быдля такое чоловека образило, тогды *тое быдля тому, кого образило, выдано быти маеть*. А такъ же тежъ хтобы мелъ коня васнивого, который бы билъ, тогды повиненъ звонокъ на немъ... мети для того, абы то видячы на него не наездъжали. А хтобы безъ звонка на такомъ кони ездилъ, а онъ бы кого образилъ, тогды *тотъ конь за то ображоному выданъ быти маетъ*“ [5]).

Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ животное признается „виннымъ“ и само подлежитъ отвѣтственности, если ее не принимаетъ на себя его хозяинъ („господарь винного пса, коня, быдляти“). Животное выдается потерпѣвшему не въ качествѣ гражданскаго вознагражденія послѣдняго за причиненныя ему шкоды, не какъ предметъ опредѣленной имущественной цѣнности, но именно какъ виновникъ преступнаго дѣянія, относительно котораго потерпѣвшій „воленъ будетъ што хотячи надъ нимъ, *яко виннымъ*, вчинити“ [6]).

---

[1]) Перв. Ст. XII, 15, 16; Вт. Ст. XIII, 13, 14; Трет. Ст. XIII, 13, 14; Ср. Перв. Ст. XII, 2; Вт. Ст. XIII, 2; Трет. Ст. XIII, 2.

[2]) Хотя это постановлено лишь на случай, „колибы кого пес уел щиего пощванья“, однако, внѣ всякаго сомнѣнія, подобная же отвѣтственность имѣла мѣсто и во всѣхъ прочихъ аналогичныхъ случаяхъ.

[3]) См. *Барона*, ук. соч., вып. III, стр. 162. Весьма вѣроятно, что приводимыя постановленія Статута образовались именно подъ вліяніемъ римскаго права.

[4]) Перв. Ст. XII, 16 (послѣдней фразы мы не находимъ въ рукописи *Виленской*; напротивъ, въ рукописяхъ *Дзялынскаго, Фирлея* и *Слуцкой* она встрѣчается).

[5]) Трет. Ст. XIII, 14.

[6]) Какъ извѣстно, такую-же точно форму (выдача на произволъ потерпѣвшаго) могла имѣть отвѣтственность рабовъ въ древнѣйшую эпоху; такой-же отвѣтственности подлежатъ иногда владѣльческіе люди или вообще преступники и по литовско-русскому праву изу-

II. Отвѣтственность третьихъ лицъ.

Въ древнѣйшую эпоху преступленіе вызывало месть оскорбленнаго и его рода. Мести подвергался не только непосредственный виновникъ преступленія, но и всѣ остальные члены того общественнаго союза, къ которому онъ принадлежалъ: месть не знала предѣловъ, а лицо еще не было выдѣлено изъ охватывавшихъ его родовыхъ и территоріальныхъ группъ, на которыя распадалось племя [1]). Съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ высвобожденіемъ лица изъ-подъ зависимости отъ семейныхъ, родовыхъ и общинныхъ союзовъ, оно пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельное и независимое положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе индивидуальный характеръ. Положеніе: „за преступленіе отвѣчаетъ только тотъ, кто виновенъ въ его совершеніи“—становится основнымъ правиломъ уголовнаго права [2]).

Но кромѣ того огромное значеніе въ развитіи индивидуальности наказанія имѣло постепенное усиленіе слѣдственной власти и средствъ полицейскаго надзора. Въ прежнія времена, по справедливому замѣчанію проф. Сергѣевскаго, „слабость судебно-слѣдственной власти съ одной стороны, и слабость средствъ полицейскаго надзора съ другой, вызывали дѣйствительную, практическую необходимость возлагать кару на лицъ подозрительныхъ и опасныхъ, хотя-бы виновность ихъ и не была доказана“ [3]), а также, прибавимъ отъ себя, на тѣхъ лицъ, которыя, вопреки возложенной на нихъ обязанности, отказывали государству въ помощи при предупрежденіи преступленій или задержаніи и наказаніи преступниковъ.

Такимъ образомъ частью вслѣдствіе общихъ историческихъ условій развитія личности, частью же подъ вліяніемъ особенныхъ фактическихъ обстоятельствъ данной эпохи, основное положеніе объ индиви-

---

чаемой эпохи. См. *Барона*, указ. соч., вып. III, стр. 162; *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 261; *Schröder*, Lehrbuch, стр. 175. Ср. Ак. Кіев. Центр. Арх. кн. 2038, листъ 140 на об.; Ак. Вил. Ком. т. XVII, № 727, стр. 280 и др.

[1]) См. *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 315 и сл.; *Собъстіанскаго*, Круговая порука у Славянъ, стр. 60 и сл.

[2]) Напр. Перв. Ст. I, 7; Вт. Ст. I, 14; Трет. Ст. I, 18; Устав. зем. грам. стр. 173.

[3]) *Сергѣевскаго*, Наказаніе въ рус. правѣ XVII вѣка, стр. 34. Любопытныя соображенія и весьма поучительные факты можно найти ibidem, стр. 31—41; ср. *Филиппова*, О наказаніи по законодательству Петра В., 1891 г., стр. 200—216.

дуальности наказаній терпѣло значительныя ограниченія [1]). Объектомъ карательнаго права являлось не только лицо, совершившее преступное дѣяніе, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣчали третьи, невиновныя въ преступленіи, лица. Явленіе это, общее для уголовнаго права всѣхъ народовъ [2]), хорошо извѣстно и Литовскому Статуту, въ которомъ оно имѣетъ нѣкоторыя весьма оригинальныя черты. Отвѣтственность третьихъ лицъ является по Литовскому Статуту въ двухъ формахъ: а) отвѣтственность за (вмѣсто) виновныхъ; б) отвѣтственность рядомъ (вмѣстѣ) съ виновными.

А. Отвѣтственность вмѣсто виновныхъ.

1. Понятіе заступничества; добровольное заступничество.

При частноправномъ взглядѣ на преступленіе, какъ на кривду, какъ на обиду для потерпѣвшаго, и на наказаніе, какъ на средство для удовлетворенія этого послѣдняго, на личность преступника обращается мало вниманія: безразлично—кто бы ни удовлетворилъ потерпѣвшаго, кто бы ни успокоилъ его раздраженіе и кто бы ни загладилъ причиненную ему кривду; разъ обида заглажена—нѣтъ укривжонаго, нѣтъ мстителя и истца, нѣтъ, слѣдовательно, ни отвѣтчика, ни отвѣтственности. На этомъ основаніи возможно заступничество одного лица вмѣсто другого: одно лицо обвиняется въ преступленіи; во время судебнаго разбирательства (или раньше) другое лицо соглашается заступить его и удовлетворить во всемъ потерпѣвшаго; если послѣдній принимаетъ предложеніе, суду и закону нѣтъ никакого основанія не допускать подобныхъ соглашеній. Совершенно понятно: если преступленіе создаетъ между преступникомъ и потерпѣвшимъ своеобразное obligatio ex delicto,—почему же не допустить интерцессіи?

Подобный взглядъ на заступничество и даже самая допустимость его повидимому не могутъ имѣть мѣста, когда сознано общественное значеніе всякаго преступленія. Но это только повидимому. При нѣкоторомъ формализмѣ взгляда на преступленіе, какъ на грѣхъ, требую-

---

[1]) Нѣкоторыя ограниченія существуютъ еще и въ наше время. См. *Собѣстіанскаго*, указ. соч. стр. 131, 154—159; ср. *Сергѣевскаго*, указ. соч. стр. 38—41.

[2]) См. *Таганцева*, Лекціи, вып. III, стр. 1212—1213.

щій жертвы для своего искупленія, и какъ на зло общественное, требующее возмездія (хотя-бы формальнаго) и устрашенія, „чтобы инымъ неповадно было такъ дѣлать“, вполнѣ возможно явленіе заступничества, особенно если этому благопріятствуютъ традиціи прежняго времени[1]). Преступленіе—грѣхъ; но грѣхъ можно искупить жертвой, преступникъ можетъ очиститься не только собственной смертью, но также смертью другого лица (иногда животнаго), добровольно согласившагося принять на себя чужой грѣхъ и искупить его собственной кровью. Божество будетъ удовлетворено, „святая справедливость“ соблюдена, преступленіе, какъ грѣхъ, заглажено[2]). Но преступленіе не только грѣхъ; оно—общественное зло. Цѣль формальнаго возмездія вполнѣ будетъ достигнута, если наказаніе будетъ исполнено, если преступленіе повлечетъ за собой именно то послѣдствіе, какое назначается закономъ (обычаемъ) и требуется правосудіемъ. Заступничество этому не противорѣчитъ: „заступца“ вполнѣ замѣняетъ и замѣщаетъ преступника.

Сказаннымъ легко объясняется, почему институтъ заступничества находитъ мѣсто не только въ эпоху композицій, но отчасти даже и во времена болѣе позднія. Сказаннымъ же легко объясняется и институтъ заступничества въ Литовскомъ Статутѣ.

---

[1]) Съ институтомъ заступничества въ той его формѣ, какая извѣстна Литовскому Статуту, мы не встрѣчаемся въ древнемъ правѣ другихъ народовъ Востока, Греціи или Рима; не находимъ его также и въ древнемъ правѣ новыхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе идея заступничества должна быть признана общей всѣмъ народамъ въ извѣстныя эпохи ихъ историческаго развитія. Въ Греціи, напримѣръ, существовалъ обычай подвергать пыткѣ невиннаго раба вмѣсто его виновнаго господина. Показанія раба имѣли для послѣдняго рѣшающее значеніе („Prends cet esclave; mets-le à la question et, *si tu me trouves coupable*, fais-moi périr“). По свидѣтельству Мацѣйовскаго, „w Niemczech poddanego, gdy pan przewinił, męczono, i tym sposobem go do zadosyć uczynienia wyrokowi sądu zmuszano“. Также точно „we Francyi wychowanek Królewica (le camerad du Dauphin) bywał bity, ilekroć syn królewski na plagi zasłużył“, а „na Szlązku więziono włościan, karząc ich za przewinienia pańskie“. Припомнимъ, наконецъ, изъ права восточной Россіи привилегію дворянъ выставлять за себя на правежъ своихъ слугъ и холоповъ. См. *Loiseleur*, Les crimes et les peines, стр. 38; *Maciejowsky*, Historya, т. III, стр. 291; *Владимірскій-Буда новъ*, Обзоръ, стр. 123.

[2]) „Tout homicide devait être expié par la mort du meurtrier ou d'une victime qui se dévouait en son lieu et place. L'idée sociale de l'expiation, unie à celle de la pénalité et de la solidarité, découlait naturellement des dogmes religieux“. См. *Du-Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр, 66.

Когда по тѣмъ или другимъ основаніямъ одно лицо отклоняло предъявленный противъ него искъ (гражданскій или уголовный—безразлично) и выставляло на свое мѣсто кого-нибудь другого, это послѣднее называлось „заступцой“ перваго; замѣна одного лица другимъ называлась „заступованьемъ“, дѣйствіе заступцы обозначалось спеціальнымъ терминомъ „заступовати“ [1]). Заступованье очень часто встрѣчалось тогда, когда отвѣтчикъ представлялъ своего „заводцу“, т. е. лицо, отъ котораго было пріобрѣтено данное спорное имущество, и которое обязывалось „очыщати“ его отъ всякихъ стороннихъ посягательствъ и, въ случаѣ неудачи, лично отвѣчать и нести на себѣ всѣ возможныя послѣдствія потери процесса. Такое заступничество встрѣчалось и въ отношеніяхъ гражданскаго права (обыкновенно по договору) [2]), и въ отношеніяхъ права уголовнаго, когда отвѣтчикъ отклонялъ отъ себя обвиненіе, выставляя своего заводцу (какъ въ случаяхъ кражи) [3]) или вообще дѣйствительнаго виновника того преступленія, въ которомъ онъ обвинялся по ошибкѣ [4]).

Такимъ образомъ въ обширномъ смыслѣ „заступованье“ обозначало вообще *всякую* замѣну одного отвѣтчика другимъ (на какомъ бы основаніи ни происходила эта замѣна—безразлично); въ тѣсномъ смыслѣ терминъ этотъ употреблялся для обозначенія явленія заступничества именно *въ уголовномъ процессѣ*, когда этимъ заступничествомъ обусловливалась отвѣтственность третьихъ лицъ вмѣсто преступника. Такое заступничество могло быть необходимымъ (обязательнымъ); но могло быть и добровольное заступничество, обусловленное непосредственнымъ соглашеніемъ отвѣтчика, истца и заступцы, въ силу

---

[1]) Для терминологіи см. Перв. Ст. VI, 12; Вт. Ст. IV, 31, 48; XIV, 2; стр. 196; Трет. Ст. IV, 55; VII, 23; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 165—166. Какъ видимъ, заступничество слѣдуетъ строго отличать отъ судебнаго представительства, прокураторства: заступца вполнѣ *замѣняетъ* отвѣтчика, въ то время какъ прокураторъ *представляетъ* его, говоритъ въ его пользу и отъ его имени (иногда, поэтому, прокураторъ называется „речникомъ або умоцованымъ“). См. Трет. Ст. IV, 56, 57, 59.

[2]) Вт. Ст. IV, 48; стр. 196 (формы записей); Трет. Ст. VII, 23.

[3]) Перв. Ст. XIII, 17, 25; Вт. Ст. XIV, 2; Трет. Ст. XIV, 3.

[4]) Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 165—166. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, заступничество признано Глав. Лит. Трибуналомъ „неслушнымъ“, такъ какъ оказалось, что заступца былъ только физическимъ исполнителемъ преступленія, задуманнаго „обжалованнымъ“. Во всякомъ случаѣ актъ весьма интересенъ.

котораго послѣдній соглашался заступить перваго, а истецъ соглашался принять его вмѣсто „обжалованаго“.

„Тежъ уставуемъ..., ижъ колибы хто кого другого о которую колвекъ речъ поточную [1]) албо який кольвекъ учинокъ и о выступокъ... у которого суду заступилъ, тогды тотъ вжо будеть повиненъ самъ безъ жадныхъ позвовъ на тотъ же часъ за тоюжъ жалобою з суда несходячы за него отъказывати и усправедливитися... А кгды вжо заступца во всемъ томъ позваного заступить и писаръ то запишеть, тогды позваный або обжалованый отъ того воленъ, а поводовая сторона будеть о то с тымъ заступцою мовити и речи своее на немъ доводити, а листы, выписы, оповеданье, все тое право и выводы, которые поводовая сторона противъ обжалованое стороны въ томъ праве мела, маеть противко тому заступцы ити и у права местъцѣ мети такъ, яко и противъ обжалованому, и имя заступцы за имя обжалованого будеть розумено... Ведьже гдѣ бы заступца на горъло былъ сказанъ, такий тамъ же на томъ вряде, до его повету неотъсылаючы, каранъ быти маеть, а по отправу головщины албо иншихъ шкодъ на немъ сказаныхъ отослано быти маеть до инъшого повету, где оселость его будеть...“ [2]).

Въ Л. Статутѣ не содержится другихъ болѣе подробныхъ и полныхъ постановленій о заступничествѣ. Какъ видимъ, многое остается неяснымъ: ни слова не сказано объ отношеніяхъ, создаваемыхъ заступничествомъ между отвѣтчикомъ и его заступцей [3]); не упомянуто о согласіи истца, которое, безъ сомнѣнія, было необходимо во всѣхъ случаяхъ добровольнаго заступничества, выставлявшаго вмѣсто дѣйствительнаго виновника преступленія кого-нибудь сторонняго, непричастнаго къ дѣлу. Къ сожалѣнію, извѣстные намъ судебные акты изучае-

---

[1]) Potoczny—простой, обыкновенный. „Поточными речами“ Статутъ называетъ обычныя дѣла, часто встрѣчающіяся въ судебной практикѣ. См. напр. Трет. Ст. III, 32; VI, 6 и др. Въ правѣ восточной Россіи этому слову соотвѣтствуетъ, кажется, терминъ „приточный“. Ср. *Филиппова*, О наказаніи по законодательству Петра В., стр. 379.

[2]) Перв. Ст. VI, 12; Вт. Ст. IV, 31; Трет. Ст. IV, 55.

[3]) Безвозмездное заступничество могло встрѣчаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчика заступалъ кто-нибудь изъ сожалѣнія, сочувствія (глав. образомъ, вѣроятно, по родственнымъ связямъ). Въ другихъ случаяхъ, внѣ всякаго сомнѣнія, заступничество предоставляло заступцѣ какія-нибудь выгоды со стороны заступаемаго (напр. зачетъ существовавшаго раньше долга и под.).

мой эпохи также ни въ одномъ случаѣ не говорятъ о добровольномъ заступничествѣ, но только о заступничествѣ необходимомъ. Очевидно, добровольное заступничество, хотя и вытекало изъ самой природы обязательственныхъ отношеній, возникавшихъ между преступникомъ и потерпѣвшимъ, однако въ дѣйствительности встрѣчалось довольно рѣдко. Это объясняется, по всей вѣроятности, отчасти фактическими затрудненіями отыскать лицо, которое бы добровольно согласилось заступить преступника, отчасти же тѣми ограниченіями, къ которымъ прибѣгалъ законодатель, чтобы ослабить дѣйствіе заступованья, находившагося въ довольно большомъ противорѣчіи съ его основными воззрѣніями на преступленіе.

„Уставуемъ и сказуемъ, ижъ коли бы хто... явного злодея отъ шубеницы своими пенезми отъкупилъ, тогды таковый кождый... всю шкоду, которая бы ся кому черезъ того злодея зыменья его стала, будеть повиненъ платити и оправовати“ [1]).

Очевидно, въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ законодатель относился къ заступничеству неодобрительно: лицо, заступившее уже осужденнаго преступника и избавившее его тѣмъ самымъ отъ наказанія, принимаетъ на себя, такъ сказать, ручательство за будущее хорошее поведеніе освобожденнаго, и ручательствомъ этимъ создается основаніе для возможнаго въ будущемъ заступничества, но уже не добровольнаго, а необходимаго и, слѣдовательно, не всегда пріятнаго и желательнаго.

2. Необходимое заступничество.

Необходимое заступничество имѣло гораздо большее практическое значеніе и гораздо чаще встрѣчается въ постановленіяхъ Статута и въ судебныхъ актахъ изучаемой эпохи.

Общимъ названіемъ необходимаго (обязательнаго) заступничества мы обозначаемъ всѣ тѣ разнообразные случаи и виды заступованья однимъ лицомъ другого, которые основывались не на добровольномъ соглашеніи между истцомъ, отвѣтчикомъ и заступцей и, слѣдовательно,

---

[1]) Перв. Ст. XIII, 6; Вт. Ст. XIV, 10; Трет. Ст. XIV, 13; Ср. Перв. Ст. VII, 30; Вт. Ст. XI, 33; Трет. Ст. V, 17; XI, 56—какъ видимъ, въ самыхъ тяжкихъ случаяхъ заступничество не избавляетъ заступаемаго отъ потери чести.

не обусловливались согласіемъ каждаго изъ участниковъ, но всецѣло зависѣли отъ воли истца (потерпѣвшаго), пользовавшагося, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, правомъ привлечь къ отвѣтственности третье лицо, предоставивъ уже ему самому вѣдаться съ дѣйствительнымъ виновникомъ преступленія.

Такимъ образомъ необходимое заступничество создавало весьма своеобразныя отношенія между потерпѣвшимъ и заступцей, съ одной стороны, и между заступцей и преступникомъ, съ другой [1]).

Потерпѣвшій (истецъ) имѣетъ право (но не обязанъ) потребовать отъ третьяго лица, чтобы оно отвѣчало вмѣсто преступника. Взамѣнъ этого потерпѣвшій уступаетъ заступцѣ свое требованіе къ своему дѣйствительному обидчику. Заступца обязанъ отвѣчать вмѣсто преступника, при чемъ объемъ его отвѣтственности опредѣляется объемомъ правъ, предоставленныхъ потерпѣвшему относительно дѣйствительнаго виновника преступленія: отвѣтственность заступцы не можетъ быть шире отвѣтственности „обжалованаго“. Но, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, отвѣтственность заступцы можетъ быть значительно сужена и, въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ, сведена къ простому возмѣщенію вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ. Литовскій Статутъ знаетъ случаи коллективнаго заступничества. При множественности заступниковъ всѣ они отвѣчаютъ пропорціонально и въ равной степени, другими словами—литовско-русское право знаетъ только поголовную групповую отвѣтственность; отвѣтственность по процентамъ, т. е. отвѣтственность пятаго, десятаго и под., неизвѣстна ни кодексу, ни современной ему судебной практикѣ [2]).

Отвѣтственность заступцы создаетъ для него право разыскивать дѣйствительнаго совершителя преступнаго дѣянія и развѣдываться съ нимъ самостоятельно, отъ своего лица: наказанный заступца „собе маеть винного искати“, какъ объ этомъ въ большинствѣ случаевъ лаконически заявляетъ законодатель.

---

[1]) Давая общую характеристику отношеній истца, заступцы и заступаемаго мы не дѣлаемъ никакихъ ссылокъ на источники, такъ какъ съ фактами мы познакомимся ниже, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ видовъ необходимаго заступничества.

[2]) Напротивъ, какъ извѣстно, въ правѣ восточной Россіи такая отвѣтственность была весьма распространенной и обыкновенной. См. *Сергѣевскаго*, Наказаніе etc., стр. 35 и сл.

Какъ видимъ, необходимое заступничество собственно не освобождаетъ преступника отъ отвѣтственности; по крайней мѣрѣ всегда предполагается, что его невольный заступца найдетъ возможность въ будущемъ переложить на него отвѣтственность вполнѣ или отчасти, въ той мѣрѣ, въ какой такое переложеніе окажется возможнымъ [1]). Тѣмъ не менѣе существенныя черты заступничества остаются неизмѣнными: за преступленіе отвѣчаетъ предъ потерпѣвшимъ не совершившій его, а третье лицо.

Въ чемъ заключается объясненіе необходимаго заступничества?— Основная мысль большинства [2]) разнообразныхъ случаевъ необходимаго заступничества можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: государство, вслѣдствіе слабости слѣдственной власти и средствъ полицейскаго надзора, прибѣгаетъ къ содѣйствію частныхъ лицъ для предупрежденія преступленій или при задержаніи и наказаніи преступниковъ; лица, не оказавшія государству содѣйствія или затрудняющія его въ его предупредительной и карательной дѣятельности, часто не подвергаются особымъ наказаніямъ, но зато подлежатъ отвѣтственности по желанію „укривжонаго“, который благодаря имъ „не маеть“, а иногда и „не вѣдаеть своего шкодника“. Такимъ образомъ, если мы опредѣлимъ главнѣйшія основанія, которыми обусловливалась обязанность частныхъ лицъ содѣйствовать государству (или потерпѣвшему) при предупрежденіи правонарушеній, при задержаніи и наказаніи ихъ совершителей,—мы опредѣлимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ условія, при которыхъ одно лицо должно было отвѣчать вмѣсто другого. Основанія эти могли заключаться: а) въ круговой порукѣ, б) въ поручительствѣ, в) въ землевладѣніи и г) въ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ.

а) *Круговая порука.* Институтъ круговой поруки началомъ своимъ

---

[1]) Такимъ образомъ необходимое заступничество въ нѣкоторыхъ случаяхъ создаетъ отвѣтственность не *вмѣсто*, но *вмѣстѣ* съ виновными. См. ниже лит. Б.

[2]) Но не всѣхъ. Всегда необходимо имѣть въ виду, что преступленіе въ разсматриваемую эпоху было не только „шкодой для Рѣчи Посполитой“, но также и „кривдой“. Вслѣдствіе этого заступничество основывалось также (а иногда и исключительно) на соображеніяхъ частнаго характера: заступничество являлось принятіемъ на себя чужого долга (интерцессія), а для этого могли быть и иныя основанія, не имѣющія никакого отношенія къ интересамъ публичнаго порядка. См. ниже нѣкоторые примѣры отдѣльныхъ видовъ необходимаго заступничества.

теряется въ глубокой древности и стоитъ въ самой тѣсной связи съ групповой солидарностью различныхъ общественныхъ союзовъ [1]). Этой солидарностью и вытекающей изъ нея обязанностью круговой поруки воспользовалось государство въ первыя эпохи своего развитія, оставивъ общинамъ извѣстную самостоятельность и независимость въ ихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлахъ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тѣхъ, которыя вытекали изъ задачъ общественной безопасности и изъ необходимости вести борьбу съ преступленіемъ и съ лихими людьми. Но и въ болѣе позднія эпохи государство не всегда находило удобнымъ сокращать самостоятельность общинъ; напротивъ, иногда оно расширяло ея предѣлы такъ же, какъ и предѣлы круговой поруки. Послѣдняя, такимъ образомъ, изъ естественно выросшаго учрежденія обращалась въ одно изъ средствъ, которымъ пользовалось государство для цѣлей общественной безопасности [2]).

Въ Литовскомъ Статутѣ круговая порука имѣетъ небольшое примѣненіе, хотя въ его время еще и невполнѣ исчезли слѣды древней самостоятельности общинъ, самодѣятельность которыхъ была направлена главнымъ образомъ на то, „чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе“ [3]). Въ предѣлахъ указанной задачи общины сохраняли извѣстную независимость въ теченіе всего XVI столѣтія или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе первой половины его, хотя, безспорно, онѣ уже отжили свой вѣкъ и со своей самостоятельностью находились въ полномъ противорѣчіи съ новыми формами общественной жизни и особенно съ возрастающей властью вотчинниковъ. Этимъ объясняется ихъ постепенное, но безостановочное паденіе.

Въ литературѣ исторіи литовско-русскаго права существуетъ два

---

[1]) *Собьстіанскаго*, Круговая порука у Славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства, изд. 1888 г.

[2]) У Англо-Саксовъ весьма рано круговая порука, соединявшая членовъ семьи, была перенесена на искусственно созданныя и болѣе обширныя группы (десятки, сотни): „Tous les habitants de tous les villages du royaume, sans exception, étaient classés dix par dix, de telle sorte que si l'un des dix commettait un délit, le neuf autres répondaient de lui devant la justice“. См. *Du-Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр. 167 и сл.; *Собьстіанскаго*, указ. соч., стр. 63, 131 и др.

[3]) *Ивапшева*, О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозап. Россіи, стр. 236—237.

воззрѣнія на объемъ власти собранія представителей общины, извѣстнаго подъ общимъ названіемъ „копы“. По мнѣнію Ѳ. И. Леонтовича, въ эпоху Статутовъ „объ участіи копы въ судебной власти, юрисдикціи, не могло быть никакой рѣчи при томъ судоустройствѣ, какое утвердилось въ Литовской Руси подъ вліяніемъ сословныхъ началъ“ [1]). Противоположнаго и болѣе согласнаго съ истиной воззрѣнія держится Иванишевъ, который подкрѣпляетъ свои выводы весьма вѣскими фактическими указаніями и ссылками на практику копныхъ судовъ [2]). Не останавливаясь на ближайшемъ разъясненіи внутренней организаціи копныхъ судовъ, укажемъ тѣ отмѣченныя Статутомъ черты, которыя сообщаютъ этому установленію характеръ извѣстной самостоятельности, и къ которымъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ отчасти сохранившійся еще институтъ круговой поруки.

Въ области уголовнаго суда самостоятельность общины выражается двумя характерными чертами: 1) община можетъ не выдавать преступника—своего члена, 2) община можетъ отказать въ помощи при отысканіи преступника [3]). Въ обоихъ случаяхъ община вознаграждаетъ потерпѣвшаго за шкоды и вообще за тѣ потери, съ которыми соединяется для него неотысканіе „своего шкодника“ (частные штрафы), а „собе маеть винного искати“, т. е. взамѣнъ того самой общинѣ предоставляется раздѣлываться со своимъ неспокойнымъ членомъ, приведшимъ ее къ матеріальнымъ убыткамъ. Литовскій Статутъ отмѣчаетъ два рода преступленій, къ раскрытію которыхъ привлекается община: убійство и воровство (злодѣйство) [4]). Въ первомъ случаѣ община, не явившаяся на копу или не пожелавшая подтвердить присягой, „ижъ сами не суть причиною того забитого и о тако-

---

[1]) *Леонтовича*, Крестьяне югозап. Россіи, Унив. Извѣстія, 1863 г., № 10, стр. 42; № 11, стр. 3 и др.

[2]) *Иванишева*, указ. соч. Любопытно, что и въ самомъ Статутѣ признается извѣстная самостоятельность за копными судами, которые отличаются отъ судовъ, установленныхъ королемъ. См. напр. Перв. Ст. VI, 22: „а вшакже то уставуем яко для тых судей покою, которые сут на местцох наших от насъ и от пановъ рад нашихъ уставленые, (такъ и) для тых, которые бывают на копах“.

[3]) Ср. *Чебышева-Дмитріева*, О преступномъ дѣйствіи, стр. 47—52.

[4]) Вт. Ст. XI, 31; Трет. Ст. XI, 26; Перв. Ст. XIII, 5; Вт. Ст. XIV, 1, 6; Трет. Ст. XIV, 2, 9. См. *Леонтовича*, указ. соч., (№ 11) стр. 4—6; *Maciejowskiego*, Historya, т. V, стр. 518—520.

вомъ забойцы не ведаютъ“,—платитъ головщину; во второмъ случаѣ, если община не присягнетъ, „яко в томъ селе шкодника его (истца) неведаютъ и сами шкодниками не суть“, или если не отведетъ слѣда, затопчетъ или отобьетъ отъ слѣда, оставленнаго убѣгавшимъ воромъ и приведшаго къ границамъ общины,—платитъ потерпѣвшему шкоду.

Приведемъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда постановленій третьяго Статута.

„Если бы ся то трафило где жъ кольвекъ забито чоловека переежджого або безъплеменного..., тогды... врядъ замъку або двора нашого маеть обослати всихъ мещанъ людей сельскихъ...и опытъ вчинити разъ и два, а где бы се на тыхъ двухъ копахъ о тымъ забитью доведати не могли, тогды третюю копу присяжную маеть врядъ собрати, на которой повинни будутъ стати вси тые, которые на такой копе повинни ставити, а врядъ маеть з местечокъ и з селъ околичныхъ по три чоловеки старъшыхъ яко войтовъ, лавниковъ и иныхъ мужовъ добрыхъ веры годныхъ до присеги обрати, а тые обраные винни будуть присягнути на томъ, ижъ сами не суть причиною того забитого и о таковомъ забойцы не ведаютъ; а естли бы которие с тыхъ копниковъ на присяжной копе не стали, або хотя и ставши присягою отъвести се не хотели, тогды таковые будуть повинни головъщину сами платити, а собе винного искати..., а тая копа маеть быти чынена в околъ по две мили“ [1]).—„Коли бы тежъ у кого украдено, а увидится ему шкода отъ которого села, а шкодника своего неведаеть, тогды маеть просити права на тое село у пана его. А естли бы далъ всему селу вину, тогды три мужы з оного села, которыхъ онъ обереть, маютъ присегнути, яко в томъ селе шкодника его неведаютъ и сами шкодниками не суть. А пакли бы о тое не присегнули, тогды оное село все тую шкоду всю тому шкоднику маютъ платити, а собе злодея искати“ [2]).—„Коли бы покрадены кони, волы, быдло и иншые речы въ дому и гдежъ кольвекъ, а тотъ шкодный понялъ бы следъ тое шкоды своее и собравшы людей добрыхъ околичныхъ суседовъ водле давного обычаю гонилъ следомъ, а тотъ следъ где бы ку которому селу... привелъ...,а еслибы тое село... отъ себе следу не вывели або отъ следу

---

[1]) Трет. Ст. XI, 26; Вт. Ст. XI, 31.

[2]) Трет. Ст. XIV, 2; Вт. Ст. XIV, 1; Перв. Ст. XIII, 5.

отъбили або выгнавши быдломъ затоптали..., тогды оное село тую шкоду винни будуть заплатити, а собе винного искати“ [1]).

Конечно, во всѣхъ такихъ случаяхъ взысканія съ общины имѣютъ въ извѣстной стецени карательный характеръ, вслѣдствіе чего и самое право общины не выдавать своего преступнаго члена является въ формѣ только слабаго отголоска добраго стараго времени, когда община пользовалась еще полной самостоятельностью; но слѣдуетъ замѣтить, что къ концу XVI столѣтія институтъ круговой поруки въ литовско-русскомъ правѣ достигаетъ именно того момента въ своемъ развитіи, когда, съ постепенной утратой общинами своей независимости, круговая порука становится однимъ изъ средствъ, которымъ государство пользуется для цѣлей общественной безопасности. Лучшимъ подтвержденіемъ этого является нововведеніе третьяго Статута, который предписываетъ, чтобы копы собирались даже въ тѣхъ мѣстахъ, „где доселъ копы небывали“ [2]).

б) *Поручительство.* Значеніе поручительства въ древнемъ правѣ вообще и особенно въ древнемъ уголовномъ правѣ громадно. Поручительство не создано государствомъ; оно возникло гораздо раньше и должно быть признано естественнымъ продуктомъ эпохи, тѣсныхъ родовыхъ и общинныхъ связей и частноправнаго характера, которымъ были проникнуты основные институты уголовнаго права. Если преступленіемъ создается своеобразное obligatio ex delicto, то ничего не можетъ быть болѣе естественнаго, какъ обезпечивать его посредствомъ поручительства [3]).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ эпоху Литовскаго Статута, когда еще въ значительной степени сохранился взглядъ на преступленіе, какъ на кривду, поручительство имѣло громадное значеніе и обширную сферу примѣненія во всей области уголовнаго права. По уставнымъ земскимъ грамотамъ отдача на поруки допускалась во всѣхъ случаяхъ „кромъ великого дѣла [4]), въ которомъ же не приго-

---

[1]) Трет. Ст. XIV, 9; Вт. Ст. XIV, 6.

[2]) Трет. Ст. XIV, 9.

[3]) См. *Кистяковскаго*, О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, изд. 1868 г.; *Ланге*, Древнее русское уголов. судопроизводство, изд. 1884 г., стр. 123 и сл.; *Чебышева-Дмитріева*, О преступномъ дѣйствіи и пр., стр. 141 и сл.; *Дмитріева*, Исторія судеб. инстанцій, стр. 199 и сл.

[4]) „Великое дѣло“—общее названіе для государственныхъ преступленій.

дится на поруку давати“ [1]). По Статуту нѣкоторыя ограниченія введены для „учынковъ крававыхъ за што горломъ карають“, именно установлено, что „такового вязня врядъ нашъ не маетъ на рукоемство безъ позволенья стороны тое, которая его осадить, давати и з везенья выпущать“. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ „врядъ вязня и безъ дозволенья стороны поводовое можеть... на паруку дати, а сторона в томъ не поручника але вряду смотрети маетъ“ [2]).

Оставляя въ сторонѣ разнообразные виды поручительства, которые могли встрѣчаться въ сдѣлкахъ чисто гражданскихъ, отмѣтимъ общую черту, свойственную поручительству, какъ одной изъ мѣръ предупредительной дѣятельности государства. Всѣ виды такого поручительства преслѣдуютъ одну общую цѣль—обезпечить на случай надобности явку въ судъ, а слѣдовательно, и отвѣтственность того или другого даннаго лица [3]). Въ зависимости отъ болѣе частныхъ и близкихъ задачъ поручительство является въ слѣдующихъ видахъ: 1) поручительство въ явкѣ отвѣтчика къ суду, 2) поручительство въ явкѣ истца, 3) поручительство въ добромъ поведеніи даннаго лица.

Поручительство перваго рода встрѣчалось чаще всего. Наиболѣе широкое примѣненіе, какъ и слѣдовало ожидать, оно имѣло относительно „неоселыхъ людей“ и людей владѣльческихъ, которые „припоручались“ своимъ панамъ или врядникамъ [4]). Что касается людей „оселыхъ“, порука за нихъ требовалась гораздо рѣже, главнымъ образомъ въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ („где о горло идеть“) [5]). „Рукоем-

---

[1]) Устав. Зем. Грам., стр. 188.

[2]) Трет. Ст. XI, 55.

[3]) Напр. Вт. Ст. XI, 11; XII, 14; XIV, 28; Поправ. Ст. стр. 206; Трет. Ст. IV, 29, 32, 45, 98; XI, 40, 50, 55, 67; XII, 14, 22; XIV, 4, 34.

[4]) Напр. Трет. Ст. IV, 29, 45; XI, 50. Относительно „припаруки“ въ Литов. Статутѣ содержится слѣдующее общее постановленіе: „Кгды бы чый слуга або врядникъ..., вчынивши кому кгвалтъ домовый або головщизну, и утекъ, а въ его пана черезъ сторону былъ застатъ и прыповеданъ, а онъ... черезъ тую заповедь его упустилъ, тогды тотъ панъ, чый слуга то учинилъ, самъ кгвалтъ и головщизну и шкоду маеть платити, а собе искати на слузе“ (Перв. Ст. VII, 27; Вт. Ст. XI, 30; Трет. Ст. XI, 37). Въ дѣйствительности слуги припоручались своимъ панамъ не только въ случаяхъ гвалта или головщины, но вообще тогда, когда истецъ считалъ это почему-нибудь необходимымъ. См. Перв. Ст. VIII, 20; Вт. Ст. IV, 19; Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2035, листъ 20 на об., 65 на об., 114, 172; кн. 2038, листъ 229; кн. 2039, листъ 10, 240; кн. 2040, листъ 91 на об., 103, 201, 470 на об. Ср. Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 314; т. XVII, стр. 38, 194 и др.

[5]) Напр. Трет. Ст. XI, 55.

ство до права“ требовалось за истца обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ „давалъ своего шкодника до везенья“, и когда притомъ, по обстоятельствамъ дѣла, можно было опасаться за основательность обвиненія, а слѣдовательно, и за основательность лишенія свободы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ „врядъ, беручы обвиненого до везенья, маеть тежъ и того жалобника албо везеньемъ албо порукою доброю опатрить, яко бы и обвиненому въ такой мере... справедливость не гинула“ [1]). Наконецъ, поручительство въ добромъ поведеніи какого-нибудь лица могло имѣть двоякую форму: а) ручательство въ томъ, что данное лицо не „вчинитъ“ никакой „шкоды“ (въ обширномъ смыслѣ этого слова), при чемъ имѣлась въ виду охрана отъ опасныхъ (угрожавшихъ) людей („жебы жалобникъ в покою отъ него былъ“) [2]); б) ручательство въ томъ, что данное лицо выполнитъ приговоръ суда и удовлетворитъ потерпѣвшаго за кривду [3]).

Въ большинствѣ случаевъ поручительство было добровольнымъ и наступало по взаимному соглашенію поручителя и поручаемаго. Но встрѣчались случаи и необходимаго поручительства, когда одно лицо выдавалось на поруки другому безо всякаго отношенія къ согласію послѣдняго („припарука“) [4]). Ограниченія добровольнаго поручительства обусловливались состояніемъ подданства: „люди простого стану не маютъ безъ ведомости и дозволенья листовного пановъ своихъ никому... ручити... далей чотырехъ копъ грошей“ [5]).

Во всѣхъ случаяхъ поручительства, соотвѣтственно его общей цѣли, обязанность поручителя состоитъ въ представленіи ручаемаго къ суду въ опредѣленный срокъ или при наступленіи опредѣленныхъ обстоятельствъ [6]). Невыполненіе этой обязанности служитъ основа-

---

[1]) Напр. Трет. Ст. IV, 29; XIV, 4.

[2]) Перв. Ст. VI, 22; XI, 14; Вт. Ст. I, 22; V, 10; XI, 11; XII, 14; Трет. Ст. I, 26; XI, 40, 67; XII, 14, 22.

[3]) Напр. Трет. Ст. IV, 98.

[4]) Дѣти обязаны были „ручыть отца або матку у права ку постановенью, звлаща где бы того врядъ допустилъ“. Отказъ съ ихъ стороны служилъ для родителей достаточнымъ основаніемъ „выречы се таковыхъ сыновъ або дочокъ“ и лишить ихъ наслѣдства. См. Вт. Ст. VIII, 7; Трет. Ст. VIII, 7.

[5]) Трет. Ст. IX, 28.

[6]) Напр. Вт. Ст. XI, 11; XII, 14; Трет. Ст. XI, 40, 67; XII, 14, 22 и др Слѣдуетъ замѣтить, что, по опредѣленію Статута, „на поручника и на приказъцу, а поручнику и приказцы зъ истъцомъ, по комъ ручилъ, маеть быти завитый рокъ“ (Вт. Ст. IV, 22; Трет. Ст. IV, 42).

ніемъ отвѣтственности поручителя въ видѣ необходимаго заступничества со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями [1]). Въ древнѣйшую эпоху, можно думать, поручитель вполнѣ замѣнялъ ручаемаго: „и мы порущики въ его (ручаемаго) мѣсто“, „и наши порутчиские головы вмѣсто его голову“, „наши поручниковы головы въ его головы мѣсто и животы въ его животовъ мѣсто“, „всимъ тымъ винамъ поручникъ одинъ, алібо колько ихъ будеть, подлегаютъ, которые тотъ, по комъ ручено, теръпети и платити былъ повиненъ“ [2]). Въ эпоху Литовскаго Статута отвѣтственность поручителей обыкновенно уже значительно ограничена: поручитель отвѣчаетъ главнымъ образомъ и (иногда) исключительно своимъ имуществомъ и личностью, поскольку послѣдняя можетъ восполнять имущество (отдача въ кабалу). Онъ платитъ вмѣсто ручаемаго всѣ шкоды и всѣ штрафы, „а собе на именью и на маетности того, по комъ ручилъ, пойскивати маеть“ [3]). Въ опредѣленныхъ случаяхъ („припарука“) поручитель кромѣ того платитъ самостоятельную вину (заруку, припаручную вину) [4]). Само собою разумѣется, послѣ смерти поручителя его наслѣдники отвѣчаютъ, при наличности опредѣленныхъ условій, только имуществомъ и притомъ въ предѣлахъ получаемаго наслѣдства [5]). Напротивъ, личная отвѣтственность поручителя вмѣсто ручаемаго наступаетъ только при самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ она значительно смягчается сравнительно съ той отвѣтственностью, которой бы подвергся настоящій виновникъ преступленія [6]), въ другихъ—отвѣтственность поручителя не исключаетъ отвѣтственности ручаемаго [7]), такъ что поручительство становится однимъ изъ условій отвѣтственности третьихъ лицъ *рядомъ* съ виновными [8]).

---

[1]) См. выше стр. 132 и сл. Отвѣтственность поручителя слагается съ него послѣ истеченія опредѣленнаго давностнаго срока (Перв. Ст. VII, 28) или въ случаѣ смерти ручаемаго, если онъ „передъ рокомъ поставенью замереномъ умеръ“ (Трет. Ст. XI, 54).

[2]) *Кистяковскаго*, указ. соч., стр. 18, 32, 38; Трет. Ст. XI, 40.

[3]) Перв. Ст. XI, 14; Вт. Ст. XII, 14; Трет. Ст. XI, 67; XII, 14, 22.

[4]) Зарука въ этихъ случаяхъ могла имѣть самые разнообразные размѣры (отъ нѣсколькихъ копъ до нѣсколькихъ тысячъ копъ грошей). См. выше прим. 4 къ стр. 138.

[5]) Перв. Ст. V, 6; Вт. VI, 8; Трет. Ст. VI, 8; XI, 54.

[6]) Напр. Вт. Ст. XI, 11. Ср. Трет. Ст. XI, 40.

[7]) Напр. Трет. Ст. XI, 67.

[8]) См. ниже лит. Б.

Такимъ образомъ поручительство, какъ основаніе необходимаго заступничества, предрѣшаетъ отвѣтственность третьихъ лицъ вмѣсто виновнаго—1) *вполнѣ*, если отвѣтственность эта или не выходитъ за предѣлы имущественнаго вознагражденія (шкоды, штрафы, кабала), или же обусловливается тяжкими преступленіями (напр. убійство по предварительной „похвалкѣ“) [1]); 2) *отчасти*—во всѣхъ остальныхъ случаяхъ личной отвѣтственности за преступленія.

в) *Землевладѣніе.* Существенно важнымъ вопросомъ въ эпоху Статутовъ было: „съ которого именья се кому кривда деетъ?“ Отвѣтомъ на этотъ вопросъ опредѣлялась не только подсудность („присудъ“) и другія обстоятельства, соединенныя съ подачей иска и съ исполненіемъ судебнаго приговора [2]), но также и тѣ особыя отношенія заступничества, какія въ опредѣленныхъ случаяхъ могли возникать между истцемъ, отвѣтчикомъ и его паномъ.

Землевладѣніе предоставляло вотчиннику весьма важныя права и преимущества (право суда и управленія, право взиманія податей и проч.). Облеченный этими полномочіями землевладѣлецъ въ своемъ имѣніи, поскольку оно не соприкасалось съ внѣшними, выходящими за его предѣлы отношеніями, являлся суверенным правителемъ, составлялъ государство въ государствѣ. Напротивъ, въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ землевладѣльцамъ или къ ихъ подданнымъ землевладѣлецъ являлся врядникомъ съ весьма широкими полномочіями [3]). Пользованіе столь широкими правами притомъ правами публичнаго порядка, необходимо предполагаетъ рядъ соотвѣтствующихъ имъ обязанностей: землевладѣлецъ долженъ пользоваться своей властью такъ, чтобы отъ этого не было вреда сосѣдямъ и государству. На вотчинника возлагаются опредѣленныя судебно-полицейскія обязанности: онъ долженъ заботиться о предупрежденіи преступленій, о поимкѣ и наказаніи преступниковъ. Въ этихъ отношеніяхъ всякое третье лицо можетъ предъ-

---

[1]) Трет. Ст. XI, 40.

[2]) Напр. Перв. Ст. VI, 6, 10; Вт. Ст. IV, 9, 29, 44, 46; Трет. Ст. IV, 39, 48, 49, 50, 51 и мн. др.

[3]) „При исключительномъ господствѣ дружиннаго способа отправленія военной повинности является необходимо феодальный порядокъ вещей“, при которомъ, „*понятіе землевладѣнія отдѣляется весьма неясными границами отъ понятія должности (уряда)*“. См. *Владимірскаго-Буданова*, Нѣмецкое право, Жур. М. Н. Пр., 1868 г., Августъ, стр. 478—479.

явить къ земевладѣльцу опредѣленныя требованія, невыполненіе которыхъ создаетъ для него обязанность заступничества.

Забота о предупрежденіи преступленій обязываетъ для вотчинника внимательно наблюдать за тѣмъ, чтобы на его имѣніи не было „якихъ людей безъ службы або слугъ безъ приказу, отъ которыхъ се мели бы шкоды або забойства дѣяти въ сусѣдствѣ або кому жъ кольвекъ“[1]). Тѣмъ болѣе, конечно, не имѣетъ онъ права „переховывать приличныхъ або явныхъ злодеевъ“[2]). Карательной властью вотчинника обусловливаются его обязанности „чинить справедливость“ и „ставить до права“ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые будутъ обвинены въ томъ или другомъ преступленіи[3]).

„Хто бы переховывалъ себе якихъ людей безъ службы або слугъ безъ приказу..., и подъ часомъ стала бы се шкода отъ таковыхъ або раны або головщизна; тогды тотъ, хто таковыхъ переховываетъ..., хотя бы ему не были припоручонны, виненъ ихъ отыскивати и сторонѣ жалобливой ку праву ставити, а гдѣ бы не поставилъ, маетъ шкоду всю або раны заплатити“[4]).—„Коли бы хто злодея приличьного ведоме в дому своемъ албо на именью своемъ осадивши домомъ ховалъ або мешкати допустилъ..., тогды таковый кождый... всю шкоду, которая бы ся кому черезъ того злодея зыменья его стала, будетъ повиненъ платити и оправовати“[5])—„Где бы ся то трафило, ижъ бы хто за обнесеньемъ позву з урадника, слугъ, бояръ або поданыхъ своихъ справедливости учинити кому не хотелъ, а тотъ бы або тые обвиненые въ якой кривде або шкоде по заложенью позву перьвей, нижли жалобникъ справедливости собе у суду нашого с паномъ ихъ и з ними доведетъ, померъли..., тогды тотъ панъ самъ за доводомъ жалобное стороны... будетъ ей виненъ о то, о што жалоба идетъ, самъ у права отъказывати и с права, што будетъ сказано, самъ заплатити и нагородити, а собе на маетности оныхъ виноватыхъ

---

[1]) Напр. Вт. Ст. XIV, 23; Трст. Ст. XI, 57; Судеб. Казиміра, ст. 8.

[2]) Перв. Ст. XIII, 6; Вт. Ст. XIV, 10; Трет. Ст. XIV, 13.

[3]) Напр. Перв. Ст. XIII, 5; Вт. Ст. IV, 19, 44, 46; XIV, 1; Поправ. Ст. стр. 207; Трет. Ст. IV, 14, 17, 48, 49, 50, 51, 64, 66, 68; XII, 14; XIV, 1, 2 и мн. др.

[4]) Вт. Ст. XIV, 23.

[5]) Трет. Ст. XIV, 13. Однако срав. Перв. Ст. VII, 31; Вт. Ст. XI, 5; Трет. Ст. XI, 36, гдѣ рѣчь идетъ объ укрывательствѣ, какъ о преступленіи sui generis.

того смотрети“ [1]).—„Если бы хто... часу отъправованья роковъ кого зранилъ, гвалтъ або шкоду якую учинилъ..., а гды бы панъ (его) за обосланемъ врядовымъ заразомъ справедливости не учинилъ, тогды на самомъ пане такового слуги укривжоному... всказанье въ той речи... чинено и отъправа на именью его делана быти маетъ“ [2]).

Такимъ образомъ необходимое „заступованье“ паномъ своего подданнаго (или вообще лица, живущаго въ его имѣніи, домѣ) [3]) можетъ наступить въ трехъ случаяхъ: а) когда онъ принимаетъ къ себѣ лезныхъ [4]) или неосѣлыхъ [5]) людей или злодѣевъ, которые причинятъ кому-нибудь какую-нибудь шкоду или кривду; б) когда онъ отказывается „чинить справедливость“, при чемъ въ однихъ случаяхъ основаніемъ заступничества служитъ самый отказъ въ правосудіи, въ другихъ—необходимо кромѣ того присоединеніе нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ (смерть, побѣгъ виновныхъ и пр.); в) когда панъ не принимаетъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать побѣгу своего преступнаго подданнаго. Послѣднее обстоятельство обыкновенно обусловливается предшествовавшей ему припарукой [6]); однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ на пана возлагается обязанность задерживать „до права“ своего виновнаго подданнаго, хотя бы послѣдній и не былъ ему „приповѣданъ“ [7]).

Отвѣтственность пана всегда ограничена: по общему правилу онъ никогда не заступаетъ своего подданнаго вполнѣ, но только въ

---

[1]) Трет. Ст. IV, 48.

[2]) Трет. Ст. IV, 64.

[3]) Трет. Ст. III, 49: „о домы шляхетские вместе виленскомъ и вышихъ местехъ нашихъ господаръскихъ“.

[4]) Лезные люди, ludzi luźne—люди праздношатающіеся, не имѣющіе ни осѣдлости, ни занятій. Слова „лезный и luźny“, вѣроятно, происходятъ отъ нѣмецкаго слова losgehen. См. *Горбачевскаго,* Словарь etc.

[5]) Напр. Трет. Ст. XI, 57. Панъ отвѣчаетъ за своего арендатора, а самъ „на ареньдару своимъ смотрети маетъ“—ib. IV, 51

[6]) См. выше стр. 138.

[7]) Напр. Вт. Ст. XI, 29; Трет. Ст. I, 24; XI, 25.—„Естлибы чый слуга своовольне безъ розсказанья и без звады пана своего передъ очыма кого забилъ або ранилъ, тогды панъ его того слугу своего маетъ поймати и до везенья всадивши кровнымъ забитого дати ведомость, а естли бы фолькгуючы служебнику своему поймати его не хотелъ або не могъ, а онъ за тымъ утекъ, тогды тотъ панъ повиненъ будетъ самъ головщизну платити, а ранъному за раны якого стану будетъ заплатити“.

той мѣрѣ, въ какой послѣдній отвѣчалъ бы своимъ имуществомъ; другими словами, въ большинствѣ случаевъ панъ не несетъ личной отвѣтственности, но только имущественную [1]).

г) *Другія обстоятельства*, которыми обусловливалось необходимое заступничество, могли имѣть весьма разнообразное значеніе, но въ концѣ-концовъ приводили къ однороднымъ послѣдствіямъ: за свою кривду потерпѣвшій требуетъ удовлетворенія, но не получаетъ его по винѣ третьяго лица; послѣднее обязано само доставить ему это удовлетвореніе, „а собе маеть винного искати“ [2]).

Отвѣтственность заступцы въ однихъ случаяхъ ограничивалась возмѣщеніемъ гражданскихъ убытковъ, въ другихъ шла гораздо дальше (возмѣщеніе штрафовъ), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращалась въ полное заступованье однимъ лицомъ другого. Можно различать нѣсколько категорій этихъ разнообразныхъ обстоятельствъ, служившихъ основаніемъ для заступничества.

1) Врядъ отвѣчаетъ предъ потерпѣвшимъ въ случаѣ ненадлежащаго исполненія своихъ обязанностей. Если вслѣдствіе небрежности вряда для потерпѣвшаго сдѣлается невозможнымъ или затруднительнымъ отысканіе „шкодника“ и полученіе удовлетворенія, самъ врядъ долженъ отвѣчать вмѣсто виновнаго и удовлетворить потерпѣвшаго во всѣхъ его *имущественныхъ* требованіяхъ. Отъ этой отвѣтственности врядъ можетъ избавиться, если въ опредѣленный срокъ представитъ „укривжоному“ его „шкодника“ [3]).

„Мещане местъ нашихъ и всих подданых наших духовных и светских за раны и головщизны людем селяном нашим и подданых наших правом земским мают справедливост чинити. А естли бы в чиненью справедливости омешкали..., тогды тая винност и заплата вся на судьях местских зостанеть“ [4]).—„А гдѣ бы тежъ хто кого невинѣне объжаловалъ и за его обжалованьемъ на вряде задеръжанъ былъ, а тымъ задеръжаньемъ его обелжилъ, ку шкодамъ и накладомъ при-

---

[1]) Само собою разумѣется, отвѣтственность пана опредѣляется иначе, если онъ самъ въ извѣстной степени виновенъ или причастенъ къ преступленію, совершенному его слугой. Впрочемъ ср. Вт. Ст. XI, 29 и Тр. Ст. XI, 25.

[2]) Перв. Ст. I, 13; VI, 23; VII, 7, 24; XIII, 2, 3, 22, 25; Вт. Ст. XI, 1, 27; XIV, 5, 7; Трет. Ст. III, 36; IV, 29, 31, 96, 98; XI, 11, 40; XIV, 5, 10.

[3]) См. Перв. Ст. I, 13; VI, 23; Трет. Ст. III, 36; IV, 29, 31.

[4]) Перв. Ст. VI, 23.

велъ або о везенье приправилъ, тогды оный врядъ тамъ же за разомъ маеть того пильне дойзрети..., естли жъ бы врядъ в томъ которой кольвекъ стороне фолькговалъ, а скуточное справедливости и отъправы укривжоному тамъ же за разомъ не вчинилъ, тогды вжо не сторона, але врядъ самъ повиненъ будетъ яко навезку водлугъ стану его, такъ теж и вси шкоды за слушнымъ доводомъ оному на вряде невинне обвиненому або укривжоному платити“ [1]).—„А где бы вязень на которомъ вряде осажоный утекъ, тогды тотъ..., кому который вязень отъ стороны жалобливое до везенья поданъ будеть, маеть того вязня (въ опредѣленный срокъ) отыскати и до права стороне ставити, а не отыщетъ ли..., тогды... за голову або раны шкоды стороне за доводомъ слушнымъ нагороду и заплату учинити (виненъ будеть)“ [2]).

2) Лицо, хотя и невиновное въ совершеніи преступленія, но подозрительное по нѣкоторымъ вѣскимъ уликамъ, отвѣчаетъ передъ потерпѣвшимъ за всѣ шкоды, „а собе маеть винного искати“ [3]).

„Естли бы хто кольвекъ... третий разъ того жъ шляхтича с причинъ певныхъ, а не згола але за третимъ поволаньемъ о злодейство обвинилъ, тогъды вжо самъ третий з шляхтою оселою з людми веры годными и неподойзреными отъ того отприсягнутися маеть, а естли бы сполна светковъ не мелъ..., тогды за доводомъ слушнымъ або за присягою жалобника маеть всю шкоду ему заплатити, а собе винъного искати“ [4]).—„А колибы на которого человека подозреного знаки злодейские пописаны, а онъ бы ся к тому незналъ ани ся о том далъ мучити и хотел то заплатити, чого на немъ ищеть; таковому маетъ быти дано на заплату, а он собе нехай ищеть, на ком хочет“ [5]). —„Пакли бы хто въ своемъ дому крадежу искати недопустилъ... або отъ лица отбилъ або лице и злодея отнялъ, тогды тотъ, хто то учинить, будетъ повиненъ тую всю шкоду стороне жалобливой платити“ [6]).

3) Вмѣсто виновнаго отвѣчаетъ тотъ, кто активно воспрепятствовалъ его захвату и наказанію или вообще препятствовалъ исполненію

---

[1]) Трет. Ст. IV, 29.

[2]) Перв. Ст. I, 13; Трет. Ст. IV, 31.

[3]) Перв. Ст. XIII, 2, 3, 22; Вт. Ст. XIV, 5, 7; Трет. Ст. XIV, 5, 10.

[4]) Вт. Ст. XIV, 7; Трет. Ст. XIV, 10.

[5]) Перв. Ст. XIII, 22.

[6]) Перв. Ст. XIII, 2, 3; Вт. Ст. XIV, 5; Трет. Ст. XIV, 5.

судебнаго приговора. Въ этихъ случаяхъ отвѣтственность третьяго лица обыкновенно соотвѣтствуетъ отвѣтственности самого виновника [1]).

„А помочники таковые, которые бы поймати его боронили, таковой же вине и каранью подлегають, яко тотъ самъ злочинъца правомъ переконаный“ [2]).

Впрочемъ, въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ виновный разсматривается какъ „бунтовникъ и взрушитель права посполитого“ и подлежитъ самостоятельной отвѣтственности.

„Естъли бы хто якогожъ кольвекъ стану такъ свовольный былъ а вязня зъ замъку або двора нашого з везенья, або тежъ вжо выданого на смерътъ, где на улицы або на дорозе квалтовне отнялъ..., тогды... горъломъ и отъсуженьемъ почстивости карани быти мають, а шкоды и наклады стороны жалобное... совито нагородити и заплатити таковые винъни будуть“ [3]).

4) Наконецъ, вмѣсто виновнаго отвѣчаетъ тотъ, кто потушилъ свѣчу во время „вечерней звады“, кто совершилъ „похвалку“, кто не скаралъ выданнаго ему для казни злодѣя или не остановилъ своего слугу, который безо всякаго законнаго основанія набросился на кого-нб. для защиты своего пана, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ [4]).

„Коли бы при якой вечерней зваде хто кольвекъ свечу загасилъ, а за тымъ бы албо межи тыхъ, которые се звадили, або з стороны иный хто при той зваде будучий по згашенью свечы у потемъку былъ раненъ, а неведаючы отъ кого раненъ, позвалъ бы до суду того, хто свечу загасилъ, менуючы, жемъ я въ той зваде раненъ а не ведаю отъ кого за прычыною твоею, же сь свечу згасилъ..., повиненъ ему раны (головщизну) платить..., а заплативъшы раны албо головъщину, а заседевъшы за голову шляхетьскую годъ и шесть недель на дне в туръме, маеть собе винъного искати“ [5]).—„Коли бы въ якой зваде слуга пана своего боронечы кого забилъ або ранилъ, таковый отъ кождого

---

[1]) Трет. Ст. IV, 32, 96, 98.

[2]) Трет. Ст. IV, 32.

[3]) Трет. Ст. IV, 31.

[4]) Перв. Ст. VII, 7, 24, 26; XIII, 25; Вт. Ст. XI, 11, 27, 29; Трет. Ст. IX, 22; XI, 11, 25, 40

[5]) Перв. Ст. VII, 24; Вт. Ст. XI, 27; Трет. Ст. XI, 11.

права маетъ быти воленъ, але сторона жалобливая будеть тыхъ ранъ и головщины доходити на его пану“ [1]).—„Естли бы хто на кого пофалил ся або отповедалъ перед людми, хотечы ему шкоду вчинити, спалити двор албо гумно або забити. А втой пофалце або отповеди ему которая шкода стала от огня або забитье..., тогды тая шкода мает присужона быти на оном пофалце або отповеднику. А естли бы тот того ся прелъ, иж я того нечинилъ; тогды неха нихто ся ни на кого не пофаляет, а нехай тую шкоду предся отправуеть, а собе винного ищеть“ [2]).—„Естлибы кому было злодея выдано, а оный бы его на платежъ пустилъ, а подле выступу его скарати не далъ, а оный злодей выпущоный потом кому колве шкоды чинил; тогды тот, который его выпустилъ, повиненъ кождому будеть шкоду платити, иж злодея скарати не далъ“ [3]).

Б. Отвѣтственность рядомъ съ виновными.

Мы познакомились съ разнообразными видами отвѣтственности третьихъ лицъ вмѣсто виновныхъ („заступованье“). Но заступничествомъ во всѣхъ его видахъ не исчерпываются всѣ разнообразные случаи и условія, при которыхъ наказаніе можетъ налагаться на лицъ, невиновныхъ въ преступленіи: въ опредѣленныхъ случаяхъ третьи лица привлекаются къ отвѣтственности не *вмѣсто*, но *рядомъ* съ виновными. Основаніемъ для этого являются родственныя связи.

Конечно, отвѣтственность рядомъ съ виновными иногда обусловливается тѣми же обстоятельствами, на которыхъ основывается и заступничество. Заступца можетъ переложить часть своей отвѣтственности на заступаемаго; законодатель можетъ потребовать, чтобы, въ виду тяжести совершеннаго преступленія, преступникъ подвергся именно опредѣленному личному наказанію. И то и другое, какъ мы знаемъ, случалось иногда въ дѣйствительности [4]). Съ другой стороны

---

[1]) Перв. Ст. VII, 26; Вт. Ст. XI, 29; Трет. Ст. XI, 25.

[2]) Перв. Ст. VII, 7; Вт. Ст. XI, 11; Трет. Ст. XI, 40.

[3]) Перв. Ст. XIII, 25.

[4]) Добровольный заступца могъ, напримѣръ, согласиться принять на себя только часть отвѣтственности (хотя объ этомъ и не упоминается въ Статутѣ, но это вытекаетъ, какъ логическое послѣдствіе, изъ самой природы отношеній, устанавливающихся между преступникомъ и потерпѣвшимъ). Община, не раскрывающая своего преступнаго члена,

преобладаніе имущественныхъ взысканій по самой ихъ природѣ лишаетъ карательную систему необходимой индивидуальности наказаній, такъ какъ наказаніе, падая на имущество преступника, очень часто всей своей тяжестью переносится собственно на его наслѣдниковъ, т. е. опять таки на третьихъ лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Мы уже познакомились съ различными основаніями заступничества и не имѣемъ нужды говорить о нихъ болѣе; не станемъ разсматривать здѣсь и тѣхъ видовъ отвѣтственности третьихъ лицъ рядомъ съ преступникомъ, которые зависятъ отъ общихъ свойствъ карательныхъ мѣръ и вытекаютъ помимо воли законодателя (или даже вопреки ей) изъ общихъ качествъ наказанія. Остановимся на тѣхъ случаяхъ отвѣтственности невинныхъ рядомъ съ виновными, которые являются расширеніемъ общаго понятія объ объектѣ наказанія, какъ о лицѣ, совершившемъ преступное дѣяніе. Съ этой именно точки зрѣнія слѣдуетъ отмѣтить тѣ виды отвѣтственности, которые обусловливались родственными связями.

Литовскому Статуту извѣстна отвѣтственность семьи за преступленія отца [1]). Напротивъ, нигдѣ не указывается и не упоминается объ отвѣтственности отца за преступленія семьи (дѣтей, жены) и объ отвѣтственности матери за преступленія дѣтей, такъ какъ по общему правилу старшіе члены семьи не отвѣчаютъ за младшихъ. Отступленія отъ этого правила если и встрѣчались, то обусловливались от-

---

могла выплачивать шкоды и штрафы при его непосредственномъ содѣйствіи и участіи (дикая вира Русской Правды). Въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ отвѣтственность пана или поручителя не исключала отвѣтственности подданнаго или ручаемаго. По крайней мѣрѣ въ актахъ изучаемой эпохи мы иногда встрѣчаемъ отвѣтственность пана рядомъ съ отвѣтственностью подданнаго даже въ такихъ случаяхъ, о которыхъ нѣтъ никакого упоминанія въ самомъ кодексѣ. Напр., урядникъ пана Козинскаго былъ обвиненъ въ совершеніи гвалтовнаго наѣзда, причиненіи побоевъ, грабежей и въ изнасилованіи. Панъ Сербинъ (потерпѣвшій) два раза просилъ у пана Козинскаго „справедливости“. Наконецъ, вслѣдствіе отказа „вчинить справедливость“, потерпѣвшій обратился въ гродскій судъ, который и приговорилъ самого врядника пана Козинскаго, Ѳедора Кочановскаго, къ смертной казни; всѣ же прочія шкоды и штрафы были присуждены „на самомъ пану Михаилу Тихновичу Козинскомъ... яко на непослушномъ права“. См. Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2040, листъ 408 на об. Ср. Перв. Ст. VI, 10; VIII, 20; XI, 9; Вт. Ст. IX, 19 и нѣкот. др.

[1]) Перв. Ст. I, 2, 4; XI, 7; XIII, 27; Вт. Ст. I, 3, 6, 11, 14; XII, 7; XIV, 21; Трет. Ст. I, 3, 6, 7, 18; XII, 11; XIV, 23; Устав. Зем. Грам. стр. 177—178; Судебникъ Казиміра, ст. 1.

нюдь не родственными связями, но какими-нибудь другими извѣстными уже намъ обстоятельствами (поручительство, землевладѣніе и пр.)[1]). Совершеннолѣтнія дѣти, если они выдѣлены, отвѣчаютъ за свои преступленія сами, своей личностью и своимъ имуществомъ. Здѣсь не можетъ быть никакого сомнѣнія[2]). Другое дѣло дѣти несовершеннолѣтнія или невыдѣленныя. Однако и послѣднія подлежатъ вполнѣ индивидуальной отвѣтственности; даже имущественныя взысканія обращаются на ихъ (а не на отцовское) имущество, при недостаточности котораго наступаютъ обычныя послѣдствія несостоятельности (выдача въ кабалу до отработки долга).

„Естли бы который прирожоный братъ альбо дядько, або который ли будь з роду утекъ до земли неприятеля нашого..., тогды дельница, то естъ *часть его*, будетъ ли выделена была албо и невыделена, спадываеть на речъ посполитую и на насъ господара...“[3]).—„Естли бы ся трафило, ижъ бы шляхътичь в летехъ шестьнадцати а не больш обвиненъ о злодейство або приведенъ былъ з лицомъ, тогды... тую шкоду отецъ его або матка або кревные зыменья *части его* повинны з навезкою заплатити..., а не будетъ ли мети чымъ платити, ино *дати его на выслугу*“[4]).

За свои преступленія жена отвѣчаетъ сама и изъ своего имущества[5]). Литовско-русское право не знаетъ отвѣтственности мужа рядомъ съ женой и за жену, какъ не знаетъ этой отвѣтственности и право восточной Россіи[6]).

---

[1]) Напр. Трет. Ст. IV, 49—единственное мѣсто, гдѣ говорится объ отвѣтственности мужа за жену, отца или матери за дѣтей, одного родственника за другого. Во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность обусловлена именно тѣмъ, что „кривда ся стала с того дому або именья отцовскаго (матъчыного)“, и что отецъ (мужъ, мать и пр.) отказалъ въ правосудіи, которое онъ обязанъ былъ оказать, какъ вотчинникъ, и этимъ далъ возможность обвиняемымъ скрыться отъ суда.

[2]) Напр. Перв. Ст. I, 7; Вт. Ст. I, 14; Трет. Ст. I, 18.

[3]) Трет. Ст. I, 7.

[4]) Трет. Ст. XIV, 11; Вт. Ст. XIV, 8.

[5]) См. выше примѣчаніе 1-ое. Въ томъ же артикулѣ читаемъ: „еслижъ бы... жона мела именье венованое або свое властное, тогды то, што за ее вину с права будетъ сказано, на ее жъ именью будь венованомъ або властномъ отъправено быти маетъ“.

[6]) Любопытный фактъ сообщаетъ проф. Сергѣевскій: „Женка Катерина довелась сослать въ ссылку; но она не послана въ ссылку для того, что которые люди доведутся ссылки мужеска полу и тѣхъ посылаютъ съ женами ихъ, а за женино воровство мужей въ ссылку не ссылаютъ, а одну ее Катерину отъ мужа послать не довелось же“. См. *Сергѣевскаго*, Наказаніе etc., стр. 235.

Отвѣтственность семьи за преступленія своего главы извѣстна изъ временъ глубокой древности (потокъ и разграбленіе Русской Правды). Въ эпоху Литовскаго Статута эта отвѣтственность весьма ограничена и имѣетъ главнымъ образомъ имущественный характеръ. При несостоятельности преступника онъ выдается потерпѣвшему для отработки всѣхъ штрафовъ и шкодъ. Но общая сумма тѣхъ и другихъ могла достигать такихъ размѣровъ, что преступнику приходилось „выробливатися“ всю свою жизнь, и все-таки не удовлетворить потерпѣвшаго. Въ такомъ случаѣ „если жъ бы с тое сумы выслужитися до смерти не могъ, а будетъ ли мети дети подъросле до послуги и роботы годные, тогды дети его мають с тое сумы выроблятися, ведже не далей одно черезъ семъ летъ“ [1]). Послѣдней оговорки нѣтъ въ первомъ Статутѣ; слѣдовательно отвѣтственность дѣтей еще не ограничена никакимъ срокомъ („дети его мают ся выробити“) [2]). Но второй Статутъ уже пытается въ этомъ случаѣ провести полную отмѣну подобной отвѣтственности: „а естьлибы съ тое сумы до смерти выслужитися не могъ, а будеть ли мѣти дѣти, тогды дѣти не мають се съ тое сумы выробляти“ [3]). Тѣмъ не менѣе, какъ видимъ, жизнь съ ея непреклонными требованіями и глубоко вкоренившійся обычай не подчинились нововведеніямъ законодателя, и послѣдній вынужденъ былъ уступить и возвратиться къ старинѣ, установивъ только въ видѣ компромисса извѣстныя ограниченія.

Особыя условія требуются для отвѣтственности жены и дѣтей въ случаяхъ кражи. „Жона и деги“ преступника-вора отвѣчаютъ только тогда, „естли бы лице въ дому застато и дети и жона при томъ были и тыхъ речей краденыхъ ведаючы ихъ быти краденими ужывали“ [4]). Отвѣтственность ихъ ограничена: „они повинъни будуть шкоду платити, а в недостатку заплаты и сами головами выдаваны быти, нижли не въ вечъную неволю, одно покуль ся выробить“. Въ этомъ отношеніи Статутъ вполнѣ согласенъ съ Судебникомъ Казиміра [5]). Но слѣдуетъ замѣтить, что даже послѣ Судебника общее правило объ

---

[1]) Трет. Ст. XII, 11.

[2]) Перв. Ст. XI, 7.

[3]) Вт. Ст. XII, 7.

[4]) Перв. Ст. XIII, 12, 27; Вт. Ст. XIV, 13, 21; Трет. Ст. XIV, 16, 23.

[5]) Судебникъ Казиміра, ст. 1.

отвѣтственности семьи за преступленія отца бывало распространяемо и на случаи воровства [1]), и случалось по старому, что „тать бывалъ за татбу узятъ и зъ жоною и зъ дѣтми“ [2]), при чемъ не обращалось никакого вниманія на то, знали-ли они или не знали о преступленіи отца (мужа).

Значительно строже относилось литовско-русское право къ преступленіямъ государственнымъ, изъ которыхъ самыя тяжкія влекли за собой (кромѣ другихъ взысканій) конфискацію всего имущества виновнаго. Конфискація въ этихъ случаяхъ разсматривалась не столько какъ наказаніе для преступника, сколько какъ наказаніе именно для его дѣтей, которыя „для того выступу отца своего... отъ именей отца своего отпадываютъ“. Вслѣдствіе этого и въ общемъ постановленіи кодекса объ индивидуальности наказанія включена оговорка: „не маеть ни хто ни за кого теръпети..., ни отецъ за сына а ни сынъ за отца, *кромъ ображенья маестату нашого и речи посполитое здрады*“ [3]).

Въ началѣ столѣтія за измѣну брата въ опредѣленныхъ случаяхъ отвѣчали братья: „а естли будетъ братовъ пять або шесть недѣленыхъ на имѣньи, а естли который зъ нихъ зраду вчинитъ, тогды дѣлницу имѣнья, што мѣло на него прійти, тратитъ, и надъ то имѣнье все всихъ братовъ есть въ ласцѣ господарской“ [4]). Поста-

---

[1]) Устав. Зем. Грам. стр. 177—178; Христоматія, *Владимірскаго-Буданова*, стр. 48.

[2]) См. *Владимірскаго-Буданова*, Помѣстья литовскаго государства, стр. 32. Вотъ любопытный актъ, показывающій, какъ глубоко въ народномъ правосознаніи коренилось воззрѣніе на солидарность семьи, и къ какимъ послѣдствіямъ оно могло приводить: „Станувши предо мною Яцко Махничъ—бояринъ господарьскій, а Хведко Глѣбовичъ—Озеранинъ, и зъ Олексѣемъ Семеновичомъ и били ми чоломъ, абы имъ наклады ихъ тотъ Олексѣй Семеновичь заплатилъ, которые они наложили справуючися клячи, которая кляча познана... у того Хведка Глѣбовича—Озеранина, ино тотъ Хведко тое клячи звелся на Яцка Махнича, отъ которого самъ ей мялъ, а Яцко Махничъ учинилъ зводъ на того истого Олексѣя Семеновича, а Олексѣй повѣдилъ: ижь я мамъ тую клячу отъ Мики Васкевича—Молявичанина. И заложонъ былъ ему рокъ того заводцу поставити..., а онъ того заводцы не поставилъ... Ино яко дисейшого дня за чоломбитьемъ и докукою того Яцка Махнича а Хведка Глѣбовича... подалъ есми жону того Олексея Яцку въ накладѣхъ его, ошацовавши въ рубли и во дву грошей, а Хведку Озеранину сына его у другомъ рубли и во дву грошей и маютъ они тую жонку и дѣтину держати до того часу, поки имъ Олексей пенязи заплатитъ“. См. Ак. Вил. Ком. т. XVII, № 303, стр. 124 (актъ относится къ 1540 году).

[3]) Перв. Ст. I, 2, 4; Вт. Ст. I, 3, 6, 11, 14; Трет. Ст. I, 3, 6, 7, 18.

[4]) Ак. зап. Россіи т. II, стр. 62, № 50.—Уставъ 1509 года объ имѣніяхъ государскихъ измѣнниковъ.

новленіе это не вошло ни въ старый, ни въ послѣдующіе Статуты. Зато второй Статутъ попытался расширить отвѣтственность дѣтей измѣнника: „сынове зрадцы за таковый выступокъ отца своего безецными будутъ“ [1]). Но и это нововведеніе оказалось неудачнымъ и было отвергнуто практикой и третьимъ Статутомъ.

---

[1]) Ср. Вт. Ст. I, 3 и Трет. Ст. I, 3.

Глава Четвертая. Содержаніе и условія карательной дѣятельности.

Содержаніе карательной дѣятельности всецѣло опредѣляется историческими условіями времени и мѣста. Въ числѣ этихъ условій, какъ указываетъ проф. Сергѣевскій, особенное значеніе имѣютъ слѣдующія: 1) положеніе личности человѣка въ государствѣ, большее или меньшее поглощеніе частныхъ интересовъ государственными; 2) степень культуры и состояніе нравовъ; 3) большая или меньшая твердость и устойчивость государственнаго строя; 4) состояніе государственныхъ финансовъ, зависящихъ отъ степени бѣдности или богатства народа; 5) большія или меньшія удобства внутренняго управленія; 6) воззрѣнія эпохи на основанія и задачи карательной дѣятельности [1]).

Разсматривая содержаніе карательной дѣятельности литовско-русскаго государства, мы обратимъ вниманіе только на послѣдній изъ указанныхъ факторовъ, опредѣляющихъ это содержаніе. Значеніе этого фактора громадно: черезъ него и при его посредствѣ, до извѣстной степени, передаются вліянія другихъ историческихъ условій эпохи (экономическихъ, культурныхъ, политическихъ); имъ опредѣляются многія самыя существенныя черты наказанія [2]). Поэтому прежде чѣмъ

---

[1]) См. *Сергѣевскаго,* Рус. уголовное право, стр. 101—112 (историческая измѣнчивость наказанія); *его-же,* Наказаніе въ рус. правѣ XVII в., стр. 2—46.

[2]) Неудивительно поэтому, что въ современной наукѣ цѣлый періодъ исторіи уголовнаго права носитъ названіе, указывающее на одну изъ задачъ карательной дѣятельности: періодъ устрашающихъ наказаній. Названіе это пользуется общимъ признаніемъ и вошло во всеобщее употребленіе: цѣль карательной дѣятельности придаетъ своеобразный характеръ цѣлой исторической эпохѣ.

говорить о свойствахъ, системѣ и видахъ наказаній эпохи Статутовъ, изложимъ вкратцѣ воззрѣнія законодателя на основанія и задачи карательной дѣятельности. Такимъ образомъ мы будемъ говорить: 1) объ основаніяхъ карательнаго права, 2) о цѣляхъ наказанія, 3) о его свойствахъ и 4) о системѣ и видахъ наказаній эпохи Статутовъ.

I. Основанія карательнаго права.

А. Вліяніе христіанской религіи и европейской цивилизаціи.

Наказаніе, какъ извѣстный соціальный фактъ и какъ извѣстное проявленіе юридической жизни народа, существуетъ съ древнѣйшихъ временъ. Но въ наиболѣе раннія эпохи исторіи наказаніе является въ видѣ непосредственной реакціи со стороны потерпѣвшаго (или общества) противъ дѣйствія, признаваемаго преступнымъ; оно существуетъ, какъ фактъ, не требующій объясненія и оправданія, и, подобно многому другому, не останавливаетъ на себѣ вниманія древняго человѣка. Преступникъ наказывается потому, что совершилъ преступленіе. Для чего полагается наказаніе, чѣмъ оно оправдывается, и чѣмъ обусловливается его необходимость, кто далъ право прибѣгать къ наказанію, разумно ли, наконецъ, самое наказаніе—вотъ неизбѣжные вопросы, которые должны были возникнуть и возникли у людей, достигшихъ извѣстной степени цивилизаціи, но о которыхъ не заботилось древнее общество.

Разъ поставленные вопросы, эти были разрѣшаемы въ томъ или иномъ смыслѣ соотвѣтственно общимъ условіямъ эпохи, такъ какъ матеріалъ, необходимый для ихъ разрѣшенія, представляла сама жизнь и существовавшая система уголовнаго права [1]). Теоріи, являвшіяся результатомъ пытливаго изслѣдованія уголовнаго права и служившія посильнымъ отвѣтомъ на заданные вопросы, въ свою очередь не оставались безъ вліянія: проникая въ массу, онѣ могли вліять на тѣ юридическія отношенія, которыя регулировались обычаемъ; проникая въ сознаніе законодателя, онѣ побуждали его измѣнять существующія

---

[1]) Болѣе подробныя замѣчанія о тѣсной связи развитія науки и философіи уголовнаго права съ развитіемъ самого уголовнаго права см. у *Кистяковскаго*, Учебникъ, изд. 1882 г., стр. 54—56.

нормы и издавать новые законы, болѣе соотвѣтствующіе принятымъ теоріямъ [1]). Такимъ образомъ тѣ выводы, которые были добыты между прочимъ и вслѣдствіе болѣе внимательнаго изслѣдованія уголовнаго права, со своей стороны вліяли на послѣднее, устраняли противорѣчія, исправляли ошибки, а по временамъ вносили даже новые принципы и давали толчекъ къ дальнѣйшему и коренному измѣненію всей системы уголовнаго права. Съ этой точки зрѣнія весьма важно уяснить, какъ разрѣшались указанные вопросы въ ту или другую эпоху, и какія основанія полагались въ фундаментъ всего ученія о наказаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ фундаментъ всего уголовнаго права.

Въ эпоху Литовскаго Статута вопросъ объ основаніяхъ карательнаго права уже волновалъ умы образованныхъ современниковъ. На постановку этого вопроса, равно какъ и на разрѣшеніе его оказали существенное вліяніе два обстоятельства: съ одной стороны, христіанская религія и церковь, съ другой—сношенія съ Западомъ, при посредствѣ котораго происходило знакомство и передавались вліянія древней классической науки (литературы) и средневѣковой философіи.

Принятіе христіанской религіи имѣло огромное значеніе во всѣхъ сферахъ жизни и у всѣхъ народовъ. Христіанскую религію Литва приняла еще при Ягелло (въ концѣ XIV в.), а русскія земли, входившія въ составъ Литовскаго государства, гораздо раньше (въ концѣ X вѣка). Слѣдовательно, вліяніе христіанской религіи было вѣковое и довольно глубокое. Христіанскія идеи могли проникать въ область уголовнаго права и суда при посредствѣ духовенства, которое обладало съ древнѣйшихъ временъ самостоятельной судебной властью и вообще имѣло большое значеніе во всѣхъ вопросахъ государственнаго управленія и суда и, сверхъ того, оказывало громадное вліяніе своей проповѣдью и ознакомленіемъ массъ (въ церкви и школѣ) съ основными началами христіанской религіи и морали. Сфера непосредственной юрисдикціи духовной власти была, впрочемъ, довольно ограничена:

---

[1]) Мы признаемъ извѣстную творческую роль за личностью вообще и за личностью законодателя—въ частности и не обезличиваемъ историческаго процесса развитія правовыхъ институтовъ. Подробное изложеніе различныхъ мнѣній и разборъ ихъ см. у *Карѣева*, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, 1890 г., стр. 535—569.

ей подлежали, кромѣ „подданныхъ“ духовенства, опредѣленные разряды лицъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ церкви, и всѣ прочія лица въ случаѣ совершенія опредѣленныхъ преступленій (главнымъ образомъ противъ религіи и нравственности)[1]). Но даже и въ этомъ кругу духовенство должно было считаться съ существующимъ правомъ и правосознаніемъ и во множествѣ случаевъ не могло допускать значительныхъ уклоненій отъ того, что признавалось и требовалось стародавнимъ обычаемъ и закономъ[2]). Къ тому же представители духовенства сами были людьми своего времени и, слѣдовательно, въ значительной степени сами были проникнуты современнымъ имъ міросозерцаніемъ, которое, при всей своей противоположности христіанской религіи, должно было имѣть особенное значеніе въ практической дѣятельности духовенства.

Гораздо глубже было вліяніе церковной проповѣди и христіанскаго просвѣщенія массъ. Здѣсь работа была медленная и скрытая, но постоянная, настойчивая, упорная и блестящая въ своихъ результатахъ. Каждая страница Литовскаго Статута доказываетъ глубину и могущество христіанскаго вліянія, которое, послѣ вѣковой борьбы со старыми предразсудками и идеями, получило наконецъ возможность хотя отчасти внести свой духъ въ законодательство и преобразовать по своему нѣкоторые существенные институты права. Особенно замѣтно вліяніе христіанской религіи въ уголовномъ правѣ, потому что эта область права, какъ извѣстно[3]), вообще въ высшей степени чувствительна ко всякимъ новымъ теченіямъ въ общественной и духовной жизни народа. Въ послѣдней редакціи Статута мы на каждомъ шагу

---

[1]) Ср. *Чебышева-Дмитріева*, О преступномъ дѣйствіи, стр. 97 и сл.

[2]) „Русская исторія, говоритъ Чебышевъ-Дмитріевъ, представляетъ намъ безчисленное множество доказательствъ того, какъ долго и упорно боролась народная жизнь съ византійскими началами, какъ часто новые уставы оставались безъ практическаго примѣненія, какъ новыя воззрѣнія, преждевременно пересаженныя на русскую почву, засасывались ею, не принося никакого непосредственнаго результата, какъ часто церковь должна была уступать жизни“. *Чебышева-Дмитріева*, указ. соч., стр. 106 и др. Тамъ же можно найти нѣсколько любопытныхъ фактическихъ указаній.

[3]) См. между прочимъ *Jhering*, Das Schuldmoment, стр. 2; *Таганцева*, Послѣднее двадцатипятилѣтіе въ истор. уголов. права, въ „Вѣстн. Евр.“, 1892 г., Декабрь, стр. 818—819; *Maciejowskiego*, Historya, т. III, стр. 109; *Loiseleur*, Les crimes et les peines, стр. VI, 56; *Günther*, Die Jdee der Wiedervergeltung in der Geschichte, изд. 1889 г., вып. I, стр. 1.

встрѣчаемъ упоминанія о Богѣ, о христіанской религіи, о святой справедливости и проч., и проч. [1]). Но въ отдѣльныхъ случаяхъ, кромѣ того, мы находимъ положительныя указанія, что то или другое данное положеніе заимствуется изъ „божого права“ или устанавливается именно въ виду тѣхъ требованій, которыя предъявляются христіанской религіей и моралью: „уставуемъ..., кгдыжъ того право божое и справедливость хрестиянская учыть“, „справуючися водле правъ хрестиянскихъ... уставуемъ“, „уставуемъ... абы подъданые наши водле правъ божихъ и хрестиянъскихъ жили“, „тогды наследуючы въ томъ права божего, уставуемъ“ [2]).

Чему же учило „божое право и справедливость хрестиянская“? Какія новыя начала вносила христіанская религія, какой новый духъ принесло съ собой духовенство?

Лѣтописецъ Несторъ сообщаетъ весьма интересный фактъ, имѣвшій мѣсто въ скорости послѣ принятія Владиміромъ христіанской религіи: „Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи и умножишася разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: „Се умножишася разбойницы; почто не казниши ихъ“? Онъ же рѣче имъ: „Боюся грѣха“. Они же рѣша ему: „*Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье*; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ“ [3]). Такимъ образомъ съ древнѣйшихъ временъ проводится мысль о божественномъ установленіи княжеской власти и о божественномъ основаніи карательнаго права: князь поставленъ самимъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу нравственно-религіозное міросозерцаніе проникаетъ во всю область уголовнаго права. Наказаніе постепенно обращается въ одно изъ средствъ нравствен-

---

[1]) Въ видѣ эпиграфа къ третьему Статуту взяты слѣдующія мѣста изъ Библіи: „Смотрите, што маете чинити, бо несправуете суду человѣчего, але судъ божии. А што кольвекъ осудите, все на васъ се обвалить. Нехаи будет во васъ страхъ господень завъжды. А справуите все щирѣ, нетъ бо пред господемъ богом нашимъ неправости, ани бракованья особъ, ани пожеданья даровъ. Милуите справедливост, которые судите землю, бо хто любит неправду, тотъ ненавидить души своее. Право судите снове человечестии“. Кромѣ того см. Вт. Ст. стр. 5, 7, 9; IV, 1, 4, 70; V, 18; стр. 214; Трет. Ст. III, 32; IV, 1, 8, 36, 52; IX, 1; XI, 21 и мн. др.

[2]) Напр. Вт. Ст. I, 14, 29; XI, 12; Трет. Ст. I, 18, 33; V, 22; XI, 27.

[3]) См. *Чебышева-Дмитріева*, указ. соч., стр. 108 и слѣд. Ср. Трет. Ст. I, 8: „мы господаръ яко будучи сторожомъ справедливости отъ пана Бога постановленымъ...“

наго возмездія; преступникъ, учитъ духовенство, долженъ быть наказанъ не для удовлетворенія потерпѣвшаго, но для искупленія своего грѣха, какъ это требуется христіанской справедливостью.

Такимъ образомъ христіанская религія выдвигаетъ два новыя начала карательнаго права: Богъ требуетъ наказанія злыхъ, святая справедливость требуетъ искупленія грѣха и воздаянія каждому по его заслугамъ. Оба эти начала получаютъ опредѣленное выраженіе въ литовско-русскомъ законодательствѣ XVI вѣка.

Но этими началами не исчерпывается все содержаніе философскихъ воззрѣній эпохи на основанія карательнаго права, такъ какъ воззрѣнія эти, какъ указано, заимствовались не только изъ христіанскаго ученія, но также многое почерпалось изъ древне-классической и средневѣковой философіи, знакомство съ которой пріобрѣталось въ высшихъ школахъ, и интересъ къ которой развивался все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ Запада.

Въ XVI вѣкѣ сношенія съ Западомъ установились довольно правильныя. Не говоря уже о Польшѣ, съ которой Литва вступила въ самую тѣсную связь, путешествія въ другія европейскія страны сдѣлались обычными и необходимыми для завершенія образованія [1]). Недостатокъ собственныхъ высшихъ школъ чувствовался уже издавна, особенно послѣ принятія Литвой христіанства, которое выдвинуло потребность въ образованномъ духовенствѣ, близко знающемъ языкъ и нравы Литовцевъ [2]). Лучшими проповѣдниками новой религіи могли быть сами Литовцы. Нужно было только найти способныхъ и желающихъ между ними и дать имъ надлежащую подготовку и образованіе. „Заботясь о католическомъ образованіи Литвы, еще Ядвига учредила коллегію для 12 Литовцевъ и потомъ, съ этой же цѣлью, хлопотала о возстановленіи Краковской Академіи“ [3]). Въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ (особенно въ Краковской Академіи) заканчивали свое образованіе не

---

[1]) *Jaroszewicza*, Obraz Litwy, т. II, стр. 41, 123 и др. (Исторіи распространенія образованія и культуры въ Литвѣ авторъ посвящаетъ двѣ главы—третью: „środki upowszechnienia oświaty w Litwie po jéj nawróceniu“ и одиннадцатую: „stan umysłowéj kultury“); *Тумасова*, Дворянство зап. Россіи, стр. 9 и сл. (Первая часть изслѣдованія посвящена изображенію образованія и домашней жизни дворянства).

[2]) *Jaroszewicza*, указ. соч., т. II, стр. 41, 42 и сл.

[3]) *Бестужева-Рюмина*, Русская исторія, т. II, стр. 138 (состояніе общества въ Литвѣ); *Jaroszewicza*, указ. соч., т. II, стр. 41.

только духовныя лица, но также и лица свѣтскія, выступавшія потомъ на разныхъ поприщахъ общественной и государственной дѣятельности. До XVI вѣка число такихъ лицъ было, впрочемъ, весьма ограничено, и имена ихъ, извѣстныя исторіи, не составляютъ большого перечня [1]).

Наплывъ польскаго католическаго духовенства и польской шляхты, кромѣ распространенія идей католицизма и польской цивилизаціи и сближенія съ Польшей, имѣлъ еще и другія послѣдствія: православная церковь, вынужденная отстаивать собственное существованіе и напрягавшая всѣ силы въ борьбѣ съ католицизмомъ, обратилась къ школѣ и къ образованію, какъ къ наиболѣе дѣйствительному средству для борьбы: съ этого времени образованіе начинаетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе характеръ необходимой подготовки къ религіозной полемикѣ [2]). Школа, въ противоположность прежнимъ временамъ, стала воспитывать не просто грамотныхъ и начитанныхъ людей, но ученыхъ, одолѣвшихъ всю схоластическую премудрость, усвоившихъ всѣ христіанскія истины въ опредѣленной научной системѣ и вооруженныхъ всевозможными доказательствами для защиты своей религіи и для борьбы съ противниками. Мало того, у православной церкви собственныхъ образовательныхъ средствъ также оказывается недостаточно: приходится отправлять многихъ молодыхъ людей въ западные коллегіумы и университеты, гдѣ они и получаютъ окончательное образованіе.

Неудивительно поэтому, что еще въ 1457 году литовско-русская католическая и православная шляхта добивается у Казиміра права свободнаго выѣзда изъ предѣловъ Литвы въ чужія земли для торговли и образованія [3]), въ равной степени признаваемаго необходимымъ и для католиковъ, и для православныхъ. Разрѣшеніе, данное Казиміромъ, было цѣликомъ, включено въ Статутъ, гдѣ, въ числѣ другихъ шляхетскихъ вольностей, упоминается также „о вольности выеханья до иншихъ паньствъ хрестианскихъ для набытья наукъ въ письме цвиченья и учинъковъ рыцерскихъ и тежъ будучи не способного здоровья своего для лекарствъ“ [4]).

---

[1]) *Jaroszewicza*, указ. соч., т. II, стр. 42—44.

[2]) *Порфирьева*, Исторія русской словесности, стр. 305 и сл. (состояніе образованія и словесности въ юго-западной Россіи въ XVI—XVII в.).

[3]) *Jaroszewicza*, указ. соч., т. II, стр. 45, 124; Шляхетская жалованная грамота Казиміра 1457 г., ст. 5.

[4]) См. Перв. Ст. III, 8; Вт. Ст. III, 13; Трет. Ст. III, 16.

Сближеніе съ Польшей и поѣздки въ другія страны имѣли громадное значеніе для литовско-русской шляхты: то была эпоха возрожденія и реформаціи, эпоха благородныхъ движеній, составляющихъ страницу исторіи человѣчества слишкомъ извѣстную, чтобы говорить здѣсь о ея значеніи еще разъ, и слишкомъ блестящую, чтобы исчерпать ея содержаніе въ нѣсколькихъ словахъ. Ограничимся только указаніемъ, что это умственное движеніе распространилось и на Польшу [1]),

---

[1]) Одинъ изъ новыхъ и талантливыхъ польскихъ историковъ даетъ слѣдующую характеристику этого движенія:

„До XVI вѣка только духовенство и аристократическая молодежь получали высшее образованіе, теперь же вся шляхта могла отправлять своихъ сыновей въ высшія школы, въ Краковъ или за-границу, преимущественно въ Италію, и свѣтъ науки, раньше ограниченный небольшимъ кружкомъ, разлился теперь по всему народу. Это не была уже заскорузлая схоластическая средневѣковая наука, къ которой стремилось большинство, но возродившаяся древняя литература, міръ грековъ и римлянъ, полный чарующей прелести, полный свободы и поэзіи, цѣликомъ построенный на ощущеніи закопченной классической красоты. Утонченное цицероновское краснорѣчіе, свободная, не знающая никакихъ путъ философія, истинная, проникающая въ глубочайшіе тайники общественной и политической жизни исторія, безсмертныя поэтическія произведенія, недосягаемыя созданія древней скульптуры и архитектуры, все это открытое изъ забвенія и пыли вѣковъ, распространяемое путемъ книгопечатанія, проникшаго въ Польшу уже въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка, входитъ въ сознаніе и чувство, дѣйствуетъ на воображеніе, привлекаетъ и ослѣпляетъ умы. Сношенія съ центромъ этой новой цивилизаціи, Италіей, издавна бывшія оживленными, еще увеличиваются благодаря супружеству Сигизмунда съ миланской княжной Боной Сфорца; королевскій дворъ дѣлается истиннымъ центромъ и школой гуманизма; наряду съ латинскимъ языкомъ при немъ въ качествѣ языка моднаго появляется и итальянскій; множество итальянцевъ, художниковъ, ученыхъ, купцовъ и ремесленниковъ пріѣзжаетъ въ Польшу“.

„Изъ всѣхъ гуманистическихъ наукъ польской шляхтѣ больше всего нравилось право, которое могло ее подготовить къ судопроизводству, къ исправленію должностей и къ политической жизни. Родное польское право не было еще научно обработано, поэтому брались, какъ и прежде, за науку римскаго и каноническаго права, но за науку возродившуюся, отбросившую уже схоластическую форму; шляхетскіе умы пріобрѣли то юридическое направленіе, ту юридическую окраску, какія остались характерной ихъ чертой уже до конца Рѣчи Посполитой. Къ несчастію юридическій умъ не есть еще умъ политическій... Изъ греческой и римской литературы гораздо легче усвоивались понятія и фразы о губительныхъ слѣдствіяхъ „тиранніи“, о гражданскомъ равенствѣ и свободѣ, чѣмъ понятія обязанностей по отношенію къ власти и послушанія ей, выбиралось только то, что легко могло служить для оправданія тогдашняго направленія шляхты; существовавшимъ въ Римѣ и Греціи рабствомъ оправдывали угнетеніе польскаго крестьянина, гражданскимъ равенствомъ въ Спартѣ, Аѳинахъ и Римѣ объясняли свою зависть къ можновладству. Если же и возникала мысль о томъ, что свобода легко можетъ выродиться въ своеволіе, то на помощь являлся аргументъ изъ Цицерона: откуда же въ такомъ случаѣ гражданскія добро-

а затѣмъ въ извѣстной степени перешло и за ея предѣлы—въ Литву, гдѣ было весьма много польскихъ выходцевъ [1]), и гдѣ существовали на лицо всѣ условія, необходимыя для самаго широкаго вліянія гуманизма въ средѣ наиболѣе богатыхъ, образованныхъ и зажиточныхъ шляхетскихъ родовъ [2]). „Краковская академія, въ которой существовала особая коллегія для литвиновъ, высылала извѣстное количество ксендзовъ въ ту Литву, которая приняла католичество, но этимъ должно было и ограничиваться все ея вліяніе въ XV вѣкѣ. Только гуманизмъ начинаетъ отвращать литовскихъ пановъ отъ русской культуры и сближать съ польскимъ обществомъ, его языкомъ и цивилизаціей. Множество ученыхъ поляковъ ѣздитъ въ Литву и живетъ тамъ, дворъ Сигизмунда въ Литвѣ дѣлается центромъ гуманизма и вмѣстѣ польской культуры, возникаютъ первыя высшія училища съ гуманистическимъ направленіемъ. Подъ вліяніемъ гуманистической науки римскаго права совершается кодификація литовскихъ законовъ". Такъ какъ образованные редакторы Статута принадлежали къ слою общества, захваченному новымъ движеніемъ, вполнѣ естественно встрѣтить въ ихъ произведеніи нѣкоторые взгляды, усвоенные ими благодаря знакомству съ новой наукой и заимствованные изъ произведеній древней классической литературы.

Такимъ образомъ, желая выяснить господствующія воззрѣнія изучаемой эпохи на основанія карательнаго права, мы необходимо должны считаться съ вліяніями христіанской религіи, древне-классической литературы и средневѣковой философіи, а также всегда должны

дѣтели? Характерной подробностью является то, что въ Польшѣ не печатали сборниковъ римскаго права, но зато въ теченіе царствованія Сигизмунда I два раза была издана книга Цицерона о гражданскихъ добродѣтеляхъ (De officiis) и четыре раза подобная же книга Сенеки". См. *Бобржинскаго*, Очеркъ исторіи Польши, т. II, стр. 48—53.

[1]) См. *Тумасова*, указ. соч., стр. 4 и сл.

[2]) Польская шляхта во всѣхъ отношеніяхъ служила образцомъ для шляхты литовской, которая усвоивала не только польскій языкъ, религію и образованность, не только *стремилась* сравняться съ польской шляхтой въ своихъ правахъ и въ своихъ отношеніяхъ къ верховной государственной власти и другимъ сословіямъ государства, но и дѣйствительно *достигала* желаемаго, такъ что въ концѣ-концовъ даже утратила собственный національный характеръ. Впрочемъ, въ XVI в. дѣло еще не дошло до этого, и лучшіе представители литовско-русской шляхты сумѣли остаться истинными патріотами и представителями своей народности, хотя и являлись, по выраженію одного историка, „яркими звѣздами" образованности и умственнаго развитія своего времени (*Тумасова*, указ. соч., стр. 20).

помнить, что воззрѣнія образованнаго законодателя были въ значительной степени чужды массамъ, и что, поэтому, нѣкоторыя теоретическія положенія такъ и оставались въ области теоріи, не получая никакого практическаго выраженія: измѣнять по своей волѣ существующее, исторически выработанное право законодатель можетъ не безгранично, но всегда въ опредѣленныхъ, довольно тѣсныхъ предѣлахъ, нарушеніе которыхъ ведетъ къ безсилію закона въ его практическомъ приложеніи.

Б. Воззрѣнія законодателя на основанія карательнаго права.

Основные взгляды законодателя на государство, на законы, на преступленіе и наказаніе и важнѣйшія соображенія объ основаніяхъ карательнаго права выражены въ предисловіи къ третьему Статуту, которое состоитъ изъ манифеста Сигизмунда объ изданіи кодекса и изъ двухъ рѣчей Льва Сапѣги, произнесенныхъ имъ предъ королемъ и сеймомъ при представленіи печатнаго экземпляра Статута [1]). Рѣчи Льва Сапѣги представляютъ для насъ тѣмъ бо́льшій интересъ, что это былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени и притомъ человѣкъ, имѣвшій большое вліяніе при составленіи и редактированіи третьяго Статута [2]).

Вручая королю экземпляръ напечатаннаго Статута, Сапѣга между прочимъ сказалъ [3]): „Было время, когда въ томъ обществѣ людей, которое мы называемъ государствомъ, государи и короли управляли людьми не на основаніи какого-нибудь писанаго закона или статута, но по своему усмотрѣнію и по своей прихоти; но такъ какъ они часто уклонялись отъ своихъ обязанностей и заботились только о

---

[1]) Трет. Ст. стр. I—XII.

[2]) По мнѣнію Чацкаго, къ числу редакторовъ третьяго Статута принадлежалъ и самъ Сапѣга; напротивъ, Даниловичъ думаетъ, что Сапѣга „былъ только главнымъ блюстителемъ надъ производствомъ труда, написалъ предисловіе и подносилъ Статутъ королю на утвержденіе". См. *Даниловича*, Взглядъ на Литовское законодательство и литовскіе статуты—въ Юрид. Зап. Рѣдкина, т. I, стр. 26—29. Во всякомъ случаѣ познакомиться со взглядами Сапѣги необходимо: такъ смотрѣли на право его образованные современники; такого же взгляда придерживались, несомнѣнно, и сами ученые редакторы третьяго Статута.

[3]) Приводимъ рѣчь Льва Сапѣги по возможности въ близкой къ подлиннику передачѣ, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями мѣстъ, менѣе интересныхъ.

своей выгодѣ, а не объ общемъ благѣ, то люди, недовольные ихъ господствомъ, назвали ихъ тиранами и пришли къ убѣжденію, что благо государства и его безопасность всецѣло зависятъ отъ существованія статута и писаныхъ законовъ [1]). Извѣстный греческій философъ, Аристотель, сказалъ: дикое животное господствуетъ тамъ, гдѣ человѣкъ управляетъ по своему усмотрѣнію; гдѣ же господствуетъ законъ или статутъ, тамъ управляетъ самъ Богъ. Причина этого заключается въ томъ, что законъ, по выраженію другого мудреца, есть истинный разумъ и стражъ человѣческаго ума, которымъ Господь Богъ одарилъ человѣческую природу для того, чтобы она всегда стремилась къ честному и береглась всего безчестнаго [2]). Но такъ какъ природа создала не всѣхъ одинаково способными подчиняться указаніямъ ума, а не животнымъ побужденіямъ [3]), то Господь Богъ и святой законъ Его наложили на такихъ дерзкихъ удило или мундштукъ, чтобы они за ихъ низкія дѣла получали надлежащее наказаніе, а честные—достойную награду. Въ этомъ заключается цѣль и конецъ всѣхъ законовъ; на этомъ зиждутся всѣ государства и королевства, и цѣлость ихъ сохраняется постольку, поскольку лихіе получаютъ надлежащее возмездіе, а добрые—награду. Это порицаютъ, конечно, тѣ, которые любятъ своеволіе и презираютъ разумъ. Они рады бы скинуть съ себя это удило и уничтожить всѣ законы...; имъ лучше жить подъ верховной властью короля (который можетъ быть снисходительнымъ и обращать вниманіе на лица), нежели положиться на небезопасную для нихъ невинность собственной жизни и найти счастье свое въ соблюденіи законовъ. Такъ думаютъ и всегда будутъ

---

[1]) Здѣсь можно признать отраженіе ученія Аристотеля и Ѳомы Аквинскаго, которые отличительной чертой правильнаго образа правленія отъ неправильнаго признавали заботу объ общемъ благѣ государства (истинныя, справедливыя правленія) въ противоположность заботѣ о собственномъ, личномъ благѣ властвующаго (несправедливыя правленія). Кромѣ того оба философа отдавали предпочтеніе власти закона передъ властью человѣка: правитель не долженъ дѣлать болѣе того, что разрѣшается и требуется закономъ. См. *Пилянкевича*, Исторія философіи права, стр. 41, 42, 68; *Чичерина*, Исторія политическихъ ученій, т. I, стр. 62, 65.

[2]) Здѣсь мы безъ труда узнаемъ „recta ratio“ Цицерона. Ср. ученіе стоиковъ, Цицерона и средневѣковой философіи—*Чичеринъ*, указ. соч. стр. 75—77; *Пилянкевичъ*, указ. соч. стр. 45—46, 51—52, 60, 63, 66.

[3]) Мудрый и безумецъ стоиковъ, добрый и злой Ѳомы Аквинскаго. См. *Чичерина*, указ. соч. стр. 76.

думать люди своевольные, которымъ не нравится гроза законовъ, противная ихъ безнравственному своеволію. Принимая во вниманіе все сказанное, найяснѣйшій милостивый господарь, мы считаемъ себя счастливымъ народомъ, такъ какъ Господь Богъ далъ намъ такихъ государей, какъ вы и ваши предки, которые не только не распространяли надъ нами своего верховенства по своему произволу и прихоти, но, напротивъ, сами дали намъ поводъ установить законы, этихъ высшихъ стражей всеобщей свободы, и сами согласились не расширять своей власти и своего верховенства за предѣлы, положенные законами...“

Въ такомъ же родѣ Сапѣга держалъ рѣчь и предъ сеймомъ: „Мудрые люди всѣхъ временъ понимали, что для честнаго человѣка ничего не можетъ быть дороже свободы, а рабство должно казаться столь отвратительнымъ, что въ борьбѣ противъ него онъ не долженъ щадить ни сокровищъ, ни самой жизни. Вотъ почему честные люди смѣло несутъ противъ врага имущество и жизнь, лишь бы не подпасть подъ его владычество и не лишиться свободы. Но не довольно было бы, если бы человѣкъ освободился отъ внѣшняго непріятеля, а не былъ бы свободенъ отъ врага домашняго и терпѣлъ бы отъ него неволю; на этотъ случай и изобрѣтенъ тотъ мундштукъ или удило для укрощенія всякаго преступника, чтобы онъ, боясь закона, воздерживался отъ всякаго насилія и излишествъ и не угнеталъ слабаго: законы установлены для того, чтобы сильный не все дѣлалъ, что ему вздумается. Мы невольники закона для того, говоритъ Цицеронъ, чтобы можно было пользоваться свободой. Для честнаго человѣка нѣтъ ничего болѣе дорогого, какъ если въ отечествѣ его возможно жить безопасно, не страшась, что кто-нибудь осмѣлится оскорбить его честь или посягнуть на его здоровье или имущество. И всѣмъ этимъ онъ обязанъ закону, благодаря которому онъ живетъ спокойно и можетъ не бояться никакого насилія, оскорбленія или поврежденія. Цѣль всѣхъ законовъ заключается въ томъ, чтобы каждый могъ сохранить свою честь, свое здоровье и имущество и ни въ чемъ не потерпѣть никакого ущерба...“ [1]).

Въ своихъ рѣчахъ Сапѣга выражаетъ основныя положенія современной ему философіи уголовнаго права.

---

[1]) „Legibus et imperia fundata rempublicam societatemque humanam stabilitatam esse, et privatorum opes contineri intelligamus“. См. манифестъ объ изданіи третьяго Статута—Трет. Ст. стр. I.

а) *Наказаніе установлено Богомъ.* Согласно съ ученіемъ церкви и воззрѣніями средневѣковой философіи воля Божія считается основнымъ источникомъ нравственнаго, разумнаго и справедливаго [1]). Первоначальный источникъ права заключается въ Богѣ и его святомъ законѣ [2]); но Богъ устанавливаетъ человѣческіе законы не непосредственно; Онъ только надѣляетъ человѣка разумной природой, стремящейся ко всему честному и избѣгающей всего безчестнаго. Такимъ образомъ непосредственный источникъ права, какъ учитъ Цицеронъ, слѣдуетъ искать во внутренней природѣ самого человѣка. Здѣсь сливаются божественное и человѣческое: человѣкъ самъ создаетъ свое право, но оно есть установленіе Бога и согласно съ его святымъ закономъ, поскольку является отраженіемъ и созданіемъ разумной человѣческой природы. Нарушеніе закона есть, слѣдовательно, не только нарушеніе воли человѣческой, но и воли Божіей; преступленіемъ „панъ Богъ бываетъ оображонъ“ и „побужается ку гневу на Речъ Посполитую“, преступникъ же „забываетъ боязнь Божую и повинность свою хрестияньскую“ [3]). Наказаніе необходимо, какъ искупленіе грѣха [4]), неизбѣжно, потому что выражаетъ волю разгнѣваннаго Бога, который желаетъ, чтобы одни „за ихъ низкія дѣла получали надлежащее возмездіе, а честные—достойную награду“. Соотвѣтственно этому—

б) *Наказаніе оправдывается съ точки зрѣнія божеской и человѣческой справедливости.* Всякій законъ имѣетъ въ виду охраненіе святой справедливости. „Княжатъ высокихъ маестатъ не такъ зъ звытежства валкъ есть ухваленъ, яко зъ уставенья справедливыхъ уставъ або правъ, которыми жъ посполитая рѣчь множиться и къ

---

[1]) *Пилянкевича*, указ. соч. стр. 71—74.

[2]) „Первообразомъ всякаго права, по понятію средневѣковой философіи, есть законъ Божій. Въ сердцѣ каждаго напечатлѣнъ естественный законъ, который представленъ уже самимъ Богомъ на каменныхъ доскахъ Моисея, какъ вѣчный памятникъ для человѣчества. Гражданскіе, человѣческіе законы потолику справедливы, поколику проистекаютъ изъ этого вѣчнаго закона“—Ib. стр. 60.

[3]) См. Трет. Ст. XI, 5, 14; XII, 1; XIV, 29, 30, 31 и др.

[4]) „Христіанство, говоритъ Пилянкевичъ, обративъ вниманіе на внутреннюю сторону преступленія, смотрѣло на него, какъ на возстаніе противъ воли Божіей и нарушеніе Божественныхъ заповѣдей. Поэтому и цѣль наказанія церковь поставляла главнымъ образомъ въ исправленіи и примиреніи преступника съ волею Бога“.—Ib. стр. 73; ср. Вт. Ст. XI, 16; Трет. Ст. XI, 7, 15 и др.

великой обфитности приходитъ“ [1]). На этомъ основаніи судья, примѣняя закономъ установленное наказаніе, „соблюдаетъ только святую правду и справедливость“ [2]); при отсутствіи закона судья будетъ предохраненъ отъ всякой ошибки, если рѣшитъ дѣло „водлугъ налепшого баченья своего, прихиляючыся чымъ ближей ку справедливости“, такъ какъ справедливость именно и является основаніемъ всякаго закона [3]). Законъ, по ученію Аристотеля, требуетъ добродѣтельныхъ поступковъ и возбраняетъ пороки, онъ желаетъ добраго и запрещаетъ злое, законъ установленъ „для покою посполитого“, „ку доброму Речи Посполитое“ [4]); кто живетъ сообразно съ закономъ, тотъ живетъ справедливо и добродѣтельно; напротивъ, кто дѣйствуетъ противъ законовъ, дѣйствуетъ противъ правды и поступаетъ несправедливо [5]) Наказаніе является для него заслуженнымъ возмездіемъ, той „нагородой и заплатой“, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ его „низкимъ дѣламъ“ („да пріиметъ кійждо, яже... содѣла, или блага, или зла“).

---

[1]) См. Ак. зап. Россіи т. II, стр. 90. Въ Бѣльскомъ привилеѣ 1564 года упоминается объ изданіи перваго Статута и говорится, что король „выдати и утвердити рачилъ ку справованью и захованью, то естъ справедливости светое, статутъ правъ и поступковъ Хрестіянскихъ, которая справедливость ачъ и предъ тымъ въ томъ панствѣ Великомъ Князствѣ Литовскомъ звычаемъ стародавнымъ была, вѣдже писмомъ не объяснена была а ни утвержона“. (Вт. Ст. стр. 5). Если Статутъ устанавливаетъ святую справедливость и законы, угодные Богу, то неудивительно въ „становеньи того статуту“ видѣть „побожную справу“. (Вт. Ст. стр. 8).

[2]) Напр. Вт. Ст. IV, 1, 4, 70; стр. 214; Трет. Ст. стр. XII; IV, 1, 8; IX, 1 и др. Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 212, 338 и др.

[3]) Напр. Трет. Ст. XI, 33. Ср. Перв. Ст. VII, 31: виновный въ укрывательствѣ разбойниковъ, злодѣевъ или выволанныхъ людей „не инако мает быти каран, толко яко каждый с тых злочинцов“, и это на томъ основаніи, что всѣ „*справедливым правомъ чинячы а призволяючи* одинаковою виною мают быти каранi“. Мотивомъ одного изъ постановленій уставы 1507 г. выставляется: „Бачачи..., ижъ коли ся на рокъ положеный, на мѣстцу назнаменованомъ (для сбора ополченія), не вси зберуть, половица земли прійдетъ, а половица не будетъ: *а естли бы тогды тыи мьли вси быти шыями караны, тогды бы было окрутенство; а естли бы два або три тежъ шыями караны, а иншыи иг караны, тогды бы была несправедливость.* Про то, для тоѣ причины, уставуемъ...“ Ак. зап. Рос., т. II, стр. 9.

[4]) *Пилянкевича*, указ. соч. стр. 36, 54; Вт. Ст. XIV, 3; Трет. Ст. III, 15; XIV, 4, 8 и др.

[5]) Ср. Трет. Ст. IV, 95: преступникъ—„противникъ справедливости божое“; Попр. Статут. стр. 210: преступникъ поступаетъ несправедливо.

в) *Наказаніе необходимо для охраны правопорядка, для цѣлости общества и государства и для утвержденія общей свободы.* „Человѣкъ находится подъ владычествомъ двоякаго закона: закона разума и закона животной природы". У злыхъ, какъ учитъ Ѳома Аквинскій, стремленіе къ добру заглушено страстями. Для нихъ необходимо внѣшнее принужденіе, необходима та узда, которую создаетъ наказаніе и страхъ кары. Гражданскій законъ ученіе блаженнаго Августина) существуетъ въ государствѣ, какъ орудіе противъ эгоизма. Если бы не существовало наказанія, злые люди не имѣли бы никакого побужденія къ соблюденію законовъ; каждому приходилось бы бояться за свою честь, жизнь и имущество; въ обществѣ господствовало бы своеволіе и произволъ сильнаго, а это все неминуемо привело бы къ погибели и самое государство. Поэтому, согласно съ ученіемъ Аристотеля, въ благоустроенномъ государствѣ первая забота должна состоять въ строгомъ охраненіи закона [1]); нарушеніе равенства и свободы, создаваемой закономъ, такъ же точно приводитъ государство къ разрушенію, какъ и установленіе несправедливыхъ законовъ, возбуждающихъ у однихъ зависть, у другихъ—страхъ и разжигающихъ общія страсти. Такимъ образомъ, государство не можетъ терпѣть преступныхъ людей [2]). Въ Литовскомъ Статутѣ внѣшнимъ выраженіемъ этого воззрѣнія являются частыя оговорки и указанія на то, что кара должна постигнуть преступника именно „для покою посполитого", „абы небезпечность не множилась", „абы злость своевольныхъ людей была повстягнена", „абы злость ся въ панствахъ нашихъ христіянъскихъ не множила" [3]).

Если наказаніе установлено самимъ Богомъ, если оно вызывается требованіями святой справедливости и необходимо для существованія общества и государства, то право наказанія является вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностью государства, карательная дѣятельность, какъ осуществленіе божественнаго и нравственнаго закона, составляетъ долгъ государства, отъ выполненія котораго оно не можетъ уклониться именно потому, что въ своей карательной дѣятельности оно является

---

[1]) См. *Чичерина*, указ. соч. стр. 70.

[2]) Напр. Трет. Ст. XII, 24; XIV, 35.

[3]) Напр. Трет. Ст. I, 25; IV, 32, 62, 105; XI, 14; XIV, 29, 30; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 212 и др.

простымъ исполнителемъ высшихъ велѣній. Таковы логическіе выводы, къ которымъ должны были бы привести всѣ отмѣченныя Сапѣгой положенія. Однакожъ ни одно изъ нихъ не получило полнаго практическаго примѣненія, и государство въ своей карательной дѣятельности не столько руководствовалось отвлеченными теоретическими положеніями, сколько сообразовалось съ дѣйствительными потребностями жизни и съ тѣми условіями, которыя были выработаны всей предшествующей исторіей. Между тѣмъ отъ прошлыхъ вѣковъ было унаслѣдовано одно основаніе карательнаго права, весьма существенное и имѣвшее большое практическое значеніе, хотя и не заслужившее еще или, лучше сказать, утратившее уже значительную долю своей теоретической убѣдительности и во многихъ отношеніяхъ противорѣчившее всѣмъ философскимъ воззрѣніямъ образованныхъ редакторовъ кодекса. Мы разумѣемъ оправданіе наказанія съ точки зрѣнія интересовъ потерпѣвшаго.

г) *Наказаніе преступника необходимо для удовлетворенія потерпѣвшаго*[1]). Основаніемъ наказанія является причиненная обида, кривда, шкода, отъ которой „никто въ невинности своей терпѣть не повиненъ“. Положеніе это имѣетъ громадное практическое значеніе и оказываетъ значительное вліяніе на общую юридическую конструкцію всего института наказанія. Конечно, главная роль принадлежитъ ему въ системѣ композицій; но вліяніе его нечуждо и наказаніямъ публично-уголовнымъ, на примѣненіи которыхъ, какъ увидимъ ниже, еще ярко сказывается общій договорный характеръ отношеній, создаваемыхъ преступленіемъ между „укривжонымъ“ и его „шкодникомъ“. Въ своихъ рѣчахъ Сапѣга умолчалъ о необходимости наказанія съ точки зрѣнія интересовъ потерпѣвшаго. Однако при составленіи кодекса въ отдѣльныхъ случаяхъ для объясненія и оправданія ихъ наказуемости нельзя было сослаться ни на одно изъ основаній, признаваемыхъ образованными редакторами. Выходило, что въ такихъ случаяхъ наказаніе примѣняется независимо отъ велѣній Бога или отъ требованій святой справедливости и общественной охраны. Эти случаи не могли

---

[1]) Мы уже неоднократно касались вопроса о значеніи преступленія, какъ кривды, и наказанія, какъ средства загладить причиненную кривду. Кромѣ того объ этомъ же будетъ еще рѣчь ниже, когда перейдемъ къ вопросамъ о цѣляхъ и примѣненіи наказанія. Поэтому, во избѣжаніе повтореній, ограничимся теперь только нѣсколькими краткими замѣчаніями.

не остановить на себѣ вниманія просвѣщенныхъ редакторовъ Статута, которые нашли для нихъ—и вполнѣ справедливо—только одно объясненіе и одно оправданіе, что̀ и выразили въ приведенной выше классической фразѣ „никто не отъ кого въ невинности своей терпѣть не повиненъ“ [1]). Съ наиболѣе типическими примѣрами этого рода мы имѣли уже возможность познакомиться выше [2]).

Какіе выводы можно сдѣлать изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ разнообразныхъ основаній карательнаго права?—*Во-первыхъ*, каждое изъ нихъ приводитъ къ своимъ особеннымъ и иногда противорѣчивымъ послѣдствіямъ: если наказаніе требуется Богомъ, то государство обязано выполнить это требованіе безпрекословно—нѣтъ мѣста ни для помилованія, ни для давности, „злодѣй долженъ быть казненъ, хотя бы затѣмъ все общество распалось: fiat justitia, pereat mundus“ [3]); если наказаніе необходимо для охраны общества и государства, то государство имѣетъ право (но не обязано) примѣнять его во всѣхъ случаяхъ нарушенія законовъ, когда нарушеніе это является дѣйствительно опаснымъ и требуетъ наказанія, которое оправдывается здѣсь соображеніями общественной пользы [4]); если наказаніе необходимо для удовлетворенія потерпѣвшаго, то государство отступаетъ на второй планъ и получаетъ роль помощника, который содѣйствуетъ потерпѣвшему въ полученіи желаемаго удовлетворенія. Такимъ образомъ, *во-вторыхъ*, смѣшеніе въ уголовномъ правѣ Статута воззрѣній различныхъ эпохъ [5]) отражается также и на философіи права, въ которой мы не находимъ принциповъ, цѣльныхъ и вполнѣ законченныхъ въ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ. Препятствіемъ для выработки такихъ принциповъ является не только общее переходное состояніе уголовнаго права эпохи, но также и общій характеръ философіи.

---

[1]) Напр. Трет. Ст. XI, 22, 23, 24.

[2]) См. выше стр. 22 и сл.

[3]) *Таганцева*, Лекціи, вып. III, стр. 1205. Въ Литовскомъ Статутѣ (равно какъ и въ судебныхъ актахъ) нигдѣ не упоминается объ обязанности государства всегда и безусловно во всѣхъ случаяхъ преслѣдовать и наказывать преступниковъ. Говорится только объ обязанности короля „z powinności naszey chrześciańskiey postrzegać, iako by nikomu nad prawo niiakie ukrzywdzenie y szkoda nie działa“. См., напр., Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 151; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 204 и др.

[4]) *Таганцева*, ib. стр. 1208 и сл.

[5]) Съ этимъ смѣшеніемъ мы уже познакомились выше (стр. 28 и сл).

Совершенно понятно: стеченіе разнородныхъ элементовъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатывались воззрѣнія законодателя, а также необходимость компромиссовъ—все это неизбѣжно должно было отразиться на цѣльности философской системы; эклектизмъ и компромиссы всегда производятъ нѣкоторую спутанность понятій.

II. Задачи карательной дѣятельности.

При всемъ разнообразіи задачъ, которыя могутъ преслѣдоваться при опредѣленіи и примѣненіи наказанія, каждая эпоха имѣетъ свои особенныя цѣли, передъ которыми отступаютъ на второй планъ всѣ остальныя второстепенныя. Съ другой стороны, не въ каждомъ наказаніи достигаются всѣ или нѣсколько цѣлей, поставленныхъ законодателемъ: въ однихъ случаяхъ преслѣдуются главнымъ образомъ однѣ цѣли, въ другихъ—другія. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія задачъ карательной дѣятельности, характеръ эпохи опредѣляется не столько всей совокупностью разнообразныхъ цѣлей наказанія, сколько тѣми именно изъ нихъ, которыя признаются главными и господствующими, являются основными задачами карательной дѣятельности [1]).

Въ эпоху Л. Статута господствующее положеніе занимаютъ цѣли публичнаго возмездія и устрашенія [2])—съ одной стороны, и цѣли частнаго возмездія и удовлетворенія [3])—съ другой. Возлѣ этихъ основныхъ цѣлей группируются другія второстепенныя. Задачи публичнаго возмездія и частнаго удовлетворенія невсегда примиримы между собой. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ въ одномъ актѣ карательной дѣятельности возможно соединеніе частнаго и публичнаго возмездія безо

---

[1]) Ср. *Филиппова*, О наказаніи по законодательству Петра В., стр. 131.

[2]) Напр. Вт. Ст. XI, 16; Попр. Ст. стр. 216; Трет. Ст. стр. VI, X; I, 6, 10; II, 7; III, 22; IV, 105; XI, 6, 7, 9, 16, 17; XIV, 7, 10, 26, 27, 31; Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2040, листъ 118 на об.; Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 338, 365, 411; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 113, 115, 116, 200; Ак. зап. Россіи, т. II, стр. 9 и мн. др.

[3]) Напр. Перв. Ст. III, 12; VII, 6, 7, 25; XIII, 5, 10, 14, 22; Вт. Ст. III, 23; IV, 31, 67; XI, 11, 20, 27, 28; XIV, 11; Трет. Ст. I, 34; III, 28; IV, 11, 25, 32, 35, 55; IX, 6; X, 15; XI, 12, 22, 23, 24, 40, 45, 50, 52; XII, 7; XIV, 29; Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2035, листъ 78; кн. 2036, листъ 28, 177; кн. 2038, листъ 140 на об.; кн. 2040, листъ 394 на об.; Ак. Вил. Ком., т. VIII, № 176; Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 126, 252, 269, 293, 306, 320, 334, 338, 342, 350, 352, 365, 372, 392, 411, 429, 430, 473, 474; т. XVII, стр. 280 и множество другихъ артикуловъ кодекса и судебн. актовъ.

всякаго противорѣчія между ними: субъективное отношеніе потерпѣвшаго къ наказанію сообщитъ ему характеръ мести (частной отплаты и удовлетворенія) [1]). Но въ большинствѣ случаевъ такое соединеніе весьма затруднительно или даже и совсѣмъ невозможно. Такимъ образомъ, между задачами частнаго и публичнаго интереса происходитъ столкновеніе: въ однихъ случаяхъ побѣда остается за первыми, въ другихъ—за послѣдними. Руководящая роль въ этой борьбѣ принадлежитъ степени публичнаго (общественнаго) значенія „выступка". Поэтому, говоря о задачахъ карательной дѣятельности, мы всегда должны имѣть въ виду различіе публичныхъ преступленій (государственныхъ, противъ порядка управленія, противъ уставы объ оборонѣ земской, противъ религіи и нравственности и под.) отъ преступленій частныхъ [2]), а также различіе между отдѣльными редакціями Статута, обусловленное общимъ развитіемъ уголовнаго права и его основныхъ понятій [3]): вмѣстѣ съ тѣмъ какъ развивается въ обществѣ сознаніе преступленія, какъ *зла общественнаго*, и измѣняется представленіе о преступникѣ, какъ о *вмѣняемомъ* субъектѣ преступленія—развивается и идея наказанія [4]).

При господствѣ частноправнаго взгляда на преступленіе наказаніе носитъ всѣ черты частнаго удовлетворенія потерпѣвшаго за вредъ и обиду, нанесенную преступленіемъ, является замѣной мести первобытнаго человѣка. Но по мѣрѣ того какъ выясняется общественное значеніе всякаго преступленія, наказаніе все болѣе и болѣе проникается задачами публично-уголовнаго возмездія и обезпеченія общества отъ вредныхъ людей и вредныхъ дѣйствій.

Эпоха Статутовъ есть время развитія публично-уголовныхъ и устрашающихъ наказаній [5]). Въ самихъ Статутахъ и при ихъ посред-

---

[1]) Даже и въ современномъ правѣ „es darf nicht vergessen werden, dass auch die Strafe dem Verletzten Genugthuung gewährt". *Liszt*, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, стр. 250–251.

[2]) Объ этомъ различіи и вытекающихъ отсюда послѣдствіяхъ мы уже имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ (выше стр. 31 и сл.).

[3]) См. выше стр. 6 и сл.

[4]) Здѣсь мы укажемъ основные моменты въ развитіи идеи наказанія по возможности кратко, конспективно; подробности и ссылки на памятники читатель найдетъ ниже.

[5]) Если не ошибаемся, цѣль устрашенія вполнѣ опредѣленно была провозглашена свѣтскимъ законодательствомъ въ первый разъ въ 1522 году, именно въ эдиктѣ Сигизмунда

ствѣ литовско-русское уголовное право вступаетъ въ новый періодъ своего развитія: ими заканчивается періодъ господства системы денежныхъ пеней (расплатъ, композицій) и начинается періодъ устрашающихъ каръ. Съ этой точки зрѣнія эпоха Статутовъ есть эпоха въ высшей степени интересная и поучительная: ни въ чемъ такъ ярко не сказывается переходной характеръ эпохи и постепенная смѣна однихъ понятій другими, какъ въ развитіи понятія наказанія.

Въ первомъ Статутѣ наказаніе является еще средствомъ для удовлетворенія потерпѣвшаго и только отчасти имѣетъ значеніе возмездія за совершенное зло и извѣстнаго воздѣйствія на волю преступника; цѣль устрашенія почти совершенно отсутствуетъ. Соотвѣтственно этому господствующей формой наказанія являются наказанія имущественныя, обыкновенно извѣстныя пени въ пользу потерпѣвшаго и, отчасти, въ пользу общественной власти [1]).

Во второмъ Статутѣ характеръ наказанія нѣсколько измѣняется. Появляется и практически выдвигается цѣль устрашенія. Она обнаруживается еще, впрочемъ, не столько въ откровенномъ признаніи ея законодателемъ одною изъ цѣлей наказанія, сколько въ замѣтномъ измѣненіи качествъ наказанія: усиливается жестокость казней; появляются новые виды квалифицированныхъ наказаній, поражающихъ личность преступника; власть государственная если еще и не рѣшается замѣнять имущественныя взысканія, идущія въ пользу потерпѣвшаго, наказаніями, направленными противъ личности преступника, то во всякомъ случаѣ уже рѣшительно склоняется на сторону подобной замѣны въ той части наказанія, которая выражалась раньше въ видѣ опредѣленной денежной пени, выплачиваемой въ пользу короля;—вина прежняго времени почти во всѣхъ случаяхъ замѣнена тюремнымъ заключеніемъ [2]). Тѣмъ не менѣе господствующая форма наказанія

объ изданіи Статута, гдѣ одной изъ задачъ писанаго права выставлено: „чтобы страхомъ писанаго закона сохранить общественное спокойствіе и обуздать порочныхъ“. Замѣтное вліяніе на законодательство цѣль эта стала оказывать только во второй половинѣ столѣтія. См. *Чарнецкаго*, Исторія Литовскаго Статута, Кіев. Унив. Изв. 1867 г., № 10, стр. 8—9.

[1]) Въ первомъ Статутѣ изъ числа всѣхъ наказуемыхъ случаевъ большинство влечетъ за собой штрафы въ пользу потерпѣвшаго; гораздо рѣже упоминается о штрафахъ, поступающихъ въ пользу короля или вряда, и еще рѣже о наказаніяхъ личныхъ.

[2]) Напр. ср. Перв. Ст. I, 26; VII, 1, 2, 9, 29 и др. Вт. Ст. I, 30; XI, 1, 2, 3, 13, 26, 27 и др.

остается прежняя: виновный вознаграждаетъ потерпѣвшаго за вредъ и обиду, нанесенную преступленіемъ.

Только къ концу столѣтія мы встрѣчаемъ довольно полное сознаніе преступленія, какъ зла общественнаго, и наказанія, какъ публично-уголовнаго и устрашающаго возмездія за это зло. Выдвигаются извѣстные принципы: „око за око, зубъ за зубъ, чтобы и другимъ не повадно было такъ дѣлать“. Соотвѣтственно этому въ третьемъ Статутѣ вполнѣ измѣняется значеніе различныхъ цѣлей наказанія: то, что занимало раньше господствующее положеніе и являлось главной цѣлью наказанія, отступаетъ теперь на второй планъ; напротивъ, то, что занимало положеніе второстепенное или даже почти совсѣмъ не играло никакой роли (какъ устрашеніе въ первомъ Статутѣ), получаетъ значеніе первостепенное и господствующее; интересы потерпѣвшаго начинаютъ уступать интересамъ общимъ, государственнымъ; цѣль удовлетворенія „укривжонаго“ отодвигается на второй планъ (въ принципѣ по крайней мѣрѣ); господствуетъ цѣль возмездія и устрашенія. Конечно, господство это, какъ мы видѣли [1]), еще далеко не полное и не совершенное; но, повторяемъ, какъ бы ни относилось юное общество къ преступленію и наказанію, во всякомъ случаѣ оно не можетъ и не станетъ относиться безразлично къ огражденію интереса частнаго, правъ и требованій пострадавшихъ отъ преступленія лицъ, во имя охраны соціальнаго порядка, во имя защиты не столь непосредственнаго интереса государства, нарушаемаго преступникомъ и преступленіемъ. Теоретическіе взгляды законодателя на практикѣ, въ приложеніи къ отдѣльнымъ случаямъ, должны необходимо подвергнуться и подвергаются извѣстнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ требованій жизни и традицій прошлаго времени, сущность которыхъ выражается въ классической фразѣ: „ни хто ни отъ кого в невинъности своей терпеть не повиненъ“.

Такимъ образомъ мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если скажемъ, что *въ теченіе первой половины XVI вѣка господствующей цѣлью наказанія является стремленіе удовлетворить потерпѣвшаго за причиненную ему кривду и отомстить его обидчику; напротивъ, во второй половинѣ (особенно къ концу) столѣтія на первый планъ*

---

[1]) См. выше стр. 18 и сл.

выдвигаются (главнымъ образомъ въ теоріи и только отчасти на практикѣ) задачи публичнаго возмездія и устрашенія.

Опредѣливъ характеръ изучаемой эпохи съ точки зрѣнія содержанія карательной дѣятельности, переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ ея задачъ, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ.

А. Главныя цѣли наказанія.

1. Наказаніе доставляетъ пострадавшему удовлетвореніе и заглаживаетъ причиненную кривду. Наказаніе служитъ для потерпѣвшаго „нагородой", но отличіе этой „нагороды" отъ вознагражденія за вредъ и убытки отъ преступленія заключается въ ея нематеріальныхъ основаніяхъ, которыя не поддаются оцѣнкѣ; это есть „нагорода кривды и жаля" потерпѣвшаго, а не его „шкодъ", которыя подлежатъ особому возмѣщенію[1]). На этомъ основаніи потерпѣвшій въ своей жалобѣ говоритъ обыкновенно не о кривдѣ или шкодѣ въ отдѣльности, но о томъ и другомъ вмѣстѣ: „абы мне поворочалъ, што в мене побрал, а шкоды и жал мои мне нагородил"[2]).

Удовлетвореніе потерпѣвшаго за причиненную ему кривду является основной цѣлью наказанія съ древнѣйшихъ временъ и имѣетъ значеніе въ теченіе весьма продолжительнаго періода: можно сказать, что вся система композицій основана именно на задачахъ частнаго удовлетворенія. Месть прежняго времени замѣняется денежнымъ выкупомъ; но рукой мстителя руководитъ страсть, слѣдовательно, и выкупъ не можетъ ограничиться простымъ вознагражденіемъ за вредъ и убытки, онъ долженъ удовлетворить страсти: виновникъ уплатитъ потерпѣвшему не только шкоды, но сверхъ того частный штрафъ, успокаивающій его раздраженіе и его желаніе мести[3]). Но даже и при переходѣ

---

[1]) См. выше стр. 49 и сл.

[2]) Ак. Кіев. Центр. Архива кн. 2035, № 7, листъ 78.

[3]) Что такова именно основная задача наказанія въ древнемъ правѣ, относительно этого мы находимъ полное единогласіе у самыхъ разнообразныхъ ученыхъ. См., напр., *Du-Boys,* Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр. 140; *Jhering,* Das Schuldmoment, стр. 17—18; *Loiseleur,* Les crimes et les peines, стр. 2; *Wilda,* Das Strafrecht der Germanen, стр. 441; *Maciejowsky,* Historya, т. V, стр. 426; *Сергѣевскій,* Наказаніе въ рус. правѣ XVII в., стр. 21; *Сергѣевичъ,* Лекціи по исторіи рус. права, стр. 513—514; *Фойницкій,* Ученіе о наказаніи, стр. 78; *Деппъ,* О наказаніяхъ, существовавшихъ въ

къ публично-уголовнымъ наказаніямъ задачи частнаго удовлетворенія долго еще сохраняютъ извѣстную долю своего первоначальнаго значенія. Вслѣдствіе этого карательная система пріобрѣтаетъ множество весьма характерныхъ чертъ [1]).

а) Во всѣхъ случаяхъ, когда преступленіемъ затрогиваются частные интересы, когда есть потерпѣвшій-укривжоный, преступникъ обязанъ уплатить въ его пользу опредѣленный штрафъ; очень часто только этимъ штрафомъ и ограничиваются всѣ карательныя послѣдствія преступленія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда кромѣ того, въ виду общественнаго значенія „выступка“, преступникъ принужденъ также уплатить опредѣленный штрафъ въ пользу общественной власти или же подлежитъ опредѣленному личному наказанію, публичныя задачи карательной дѣятельности могутъ быть достигнуты не иначе, какъ послѣ удовлетворенія потерпѣвшаго или при отказѣ съ его стороны отъ этого удовлетворенія. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ случаѣ наѣзда „кгвалтъ мает быти плачонъ господару домовому, а штобы того именя было звышъ зостало, то у вине господарской“; очевидно, если „звышъ“ ничего не останется, не уплатится и вина, но только штрафъ въ пользу потерпѣвшаго [2]). Когда совершено преступленіе и пойманъ преступникъ, взысканіе обращается на его имущество. Но „естли бы именье за тую суму нестояло—ино за шию его выдати“ [3]),

---

Россіи до царя Ал. Мих., стр. 44. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что самый характеръ частнаго удовлетворенія и до настоящаго времени остается еще невполнѣ уясненнымъ и различными учеными понимается различно. Послѣ того, что было сказано нами въ первой главѣ объ отношеніяхъ караній къ вознагражденію за вредъ и убытки отъ преступленія думаемъ, нетрудно понять всю ошибочность тѣхъ мнѣній, которыя видятъ въ частномъ штрафѣ удовлетвореніе потерпѣвшаго за обиду и шкоду или даже только за одну послѣднюю.

[1]) Ограничимся указаніемъ наиболѣе существенныхъ: въ другихъ мѣстахъ мы уже неоднократно касались различныхъ сторонъ своеобразныхъ отношеній, создаваемыхъ преступленіемъ между „укривжонымъ“ и его „шкодникомъ“.

[2]) См. Перв. Ст. VII, 1. Ср. Вт. Ст. XI, 1 и Трет. Ст. XI, 1, гдѣ не находимъ этой оговорки. Въ одномъ случаѣ и древнее право Германцевъ также упоминаетъ о подобномъ столкновеніи интересовъ потерпѣвшаго и короля, но даетъ этому нѣсколько иное разрѣшеніе: „Que si les biens du meurtrier ne peuvent pas suffire à la fois pour l'amende du roi et pour celle de l'héritier, toutes les deux sont diminuées proportionnellement, suivant la valeur du bien“. См. *Du-Boys*, указ. соч., т. I, стр. 164.

[3]) Напр. Перв. Ст. V, 9; VI, 15; VIII, 19; Вт. Ст. VI, 12; VII, 10; XII, 7; XIV, 8, 10; Трет. Ст. XII, 11 и др.

при чемъ выдача въ кабалу (а по первому Статуту и въ неволю) [1]) допускается не только при болѣе легкихъ проступкахъ, но и въ случаяхъ самыхъ тяжкихъ преступленій—злодѣйства, разбоя, убійства и под. [2]). Если преступникъ примирился съ потерпѣвшимъ или откупился отъ наказанія [3]), или если потерпѣвшій простилъ его и заявилъ о своемъ удовлетвореніи,—законодатель въ большинствѣ случаевъ не заботится о наказаніи „злочинцы“ такъ же, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе почему-нибудь можно обратить на третье лицо: послѣднее вознаградитъ потерпѣвшаго, а „собе маеть винного искати“ [4]).

б) Удовлетвореніе потерпѣвшаго имѣется въ виду не только при назначеніи въ его пользу опредѣленнаго штрафа, но отчасти также и при другихъ наказаніяхъ (личныхъ). Подобно тому какъ прежде мститель удовлетворялъ свое раздраженіе, убивая своего обидчика, такъ и теперь во многихъ случаяхъ казнь преступника назначается не только „за вину господарскую“, но и „место навязки, за навезку“ [5]). Внѣшнимъ выраженіемъ этого является выдача осужденнаго преступника потерпѣвшему на казнь, „чтобы онъ его вбилъ“, т. е. позднѣйшая форма мести, сохранившаяся въ теченіе всего XVI столѣтія [6]). Кромѣ того, какъ мы знаемъ, истецъ можетъ по желанію требовать только части наказанія: судъ назначаетъ преступнику наказаніе, но не болѣе того, чего требуетъ истецъ [7]). Въ дополненіе къ извѣстнымъ уже намъ случаямъ этого рода можно прибавить еще слѣдующій. По жалобѣ архимандрита Слуцкаго разсматривалось дѣло о гвалтовномъ наѣздѣ, совершенномъ настоятелемъ Кіево-Печерскаго монастыря и нѣсколькими иноками. „Пленипотентъ“ истца, заканчивая свою обви-

---

[1]) Ср. Перв. Ст. XI, 7, 13; Вт. Ст. XII, 7, 13; Трет. Ст. XII, 11, 21.

[2]) Напр. Перв. Ст. XI, 13; XIII, 25; Вт. Ст. XI, 33; XIV, 10; Трет. Ст. XI, 56; XIV, 13 и др. Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2036, листъ 177 (разбойникъ „выданъ у шкодахъ“).

[3]) „Das Wehrgeld des Thäters als Löse des Halses“—ср. *Schröder*, Lehrbuch, стр. 333, 338.

[4]) См. выше о заступничествѣ, стр. 127 и сл.

[5]) Ср. напр. Трет. Ст. IV, 11 и др. и Перв. Ст. XIII, 10; Вт. Ст. XIV, 11; Трет. Ст. XIV, 3, 14 и др.

[6]) Напр. Перв. Ст. XI, 13; XIII, 25; Вт. Ст. XIV, 10; Трет. Ст. XIV, 13; ср. Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2038, листъ 140 на об. (за нанесеніе ранъ преступникъ выданъ потерпѣвшему „горломъ“); Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 727, стр. 280 (выдача убійцы).

[7]) См. выше стр. 45. Кромѣ того Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 293, 342, 473, 474 и др.

пительную рѣчь, заявилъ: хотя ихъ милость отцы монахи Печерскіе по закону и должны были бы за свой выступокъ подвергнуться наказанію „пенами дальшими правными“, однако истецъ добровольно отказывается отъ этихъ „пенъ“ и требуетъ только вознагражденія за шкоды и выволанія за совершенную во время наѣзда „отповѣдь и похвалку“. Выслушавъ обвиненіе, судъ постановилъ: хотя за тотъ гвалтовный наѣздъ виновные и должны были бы по закону „сужоны быть криминалитеръ“, однако такъ какъ самъ истецъ, отецъ архимандритъ Слуцкій, не требуетъ ихъ смертной казни, то и мы присуждаемъ виновныхъ только къ тому, чего требуетъ истецъ [1]). Приведенный примѣръ далеко не исключительный и не единичный. Очевидно, обычная формула судебнаго приговора [2]) вовсе не была пустымъ звукомъ: судъ, дѣйствительно, назначалъ штрафы, а отчасти даже и личныя наказанія для преступника въ интересахъ потерпѣвшаго [3]).

в) Денежные штрафы въ пользу потерпѣвшаго, а тѣмъ болѣе личныя наказанія преступника не доставляютъ обиженному прямого и непосредственнаго удовлетворенія: такое удовлетвореніе достигается только признаніемъ виновнымъ собственной неправоты и испрошеніемъ прощенія. Соотвѣтственно этому въ нѣкоторыхъ случаяхъ [4]) на виновнаго налагается обязанность (или онъ самъ добровольно соглашается при примиреніи) [5]) публично заявить о своей неправотѣ и испросить у обиженнаго прощенія своей вины и своего выступка. Литовскій

---

[1]) Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 269. Ср. Трет. Ст. XI, 1 и 2.

[2]) См. выше стр. 43. Кромѣ того см. Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 252, 306, 320, 334, 338, 350, 352, 365, 372, 392, 411, 429 и др.

[3]) Любопытнѣе всего, что даже при нѣкоторыхъ чисто публичныхъ преступленіяхъ интересъ потерпѣвшаго (или вообще частнаго лица) выдвигается на первый планъ, и всѣ уголовныя послѣдствія ограничиваются частными штрафами (напр. Трет. Ст. I, 34; IV, 32; IX, 6 и др.).

[4]) Впрочемъ, довольно рѣдко.

[5]) Напр., въ одномъ изъ актовъ Кіевскаго Центральнаго Архива читаемъ: „Яко панъ Олекшин Миколаевичъ, так панъ Еско Матвѣевичъ Ясенницкии сознали и оповедали тими словы, иж которыи колвекъ заишстья и розницы мели есмо межи собою..., втомся есмо перед паны а приятелми своими погодили... и на томъ есмо межи себе постановили...: панъ Еско Ясенницкии зажаданемъ его самого (пана Олекшія) и зацныхъ людей кгвалт пану Олекшому отпустил, нижли затого вбитого чоловѣка... панъ Олекшин маеть, вдом пана Еска Ясенницкого приехавши, за головщину забои и заранъ слугъ и подданныхъ его *просити и за тое все досыт учинити*“ (Кн. 2040, листъ 394 на об.).

Статутъ говоритъ о такомъ наказаніи только въ одномъ случаѣ: оскорбившій шляхтича, назвавши его „неучъстивое матъки сыномъ“, обязуется, кромѣ уплаты совитой навязки, „с права не отходечи, такъ очистити и тыми словы одъмовити: што есьми менилъ на тебе, же бы ты былъ неучъстивое матъки и не чистого ложа сынъ, томъ на тебе брехалъ, яко песъ“ [1]). Въ судебной практикѣ такіе случаи встрѣчались чаще, при чемъ сопровождались иногда весьма любопытными обрядами. Такъ напримѣръ, въ одномъ случаѣ шляхтичъ оскорбилъ судей Трибунала, назвавши ихъ взяточниками. По приговору суда виновный долженъ былъ ползкомъ подлѣзть подъ судейскую скамейку и оттуда публично, въ видѣ извиненія, заявить, что все сказанное имъ было ложью. Рѣчь свою изъ-подъ скамейки обвиненный долженъ былъ заключить фразой: я солгалъ какъ песъ, и въ доказательство справедливости этихъ словъ, трижды пролаять по собачьи [2]). Въ другомъ случаѣ виновный въ подлогѣ трибунальскаго декрета былъ присужденъ къ публичному заявленію о своемъ „фальшѣ и зломъ учинкѣ“; заявленіе это онъ долженъ былъ сдѣлать въ костелѣ послѣ окончанія богослуженія и передъ гродскимъ врядомъ; послѣдній же, выслушавъ виновнаго, записалъ въ книги „тотъ фальшъ его, который онъ учинилъ подъ паномъ своимъ, кромъ воли и розсказанья его милости (своего) пана“ [3]).

2. На преступника и на сторонних лицъ наказаніе должно дѣйствовать устрашающимъ образомъ. Право есть узда или мундштукъ для людей своевольныхъ и злыхъ. Сила этого моральнаго мундштука заключается въ томъ, чтобы его боялись, чтобы всаднику не было необходимости пользоваться этимъ мундштукомъ при управленіи своею лошадью. Животнымъ инстинктамъ преступника противополагается ужасъ преслѣдованія и наказанія [4]).

Таковы теоретическія основанія и оправданія устрашительнаго элемента, выраженныя въ предисловіи къ Л. Статуту. Соотвѣтственно этому наказаніе получаетъ значеніе жестокой угрозы, которая при своемъ осуществленіи устрашаетъ виновника, его современниковъ и даже будущія поколѣнія.

---

[1]) Перв. Ст. III, 12; Вт. Ст. III, 23; Трет. Ст. III, 28.

[2]) Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. XL—XLI, 126.

[3]) Ак. Вил. Ком., т. VIII, № 176.

[4]) Трет. Ст. стр. V—VI, X; см. также выше стр. 167.

а) Наказаніе есть жестокая угроза, есть та „гроза правъ“, которая „немила своевольнымъ людямъ“ [1]). Первый Статутъ нигдѣ и ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ устрашительномъ значеніи уголовной санкціи закона, хотя, безспорно, въ отдѣльныхъ случаяхъ элементъ угрозы звучитъ въ немъ довольно опредѣленно и ясно: „хочемъ теж и приказуем грозно, абы“... [2]). Болѣе опредѣленную угрозу можно найти въ отдѣльныхъ юридическихъ памятникахъ, современныхъ первому Статуту: „приказуемъ, абы не смѣли (дѣлать этого) подъ срокгимъ караньемъ, подъ окрутнымъ а не литостивымъ караньемъ, подъ грознымъ караньемъ“, [3]) „мы вже безъ кождого милосердья ихъ за таковое своволенство и недбалость кажемъ карати не такъ малою виною, яко тепере, але што нагоршимъ окрутнымъ караньемъ, чого они яко жыво надъ собою не мѣли“ [4]). Во второй половинѣ столѣтія, главнымъ образомъ со времени изданія третьяго Статута, представленіе о жестокой „срокгости“ закона становится неотдѣлимымъ отъ самаго понятія о законѣ: „посполитое право“ считается необходимо „правомъ срокгимъ“; „срокгость посполитого права“ дѣлается ходячей фразой въ устахъ законодателя и въ устахъ судьи, въ артикулахъ кодекса и въ судебныхъ актахъ [5]).

б) Угроза закона направлена на то, чтобы устрашить преступника и сторонних лицъ. На этомъ основаніи наказаніе, физически и морально мучительное для преступника [6]), совершается публично, нерѣдко въ мѣстахъ наибольшаго скопленія народа (напримѣръ на рынкѣ) [7]), и сопровождается нерѣдко публичнымъ „обволаніемъ“ совершеннаго преступленія. Такимъ образомъ за отцеубійство (матереубійство) предписывается передъ смертной казнью, виновнаго „по рынку возечы, клещами тѣло его торгати“ [8]); простого человѣка за приганеніе

---

[1]) Трет. Ст. стр. VI.

[2]) Перв. Ст. II, 2. Припомнимъ слова эдикта 1522 года—см. выше стр. 171 прим. 5.

[3]) Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 113, 115 и др.

[4]) Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 116, № 109—грамота 1542 года.

[5]) Вт. Ст. стр. 210; Трет. Ст. I, 10; II, 7; XI, 9, 17; Акты Кіев. Центр. Ар., кн. 2040, листъ 118; Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 338, 365, 411 и мн. др.

[6]) О жестокости казней Литовскаго Статута см. ниже—общія свойства наказанія.

[7]) Въ 1576 году упоминается о казни хоружаго „посередь всего войска, абы ся иншіи съ того карали“—Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 200.

[8]) Вт. Ст. XI, 16; Трет. Ст. XI, 6, 7. Targać—дергать, рвать.

шляхтича „врядъ маеть розказати кату вести до пренкгира и тамъ его дубцы бити и потомъ высветчити, а ведучи его отъ вряду до каранья и высветъчиваючи з места, маеть казати обволати, же се такими словы на шляхътича торъгнулъ“ [1]); за убійство, совершенное „здрадливымъ потаемънымъ обычаемъ“, шляхтичъ—„маеть быти каранъ срокгою смерътью четверътованьемъ або на паль битьемъ“, простой человѣкъ—„розными срокгими муками з сего света зъглажонъ будеть“ [2]). Мало того: жестокая публичная казнь можетъ устрашить преступника и сторонних лицъ, видѣвшихъ или слыхавшихъ о казни; но устрашительное вліяніе наказанія желательно распространить и на будущія поколѣнія. На этомъ основаніи конфискованное недвижимое имущество измѣнника „мы господаръ николи никому отъдавати не маемъ, абы ся на вси потомные часы здрада такового выступного показывала“ [3]).

3. Наказаніе необходимо для предупрежденія преступленій. Эта задача карательной дѣятельности находится въ самой тѣсной связи съ устрашительнымъ элементомъ уголовныхъ взысканій: наказаніе должно устрашать для того, чтобы отбить охоту совершать преступленія; устрашеніе служитъ средствомъ предупрежденія преступныхъ дѣяній. Но, кромѣ устрашенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказанію сообщаются и другія черты, непосредственно обусловливаемыя задачами предупрежденія преступленій.

а) Преступныя дѣянія предупреждаются угрозой наказанія [4]), которое устрашаетъ своевольныхъ и злыхъ людей и служитъ для нихъ лишнимъ мотивомъ, побуждающимъ соблюдать законы. Наказаніе есть „тотъ монъштукъ або удило“, которое „на погамованье кожъдого зуфальцу есть вынайдено, абы се боячы права отъ кожъдого кгвалъту и збытку погамовалъ, а надъ слабшимъ и худшимъ не паствилъ се и утискати его не могъ“ [5]). На этомъ основаніи законодатель всякій разъ, когда угрожаетъ наказаніемъ, именно имѣетъ въ виду „завъстегненье своволенства людъского“, „абы до злого нихто никому не

---

[1]) Трет. Ст. III, 22; XIV, 7, 10, 26 и др. Пренкгиръ, пол. Pręgierz, нѣм. Pranger—позорный столбъ.

[2]) Трет. Ст. XI, 17.

[3]) Трет. Ст. I, 6.

[4]) Напр., Перв. Ст. II, 2, 7, 11; Вт. Ст. I, 21; II, 7, 13; IV, 64; X, 6; XI, 11, 17; стр 206; Трет. Ст. I, 25; II, 13; IV, 32, 53, 89, 105; XI, 8, 14, 38, 59; XIV, 29, 30 и мн. др.

[5]) Трет. Ст. стр. X.

помогалъ“ и „абы злость ся въ панствахъ нашихъ християнъскихъ не множила“ [1]). Особенно рельефно выступаетъ предупредительный характеръ угрозы въ нѣкоторыхъ случаяхъ „заклада“: угрозѣ „отъповедника“ противопоставляется спеціальная угроза наказанія (заручный листъ съ опредѣленнымъ въ немъ закладомъ), „абы жалобная сторона здоровья своего безпечна была“ [2]). Но одного устрашенія недостаточно: нужно показать своевольнымъ людямъ, что имъ невыгодно нарушать велѣнія законодателя, что непріятности и неудобства наказанія перевѣшиваютъ удовольствія и выигрышъ отъ преступленія. Эта мысль проглядываетъ иногда вполнѣ опредѣленно: „хто бы замѣшкалъ, на рокъ положоный до войска не пріѣхалъ..., тые вси такимъ способомъ караны быти мають, ижъ панъ гетманъ маеть ихъ послати на границу або тамъ, гдѣ того потреба Речы Посполитое розумѣти будеть, а они тамъ совитымъ почтомъ, а ве двое такъ много, яко замѣшкали, заслуговати будуть повинни“ [3]); „хто бы брата або сестру забилъ в надею именья або маетности рухомое..., тогды таковый маеть быти каранъ горломъ, а тое именье, которое бы на него и на детей его прийти мело, спадываеть на инъшую братью“ [4]); „хто бы за вязню або за якою иною прычиною персону стану шляхецкого у вязене свое брати важилъ..., таковый маетъ совыто увязеню седѣти“ [5]); „про то такъ ся панамъ ихъ милости видить, ажъ бы на тыхъ, которые того поплатку не дали (для земской обороны), совито бы оный податокъ дѣцкимъ былъ отправенъ; то станеть имъ истѣ за особливое каранье, ижъ и напотомъ кождый тымъ поспѣшней будеть ку отдаванью того, што на оборону Речи Посполитое будеть ухвалено“ [6]).

б) Преступленія предупреждаются выполненіемъ наказанія [7]). Власть „казнитъ винныхъ, абы впередъ того не починали“ [8]) и „абы ся на потомъ инший того не допущаль“ [9]), „отъкуль бы инъшые

---

[1]) Напр., Трет. Ст. I, 10; XI, 14, 38, 59; XIV, 30 и мн. др.

[2]) Вт. Ст. I, 21; Трет. Ст. I, 25.

[3]) Вт. Ст. II, 13; Трет. Ст. II, 13; Ср. Перв. Ст. II, 7.

[4]) Перв. Ст. VII, 15; Вт. Ст. XI, 17; Трет. Ст. XI, 8.

[5]) См. Поправ. Стат. стр. 206.

[6]) Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 92, № 101—посольскія наказныя рѣчи.

[7]) Напр. Перв. Ст. II, 7; III, 17; IV, 7; Вт. Ст. I, 22; II, 18; XI, 11; Трет. Ст. I, 26; II, 1, 5. 7, 22; IV, 4, 38, 78; V, 7; IX, 6; XI, 15, 40, 60; XIV, 33 и мн. др.

[8]) Ак. зап. Россіи т. II, стр. 84; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 113.

[9]) Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 98.

нерадного предъ ся взятья своего повъстегатися могъли“ [1]). Примѣненіе наказанія необходимо, какъ реальное осуществленіе угрозы закона, которая безъ этого примѣненія превратилась бы въ пустой звукъ: „бо естли же, милостивый королю, таковыи непослушныи не будуть караны..., тогды истена потомъ не только противъ паномъ радамъ вашое милости..., але и противъ вашое милости самому никоторое послушенство не будеть“ [2]). Во множествѣ случаевъ и въ кодексѣ, и въ судебныхъ приговорахъ встрѣчаются положительныя указанія на ту цѣль, которая преслѣдуется примѣненіемъ наказанія, и во многихъ случаяхъ цѣль эта формулируется въ такой именно формѣ: „забѣгаючи, ажебы злодѣйство и злость людская погамована была“, „забѣгаючи тому, абы въ панствахъ его королевское милости таковые кгвалты, наѣзды, своволенства людей легкомыслныхъ недѣли се и злость люцкая погамована быти могла“, „забѣгаючи тому, абы се таковые збытки, сваволенства, бое и забойства, тыранства по дорогахъ не дѣли, кождый здоровья своего былъ беспеченъ, а выступный водлугъ выступку своего односилъ каранье и абы злость людская срокгостью права посполитого погамована быть могла“ [3]) и под. Но „срокгость посполитого права“ не всегда считается достаточной гарантіей. Поэтому законодатель стремится организовать наказанія такъ, чтобы примѣненіемъ ихъ устранить главнѣйшія условія преступленія, чтобы лишить преступника физической возможности совершать уголовно-наказуемыя дѣянія. Съ этой цѣлью законодатель, наказывая преступника, старается лишить его того положенія, при которомъ только и возможно совершеніе даннаго преступленія, или ограничить въ большей или меньшей степени свободу преступника, или же вообще устранить условія, благопріятствующія преступной дѣятельности. На этомъ основаніи преступленія по службѣ влекутъ за собой „потерю вряда“ [4]), нарушенія нѣкоторыхъ правилъ уставы „о оборонѣ земской“—отнятіе помѣстій [5]), лжесвидѣтельство—потерю права выступать на судѣ въ

---

[1]) Трет. Ст. XI, 60. Въ польскомъ переводѣ это мѣсто передано такъ: „zkądby insze nierządnego przedsięwzięcia swego powściągać się mogły“, т. е. „чтобы (откуда бы) другіе могли воздерживаться отъ (исполненія) своихъ беззаконныхъ намѣреній“.

[2]) Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 89.

[3]) Напр. Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 82; т. XV, стр. 212, 293, 365, 411, 428 и мн. др.

[4]) Напр. Вт. Ст. II, 18; Трет. Ст. II, 5; IV, 4, 38; IX, 6 и др.

[5]) Напр. Трет. Ст. II, 7, 22; V, 7 и др.

качествѣ свидѣтеля [1]); опасные люди заключаются въ тюрьму или отдаются на поруки [2]); въ опредѣленныхъ случаяхъ, отбывъ положенное наказаніе, преступникъ обязывается „потомъ того обецовати с пилъностью стеречыся и не допущати“ [3]); у лицъ, виновныхъ въ содержаніи „покутныхъ корчемъ“, конфискуется „яко трунокъ, такъ и все начинье пивное, медовое и горельчаное, котлы, кублы, бочьки“ [4]).

4. Наказаніе служитъ для преступника возмездіемъ за совершенное преступленіе. Въ значительной степени возмездіе это имѣетъ характеръ возмездія внѣшняго, матеріальнаго, опредѣляемаго на основаніи извѣстнаго принципа „око за око, зубъ за зубъ“ [5]). Классическое постановленіе содержится въ третьемъ Статутѣ: „хто бы... которому шляхтичу або шляхътянце руку, ногу, носъ, ухо, губу утялъ [6]), або урезалъ такъ, же бы праве прочъ который с тыхъ члонковъ отъпалъ, або бы око, зубы вытялъ, албо выбилъ, албо на око ослепилъ, а въ томъ бы с права виненъ зосталъ, тогды, наследуючы въ томъ права божего, уставуемъ, ижъ за таковый кождый члонокъ утятый, або урезаный, або выбитый тому, хто в томъ виненъ зостанеть, маеть тежъ таковый члонокъ утятъ и урезанъ або выбитъ быти“ [7]); виновный въ убійствѣ „на горле маеть быти каранъ на смерть, и кровъ его (убитаго) своею кровью заплатити маеть“ [8]) Какъ видимъ, ветхозавѣтное правило „око за око, зубъ за зубъ“ возводится въ принципъ, которымъ во многихъ случаяхъ законодатель и руководствуется безъ отступленій; наказаніе поражаетъ не только тотъ органъ, какого лишился потерпѣвшій, но даже и такъ, какъ лишился потерпѣвшій („утялъ, урезалъ, выбилъ—утятъ, урезанъ, выбитъ“); способомъ дѣятельности преступника опредѣляется и способъ дѣятельности палача. Хотя указанный принципъ въ первомъ и во второмъ Статутѣ не вы-

---

[1]) См. Трет. Ст. IV, 78.

[2]) Напр. Вт. Ст. I, 22; XI, 11; Трет. Ст. I, 26; XI, 40 и др.

[3]) Трет. Ст. XI, 15.

[4]) Перв. Ст. III, 17; Трет. Ст. XIV, 33.

[5]) См. Перв. Ст. I, 1; III, 14; Вт. Ст. I, 2, 5, 8, 13; II, 13; IV, 39; XI, 12; стр. 205; Трет. Ст. I, 2 4, 5, 7, 17; IV, 62, 76; XI, 9, 14, 16, 18, 27, 28, 29, 39; Ак. Вил. Ком., т. V, стр. 216; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 113, 203 и мн. др.

[6]) Отрубилъ.

[7]) Трет. Ст. XI, 27.

[8]) Трет. Ст. XI, 14.

раженъ такъ опредѣленно, какъ въ послѣдней редакціи кодекса, однако задачи матеріальнаго возмездія, безспорно, преслѣдуются въ теченіе всего XVI вѣка. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣсколько постановленій, встрѣчающихся во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута: „коли бы хто, обмовляючи кого колвекъ, вчинилъ ку соромотѣ або ку страченью головы, а шло бы о горло, або о именье, або о которое колвекъ каранье, тогды тот, хто на кого помовит, а не доведет, тымъ караньемъ самъ маетъ каранъ быти“ [1]); „коли простый хлопъ або мещанинъ шляхтича собьеть, а рукою на него сягнеть, а окравовит его..., тогды инымъ ничимъ не мает каранъ быти, только руки утяти“ [2]); „хтобы монету нашу фалшовалъ..., тые мають огнемъ караны (быти) безъ милосердья“ [3]). Такимъ образомъ цѣль матеріальнаго возмездія во всѣхъ редакціяхъ кодекса весьма рельефно выражается существованіемъ тальона, направленіемъ наказанія на тотъ органъ, съ помощью котораго было совершено преступленіе, или вообще воспроизведеніемъ въ составѣ наказанія (отчасти или вполнѣ) состава совершеннаго преступленія [4]).

Наказаніе, какъ средство матеріальнаго возмездія или какъ средство простой отплаты (во многихъ случаяхъ оно имѣетъ только такой характеръ), можетъ налагаться на преступника отъ лица потерпѣвшаго, во имя интересовъ государства или на основаніи велѣній Божества. Въ первомъ случаѣ наказаніе имѣетъ значеніе частной отплаты (мести), во второмъ и въ третьемъ случаѣ оно является въ видѣ общественной мести или божескаго возмездія.

а) Для потерпѣвшаго наказаніе есть средство отмщенія, есть месть, форму которой оно отчасти и сохраняетъ въ теченіе всего XVI вѣка: въ опредѣленныхъ случаяхъ преступникъ выдается потерпѣвшему „горломъ“ для того, чтобы „он его вбил“, или просто съ тѣмъ, что потерпѣвшій „воленъ будетъ што хотячи надъ нимъ, яко виннымъ,

---

[1]) Перв. Ст. I, 1; Вт. Ст. I, 2; Трет. Ст. I, 2; Ак. Вил. Ком., т. V, стр. 216; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 203; Поправ. Статутов., стр. 205.

[2]) Перв. Ст. III, 14; Вт. Ст. XI, 15; Трет. Ст. XI, 39. Ср. Вт. Ст. III, 18: урѣзанье языка за словесное оскорбленіе шляхтича.

[3]) Вт. Ст. I, 13; Трет. Ст. I, 17.

[4]) Въ третьемъ Статутѣ упоминается о наказаніи за поджогъ: виновный „самъ огнемъ спаленъ быти маетъ“. (Трет. Ст. XI, 18.).

вчинити“ [1]). Впрочемъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе не имѣетъ формы „выдачи горломъ“, но примѣняется уполномоченными къ тому органами общественной власти, оно разсматривается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ именно какъ месть со стороны потерпѣвшаго: „укривжоный“ мститъ своему „шкоднику“, обвиняя его передъ судомъ и добиваясь его наказанія. Внѣшнее выраженіе этого мы находимъ въ терминологіи: наказаніе есть „месть“, требовать наказанія—это значитъ „мстити“ [2]).

б) Для государства наказаніе въ его первоначальномъ видѣ есть также месть, есть та „помъста и заплата“, которая составляетъ „цель и конецъ всихъ правъ“. Первоначально преступникъ, захваченный и уличеный въ совершеніи опредѣленнаго преступленія, немедленно погибалъ подъ ударами раздраженныхъ соплеменниковъ [3]). Въ болѣе позднія времена общественная месть (какъ и частная) ограничивается опредѣленными правилами, пріобрѣтаетъ значеніе публично-уголовнаго наказанія, но такое наказаніе сохраняетъ еще въ теченіе весьма продолжительнаго времени характеръ „помъсты и заплаты“ [4]). Этотъ первоначальный характеръ публично-уголовныхъ наказаній сохранился отчасти и въ эпоху Статутовъ: законы существуютъ для того, „абы зуфальцы за неучъстивые справы свои слушное каранье, а цнотливые пристойную заплату относили, и тотъ то естъ цель и конецъ всихъ правъ, на свете тымъ все панъства и королевъства стоять и въ цело-

---

[1]) Напр. Перв. Ст. XI, 13; XIII, 25; Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 727, стр. 280.

[2]) См. выше стр. 47 (лит. б). Можемъ добавить, что и въ Вислицкомъ Статутѣ (какъ и въ Винодольскомъ Законѣ) выраженіе „наказывать, наказаніе“ очень часто передается словами „мстить, месть“. Напр.: „ut tales oppressores virginum et mulierum... teneantur respondere et *puniri*“—„aby tacy usilnicy dziewic albo niewiast... powinni byli odpowiedzieć i *pomszczeni*“; „experientia nos edocuit quod quandoque non contumaces pro contumacibus, vel ipsi contumaces, modum tamen excedendo, pro contumacia *puniuntur* et graventur“—„skuszenie nas nauczyło, iż niegdy stający ku prawu, jakoby niestający albo też po prawdzie nie stający, nad obyczaj tego *mszczenia* uciążani bywają“. См. *Helcel*, Starodawne prawa polskiego pomniki, т. I, стр. 67, 98, 99; *Собъстіанскаго*, Круговая порука, стр. 150.

[3]) См. выше, стр. 37.

[4]) Даже въ XVIII столѣтіи въ воинскихъ артикулахъ Петра В. читаемъ: „кто кого волею или нарочно безъ нужды и безъ смертнаго страха умертвитъ или убьетъ его тако, что отъ того умретъ, *онаго кровь паки отмстить* и безъ всякой милости оному голову отсѣчь“ (арт. 154). См. *Фимиппова*, О наказаніи по законодательству Петра В., стр. 131, 417; *Бълогрицъ-Котляревскаго*, Общія черты исторіи уголов. права, стр. 67, 84—85.

сти своей захованы бывають, где лихие помъсту, а добрые заплату относятъ“ [1]).

в) Наказаніе имѣетъ значеніе божескаго возмездія, поскольку оно основывается на велѣніяхъ Божества и имѣетъ въ виду искупленіе совершеннаго грѣха. „Преступленіе, говоритъ проф. Кистяковскій, есть оскорбленіе божества: оно возбуждаетъ гнѣвъ его не только противъ преступника, но и противъ всего народа, среди котораго онъ живетъ; для умилостивленія божества и смягченія его гнѣва необходима кара преступника; эта кара должна состоять въ пролитіи крови, мученіяхъ и тѣлесныхъ страданіяхъ; кровь, мученія и истязанія очищаютъ, омываютъ, искупаютъ вину и умилостивляютъ божество. Этою теоріею объясняются практиковавшіяся у всѣхъ народовъ, въ ранній періодъ ихъ жизни, принесеніе въ жертву преступниковъ, какъ натуральное очищеніе, а позднѣе принесеніе въ жертву животныхъ, какъ очищеніе символическое“ [2]). Характеръ такого искупленія сохраняетъ въ извѣстной степени и наказаніе Литовскаго Статута: оно есть „покута“, эпитимія, налагаемая на преступника именно въ виду того, что его дѣяніемъ „панъ богъ бываетъ оображонъ“, и составляющая въ нѣкоторыхъ случаяхъ только дополненіе къ „покутѣ“ церковной— публичному заявленію въ церкви о своемъ грѣхѣ и покаяніи [3]).

Б. Второстепенныя цѣли наказанія.

1. Наказаніе преступника доставляетъ государству матеріальныя выгоды. Въ литовско-русскомъ государствѣ мало значенія придавалось физическому труду преступника или его личной службѣ. Л. Статутъ только два раза упоминаетъ о такомъ приложеніи силъ преступника и о такомъ извлеченіи выгодъ изъ наказанія: всякій новоприбывшій въ какой-ниб. городъ или мѣстечко обязанъ заявить вряду о своемъ прибытіи, „а где бы который таковыхъ особъ до якого жъ кольвекъ места албо местечка пришедши...,

---

[1]) Трет. Ст. стр. V—VI; I, 6 („заплату свою возметъ“); Вт. Ст. XI, 11 („заплату свою озметъ“) и мн. др.

[2]) См. *Кистяковскаго*, Элементарный учебникъ общаго уголов. права, 1882 г., стр. 161.

[3]) Напр. Вт. Ст. XI, 16; Трет. Ст. XI, 7, 15 и нѣкот. др.

а не оповедавшыся врядови, тамъ перемешкивалъ, тогды врядъ тотъ... маеть его поймавши в пута железные на две недели оковати и до роботы приставити“ [1]); тотъ, кто не пріѣхалъ въ срокъ, назначенный для сбора военнаго ополченія, „водвое такъ много, яко замешкалъ, заслуговати будетъ повиненъ“ [2]). Гораздо бо̀льшее значеніе придается тѣмъ матеріальнымъ выгодамъ, которыя получаются отъ взиманія денежныхъ штрафовъ, поступающихъ въ пользу общественной власти. Еще при Владимірѣ Святомъ епископы, высказываясь въ пользу назначенія виръ, выставляли на видъ матеріальныя выгоды, отсюда проистекающія: „рать многа; аже вира, то на оружьи и на конихъ буди“ [3]). Такія же точно соображенія высказываются и представителями шляхты въ посольскихъ рѣчахъ 1538 года: убѣждая короля назначать имущественныя взысканія, представители шляхты указываютъ между прочимъ также и на то, что отъ этого „немалый пожитокъ столу вашей милости господарскому будетъ“ и „пенязей тежъ теперъ тымъ способомъ на потребу земскую большая сума прибудетъ“ [4]). Такъ какъ имущественныя взысканія рѣзко не противорѣчили основнымъ воззрѣніямъ эпохи на наказаніе, то и область ихъ примѣненія была весьма обширной. Они составляли довольно важную статью доходовъ короля, врядниковъ, вотчинниковъ и вообще всѣхъ лицъ, облеченныхъ опредѣленными судебными правами и судебной властью.

2. Государство пользуется наказаніемъ, какъ средствомъ принужденія къ выполненію своихъ требованій. Если наказаніе въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣетъ значеніе предупредительнаго средства, т. е. стремится воздѣйствовать на волю преступника и принудить его къ повиновенію закону, которое состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать того, что запрещено закономъ, то, напротивъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ законодатель обращается къ наказанію, какъ къ мѣрѣ, сообщающей реальную силу тѣмъ требованіямъ его, которыя побуждаютъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ, вызываютъ опредѣленную дѣятельность. Въ этихъ случаяхъ виновный принуждается съ помощью наказанія

---

[1]) Трет. Ст. XII, 24.

[2]) Вт. Ст. II, 13; Трет. Ст. II, 13.

[3]) О различныхъ объясненіяхъ этого мѣста учеными см. *Чебышева-Дмитріева*, О преступномъ дѣйствіи, стр. 108 и слѣд.

[4]) Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 89, 92.

не къ бездѣятельности, но къ выполненію опредѣленныхъ дѣйствій; угроза закона имѣетъ не отрицательное, а положительное значеніе. Такимъ образомъ, если назвавшій шляхтича „неучствое матъки сыномъ“ и этимъ оскорбившій его честь не пожелаетъ въ видѣ извиненія „отмовити передъ судомъ тыми словы: што есмо менилъ на тебе..., въ томъ на тебе брехалъ якъ песъ“, въ такомъ случаѣ „маеть седѣти у везенью такъ долго, ажъ тыми словы отмовитъ“ [1]). Если поручитель „отповѣдника“ не представитъ ручаемаго въ назначенный срокъ, „тогды маеть... у везенью такъ долго седѣти, ажъ тотъ, по комъ ручилъ, пріѣхавши исъ такового обвиненья выправится“ [2]). Виновный въ словесномъ оскорбленіи шляхетской чести подвергается тюремному заключенію; но „естли бы винъный вряду послушонъ быти и увезенью сести не хотелъ, тогды маеть за то заплатити вины стороне ображеной пять десятъ копъ грошей..., а заплативши тую пятьдесятъ копъ грошей, предъ се ему врядъ маеть рокъ зложити..., абы за тую вину (преступленіе) шесть недель выседелъ, а за кождое не досыть учиненье седенью мають вину вышей описаную платити“ [3]). Въ другихъ случаяхъ виновный побуждается къ исполненію судебнаго приговора выволаньемъ или тюремнымъ заключеніемъ „до тыхъ местъ, поки стороне жалобной досыть учинить“ [4]).

3. Наказаніе служитъ средствомъ общественной охраны, избавляетъ и обезпечиваетъ общество (государство) отъ преступниковъ [5]). Эти цѣли достигаются разнообразной организаціей карательныхъ мѣръ: въ однихъ случаяхъ полное обезпеченіе можетъ быть достигнуто истребленіемъ преступныхъ людей, а для этого самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ служитъ смертная казнь; съ этой цѣлью въ нѣко-

---

[1]) Вт. Ст. III, 23; Трет. Ст. III, 28.

[2]) Вт. Ст. XI, 11.

[3]) Напр. Трет. Ст. III, 27; IV, 32.

[4]) Напр. Трет. Ст. I, 10; IV, 29, 32, 98; X, 1; XI, 40 и др.

[5]) См. выше стр. 167; также Вт. Ст. XI, 11; Трет. Ст. I, 25; XI, 14 и др. Рѣчь Льва Сапѣги, стр. VI: „тымъ вси панъства и королевъства стоятъ и въ целости своей захованы бываютъ“. Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 338, 411 и др.—судъ кромѣ имущественныхъ взысканій присуждаетъ виновныхъ также и къ смертной казни или къ выволанію, и именно для того, „абы выступный строгостью права посполитого повстягненый быти могъ, и кождый презъ то здоровья своего беспечнымъ зоставалъ, особливе мѣйсца тые... особливую обсерванцію и беспечность мѣть могли“.

торыхъ случаяхъ „караются горломъ“ наравнѣ съ лицами, дѣйствительно виновными и уличенными въ совершеніи преступленія, лица только подозрительныя [1]); въ другихъ случаяхъ приходится обращаться къ выволанью, къ изгнанію, къ тюремному заключенію или къ членовредительнымъ наказаніямъ, которыя являются вѣчнымъ клеймомъ и предупрежденіемъ для всѣхъ и каждаго [2]).

4. Наказаніе исправляетъ преступника. Идея раскаянія преступника и исправленія виновнаго заимствуется у церкви, но вліяніе ея въ области свѣтскаго законодательства еще весьма ничтожно: дѣло ограничивается тѣмъ, что съ наказаннаго и покаявшагося преступника иногда берется обѣщаніе „потомъ того стеречыся и не допущати“ [3]). Никакихъ другихъ мѣръ къ исправленію преступника не принимается.

5. Наказаніе служитъ премiей для частнаго обвинителя и возбуждаетъ ревность къ преслѣдованію преступника. Въ опредѣленныхъ случаяхъ пеня, взыскиваемая съ преступника поступаетъ (вполнѣ или частью) въ пользу того лица, которое способствовало раскрытію преступленія и выступало частнымъ обвинителемъ виновнаго въ его совершеніи. Напримѣръ: „Мамками хрестиянъки детей жыдовскихъ и тежъ у кождыхъ детей бесурмянъскихъ быти не маютъ; а хто бы хрестиянку ку тому приневолилъ або наймовалъ..., таковый, отъ кого кольвекъ будучы позванъ, тому, хто позоветъ, вины двадцать копъ грошей заплатити повиненъ будетъ“. Впрочемъ, такого рода случаи немногочислены [4]).

III. Общія свойства наказанія.

Задачами карательной дѣятельности въ значительной степени опредѣляются и общія свойства наказанія: въ то время какъ въ эпоху перваго Статута преслѣдуется главнымъ образомъ цѣль удовлетворенія

---

[1]) Напр. Перв. Ст. XIII, 9, 15, 22; Вт. Ст. XIV, 7, 18; Трет. Ст. XI, 31; XIV, 10, 19 и др. Во всѣхъ указанныхъ здѣсь случаяхъ рѣчь идетъ о казни лицъ, въ высшей степени подозрительныхъ вслѣдствіе неоднократно возбуждаемыхъ противъ нихъ обвиненій въ злодѣйствѣ или разбоѣ.

[2]) Напр. Трет. Ст. XII, 24; XIV, 31; „зводницы“ изгоняются или предаются смертной казни на томъ основаніи, что „такие люди, будь мужчизна або белая голова, в местехъ нашихъ терпены“ быть не могутъ.

[3]) Трет. Ст. XI, 15.

[4]) Напр. Трет. Ст. I, 34; XII, 9; XIV, 33 и др. Ак. зап. Россіи, т. II, стр. 18 и др.

потерпѣвшаго, и соотвѣтственно этому преобладаютъ наказанія имущественныя, денежныя пени въ пользу „укривжонаго“, къ концу столѣтія на первый планъ выдвигаются наказанія устрашительныя, т. е. по-преимуществу наказанія личныя и притомъ весьма жестокія. Вообще говоря, область примѣненія имущественныхъ взысканій остается какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ изучаемой эпохи почти безо всякихъ измѣненій: во всѣхъ случаяхъ кривды виновный обязанъ удовлетворить потерпѣвшаго. Потому если обращать вниманіе только на это обстоятельство, на эту неизмѣнность и ненарушимость системы композицій,—можно, пожалуй, усомниться въ существованіи какого бы то ни было развитія основныхъ понятій уголовнаго права въ теченіе всего XVI столѣтія. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, дѣло обстояло совершенно иначе, и огромное различіе между началомъ столѣтія и его концомъ, между первой и послѣдней редакціей Статута рѣзко бросается въ глаза даже при бѣгломъ знакомствѣ съ законодательными и судебными памятниками эпохи[1]). Различіе это выражается не столько въ системѣ композицій, которая замѣтно не вымираетъ, но и не развивается, сколько въ наказаніяхъ публично-уголовныхъ, которыя въ теченіе столѣтія развиваются въ стройную и обширную систему, пріобрѣтаютъ полное теоретическое обоснованіе и оправданіе, выдвигаются на первый планъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующія основнымъ воззрѣніямъ образованнаго законодателя на преступленіе и наказаніе, и стремятся вытѣснить ту форму взысканій, которая господствовала въ предшествующую эпоху и отчасти господствуетъ еще вопреки новымъ воззрѣніямъ и реформамъ. Постепенное измѣненіе содержанія карательной дѣятельности и общихъ свойствъ наказанія и прогрессивное развитіе системы публично-уголовныхъ и устра-

---

[1]) См. выше стр. 6 и сл. Даже при поверхностномъ разсмотрѣніи трехъ редакцій Статута трудно не замѣтить бо́льшей зрѣлости каждой послѣдующей редакціи сравнительно съ предыдущей. Конечно, сравненіе отдѣльныхъ мѣстъ кодекса можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ производить обратное впечатлѣніе: кажется, что во многомъ новый Статутъ почти буквально повторяетъ сказанное старымъ. Однако не слѣдуетъ забывать, что хотя каждая предшествующая редакція и лежитъ въ основаніи каждой послѣдующей, и что многое переходитъ изъ одной въ другую безо всякихъ почти измѣненій, но что тѣмъ не менѣе даже незначительныя *въ отдѣльныхъ случаяхъ* измѣненія и поправки *въ совокупности, въ цѣлой массѣ* дополняютъ другъ друга и выражаютъ въ концѣ-концовъ развитіе нѣсколькихъ новыхъ и существенно важныхъ чертъ въ понятіи преступленія и наказанія.

шающихъ казней сопровождается многими, хотя и частичными, но въ своей совокупности весьма знаменательными перемѣнами въ сферѣ примѣненія нѣкоторыхъ наказаній и въ характерѣ взысканій за нѣкоторыя преступленія.

Не останавливаясь на публичныхъ преступленіяхъ, о развитіи которыхъ мы уже имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ [1]), не можемъ не отмѣтить общаго повышенія строгости взысканій за важнѣйшія частныя преступленія, именно—за преступленія противъ жизни и противъ здоровья.

По первому (и даже второму) Статуту убійство простого человѣка влекло за собой только лишь „пенежную заплату“ (головщину) [2]); редакторы третьяго Статута пришли къ убѣжденію, что вслѣдствіе этого своевольные люди „кровъ невинѣную людскую не встыдливе и невинне въ надею заплаты за нее пенежное разливають“ [3]), и установили, что и въ этомъ случаѣ виновный „маеть быти горломъ каранъ кромъ головщизны“, какъ и за убійство шляхтича [4]); другими словами, къ концу столѣтія убійство шляхтича, вслѣдствіе общаго повышенія строгости взысканій, перешло изъ квалифицированныхъ видовъ въ ряды убійства обыкновеннаго, такъ какъ „пенежная заплата“ и „утрата горла“ сдѣлались обычными взысканіями во всѣхъ случаяхъ обыкновеннаго умышленнаго „мужобойства“. Случайное убійство шляхтича или убійство въ звадѣ наказывалось по первому Статуту уплатой вины (противня) и головщины [5]); но уже второй Статутъ на-

---

[1]) См. выше стр. 11—12, 14—15.

[2]) Объ убійствѣ простого человѣка полныхъ постановленій не содержится ни въ первомъ, ни во второмъ Статутѣ. Однако, несомнѣнно, это убійство каралось легче, чѣмъ убійство шляхтича. Слѣдуетъ думать, что виновный въ убійствѣ простого человѣка платилъ головщину, если самъ былъ шляхтичемъ; если же преступникъ и потерпѣвшій были крестьяне, то пану убійцы принадлежало право также и на взысканіе вины. Ср. Перв. Ст. XI, 1—4; XIII, 20, 21; Вт. Ст. XI, 26, 27; XII, 1—3; XIV, 25; Трет. Ст. XII, 1, 2, 3—6 и др. См. *Ясинскаго*, Устав. Земск. Грамоты, стр. 177.

[3]) Въ Даніи Христіанъ III установилъ смертную казнь за убійство (въ 1537 г.) и въ своемъ декретѣ по этому поводу высказалъ между прочимъ эту же самую мысль. Такъ въ разныхъ государствахъ почти въ одно и то же время и по однимъ и тѣмъ же причинамъ смертная казнь является на смѣну имущественныхъ взысканій. См. *Du-Boys*, указ. соч., т. I, стр. 165.

[4]) Трет. Ст. XII, 1, 2.

[5]) Перв. Ст. VII, 29.

шелъ это взысканіе слишкомъ недостаточнымъ и замѣнилъ вину прежняго времени тюремнымъ заключеніемъ: виновный „маеть головщизну платити сто копъ грошей, и естли за шляхтича будеть платити головщизну, тогды маеть рокъ и шесть недѣль сѣдети“ [1]). Въ третьемъ Статутѣ тюремное заключеніе прибавлено также къ навязкѣ прежняго времени за нанесеніе шляхтичу обыкновенныхъ побоевъ или ранъ [2]). Еще въ большемъ размѣрѣ увеличилась строгость взысканій въ случаяхъ увѣчій: „охроменіе“ шляхтича, соединявшееся по первому Статуту съ уплатой „получеловѣка“ („тогды маеть предся платити полчеловека“) [3]), влечетъ за собой кромѣ того по второму Статуту тюремное заключеніе на 24 недѣли или, въ болѣе тяжкихъ случаяхъ, на годъ и шесть недѣль [4]); вмѣсто тюремнаго заключенія третій Статутъ вводитъ извѣстное уже намъ крайне жестокое правило, въ силу котораго виновный самъ долженъ лишиться того органа, какой былъ „утятъ, урезанъ або выбитъ“ у потерпѣвшаго [5]).

Не станемъ перечислять всѣхъ остальныхъ, довольно многочисленныхъ, случаевъ повышенія суровости наказаній; достаточно и приведенныхъ примѣровъ, чтобы понять, что общее увеличеніе случаевъ личныхъ взысканій зависитъ именно и главнымъ образомъ отъ измѣненія самаго характера карательныхъ мѣръ и отъ расширенія области преступленій, влекущихъ за собой личныя наказанія, и что редакціонныя улучшенія въ этомъ случаѣ особеннаго значенія не имѣютъ [6]), такъ какъ область примѣненія смертной казни, тѣлесныхъ

---

[1]) См. Вт. Ст. XI, 26.

[2]) Перв. Ст. III, 14; VII, 23; Вт. Ст. XI, 26; Трет. Ст. XI, 10 и др.

[3]) Перв. Ст. VII, 9.

[4]) Вт. Ст. XI, 13

[5]) Трет. Ст. XI, 27.

[6]) Говоримъ: „редакціонныя улучшенія *особеннаго значенія* не имѣютъ“, но до извѣстной степени, безспорно, вліяютъ и они, потому что въ каждой послѣдующей редакціи законодатель стремится выразить свою мысль полнѣе и вноситъ въ законъ то, что существовало раньше только въ обычаѣ. Остановимся, напримѣръ, на поджогѣ. Какъ извѣстно, преступленіе этого рода съ древнѣйшихъ временъ принадлежало къ числу наиболѣе тяжкихъ преступленій; Рус. Правда (Кар. 97) наказываетъ поджогъ потокомъ и разграбленіемъ. Между тѣмъ, если мы обратимся къ Литовскому Статуту, то увидимъ, что первая редакція его вовсе не упоминаетъ о поджогѣ, какъ наказуемомъ дѣяніи, вторая говоритъ только о поджогѣ лѣса, при чемъ назначаетъ за него весьма строгое наказаніе—даже неосторожный поджогъ этого рода влечетъ за собой смертную казнь (X, 17). Только въ

наказаній и тюремнаго заключенія расширяется не потому, что каждая новая редакція кодекса полнѣе предыдущей и, слѣдовательно, говоритъ о нѣкоторыхъ преступленіяхъ и наказаніяхъ, извѣстныхъ и раньше, но не отмѣченныхъ въ писаномъ правѣ, но потому, что наказанія эти дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ являются новыми, являются тѣми нововведеніями, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ развивающимся взглядамъ законодателя на существо, основанія и задачи карательной дѣятельности.

Если мы станемъ разсматривать не измѣненіе наказуемости тѣхъ

третьей редакціи встрѣчаются постановленія о поджогѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: виновный въ поджогѣ дома, двора, замка, мѣста (города) или гумна „маеть быти самъ огнемъ спаленъ“ (IV, 30; XI, 18, 40). Можно-ли предполагать, что молчаніе первыхъ двухъ редакцій Статута свидѣтельствуетъ о ненаказуемости поджога, о томъ, что виновный въ немъ обязанъ былъ удовлетворить потерпѣвшаго только лишь за „шкоды“, за матеріальный ущербъ, причиненный поджогомъ имуществу потерпѣвшаго?—Ни въ какомъ случаѣ: это противорѣчитъ исторіи (Рус. Правда), постановленіямъ третьяго Статута и, наконецъ, самой практикѣ того времени, въ которой встрѣчаются дѣла о поджогѣ, и виновные въ немъ называются „злочинцами“ (преступниками) и подлежатъ, вмѣстѣ съ наиболѣе тяжкими преступниками, старостинскому суду (Акты Вил. Ком., т. XVII, стр. 196, № 533—за 1540 годъ; Акты зап. Рос., т. II, № 64, стр. 80—за 1511 годъ; Вт. Ст. IV, 20). Очевидно, поджогъ принадлежалъ къ числу тѣхъ довольно многочисленныхъ дѣяній, которыя обсуждались „водле старого обычая“ и „чого в тых правах не было описано“ (Перв. Ст. VI, 37). Вотъ и еще одинъ примѣръ: изъ числа преступленій противъ религіи только второй и третій Статутъ съ бо́льшей полнотой говорятъ о еретичествѣ (Вт. Ст. VIII, 7; XII, 5) и о совращеніи христіанина въ іудейство или магометанство; о другихъ преступленіяхъ этого рода („чародейство“, „трутизна“) говорится вскользь, очевидно потому, что опредѣленіе ихъ состава и наказуемости принадлежало или обычаю, или „духовному суду и праву“. Весьма вѣроятно, что о преступленіяхъ религіозныхъ (какъ и о многихъ преступленіяхъ семейственныхъ) съ бо́льшей подробностью говорилось въ законодательныхъ памятникахъ, имѣвшихъ исключительное отношеніе къ духовенству и „духовному праву“. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ намъ привилеевъ, данныхъ православному духовенству Великаго Княжества Литовскаго (напр. привилей 1492 г., подтверждающій „свитокъ Ярослава“; привилей 1509 и 1511 г.), упоминается о еретичествѣ, о тѣхъ, „которые отказываются крестить дѣтей и ходить къ исповѣди“, о блудѣ, о боззаконномъ бракѣ и под. Статутъ кратко заявляетъ: „нижъли што ку праву (т. е. суду) духовному належати и прислухати будеть, то въ духовном праве справовано и усужоно быти маеть“ (Трет. Ст. III, 31). См. *Чарнецкаго*, Исторія Лит. Статута, Унив. Извѣстія, 1867 г., № 7, стр. 1—17; № 9, стр. 22—31. Также Ак. зап. Рос., т. I, стр. 189—192; т. II, стр. 62—63, 81—83. Далѣе, только третій Статутъ упоминаетъ о „потвари“, какъ о наказуемомъ дѣяніи (IV, 105). Однако въ судебныхъ актахъ, относящихся еще къ первой половинѣ XVI столѣтія, встрѣчаются дѣла о клеветѣ; уличенные въ ней („потварцы“) подлежатъ тюремному заключенію. См. Акты Вил. Ком. т. XVII, № 243, стр. 98.

или другихъ преступленій, но измѣненія въ сферѣ примѣненія личныхъ наказаній, то можемъ наблюдать еще болѣе интересныя явленія. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ самое существенное [1]).

а) Область примѣненія смертной казни ограничивается въ первомъ Статутѣ случаями наиболѣе тяжкихъ преступленій (преступленія государственныя, квалифицированные виды убійства, покаленія, злодѣйство съ поличнымъ и др.). Въ общемъ объ „утратѣ горла“ первый Статутъ упоминаетъ разъ около двадцати. Кромѣ общаго выраженія: „маеть тратити горло“, упоминается о двухъ видахъ смертной казни—о сожженіи (въ двухъ случаяхъ) [2]) и о повѣшеніи (спеціальный видъ казни злодѣевъ) [3]). Во второмъ Статутѣ число случаевъ смертной казни почти *утроивается*. Кромѣ повѣшенія и сожженія (уже не въ двухъ, но въ четырехъ случаяхъ) [4]) упоминается объ утопленіи [5]). Къ концу столѣтія (третій Статутъ) область примѣненія смертной казни становится еще шире. Число случаевъ, караемыхъ горломъ, увеличивается сравнительно со вторымъ Статутомъ болѣе, чѣмъ *въ полтора раза*, сравнительно съ первымъ—почти *въ пять разъ*. Кромѣ тѣхъ видовъ смертной казни, о которыхъ упоминалось въ предыдущихъ Статутахъ, отмѣчаются слѣдующіе: четвертованіе, посаженіе на колъ, отсѣченіе головы и замученіе „розными сроkгими муками“ [6]).

б) О тѣлесныхъ наказаніяхъ первый Статутъ упоминаетъ въ четырехъ случаяхъ: одинъ разъ установлено болѣзненное наказаніе (битье пугами) [7]), въ трехъ же остальныхъ случаяхъ рѣчь идетъ о наказаніяхъ членовредительныхъ (отсѣченіе руки, отрѣзаніе ушей) [8]). Во второмъ Статутѣ появляются новые виды наказаній болѣзненныхъ (битье дубцами) и членовредительныхъ (отрѣзаніе языка) [9]). Общее

---

[1]) Подробности во второмъ отдѣлѣ (карательныя мѣры). Тамъ же читатель найдетъ ссылки и примѣры, подтверждающіе наши выводы.

[2]) Перв. Ст. I, 5; VI, 12.

[3]) Перв. Ст. разд. XIII.

[4]) Вт. Ст. I, 12, 13; XII, 5.

[5]) Вт. Ст. XI, 16.

[6]) Трет. Ст. XI, 16, 17 и др.

[7]) Перв. Ст. XIII, 1.

[8]) Перв. Ст. III, 14; VI, 21; XIII, 23.

[9]) Вт. Ст. III, 18; XIV, 4.

число всѣхъ случаевъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній увеличивается *въ два раза*. Въ третьемъ Статутѣ область примѣненія тѣлесныхъ наказаній расширяется еще болѣе; сравнительно со вторымъ Статутомъ число случаевъ тѣлесныхъ наказаній увеличивается *въ три раза*, сравнительно же съ первымъ—*въ шесть разъ*. Со времени третьяго Статута членовредительныя наказанія могутъ быть направлены противъ всякаго органа человѣческаго тѣла (въ силу принципа: „око за око, зубъ за зубъ"). Въ отдѣльныхъ случаяхъ упоминается о разрѣзаніи ноздрей, отрѣзаніи (отсѣченіи и под.) носа, уха и губы (вмѣстѣ) или (въ отдѣльности) руки, ноги, носа, уха, губы, глаза, зуба, пальца [1]).

в) Тюремное заключеніе, о которомъ первый Статутъ упоминаетъ только *въ трехъ* случаяхъ [2]), и которое вообще въ началѣ столѣтія играло крайне ничтожную роль, становится къ концу столѣтія однимъ изъ наиболѣе важныхъ и обыкновенныхъ наказаній. Уже второй Статутъ упоминаетъ о тюремномъ заключеніи болѣе, чѣмъ *въ тридцати* случаяхъ. Тюремное заключеніе различается по своей тяжести: подземная тюрьма предназначается для самыхъ тяжкихъ преступниковъ; обыкновенные преступники заключаются въ „верхнюю тюрьму". Кромѣ того тюремное заключеніе различается по своей продолжительности; второй и особенно третій Статутъ упоминаютъ о самыхъ разнообразныхъ срокахъ заключенія. Въ третьемъ Статутѣ появляется рядъ опредѣленій о мѣстахъ тюремнаго заключенія, о содержаніи въ нихъ преступниковъ и о надзорѣ за ними [3]). Сравнительно со вторымъ Статутомъ число случаевъ тюремнаго заключенія увеличивается къ концу столѣтія *въ полтора раза*, сравнительно съ первымъ—почти *въ шестнадцать разъ*.

Какъ отражались всѣ указанныя измѣненія на самихъ свойствахъ наказанія? Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вліяніе ихъ было незначительно, въ другихъ—громадно; нѣкоторыя черты наказанія оставались неизмѣнными какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ столѣтія, другія черты его, напротивъ, развивались вмѣстѣ съ развитіемъ публично-уголовныхъ „каранй" и получали свое внѣшнее выраженіе именно въ ихъ своеобразномъ развитіи.

---

[1]) Трет. Ст. IV, 105; XI, 27; XIV, 31.

[2]) Перв. Ст. I, 23; II, 15; VI, 22.

[3]) Трет. Ст. IV, 31, 32; XI, 29 и др.

Каждому роду карательныхъ мѣръ свойственны свои особенныя качества; слѣдовательно, съ измѣненіемъ самихъ карательныхъ мѣръ измѣняются уже въ извѣстной степени и общія свойства наказанія; одни качества присущи имущественнымъ взысканіямъ, другія—личнымъ. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе всѣхъ свойствъ разнообразныхъ карательныхъ мѣръ, извѣстныхъ Статуту, и оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія современной науки уголовнаго права: для исторіи наказанія достаточно отмѣтить только, какихъ свойствъ требовали отъ наказанія современники, и какъ удовлетворялись въ дѣйствительности ихъ требованія; общія же свойства тѣхъ или другихъ карательныхъ мѣръ, вытекающія изъ самой природы, изъ самого существа ихъ, подлежатъ разсмотрѣнію общей теоріи уголовнаго права, поскольку конечно эти карательныя мѣры сохранились до настоящаго времени [1]).

Отъ наказанія въ литовско-русскомъ правѣ XVI вѣка современники требовали слѣдующихъ качествъ: 1) чтобы оно было вполнѣ индивидуально, 2) справедливо, 3) строго, 4) замѣнимо и отмѣнимо при условіи удовлетворенія потерпѣвшаго.

1. Наказаніе есть зло или страданіе, которое „терпитъ“ [2]) *виновный „за свою вину“*. Такъ какъ „въ невинности своей никто не долженъ терпѣть“, то и наказаніе, по всей справедливости, должно падать всей своей тяжестью только на того, кто дѣйствительно виновенъ въ совершеніи преступнаго дѣянія. „Тежъ уставуемъ, ижъ нихто ни за чий кольвекъ учинокъ не маеть каранъ и сказованъ быти, толко тотъ, который в чомъ самъ виненъ зостанеть, кгды жъ того право божое и справедливость хрестиянская учить, яко жъ такъ хочемъ мети, абы ни отецъ за сына, а ни сынъ за отца..., а ни жона за мужа, а ни мужъ за жону, такъ тежъ братъ за брата, отецъ и матка за дочку, дочка за матку або отца, сестра за сестру, и жадный прирожоный, и слуга за пана, панъ за слугу и нихто иный ни за чый выступъ и вчинокъ не былъ каранъ, только кождый самъ за свой выступъ маеть терпѣти и каранъ быти“ [3]). Это общее и основное

---

[1]) См. *Таганцева*, Лекціи, вып. III, стр. 1210 и сл.; *Фойницкаго*, Ученіе о наказаніи, стр. 66 и сл.; *Сергѣевскаго*, Рус. уголовное право, стр. 96 и сл.; *Кистяковскаго*, Элемент. учебникъ общаго угол. права, стр. 769 и сл.

[2]) Напр. Вт. Ст. III, 8; Трет. Ст. III, 11; VII, 18; XI, 28, 35, 40 и мн. др.

[3]) Перв. Ст. I, 7; Вт. Ст. I, 14; Трет. Ст. I, 18; Устав. Зем. Грам. стр. 173; Акты зап. Россіи, т. II, стр. 352. Это же общее правило неоднократно подтверждается въ другихъ

правило. Тѣмъ не менѣе нѣтъ правила безъ исключенія, и это особенно относится къ выставленному требованію индивидуальности наказаній. Не говоря уже о заступничествѣ, съ которымъ мы ознакомились выше [1]), постоянныя исключенія и отступленія отъ указаннаго общаго правила обусловливаются самимъ характеромъ взысканій: имущественныя взысканія падаютъ не столько на лицо, сколько на имущество, которое въ дѣйствительности уже можетъ и не принадлежать виновнику преступленія, утратившему свои имущественныя права, быть можетъ, вслѣдствіе того же обстоятельства, вслѣдствіе котораго взыскиваются съ него теперь многочисленные штрафы [2]). Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать основательной ту формулу санкціи уголовнаго закона, которая гласитъ: „винные мають быти горломъ (выволаніемъ и пр.) караны, а шкода, гвалтъ, вина, головщина и навязка зъ именья або маетности винѣного плачона будетъ“ [3]). Денежные штрафы переходятъ вмѣстѣ съ имуществомъ преступника, какъ его пассивъ, „бо хто осегаетъ добра, повиненъ носити и беремена“ [4]).

2. Наказаніе справедливо, потому что вытекаетъ изъ требованій божеской и человѣческой справедливости [5]). Но справедливо только то наказаніе, которое является послѣдствіемъ вины (безъ вины нѣтъ наказанія), находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ней и съ преступленіемъ и оказывается для всѣхъ равнымъ и одинаково неизбѣжнымъ.

мѣстахъ кодекса по тому или другому частному поводу, напр. Перв. Ст. V, 9, 11; VII, 27; XIII, 12; Вт. Ст. VI, 12; XIV, 8, 13; Трет. Ст. V, 17, 18; VI, 6, 14; IX, 3; XI, 34, 56; XIV, 11, 16 и др.

[1]) См. выше стр. 126 и сл.

[2]) Напр., виновный въ убійствѣ можетъ быть подвергнутъ выволанію (лишеніе всѣхъ правъ и изгнаніе изъ государства); однако головщина и другіе штрафы взыскиваются съ дѣтей (наслѣдниковъ) его, которые не имѣютъ права требовать наслѣдства до тѣхъ поръ, пока не уплатятъ всѣхъ штрафовъ (напр. Трет. Ст. XI, 4 и др.).

[3]) Напр. Трет. Ст. I, 9, 10; XIV, 15 и др. Такая формула уголовной санкціи встрѣчается довольно часто.

[4]) Напр. Трет. Ст. VI, 8, 11; VII, 10, 18; XI, 4, 48 и мн. др.

[5]) См. выше стр. 165—166. Искать въ судѣ—это значитъ „просить справедливости“, „доводити справедливость въ своихъ кривдахъ“; наказаніе всегда основывается „на дознаньи святое справедливости“, для „лепшого дознанья“ которой установленъ между прочимъ и „шкрутнимъ“—судебное слѣдствіе по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Вт. Ст. стр. 210—211; Трет. Ст. III, 32; XI, 21, 61, 62, 63, 64 и др.

а) *Безъ вины нѣтъ наказанія*: наказаніе есть „заплата“ или „нагорода“ зломъ за злой или дурной поступокъ [1]), совершитель котораго не только заподозрѣнъ или обвиненъ въ немъ потерпѣвшимъ, но и дѣйствительно уличенъ и приговоренъ судомъ; только „по судѣ и по таковомъ поконанью винные мають быти карани виною въ правахъ земскихъ меновитѣ назначоною“ [2]); „винъного подле выступку его маемъ карати, а безвинне и безъ права на заочное поведанье не будемъ ни в кого врядовъ брати“ [3]). Отступленія отъ этого правила обусловливаются частью заступничествомъ, частью же недостаточнымъ пониманіемъ того значенія, какое принадлежитъ субъективному моменту вмѣняемости и виновности [4]).

б) *Наказаніе соотвѣтствуетъ винѣ и преступленію* [5]): болѣе тяжкія наказанія полагаются за болѣе тяжкія преступленія; напротивъ, незначительные проступки влекутъ за собой и незначительныя сравнительно взысканія. Такимъ образомъ „винные мають быти караны подле тяжкости и легкости выступовъ своихъ, водлугъ заслуги, ведле вины и учинку своего, водлѣ важности выступу“ [6]); суды обязаны „судити, доброго миловати, а злого карати водле кождого заслуги и вчинковъ“ [7]).

в) *Наказаніе равно для всѣхъ и для всѣхъ одинаково неизбѣжно.* Впрочемъ, несмотря на неоднократное повтореніе, что „всѣ, почоншы отъ вышнего стану ажъ и до нижнего однымъ правомъ сужопы быти

---

[1]) См. выше стр. 166.

[2]) Перв. Ст. I, 1; Вт. Ст. I, 2; Трет. Ст. I, 2. „Карати виного“, „карати виного за выступъ“—обычное выраженіе кодекса.

[3]) Перв. Ст. III, 5; Вт. Ст. III, 11; Трет. Ст. III, 14.

[4]) См. выше стр. 19 и сл.

[5]) Преступникъ отвѣчаетъ только за то, въ чемъ онъ дѣйствительно виноватъ, и постольку, поскольку онъ виноватъ. На этомъ основаніи необходимо принимать во вниманіе причинную связь дѣйствія и его послѣдствій: „кгды бы который шляхтичъ и якого бы кольвекъ стану чоловекъ битый або раненый после ранъ ездилъ або ходилъ по колацыямъ, по торгохъ и по корчмахъ пилъ, на беседахъ седелъ отъ бою або зраненья до двадцати чотырохъ дней, а по томъ хотя бы отъ тыхъ ранъ умеръ, тогды тотъ, отъ кого тые раны або бой ему ся сталъ,... головщизны платити не будетъ повиненъ, толко за раны его кровнымъ досыть чинити за доводомъ подле статуту“. См. Перв. Ст. VII, 10; Вт. Ст. XI, 34; Трет. Ст. XI, 53. Ср. *Сергѣевскаго*, О значеніи прич. связи, вып. II, стр. 4.

[6]) Напр. Перв. Ст. I, 1; III, 5; Вт. Ст. I, 4; II, 21; III, 11; XIV, 18; Поправ. Стат. стр. 211; Трет. Ст. I, 4, 9, 10, 24, 25; II, 19; III, 11, 14; IV, 9, 29, 32, 41, 64; XI, 28, 35; XII, 22, 23; Ак. зап. Россіи, т. II, стр. 28, 352 и др.

[7]) См. Акты Кіев. Центр. Арх., кн. 2039, листъ 355 на об.

мають“ [1]), что никому „жаденъ привилей, ани зацность, ани достоенство не маеть помагати ани се имъ щытити можеть, абы не мѣлъ каранъ быти“ [2]), что то или другое наказаніе распространяется на всѣхъ „якогожъ кольвекъ стану такъ высокого, яко и низкого“ [3]),—несмотря на частое повтореніе подобныхъ фразъ, въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, и указанныя положенія повторялись скорѣе для того, чтобы выставить равенство всей шляхты „якогожъ кольвекъ стану такъ высокого, яко и низкого“, и имѣли въ виду только эту послѣднюю, а отнюдь не всѣхъ подданныхъ великаго князя литовскаго. Равенство наказаній, какъ и равенство всѣхъ вообще правъ, существуетъ только для шляхты, такъ какъ, дѣйствительно, „людей шляхетъского роду“ законодатель „почитаетъ за ровно всихъ, отъ велможного ажъ до наубозшого шляхтича“ [4]). Если же принимать во вниманіе не одно только шляхетское сословіе (какъ это дѣлаетъ въ большинствѣ случаевъ Литовскій Статутъ) [5]), но также и остальныхъ

---

[1]) Перв. Ст. I, 9; Вт. Ст. I, 1; Трет. Ст. I, 1.

[2]) Напр. Вт. Ст. I, 4 и др.

[3]) Вт. Ст. I, 27 и др.

[4]) Напр. Вт. Ст. III, 22; Трет. Ст. III, 27.

[5]) Очень часто постановленія Статута начинаются такими, напримѣръ, словами: „которому-бы шляхтичу шляхтичъ або хтожъ кольвекъ“, „гдѣ бы шляхтичъ шляхтича“, „если бы шляхтичъ другому шляхтичу“ и под. (Напр. Вт. Ст. XI, 7, 19, 23, 34; XII, 3, 4 и др. Ср. также *Ясинскаго*, Устав. Земск. Грамоты, стр. 35); цѣлые раздѣлы носятъ названія, указывающія на ихъ исключительное отношеніе къ шляхтѣ: „о вольностяхъ шляхетскихъ“, „о кгвалтехъ и о головщызнахъ шляхетскихъ“ (см. Перв. Ст. III, VII; Вт. и Трет. Ст. III, XI). Такимъ образомъ не слѣдуетъ принимать въ буквальномъ смыслѣ тѣ заявленія, которыя находятся въ началѣ каждой изъ редакцій Статута. Гораздо правильнѣе выражается эдиктъ Сигизмунда (1522 года), гдѣ между прочимъ говорится, что будущій Статутъ предназначается исключительно для шляхты (см. *Дзялынскаго*, Zbiór praw litewskich, стр. 121—123; также *Чарнецкаго*, Исторія Лит. Стат., Универ. Извѣстія, 1867 г., № 10, стр. 8—10; *Ясинскаго*, указ. соч. стр. 34—35). Шляхта и ея права—вотъ главное содержаніе Статута. Остальныхъ сословій законодатель касается какъ-бы мимоходомъ, да и то въ большинствѣ случаевъ только тогда, когда приходится ему говорить о тѣхъ или другихъ отношеніяхъ шляхты къ простымъ людямъ и, наоборотъ, простыхъ людей къ шляхтѣ: шляхта, несмотря на всю замкнутость и отрѣзанность своего сословія отъ другихъ классовъ населенія, все-таки жила на одной съ ними территоріи, составляла одно государство; въ постоянныхъ столкновеніяхъ и сношеніяхъ обыденной жизни могли встрѣчаться случаи самаго разнообразнаго характера; въ однихъ случаяхъ шляхтичъ былъ потерпѣвшимъ, обидчикомъ являлся мѣщанинъ или вообще какой-ниб. другой человѣкъ „простого стану“; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, шляхтичъ самъ нарушалъ права другого, не принадлежащаго къ шляхетскому сословію. Законодателю волей-не-волей

обывателей Великаго Княжества—простыхъ людей, то слѣдуетъ сказать, что наказаніе литовско-русскаго права наименѣе удовлетворяло требованіямъ равенства: въ большинствѣ случаевъ тяжесть наказанія за то или другое преступленіе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, опредѣляется именно въ зависимости отъ сословія потерпѣвшаго и преступника, при чемъ по общему правилу для шляхтичей назначаются обыкновенно наказанія болѣе легкія, для простыхъ людей—болѣе тяжкія [1]); обратное бываетъ только въ видѣ исключенія [2]). Что касается неизбѣжности наказанія, то дѣйствительно законодатель заботится о томъ, чтобы всякій преступникъ получилъ надлежащее возмездіе, и всякій потерпѣвшій—надлежащее удовлетвореніе: „никому жаденъ привилей, ани зацность, ани достоенство не маеть помагати ани се имъ щытити можеть, абы не мѣлъ каранъ быти", „бо естли бы два або три были караны, а иншыи не караны, тогды бы была несправедливость" [3]). Къ сожалѣнію желанія законодателя не имѣли большого значенія на практикѣ: „зацный и можный" шляхтичъ почти всегда могъ выкупиться, испросить помилованіе или просто отказаться отъ выполненія судебнаго приговора; напротивъ, у простого человѣка не было для этого ни силъ, ни средствъ (денегъ), ни вліятельныхъ „приятелей".

3. Наказаніе должно быть строгимъ; въ противномъ случаѣ не будетъ достигнута основная цѣль карательной дѣятельности—устрашеніе. Строгость наказанія находится поэтому въ прямой зависимости отъ того значенія, какое придается элементу устрашительности. Если какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ столѣтія отъ наказанія въ равной

приходилось отступать отъ строго сословнаго характера своего кодекса, и эти отступленія были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ яснѣе и полнѣе желалъ онъ выразить свою мысль, чѣмъ меньше пропусковъ содержалъ его кодексъ: въ третьемъ Статутѣ гораздо больше и гораздо чаще говорится о простыхъ людяхъ, нежели во второмъ и, особенно, въ первомъ. Говоря о втор. Статутѣ, *Ярошевичъ* замѣчаетъ: „Statutem tym prócz Litwy i Żmudzi, rządzić się miały wszystkie kraje wówczas jeszcze do Litwy należące, a zatém kijowskie, wołyńskie, smoleńskie, połockie, witebskie i mscisławskie Wojewodstwa, a że był pisany dla szlachty, o tyle więc tylko obowiązywał mieszczan, o ile ich stosunki ze szlachta oznaczone w nim były". См. Obraz Litwy etc., т. II, стр. 140—141.

[1]) Напр. Перв. Ст. III, 14; Вт. Ст. IV, 35; XI, 12, 15; Трет. Ст. I, 24; III, 22; XI, 16, 29, 39, 49; XII, 1, 22, 23; XIV, 10, 19 и множество др.

[2]) Напр. Перв. Ст. IX, 18; Вт. Ст. X, 15; XIII, 6; Трет. Ст. IX, 18; X, 15; XIII, 4 и др.

[3]) Трет. Ст. I, 4; Вт. Ст. I, 4; Ак. зап. Россіи т. II, стр. 9.

степени требовалось, чтобы оно было индивидуальнымъ и справедливымъ, то, напротивъ, строгость взысканій прогрессивно увеличивалась по мѣрѣ развитія представленія о томъ, что наказаніе должно устрашать, и что спасительный страхъ наказанія можетъ быть могучимъ средствомъ для предупрежденія преступленій [1]). Какъ мы видѣли, строгость наказаній возрастала въ теченіе всего XVI столѣтія: каждая новая редакція Статута значительно расширяла область примѣненія строгихъ наказаній прежняго времени, а также создавала или заимствовала у другихъ народовъ новые виды казней, всецѣло разсчитанные на то, чтобы устрашать, вселять ужасъ. Устанавливается правило, что преступникъ долженъ быть наказанъ „строго, безъ милости, безъ вшелякое фолкги, безъ всякого, безъ жадного милосердья“ [2]). Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ законодатель заботится о томъ, чтобы его право не было слишкомъ „строгимъ, округнымъ“ или, какъ это иногда прямо выражается, чтобы „каранье было съ милосердьемъ“ („каранье ма быть зъ милосердьемъ“) [3]); однако въ общемъ уголовное право Литовскаго Статута должно быть признано весьма суровымъ и жестокимъ. „Строгое право“ обратилось въ концѣ-концовъ въ „окрутное право“ [4]), противъ котораго протестовала сама жизнь, и протестовала весьма энергично, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ практика судовъ того времени.

4. Исправлять жестокость закона судебная практика могла съ помощью могучаго и притомъ вполнѣ легальнаго орудія отмѣны и замѣны наказаній: всякое *наказаніе можетъ быть замѣнено или даже и совсѣмъ отмѣнено* при условіи удовлетворенія потерпѣвшаго. Съ вопросами объ отмѣнѣ и замѣнѣ наказанія и съ практическимъ значеніемъ ихъ мы познакомимся ниже [5]).

IV. Система и виды наказаній.

Въ теченіе XVI вѣка система композицій мало-по-малу уступаетъ

---

[1]) См. выше стр. 178 и сл.

[2]) Напр. Вт. Ст. I, 13; XI, 10, 18; XII, 5; Трет. Ст. I, 9, 17, 25; XI, 6, 9, 17; XII, 9; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 113; Ак. зап. Россіи, т. II, стр. 18, 19 и др.

[3]) Напр. Вт. Ст. XI, 12; Трет. Ст. XI, 39; Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 92; Ак. зап. Россіи, т. II, стр. 9.

[4]) Okrutny—жестокій, безчеловѣчный, свирѣпый, ужасный.

[5]) См. слѣдующую главу.

свое мѣсто системѣ устрашительныхъ каръ. Но подобно тому какъ и при развитой системѣ композицій еще не вполнѣ исчезаютъ слѣды господствовавшей прежде мести, такъ и при системѣ устрашительныхъ каръ еще не сразу уничтожаются денежныя расплаты или выкупы (композиціи): „переходъ одного уклада уголовнаго права въ другой происходитъ не вдругъ, а постепенно, такъ что въ то время какъ являются зародыши новой формаціи права, прежняя еще пользуется полной силой; затѣмъ, по мѣрѣ развитія новой, старая слабѣетъ, пока, переходя отъ простого уменьшенія къ равенству силъ, отъ равенства силъ къ полному ослабленію, она не исчезаетъ окончательно, уступая полное господство второй, которая въ это уже время вступаетъ въ соперничество съ вновь нарождающеюся третьей“ [1]). Эпоха Литовскихъ Статутовъ есть переходная эпоха въ развитіи уголовнаго права. Поэтому (какъ это уже было указано раньше) говоря о системѣ и видахъ наказаній Литовскаго Статута, мы одновременно должны будемъ говорить 1) о мести, 2) о композиціяхъ и 3) объ устрашительныхъ карахъ.

Подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ видовъ наказаній составитъ содержаніе слѣдующаго отдѣла нашего изслѣдованія. Теперь же мы ограничимся только самыми общими, но необходимыми замѣчаніями о системѣ наказаній Статута вообще. Систему эту составляютъ:

I. Штрафы, поступающіе въ пользу потерпѣвшаго или въ пользу общественной власти.

А. Въ пользу потерпѣвшаго поступаютъ:

1) головщина,
2) навязка,
3) гвалтъ,
4) вина,
5) закладъ (зарука).

Б. Въ пользу короля или вряда поступаютъ:

1) вина,
2) закладъ (зарука).

II. Публично-уголовныя наказанія.

А. Личныя:

1) смертная казнь,

---

[1]) См. *Кистяковскаго*, Элемент. учебникъ общаго угол. права, стр. 138.

2) тѣлесныя наказанія (болѣзненныя и членовредит.),
3) лишеніе свободы (тюремное заключеніе),
4) лишеніе чести и правъ.

Б. Имущественныя:
1) конфискація (общая и спеціальная),
2) отнятіе помѣстій.

III. Месть, нѣкоторыя формы которой сохраняются въ теченіе всего XVI столѣтія. Впрочемъ, такъ какъ месть наступаетъ послѣ судебнаго приговора, то и мститель въ значительной степени является не болѣе, какъ исполнительнымъ органомъ общественной власти, которая руками мстителя достигаетъ своихъ общественныхъ задачъ— казнитъ преступника.

Рядомъ съ этими общими и главными наказаніями Литовскаго Статута можно отмѣтить нѣсколько видовъ правопораженій и ограниченій свободы, которыя не имѣютъ значенія самостоятельныхъ наказаній, но всегда являются или въ видѣ дополненій къ какому-нибудь изъ указанныхъ главныхъ наказаній, или для замѣны ихъ въ случаяхъ невозможности ихъ примѣненія. Выражаясь современной терминологіей, эти наказанія могутъ быть названы наказаніями дополнительными и замѣняющими. Кромѣ того нѣкоторыя наказанія, вслѣдствіе ихъ рѣдкой и исключительной примѣняемости, должны быть выдѣлены въ особую группу исключительныхъ наказаній; въ большинствѣ случаевъ примѣненіе ихъ возможно только къ опредѣленнымъ лицамъ и при наличности опредѣленныхъ условій. Такимъ образомъ въ систему наказаній входятъ еще:

I. Дополнительныя наказанія:
1) изгнаніе,
2) лишеніе наслѣдственныхъ правъ,
3) покаяніе.

II. Замѣняющія наказанія:
1) выволаніе (баниція),
2) выдача въ кабалу,
3) выдача въ вѣчную неволю.

III. Исключительныя наказанія:
1) отрѣшеніе отъ должности,
2) обращеніе въ отчича.

Слѣдуетъ замѣтить, что для перваго Статута къ числу исклю-

чительныхъ наказаній могутъ быть отнесены также тѣлесныя наказанія и тюремное заключеніе; но во второй половинѣ столѣтія, вслѣдствіе чрезвычайнаго расширенія области ихъ примѣненія, и они, безспорно, становятся уже наказаніями вполнѣ обыкновенными (общими и главными). Особенно слѣдуетъ сказать это относительно тюремнаго заключенія.

Какъ ни велико было значеніе сословныхъ различій въ литовско-русскомъ правѣ XVI вѣка, однако вліяніе этихъ различій для выработки спеціально-сословныхъ взысканій оказалось довольно незначительнымъ: каждое изъ указанныхъ наказаній въ равной степени примѣнялось и къ шляхтичу, и къ простому человѣку; одно только лишеніе чести имѣло спеціально-сословное, шляхетское значеніе—простой человѣкъ не могъ быть лишенъ чести, потому что онъ ею не обладалъ [1]). Такимъ образомъ, кромѣ этого исключенія, всѣ остальныя главныя наказанія съ полнымъ правомъ могутъ быть названы также наказаніями общими, которымъ, при наличности опредѣленныхъ условій, могъ подлежать всякій „почонъшы отъ вышъшого стану ажъ до нижшого“ [2]).

Каждое изъ извѣстныхъ Статуту наказаній назначается въ санкціи уголовнаго закона или отдѣльно, или же въ соединеніи съ другимъ (другими) наказаніемъ [3]). Послѣднее встрѣчастся найчаще, потому что

---

[1]) Подробности о чести вообще и о шляхетской чести въ частности, о лишеніи чести и пр. см. во второмъ отдѣлѣ (карательныя мѣры—лишеніе чести).

[2]) Трет. Ст. I, 1.

[3]) Въ отдѣльныхъ случаяхъ Статутъ назначаетъ слѣдующія наказанія:

Головщина.	*Навязка.*
Головщина и тѣлес. наказанія.	Навязка и тѣлес. наказанія.
Головщина и смерт. казнь.	Навязка и смер. казнь.
Головщина и тюрем. заключеніе.	Навязка и тюрем. заключеніе.
Головщина и гвалтъ.	Навязка и гвалтъ.
Головщина и выволаніе.	Навязка и выволаніе.
Головщина и вина публичная (т. е. въ пользу короля или вряда).	Навязка и вина п.
	Навязка и вина частная (т. е. въ пользу потерпѣвшаго).
Головщина, смер. казнь и лишеніе чести.	Навязка и закладъ.
Головщина, смер. казнь и навязка.	Навязка, смер. казнь и лишеніе чести.
Головщина, смер. казнь и гвалтъ.	Навязка, смер. казнь и гвалтъ.
Головщина, смер. казнь и вина п.	Навязка, смер. казнь и головщина.
Головщина, вина п. и выволаніе.	

сложная форма наказанія наиболѣе соотвѣтствуетъ тѣмъ разнообразнымъ элементамъ преступленія, благодаря которымъ тотъ или другой „выступокъ“ можетъ быть одновременно „шкодой для Рѣчи Посполитой“ и „кривдой“ для одного или нѣсколькихъ потерпѣвшихъ въ одномъ или въ нѣсколькихъ отношеніяхъ, вслѣдствіе чего проистекаетъ множественность вреда и обиды, а, слѣдовательно, и одновременное требованіе удовлетворенія за нѣсколько кривдъ (обидъ). Попытаемся опредѣлить тѣ принципы, какими руководствуется законодатель при соединеніи (сложеніи) наказаній.

Навязка, смер. казнь и вина п.
Навязка, гвалтъ и тюрьма.
Навязка, гвалтъ и закладъ.
Навязка, тюрьма и цер. покаяніе.
Навязка, изгнаніе и тѣлес. наказанія.
Навязка, вина п. и вина ч.
Гвалтъ.
Гвалтъ и смер. казнь.
Гвалтъ и тюрем. заключеніе.
Гвалтъ и вина п.
Гвалтъ и навязка.
Гвалтъ и головщина.
Гвалтъ, смер. казнь и навязка.
Гвалтъ, смер. казнь и вина п.
Гвалтъ, смер. казнь и головщина.
Гвалтъ, закладъ и навязка.
Гвалтъ, тюрьма и навязка.
Вина частная (въ пользу потерпѣвшаго).
Вина ч. и смер. казнь.
Вина ч. и тюрьма.
Вина ч. и вина п.
Вина ч. и навязка.
Вина ч. и лишеніе правъ.
Вина ч., вина п. и конфискація.
Вина ч., вина п и навязка.
Вина ч., вина п. и лишеніе правъ.
Закладъ.
Закладъ и смер. казнь.
Закладъ и тюрьма.
Закладъ и навязка.
Закладъ, смер. казнь и конфискація.
Закладъ, гвалтъ и навязка.
Закладъ, выволаніе и конфискація.
Вина публичная (въ пользу короля или вряда).
Вина п. и смер. казнь.
Вина п. и тюрьма.
Вина п. и гвалтъ.
Вина п. и вина ч.
Вина п. и навязка.
Вина п. и головщина.
Вина п. и конфискація.
Вина п., смер. казнь и гвалтъ.
Вина п., смер. казнь и головщина.
Вина п., смер. казнь и навязка.
Вина п., вина ч. и конфискація.
Вина п., вина ч. и лишеніе правъ.
Вина п., вина ч. и навязка.
Вина п., выволаніе и головщина.
Смерт. казнь.
Смер. казнь и гвалтъ.
Смер. казнь и вина ч.
Смер. казнь и закладъ.
Смер. казнь и навязка.
Смер. казнь и головщина.
Смер. казнь и лишеніе правъ.
Смер. казнь и лишеніе чести.
Смер. казнь и конфискація.
Смер. казнь, вина п. и навязка.
Смер. казнь, вина п. и головщина.
Смер. казнь, вина п. и гвалтъ,
Смер. казнь, гвалтъ и головщина.
Смер. казнь, гвалтъ и навязка.
Смер. казнь, головщина и навязка.
Смер. казнь, головщина и лишеніе чести.

Соединяя публично-уголовныя наказанія другъ съ другомъ, законодатель руководствуется обычаемъ или слѣдуетъ своему произволу; чѣмъ строже относится онъ къ тому или другому дѣянію, тѣмъ охотнѣе переходитъ онъ отъ имущественныхъ наказаній къ личнымъ, тѣмъ скорѣе замѣняетъ или дополняетъ одни другими. Если одно наказаніе кажется недостаточнымъ, законодатель присоединяетъ другое: смертная казнь можетъ соединяться съ лишеніемъ чести, или съ конфискаціей, или съ тѣмъ и другимъ въ совокупности[1]); въ свою очередь конфискація можетъ дополняться тюремнымъ заключеніемъ или выволаніемъ и под. Штрафы, поступающіе въ пользу вряда, составляютъ не только наказаніе для преступника, но и доходъ вряднивовъ; слѣдовательно, назначеніе ихъ въ значительной степени зависитъ отъ того, насколько тѣмъ или другимъ преступленіемъ затрогиваются интересы врядниковъ, которые содѣйствуютъ предупрежденію

Смер. казнь, лишеніе чести и навязка.
Смер. казнь, лишеніе чести и конфискація.
Смер. казнь, конфискація и закладъ.
Тѣлес. наказанія.
Тѣл. наказанія и навязка.
Тѣл. наказанія и головщина.
Тѣл. наказанія и лишеніе правъ.
Тѣл. наказанія и изгнаніе.
Тѣл. наказанія, изгнаніе и навязка.
Тюремное заключеніе.
Тюрьма и гвалтъ.
Тюрьма и вина п.
Тюрьма и вина ч.
Тюрьма и закладъ.
Тюрьма и навязка.
Тюрьма и головщина.
Тюрьма и конфискація.
Тюрьма и цер. покаяніе.
Тюрьма, гвалтъ и навязка.
Тюрьма, навязка и церков. покаяніе.
Лишеніе чести.
Лишеніе чести и смер. казнь.
Лишеніе чести и конфискація.
Лишеніе чести, смер. казнь и головщина.
Лишеніе чести, смер. казнь и конфискація.
Лишеніе чести, смер. казнь и навязка.
Лишеніе правъ.
Лишеніе правъ и тѣлес. наказаній.
Лишеніе правъ и смерт. казнь.
Лишеніе правъ и вина ч.
Лишеніе правъ и конфискація.
Лишеніе правъ, вина п. и вина ч.
Конфискація.
Конфискація и смер. казнь.
Конфискація и тюрьма.
Конфискація и вина п.
Конфискація и лишеніе правъ.
Конфискація и лишеніе чести.
Конфискація, смер. казнь и лишеніе чести.
Конфискація, смер. казнь и закладъ.
Конфискація, вина п. и вина ч.
Конфискація, выволаніе и закладъ.
Изгнаніе и тѣлес. наказанія.
Изгнаніе, тѣлес. наказанія и навязка.
Выволаніе.
Выволаніе и навязка.
Выволаніе и головщина.
Выволаніе, конфискація и закладъ.

[1]) Какъ при государственныхъ преступленіяхъ, къ которымъ законодатель относится весьма строго.

преступленія, заботятся о раскрытіи обстоятельствъ дѣла, объ отысканіи и поимкѣ виновныхъ и лично разбираютъ и судятъ. Соотвѣтственно этому область примѣненія вины (подъ этимъ названіемъ извѣстенъ важнѣйшій изъ штрафовъ, поступающихъ въ пользу общественной власти) простирается главнымъ образомъ на преступленія противъ судебной власти и противъ порядка управленія. Наконецъ, что касается штрафовъ въ пользу потерпѣвшаго, они назначаются во всѣхъ случаяхъ, когда преступленіе заключаетъ въ себѣ кривду или обиду для кого-нибудь, когда есть „укривжоный", который требуетъ удовлетворенія [1]).

Такимъ образомъ руководящимъ моментомъ при соединеніи наказаній является самый составъ преступленія. Чѣмъ проще преступленіе по своему составу, тѣмъ проще и наказаніе; наоборотъ, чѣмъ сложнѣе составъ преступленія, тѣмъ сложнѣе и наказаніе. Законодатель, назначая то или другое наказаніе, мысленно расчленяетъ сложный составъ даннаго преступленія (идеальная совокупность преступленій) на тѣ простыя преступленія, изъ которыхъ оно состоитъ, и облагаетъ каждое (или почти каждое) соотвѣтствующимъ ему наказаніемъ: за насиліе онъ присуждаетъ къ уплатѣ гвалта, за убійство —головщину, за нанесеніе побоевъ или ранъ—къ уплатѣ навязки, боя, ранъ, безчестья, за шкоду—шкоды съ навязкой; врядники получаютъ свой доходъ въ формѣ вины; если преступленіе является слишкомъ важнымъ нарушеніемъ правопорядка, то присоединяются публично-уголовныя наказанія, имущественныя и личныя, высшую степень которыхъ составляютъ лишеніе чести и смертная казнь.

Такимъ образомъ указанная выше система и виды наказаній Литовскаго Статута не составляютъ лѣстницы наказаній; карательныя мѣры разсматриваемаго памятника настолько различаются по своему характеру, что требуютъ постоянныхъ дополненій однихъ наказаній другими, и являются поэтому на практикѣ въ видѣ самыхъ затѣйливыхъ соединеній, все разнообразіе которыхъ законодатель не въ состояніи заранѣе предусмотрѣть и регламентировать, какъ не можетъ онъ предусмотрѣть и всѣхъ возможныхъ въ дѣйствительности

---

[1]) Изъ этого правила едва ли не единственное исключеніе составляетъ убійство жида шляхтичемъ, когда „вжо головщина плачона не будетъ". См. Трет. Ст. XII, 7. Ср. ib., XI, 14.

измѣненій состава того или другого преступленія. Особенно слѣдуетъ сказать это относительно штрафовъ въ пользу потерпѣвшаго: законодатель въ томъ или другомъ случаѣ предполагаетъ, что будутъ битые; въ дѣйствительности оказываются и битые, и раненые, и изувѣченные, и даже убитые; слѣдовательно, вмѣсто одной навязки виновный можетъ заплатить десять навязокъ, боевъ, ранъ, головщинъ и пр. Въ этомъ отношеніи суду даны только общіе и руководящіе принципы, слѣдуя которымъ онъ можетъ до безконечности разнообразить тѣ формы соединеній различныхъ карательныхъ мѣръ, о которыхъ упоминаетъ Статутъ, и которыя далеко не соотвѣтствуютъ всѣмъ возможнымъ въ дѣйствительности комбинаціямъ.

Глава Пятая. Приложеніе наказанія къ преступному дѣянію.

I. Общій порядокъ опредѣленія и примѣненія наказанія.

За преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе. Въ древнѣйшую эпоху обиженный могъ мстить своему обидчику тотчасъ же, непосредственно за совершеніемъ преступнаго дѣянія. Однако и месть въ ея позднѣйшихъ формахъ подчинена уже опредѣленнымъ правиламъ и допускается не иначе, какъ послѣ судебнаго приговора, или требуетъ послѣдующаго оправданія судомъ [1]). Въ такой именно формѣ извѣстна месть и Литовскому Статуту. Такимъ образомъ *по общему правилу* [2]) *наказаніе въ эпоху Статута примѣняется не иначе, какъ послѣ суда* [3]) *и при достаточныхъ доказательствахъ виновности обвиняемаго* [4]). Само-

---

[1]) Въ частности относительно мести по Русской Правдѣ см. *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 274—275. Ср. *Мрочка-Дроздовскаго*, Изслѣд. о Р. П., вып. II, Прилож. 1-е.

[2]) Говоримъ: „по общему правилу", потому что иногда наказаніе примѣняется и безъ суда (см. ниже) или хотя и послѣ суда, но „безъ доводу"—какъ-бы для вящшаго устрашенія упорнаго отвѣтчика, отказывающагося явиться передъ судомъ. Напр. Трет. Ст. IV, 29, 30, 47, 60, 64; IX, 5 и др. Вообще неявка отвѣтчика въ гродскій судъ (который вѣдалъ главнымъ образомъ дѣла уголовныя) влекла за собой или выволаніе (при обвиненіи въ „крывавыхъ речахъ"), или постановленіе заочнаго рѣшенія, основывавшагося на „всемъ доводѣ"—„абы (какъ выражается второй Статутъ) за облудливостю и за недостаткомъ доводовъ одинъ другого отъ маетности и ку шкодѣ не припрaвялъ и ку оболженю не приводилъ" (Попр. Ст. стр. 201, 205, 210). Третій Статутъ отступилъ отъ этого разумнаго правила: судъ „для непослушенъства (отвѣтчика) речъ на позве описаную *безъ доводу* сказати виненъ будетъ" (IV, 30). О наказаніи подозрительныхъ людей мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ (см. выше стр. 189).

[3]) Напр. Перв. Ст. I, 1; Вт. Ст. I, 2; II, 6; III, 7; Трет. Ст. I, 2; III, 10, 14; XI, 28; Устав. Зем. Грамоты, стр. 124 и др.

[4]) Напр. Перв. Ст. I, 1, 8; III, 5, 16; Вт. Ст. I, 2; III, 11; IV, 6; X, 1; Поправы

управство запрещено и составляетъ самостоятельное преступленіе [1]).

Въ началѣ каждой редакціи Статута помѣщено заявленіе короля, въ которомъ „Господаръ шлюбуетъ никого не карати на заочное поведанье, хотя бы ся тыкало ображеня маестату его милости". Вотъ это заявленіе: „На первей пречонымъ прелатом, княжатомъ, паномъ хоругвным, шляхтам и местом пречоныхъ земль великого князства Литовского, Руского, Жомоитского и иныхъ дали есмо, ижъ на жадного человѣка выдане або осоченье явное або таемное подозренье неслушное тых княжатъ и пановъ хоругвныхъ, шляхты и мещанъ карати не хочем ани винити которою колвекъ виною пенежною, кривавою, нятствомъ або именя отнятіем, нижли бы первей в суде явнымъ врадом права хрестиянского коли повод и отпоръ очивисте стяли о остаточне были поконаны, которыи по суде и таковом поконаню подле звычая правъ хрестиянскихъ мают быти караны и усказываны подле тяжкости и легкости выступовъ своих" [2]). Не ограничиваясь этимъ заявленіемъ, законодатель и въ другихъ мѣстахъ кодекса неоднократно повторяетъ и настаиваетъ на исполненіи требованія, выраженнаго въ самомъ началѣ кодекса: преступникъ можетъ быть наказанъ только „послѣ суда" и „за доводомъ слушнымъ, яснымъ и достаточнымъ", „за слушнымъ, певнымъ, значнымъ и явнымъ доводомъ", „не на голую повесть и обмову, але за огледаньемъ и выведаньемъ слушнымъ и справедливымъ правнымъ поступкомъ и доводомъ" [3]). Всякій, кто самовольно и самоуправно подвергнетъ своего обидчика какому-нибудь личному наказанію или взыщетъ на немъ свою шкоду и кривду, отвѣчаетъ за свое самоуправство уплатой навязки (за нанесеніе ранъ, лишеніе свободы и под.), гвалта (за насиліе),

---

Статутовыя стр. 210, 211; Трет. Ст. I, 2, 19; III, 14; IV, 9, 29, 54, 64, 68, 98, 105; XI, 60, 61; XII, 9; XIV, 22 и мн. др.

[1]) Перв. Ст. VIII, 10, 16; XII, 1, 3, 4, 5; Вт. Ст. III, 28; IX, 9; XIII, 3, 4, 5, 6; Трет. Ст. III, 37; IX, 18; XI, 28; XIII, 3, 4 и др. Самоуправство допускается только въ видѣ исключенія подъ условіемъ послѣдующаго оправданія его судомъ, напр. Перв. Ст. VIII, 13; IX, 6; XII, 2; Вт. Ст. IX, 12; X, 5; XIII, 2; Трет. Ст. XIII, 2 и др. Въ рѣдкихъ случаяхъ упоминается о наказаніи за отраженіе справедливаго самоуправства, напр. Вт. Ст. III, 40; IX, 14; Трет. Ст. IX, 23 и др.

[2]) Перв. Ст. I, 1; Вт. Ст. I, 2; Трет. Ст. I, 2.

[3]) Трет. Ст. I, 19; IV, 9; XI, 60 и мн. др. Вообще выраженіе „за слушнымъ доводомъ" встрѣчается на каждой страницѣ кодекса и составляетъ, такъ сказать, обычную вставку между диспозитивной частью и санкціей уголовнаго закона.

головщины (за убійство) и возвращаетъ пограбленное вдвойнѣ (совито), какъ и всякій другой грабитель [1]).

Отмѣтивъ главное (руководящее) правило, остановимся нѣсколько подробнѣе на основныхъ моментахъ приложенія наказанія къ преступному дѣянію.

А. Возбужденіе судебнаго преслѣдованія, приговоръ суда, исполненіе судебнаго приговора.

1. Приговоръ суда о наказаніи виновнаго. Совершившій преступленіе можетъ быть захваченъ на мѣстѣ преступленія или съ поличнымъ; но во многихъ случаяхъ личность виновника преступнаго дѣянія можетъ быть установлена только впослѣдствіи, такъ какъ онъ можетъ, совершивъ преступленіе, оставаться незахваченнымъ или скрыться незамѣченнымъ и непойманнымъ. Соотвѣтственно этому и самая форма возбужденія судебнаго преслѣдованія бываетъ двоякая: „лицованный злочинца“ немедленно представляется въ урядъ, гдѣ и судится на основаніи доводовъ истца [2]); напротивъ, скрывшійся или незахваченный преступникъ разыскивается и вызывается въ судъ „позвомъ“ (простой человѣкъ—„обосланьемъ“) [3]). Для возбужденія

[1]) Напр. Ак. Вил. Ком. т. XVII, № 634, стр. 233: Васкель, оскорбленный и побитый Янелемъ, при встрѣчѣ самъ расправился со своимъ обидчикомъ. Судья рѣшилъ: „тому порозумевши, водлугъ статуту правъ земскихъ писаныхъ, ижъ въ статутехъ такъ опеваетъ. естли бы хто мялъ кого гдежъ кольвекъ збити, а оный збитый, хочъ бы мало погодивши, не зыскуючи правомъ на томъ, хто его збилъ, а на другомъ местцы мялъ бы оному, хто его збилъ, мстити бою своего, а бити его, тогды тотъ, который бы мялъ то вчинити, бой свой первый тратитъ и того, кому ся мстилъ бою своего, ма навязати водлугъ стану его—и ямъ (судья) тежъ не отступуючи отъ статуту водлугъ обычая правъ, кгдыжъ тотъ Васкель, не вживаючи правомъ Янеля сотникового сына о бой свой, напротивъ того бою своего также его збилъ, тотъ бой первый Васкеловъ ниввечъ обернулъ, а въ томъ, ижъ Янеля збилъ, знашолъ есми его винного и присудилъ есми на немъ Янелю за бой навязку водлугъ стану его“. Любопытно, что актъ (онъ относится къ 1540 г.) ссылается на такое постановленіе кодекса, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ списковъ перваго Статута. Такъ какъ подобныя ссылки встрѣчаются неоднократно, то остается предположить, что списки перваго Статута весьма различались между собой: „на розныхъ мѣстцахъ и урядѣхъ поправляютъ речы и артыкулы новые а розные, которые въ томъ статутѣ не были и не суть описаны, одно противные статутови, а ку понетью и уфалѣ годные“ (слова Бѣльскаго привилея, см. Вт. Ст. стр. 6). Ср. Перв. Ст. XII, 5; Вт. Ст. XIV, 19.

[2]) Трет. Ст. IV, 30. Ср. кромѣ того Трет. Ст. IV, 28, 29, 64; XII, 22, 23; XIV, 9 и др. См. *Леонтовича*, Русская Правда и Литов. Статутъ, стр. 50 и слѣд.

[3]) Трет. Ст. IV, 30, 48, 67, 92, 95, 96; IX, 2; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 221 и др.

судебнаго преслѣдованія установленъ опредѣленный (давностный) срокъ, въ теченіе котораго обиженный (въ частныхъ и, отчасти, публичныхъ преступленіяхъ) или самъ урядъ (въ наиболѣе важныхъ частныхъ и всѣхъ публичныхъ преступленіяхъ) [1]) имѣютъ право позвать виновнаго на судъ и потребовать его наказанія. Въ опредѣленный срокъ надлежащій [2]) судъ разсматриваетъ дѣло, взвѣшиваетъ всѣ доказательства и постановляетъ приговоръ, который имѣетъ силу и долженъ быть приведенъ въ исполненіе также не позже извѣстнаго (давностнаго) срока. Виновный подлежитъ наказанію, опредѣленному въ судебномъ приговорѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются довольно существенныя отступленія отъ указаннаго порядка: иногда наказаніе налагается не по судебному приговору, а по взаимному соглашенію, состоявшемуся между потерпѣвшимъ и преступникомъ, который „зъ еднанья за який выступъ свой везеньемъ (и под.) теръпети самъ добровольне черезъ який часъ поднялъ се“ [3]); въ другихъ случаяхъ наказаніе назначается по усмотрѣнію властей безъ предварительнаго судебнаго разбирательства [4]). Впрочемъ, въ эпоху Статутовъ административныя взысканія не играютъ еще большой роли, и законодатель запрещаетъ въ большинствѣ случаевъ какія бы то ни было отступленія отъ обыкновеннаго порядка примѣненія наказаній и требуетъ строгаго соблюденія всѣхъ необходимыхъ формъ судебнаго производства даже въ такихъ случаяхъ, когда это менѣе всего мо-

---

[1]) По Л. Статуту самъ врядъ обязанъ былъ возбуждать судебное преслѣдованіе противъ виновнаго въ убійствѣ неизвѣстнаго человѣка („чоловека переежджого и безъплеменъного“), мужа (жены) или отца (матери), противъ дѣтоубійцы (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова), противъ выволаннаго гвалтовника и въ нѣкоторыхъ другихъ (рѣдкихъ) случаяхъ. См. выше стр. 13 и 15. Наоборотъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ частныя лица могли возбуждать судебное преслѣдованіе противъ виновныхъ въ публичныхъ преступленіяхъ, хотя бы ихъ собственные интересы не терпѣли при этомъ никакого непосредственнаго ущерба. См. выше стр. 15. Также Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 102.

[2]) Обыкновенно по мѣсту совершенія преступнаго дѣянія: „маютъ бытъ сужоны на тыхъ врядѣхъ, гдѣ хто выступитъ“ (Трет. Ст. I, 1.).

[3]) См. Трет. Ст. IV, 32; Акты Кіев. Центр. Архива кн. 2035, листъ 57 на об.; кн. 2036, листъ 28; кн. 2037, листъ 195 на об.; кн. 2038, листъ 208 на об., листъ 278 на об.; кн. 2040, листъ 31 на об. и мн. др.

[4]) Напр. Трет. Ст. IV, 53, 105; XII, 24 и др.

жетъ быть оправдываемо самой сущностью дѣла и требованіями общественнаго порядка [1]).

Приговоръ суда о наказаніи преступника подлежитъ исполненію. Объ этомъ долженъ позаботиться истецъ (т. е. потерпѣвшій или врядъ), которому предоставляется право напоминать, требовать и силой принуждать обвиненнаго отвѣтчика къ тому, чего онъ не желаетъ выполнить добровольно [2]). Приступить къ исполненію опредѣленнаго въ приговорѣ наказанія отвѣтчикъ обязывается или немедленно послѣ постановленія окончательнаго и вошедшаго въ законную силу [3]) приговора, или же въ теченіе опредѣленнаго срока.

По общему правилу личныя наказанія отбываются немедленно [4]), для уплаты же штрафовъ и шкодъ назначаются опредѣленные сроки: „кождой заплате пенежной, справа за презыски отъ которого кольвекъ суду сказаной, мають быти роки по сказанью судовомъ положоны, то естъ почавшы отъ наменшое личъбы до петидесятъ копъ грошей две недели, а той суме, што будетъ большъ петидесятъ копъ грошей албу сту копамъ грошей, чотыри недели, што болшъ ста копъ грошей до петисотъ копъ грошей, тому дванадъцать недель, а што надъ пятъсотъ копъ ажъ до тисечи копъ грошей, той суме рокъ двадъцать чотыры недели“ [5]). Начало этихъ сроковъ считается съ того дня, когда отвѣтчикъ узналъ о состоявшемся судебномъ рѣшеніи, т. е. или со дня

---

[1]) Напр. въ случаяхъ сопротивленія „отправѣ присужоного“—см. ниже стр. 216.

[2]) Въ этихъ случаяхъ истецъ можетъ и долженъ пользоваться содѣйствіемъ исполнительныхъ органовъ суда (вознаго, господарскаго дворянина, врядниковъ въ имѣніяхъ вотчинниковъ и пр.) того повѣта, въ которомъ находится имущество виновнаго, или гдѣ онъ самъ захваченъ („пристигненъ“, „злапанъ“). См. Трет. Ст. I, 10; IV, 5, 9, 15, 29, 32, 55, 67, 94, 95, 97; IX, 2, 3, 7, 24; XI, 4, 5, 67; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 42, 60, 71, 338 и множ. др.

[3]) Поэтому въ случаѣ апелляціи наказаніе всегда отсрочивается до разсмотрѣнія дѣла высшей инстанціей. Трет. Ст. IV, 37, 86; IX, 7; XI, 67 и др.

[4]) Напр. Трет. Ст. VII, 7; XI, 5, 27; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 42, 338 и мн. др.

[5]) Трет. Ст. IV, 84. Первый и второй Статуты назначаютъ болѣе продолжительные сроки (Перв. Ст. VI, 15; Вт. Ст. IV, 59). Впрочемъ судъ иногда отступалъ отъ предписаній закона и назначалъ сроки въ зависимости отъ разнообразныхъ обстоятельствъ дѣла: жиду Мошку Исаковичу назначенъ былъ срокъ 8-ми недѣльный въ виду того, „ижъ за чотыры недѣли ихъ свято-кучки будетъ, которого свята они ничого не справуютъ“; муралкѣ господарской Марьюхѣ Гришковой 12-ти недѣльный „для убожества ея“. Иногда уплата разсрочивалась на нѣсколько сроковъ. Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. XLI. Ср. Трет. Ст. I, 27; IV, 45.

„сказанья врядового“, или же, если „сказанье врядовое вышло заочне“, со дня „поданья албо положенья на именью виноватого копѣи з листу увяжчого“ [1]). Въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ „заплата“ назначается „безъ роковъ“, „безъ ратъ статутовыхъ“, какъ напримѣръ при наѣздѣ, при гвалтовномъ отнятіи имущества и под. [2]). Это исключеніе обращается въ правило, если истцомъ является „приежчый гость чужоземецъ“, для которыхъ Статутъ „учить справедливость прудкую чинити“, или если отвѣтчикъ, „немаючи оселости“, не представляетъ достаточнаго ручательства въ томъ, что „стороне жалобной досыть учинить“ согласно съ судебнымъ приговоромъ и въ назначенный срокъ [3]). Напротивъ, сроки назначаются въ видѣ исключенія для личныхъ взысканій, которыя могутъ быть отсрочены только въ рѣдкихъ случаяхъ болѣзни осужденнаго, беременности виновной и приговоренной къ смертной казни, необходимости для виновнаго служить „земскую службу“ и под. [4]). Если наказаніе, назначенное къ исполненію „безъ роковъ“, „заразомъ“, „заразомъ скоро по сказанью врядовомъ“, опредѣлено въ заочномъ приговорѣ суда, то виновный оповѣщается объ этомъ „врядовымъ листомъ“, по полученіи котораго онъ долженъ немедленно предоставить себя въ распоряженіе властей для выполненія надъ собой установленныхъ личныхъ взысканій; денежные же штрафы должны быть выплачены въ четырехнедѣльный срокъ отъ оповѣщенія [5]).

2. Мѣры побужденія отвѣтчика къ исполненію судебнаго приговора. Только въ рѣдкихъ случаяхъ приговоръ суда исполнялся отвѣтчикомъ добровольно. Гораздо чаще „упорный“ отвѣтчикъ отказывался отъ исполненія и не подчинялся рѣшенію суда. Приходилось обращаться къ силѣ, приходилось „моцно черезъ врядъ“ захватывать виновнаго и его недвижимое имущество [6]) и грабить имущество движи-

---

[1]) Трет. Ст. IV, 93.

[2]) Трет. Ст. I, 10, 34; III, 28; IV, 7, 11, 30, 40, 44, 48, 53, 79, 92, 96, 100; IX, 15; X, 7; XI, 4; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 82, 104, 117, 120, 170, 174, 371 и др.

[3]) Трет. Ст. IV, 28, 29 и др. Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 397.

[4]) Трет. Ст. IV, 62; XI, 34; Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2036, листъ 28; кн. 2038, листъ 208 на об.; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 126, 154 и др.

[5]) Трет. Ст. IV, 93; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 78, 152, 155, 170, 179, 272, 293, 300, 304, 322, 328, 332, 346, 358, 363, 373, 463 и др.

[6]) Недвижимое имущество отдавалось во владѣніе истцу „до заплаты присужоного“. Вводъ во владѣніе обозначается въ Статутѣ спеціальнымъ терминомъ „увязанье“, вводить во владѣніе—„увязывати“. См. Перв. Ст. VI, 1; Вт. Ст. IV, 67; Трет. Ст. IV, 94, 98.

мое [1]). Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что постановленія различныхъ редакцій Статута въ этомъ отношеніи весьма разнятся между собой. По мѣрѣ того какъ увеличивается своеволіе шляхты, не желающей знать надъ собой никакого суда и никакой власти, увеличивается и въ Статутѣ число постановленій, стремящихся положить предѣлъ этому своеволію. Различными мѣрами старается законодатель утвердить силу власти; но усилія его остаются тщетными. Напрасно угрожаетъ онъ сопротивляющимся самыми строгими наказаніями, напрасно устрашаетъ непослушныхъ увеличеніемъ взысканій по мѣрѣ ихъ упорства, напрасно обѣщаетъ имъ всяческое снисхожденіе въ случаѣ раскаянія и добровольнаго удовлетворенія требованій суда [2]); всѣ строгія предписанія закона теряютъ всякое значеніе въ виду одного недостижимаго условія, именно—въ виду предположенія, что „врядъ можетъ упорного до того примусити“ [3]).

Первый Статутъ почти не содержитъ никакихъ постановленій на случай нежеланія отвѣтчика добровольно выполнить присужденное [4]). Напротивъ, во второмъ и особенно въ третьемъ Статутѣ подобныя постановленія встрѣчаются почти на каждой страницѣ, при чемъ третій Статутъ отчасти повторяетъ предписанія предыдущаго, отчасти же создаетъ постановленія новыя и болѣе строгія.

Всю массу этихъ постановленій, весьма разнообразныхъ и крайне разбросанныхъ, можно привести въ извѣстную систему. Статутъ различаетъ, происходитъ ли неповиновеніе или сопротивленіе власти вслѣдствіе нежеланія отвѣтчика исполнить приговоръ суда, направленный на его имущество, или же вслѣдствіе нежеланія подвергнуться опредѣленному личному взысканію. Кромѣ того большая разница представляется въ тѣхъ мѣрахъ обезпеченія, какія требуются отъ непослушнаго: однѣ мѣры нужно принимать относительно осѣлаго, другія

---

[1]) Перв. Ст. VI, 31; Устав. Зем. Грамоты, стр. 192; Трет. Ст. VII, 31 (арестъ, наложеніе запрещенія).

[2]) Напр. Трет. Ст. IV, 95.

[3]) „Вообще, говоритъ авторъ предисловія къ XV т. Актовъ Вил. Археограф. Коммиссіи, неисполненіе судебныхъ постановленій—самое обычное явленіе того времени, и это было такое зло, съ которымъ ничего не могла подѣлать и королевская власть, по большей части очень слабая. Не избѣгали этой участи и трибунальные декреты, не смотря на ихъ непремѣнную силу и особо важное значеніе, какое они имѣли de jure“ (стр. XXXI).

[4]) См. Перв. Ст. VI, 1, 31 и нѣк. др.

относительно неосѣлаго. Наконецъ, бываютъ случаи, когда самъ обвиненный не сопротивляется, но третье лицо мѣшаетъ уряду привести въ исполненіе приговоръ, состоявшійся относительно перваго. Такимъ образомъ мы имѣемъ слѣдующую систему постановленій, направленныхъ къ утвержденію ненарушимости судебныхъ приговоровъ.

а) Во-первыхъ, *при нежеланіи отвѣтчика уплатить опредѣленный судомъ штрафъ* вопросъ разрѣшается весьма просто, если отвѣтчикъ принадлежитъ къ числу людей „*осѣлыхъ*“, т. е. владѣющихъ недвижимой собственностью. Если въ назначенный срокъ „заплата не стала“, то судъ даетъ истцу вознаго, который и вводитъ его во владѣніе той частью имущества отвѣтчика, какая по оцѣнкѣ соотвѣтствуетъ присужденной суммѣ [1]). Истцу выдается вводный листъ („листъ увяжчій“), ненарушимость котораго обезпечивается закладомъ „такъ великимъ, яко о самую речъ идетъ“ [2]). Въ случаѣ сопротивленія отвѣтчика „увязанью“ вознаго дѣло вновь передается на разсмотрѣніе суда. Разобравъ дѣло и найдя, что фактъ сопротивленія отвѣтчика возному доказанъ („кгды доведетъ сторона поводовая такового впору и непослушенства его“), самъ врядъ вмѣстѣ съ двумя возными и пятью шляхтичами выѣзжаетъ для ввода во владѣніе [3]). Онъ совершаетъ тотъ вводъ, котораго не могъ сдѣлать одинъ возный, и ненарушимость его обезпечиваетъ уже не простой, но „совитой зарукой“ [4]). Въ случаѣ новаго сопротивленія отвѣтчика виновный „впадаетъ в совитую заруку“; остальная часть его имущества конфискуется, а

---

[1]) Судъ обязанъ „вчинить отправу“ въ четырехнедѣльный срокъ. Трет. Ст. IV, 94, 97; IX, 24 и др. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нежеланіе отвѣтчика уплатить назначенный судомъ штрафъ влечетъ за собой совитое взысканіе, такъ что уже возный взыскиваетъ на имуществѣ отвѣтчика „истизну съ совитостью“ (Трет. Ст. IV, 11, 53, 62).

[2]) Вт. Ст. IV, 49, 67, 68, 69; IX, 15; Трет. Ст. IV, 74, 94, 95, 98; IX, 24.

[3]) Второй Статутъ назначаетъ въ этомъ случаѣ „посполитое рушенье“ цѣлаго повѣта, съ помощью котораго и должно быть совершено „моцное увязанье“. Но уже въ Поправахъ Статутовыхъ законодатель отмѣняетъ этотъ порядокъ на томъ основаніи, что „посполитое рушенье никоторого пожытку и скутку не приноситъ“.

[4]) Трет. Ст. IV, 95. Второй Статутъ и Поправы Статут. говорятъ о нѣсколько иномъ порядкѣ „отправы присужоного“—Вт. Ст. IV, 67; Попр. Ст. стр. 207—210. Слѣдуетъ замѣтить, что „отправа присужоного“ Главнымъ Трибуналомъ также совершалась нѣсколько иначе, съ нѣкоторыми уклоненіями отъ указываемаго общаго порядка „отправы“. Обыкновенно ненарушимость перваго приговора высшаго судилища уже укрѣплялась „троякими заруками“; второй приговоръ всегда назначался къ исполненію „подъ виною выволанія на упорного“.

самъ онъ подвергается выволанію. Для совершенія этой новой „отправы присужоного“ посылается господарскій дворянинъ. Но что дѣлать и какъ поступать, если отвѣтчикъ будетъ настолько „упорнымъ“, что даже и „тому посланцу господарскому спротивится и отъправы въделати не допуститъ“?—Въ этомъ случаѣ „упорный“ вызывается на судъ государя и, „по оказанью на письме того упору и непослушенъства его“, подлежитъ смертной казни. Законодатель однако предусматриваетъ, что своевольный отвѣтчикъ можетъ и не согласиться съ приговоромъ королевскаго суда. За неимѣніемъ другихъ средствъ принудить „упорного“ къ повиновенію, законодатель довольно безнадежно возвращается къ прежнему: „а естли нестанетъ, тогды... маемъ его росказати зо всихъ земль паньствъ нашихъ выволати вечнымъ выволаньемъ..., а поступокъ увесь отъправы стороне жалобной и приверненье маетности упорного до столу нашого господарского... такъ, яко вышей описано, черезъ посланьца нашого выконати мы господаръ безъ жадное проволоки повинни будемъ“.

Если имущественное взысканіе обращается на *неосѣлаго*, то онъ подвергается тюремному заключенію „до тыхъ местъ, поки стороне жалобной досыть учинить“, т. е. пока не удовлетворитъ истца изъ своего движимаго имущества или личнымъ трудомъ или пока не представитъ поручителей въ томъ, что удовлетворитъ его въ опредѣленный срокъ [1]). Въ случаѣ сопротивленія и побѣга неосѣлаго отвѣтчика истцу предоставляется „его везде, где можетъ, постигати“ [2]).

Если „отправѣ присужоного“ мѣшаетъ *третье лицо*, то взысканіе обращается и на имущество послѣдняго: „кгвалты, заруки, въ листе судовомъ описаные, з навезкою самъ заплатити повиненъ будетъ“. Неосѣлый, въ роли третьяго лица, подвергается выволанію [3]).

б) Во-вторыхъ, въ случаяхъ *сопротивленія власти при исполненіи судебнаго приговора, направленнаго на личность отвѣтчика* (смертная казнь, тюремное заключеніе и проч.), *осѣлый* отвѣтчикъ, который бы „до везенья ити не хотелъ и въ томъ ся вряду спроти-

---

[1]) Уголовный штрафъ, поступающій въ пользу общественной власти, для неосѣлаго замѣняется обыкновенно опредѣленнымъ срокомъ тюремнаго заключенія, напр. за 12 копъ грошей назначается 12 недѣль заключенія (Трет. Ст. IV, 53).

[2]) Трет. Ст. IV, 29, 53, 67 и др.

[3]) Попр. Ст. стр. 204; Трет. Ст. IV, 53, 73, 96 и др.

вилъ и послушенъ не былъ, а былъ бы такъ можнымъ, же бы его врядъ до везенья примусити не могъ", принуждается къ этому различными мѣрами, частью направленными противъ его имущества, частью же противъ его личности. Слѣдуетъ различать преступленія болѣе важныя („выступки кривавые") отъ преступленій менѣе важныхъ (вообще „якіе кольвекъ выступы поточные"). Въ первомъ случаѣ „нетолько врядъ врядови ку пойманью такового сказаного помочь давати повиненъ, але врядъ местъский и место, въ которомъ се то деяти будеть, противъ таковому непослушному або противному взрушитисе мають, яко бы таковый своволникъ пойманъ и до везенья данъ и водлугъ сказни врядовое каранъ былъ". При недостаточности и безплодности всѣхъ этихъ мѣропріятій виновный объявляется выволанцемъ, и врядъ приступаетъ ко взысканію съ его имущества всѣхъ шкодъ и штрафовъ [1]). Этого же порядка Статутъ придерживается относительно болѣе тяжкихъ преступленій второй категоріи (т. е. относительно обыкновенныхъ поточныхъ выступковъ), большинство которыхъ наказывается легче, почему и мѣры принужденія отвѣтчика исполнить судебный приговоръ обыкновенно не имѣютъ столь рѣшительнаго характера: виновный принуждается къ исполненію судебнаго приговора опредѣленными штрафами, которые взыскиваются съ его имущества всякій разъ, когда на требованіе вряда „подъняти везенье" получается отрицательный отвѣтъ. Размѣръ этихъ штрафовъ иногда опредѣленъ закономъ, иногда же опредѣляется какъ „совитая заплата" того, что было присуждено сначала [2]).

При невозможности овладѣть личностью *неосѣлаго* отвѣтчика, который несмотря на всѣ старанія не могъ быть „ни подъ которымъ врядомъ постигненъ", виновный подлежитъ выволанію, да кромѣ того (въ тяжкихъ случаяхъ) „почстивости и горла отсужонъ быти маеть" [3]).

Третье лицо, которое осмѣлится защищать и помогать упорному отвѣтчику, или самостоятельно воспрепятствуетъ захвату виновнаго, или отобьетъ (отниметъ) преступника у вряда, „таковой же вине и

---

[1]) Трет. Ст. I, 10; IV, 11, 32; XI, 28, 40, 67.

[2]) Напр. 50 копъ гр. истцу, или 40 копъ гр. истцу и столько же вряду, или истцу совитый гвалтъ и вряду 40 копъ гр. См. Трет. Ст I, 10; III, 27; IV, 32, 62.

[3]) Трет. Ст. I, 10; IV, 32.

каранью подлегаеть, яко тотъ самъ злочинъца правомъ переконаный“ [1]). Самостоятельное наказаніе (смерт. казнь, лишеніе чести, совитое возмѣщеніе всѣхъ шкодъ) назначается только въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ [2]).

3. Исполненіе судебнаго приговора и отбытіе положеннаго наказанія. Когда отвѣтчикъ приступаетъ къ исполненію судебнаго приговора (добровольно или по принужденію), за правильнымъ его исполненіемъ наблюдаетъ самъ истецъ (въ публичныхъ преступленіяхъ—врядъ). Штрафы и вообще „сказаные съ права пенези“ отдаются „нигде иньде, одно на врядехъ судовыхъ“, и истецъ-получатель обязуется виновнаго „съ отданья пенезей квитовати“ [3]). Для исполненія же личныхъ наказаній истецъ обращается къ вряду и нанимаетъ врядоваго палача („ката“), который за извѣстную плату и выполняетъ надъ преступникомъ опредѣленныя судомъ наказанія (смер. казнь, тѣлесныя наказанія). Если врядъ по небрежности не имѣетъ своего палача, „тогды часу потребы не сторона, але врядъ своимъ накладомъ будеть виненъ его, откуль можеть, безъ жадное проволоки набывати“ [4]). Если преступникъ приговоренъ къ тюремному заключенію, то истецъ при свидѣтеляхъ отдаетъ его вряду „до везенья“, „въ казнь“, „у вежу“. Но и послѣ этого „стороне болячой (истцу) вольно будеть завжды того догледати, якъ и где вязень будь за голову або за який иный выступъ седеть“ [5]). Надзоръ истца необходимъ для контроля дѣйствій вряда; такъ какъ преступникъ наказанъ въ значительной степени для удовлетворенія потерпѣвшаго, который платитъ за это „потуремное“ [6]), то послѣдній главнымъ образомъ и заинтересованъ въ томъ, чтобы врядъ „не чинилъ“ его обидчику „никоторое фолькги“, никакого снисхожденія и послабленія, чтобы „не допущалъ ему седенье вышъшого нижли на дне чинити або комины (для отопленія) у вежи будовати“ и под. Напротивъ, самъ потерпѣвшій можетъ смягчать отбывае-

---

[1]) Трет. Ст. IV, 31, 32, 98.

[2]) Трет. Ст. IV, 31.

[3]) Трет. Ст. IV, 99.

[4]) Трет. Ст. XI, 5.

[5]) Трет. Ст. IV, 31, 32.

[6]) Кромѣ того случая, когда „вязенъ на вольность з везенья выходить“—Трет. Ст. IV, 31.

мое преступникомъ наказаніе; въ большинствѣ случаевъ ему предоставляется право сокращать не только пеню, назначенную судомъ, но даже и личныя наказанія преступника [1]). Въ частности, что касается тюремнаго заключенія, „передъ часомъ замеронымъ седенью врядъ кгродский немаетъ вызволяти (преступника) ани фолькги у везенью чинити безъ позволенья самое стороны", и только по отношенію къ тѣмъ, „которихъ право на седенье до вежи на дно скажетъ, хотябы и сторона противная (истецъ) вольнымъ везенья чинила, врядъ ни которое фолкги чинити немаетъ" [2]). Другое измѣненіе можетъ коснуться наказанія во время его исполненія въ силу помилованія отъ верховной власти [3]). Наконецъ, возможны перерывы въ исполненіи наказанія: наказаніе (имущественное или личное) можетъ отбываться постепенно, по частямъ. Напримѣръ, въ записовой книгѣ луцкаго гродскаго суда за 1562 годъ читаемъ: „земенин господарскии, пан Яцко Петрович Шибенскии, за выступок свои (убійство) напротивко пана Микиты Кутровского зугоды и постановеня приятелского поднялся покуты взамку луцкомъ седети дванадцат недел, якож вже седел полтрети недели, нижли въ тот час зашла была служба господарская военная, тогды его милост пан княз Богуш Корецкии, староста луцкии,... для службы господарьское военное его стого везеня вызволити рачил под тым обычаем, иж он пороспущеню воиска мает выполнити седене в замку луцкомъ еще полдесяты недели". Черезъ два мѣсяца тотъ же Яцко Шибенскій явился для отбытія тюремнаго заключенія, но, просидѣвъ недѣлю, вторично былъ выпущенъ для господарской военной службы и на тѣхъ же условіяхъ (высидѣть „полдевяты" недѣли послѣ окончанія службы) [4]).

Объ исполненіи судебнаго приговора записывается въ судебныя

---

[1]) См. ниже объ отмѣнѣ наказанія (значеніе воли потерпѣвшаго).

[2]) Трет. Ст. IV, 32.

[3]) См. ниже—помилованіе.

[4]) Ак. Кіев. Центр. Архива кн. 2036, листъ 28, 52, 74. Возможны перерывы въ исполненіи наказанія и по другимъ причинамъ, напр.: Огронъ Боско былъ присужденъ къ тюремному заключенію за оскорбленіе господарскаго мостовничаго; просидѣвъ нѣсколько времени „въ замку", онъ „поднялся того мостовничого господарьского перееднати и сромоте его досыть вчинити"; его желаніе было уважено, и онъ былъ выпущенъ „зъ замку". См. Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 364. Выволаніе прерывается выдачей глейта—Трет. Ст. I, 12; IV, 30.

книги [1]). По окончаніи наказанія преступникъ возвращается въ общество, какъ его полноправный членъ, если конечно само наказаніе и его послѣдствія не имѣютъ пожизненнаго значенія (смертная казнь, членовредительныя наказанія, вѣчное выволаніе, лишеніе чести). По общему правилу „естли бы хто о злодейство або о которое злочинство на каранье горломъ черезъ врядъ права посполитого всказанъ былъ..., а за таковый свой злый учинокъ у ката у рукахъ былъ, таковый кождый (хотя бы и избѣжалъ заслуженнаго наказанія) промежи добрыми людми рыцерскими немает большей того привилья шляхетскаго уживати“ [2]). Такимъ образомъ пожизненное значеніе наказаніе имѣетъ главнымъ образомъ при „речахъ крвавыхъ“. Въ остальныхъ случаяхъ наказаніе не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ юридическихъ послѣдствій, хотя въ общественномъ мнѣніи виновный и можетъ лишиться того добраго имени и той доброй славы, которой онъ пользовался до преступленія и наказанія [3]).

Б. Уголовный законъ, какъ руководство для суда при опредѣленіи наказанія.

Наказаніе опредѣляется судомъ на основаніи закона; обычай, иностранныя законодательства и собственное усмотрѣніе суда могутъ имѣть значеніе только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ [4]). Такимъ образомъ при разрѣшеніи дѣла судъ обязанъ (1) подвести данный случай подъ надлежащій по условіямъ своего дѣйствія законъ, и (2) примѣнить то наказаніе, какое назначено въ уголовной санкціи, пользуясь при этомъ (3) только той свободой, какая предоставлена ему большей или меньшей опредѣленностью этой санкціи.

1. Дѣйствіе уголовнаго закона ограничено временемъ, пространствомъ и его общностью (законы общіе и особенные). На этомъ основаніи судъ обязанъ руководствоваться тѣмъ закономъ, дѣйствію котораго преступленіе подлежитъ какъ по времени и мѣсту своего совер-

---

[1]) Напр. Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2040, листъ 95 ва об. и др.

[2]) Перв. Ст. VII, 30; Вт. Ст. XI, 33; Трет. Ст. XI, 56 и др.

[3]) Мнѣніе околицы имѣло большое значеніе (особенно при назначеніи наказанія за кражу). „Подойзреный чоловекъ“ занималъ въ процессѣ менѣе выгодное положеніе и могъ быть „поконанъ“ съ меньшимъ „доводомъ“. См. Судебникъ Казиміра, ст. 16, 17; Перв. Ст. XIII, 13, 22, 25; Вт. Ст. XIV, 14, 15, 17; Трет. Ст. XIV, 15, 17, 18, 20 и др.

[4]) См. выше стр. 114 и сл.

шенія, такъ и ю другимъ особеннымъ условіямъ преступной дѣятельности и юридическаго положенія лицъ, виновныхъ въ его совершеніи. Въ этомъ отношеніи суду даны слѣдующіе руководящіе принципы[1]).

а) „Отъ которого часу тымъ статутомъ судити мають"?—„Тые вси речы, въ томъ статуте описаные, маютъ ся стегати на речи пришлые (будущіе)[2]) отъ того часу, яко законъ фирмацыею[3]) нашою господарскою ку уживанью сесъ статутъ выданъ"[4]). Исключеніе допускается только для процессуальныхъ законовъ, такъ какъ всякое преступленіе судится тѣми судами и тѣмъ „обычаемъ суду и порадку судового", какіе существуютъ во время самаго процесса: „што се дотычеть речей изъ розницы и долеглостей прошлыхъ, кому бы того о што кольвекъ дѣло было, и хто бы право которое свое водлугъ першаго обычая и бѣгу права посполитого статуту уфалъ соймовыхъ обваровапье[5]) мѣлъ; тогды о то все ачъ колвекъ одинъ другого вже отъ часу замереного до суду кшталтомъ теперъ новымъ постановеннымъ и передъ судьи и иншіе врады судовые тымъ новымъ порадкомъ засажоны росправленыи и постановленыи[6]) притегати маетъ; вѣдже таковые давные и прышлые (прошлые) речи розницы и долеглости всякаго стану мають быти сужоны и росправованы черезъ тыхъ же судей новыхъ повѣтовыхъ водлугъ старого статуту и обычаю права, а тотъ новый статутъ и артыкулы его не будутъ мочы моцъю и владностью своею у жадного суда прошлыхъ речей и справъ, а справедливости людское, водлугъ першаго статуту и бѣгу права посполитого слушнѣ обваровапыхъ и опатреныхъ, касовати и казати"[7]).

б) По пространству дѣйствіе уголовныхъ постановленій Статута распространяется на всю территорію Великаго Княжества Литовскаго; это есть „посполитое право, всей земли Литовской даное". „Вси обыватели великого князства литовского тымъ однымъ правомъ писанымъ

---

[1]) Мы укажемъ только самое существенное, такъ какъ подробное разсмотрѣніе вопроса выходитъ за предѣлы нашей задачи.

[2]) Przyszły—будушій.

[3]) Очевидно слѣдуетъ читать: „за конфирмацыею".

[4]) Трет. Ст. XIV, 37.

[5]) Вѣроятно должно быть: „обваровапое" (укрѣпленное, обусловленное).

[6]) Во „Временникѣ москов. общества исторіи и древностей россійскихъ" неправильно напечатано: „засажоный, росправленый и постановленый".

[7]) См. Бѣльскій привилей 1564 года—Вт. Ст. стр. 9; Трет. Ст. VII, 13.

и отъ насъ данымъ сужоны быти мають..., такъ же чужоземцы заграничники великого князства литовъского, приежъдчые и якимъ колвекъ обычаемъ прибылые люди тымъ же правомъ маютъ быти сужоны, и на тыхъ врядѣхъ, гдѣ хто выступить“ [1]).

в) Но сфера дѣйствія Статута ограничена особенными законами—мѣстными, сословными, національными и др. Въ самомъ кодексѣ неоднократно указывается на дѣйствіе и примѣненіе этихъ особенныхъ законовъ, вслѣдствіе чего опредѣленныя лица „сужоны и сказованы быти мають водлугъ правъ и привильевъ, имъ наданыхъ“ [2]). Литовскій Статутъ не касался тѣхъ мѣстностей, гдѣ дѣйствовало магдебургское право [3]); не касался онъ въ массѣ случаевъ и тѣхъ, кто не принадлежалъ въ шляхтѣ, оставляя ихъ подъ дѣйствіемъ стародавняго обычая и привилеевъ. Съ этой точки зрѣнія, примѣняя уголовный законъ, судъ долженъ былъ руководствоваться тѣмъ основнымъ правиломъ средневѣковаго права, „же тотъ, хто жалуеть на кого, маеть его тымъ правомъ доходити, подъ которымъ оный, на кого жалуеть, сѣдить, а не тымъ правомъ, подъ которымъ самъ жалобникъ сѣдить“ [4]). Отношеніе особенныхъ законовъ къ общему кодексу права разсматривалось, какъ отношеніе исключеній къ общему правилу; какъ исключенія относятся только къ отдѣльнымъ опредѣленнымъ случаямъ и не нарушаютъ общаго правила, такъ и особенные законы имѣютъ значеніе только въ предѣлахъ строго опредѣленныхъ отношеній и не могутъ „зламать посполитого права“: „не рачилъ господаръ нашъ тымъ правомъ особливымъ, которое одному повѣту далъ, зламать и нарушить права посполитого, всей земли Литовской даного“ [5]).

2. Примѣненіе уголовнаго закона обусловливается предваритель-

---

[1]) Вт. Ст. I, 1; Трет. Ст. I, 1.

[2]) Трет. Ст. III, 35; XII, 7 и др.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что относительно объема дѣйствія магдебургскаго права существуютъ три мнѣнія: а) по мнѣнію *В. Б. Антоновича* суды городовъ съ магдебургскимъ правомъ руководствовались не этимъ послѣднимъ, но „обычнымъ мѣстнымъ правомъ“; б) по мнѣнію *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* магистратскіе суды главнымъ образомъ примѣняли данное имъ нѣмецкое право; в) средняго взгляда придерживается *А. Ѳ. Кистяковскій*. См. *Антоновича*, Монографіи по исторіи зап. и югозап. Россіи, стр. 177—178; *Кистяковскаго*, Изслѣдованіе о правахъ, по которымъ судится малорос. народъ, стр. 79—83.

[4]) Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 95; ср. Трет. Ст. III, 35—рѣдкое исключеніе.

[5]) Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 95, 96.

нымъ установленіемъ тождества между преступнымъ дѣяніемъ и диспозитивной частью той или другой нормы, того или другого постановленія уголовнаго кодекса.

Судъ назначаетъ наказаніе на основаніи закона: „врядъ маеть водлугъ учинъку и водлугъ статуту сказнь противъ злочинцы за доводомъ вделати"; „врядъ маеть судити, сказовати и карати винныхъ водлугъ сего права посполитого и выступку ихъ"; „мы господаръ, такъ же судъ головный, воеводове, старостове и врядники наши, судья, подъсудокъ и судъ замковый або дворъный, и нихто иный ничого з головы и домыслу своего, такъ же и зъ ведомости своей судити и сказывати немають и небудуть мочы, толко водлугъ сего статуту и арътыкуловъ в немъ описаныхъ и водлугъ мовенья и споровъ у суду обеюхъ сторонъ" [1]). Это предписаніе закона не оставалось мертвой буквой и обыкновенно исполнялось въ точности: неправильное примѣненіе закона и неосновательное рѣшеніе дѣла разсматривалось какъ умышленное неправосудіе, за которое долженъ былъ отвѣчать самъ судъ [2]). Къ тому же шляхта любила судиться и умѣла черезъ своихъ представителей отстаивать свои права и помогать суду въ примѣненіи надлежащаго закона. Трудно даже представить себѣ шляхтича конца XVI столѣтія, не ведущаго какого-нибудь процесса со своими сосѣдями: „шкатула зъ справами" обязательно упоминается при перечисленіи имущества мало-мальски состоятельнаго дворянина [3]). На судѣ, при состязательности уголовнаго процесса, не было недостатка ни въ тонкихъ для того времени юристахъ, ни въ опытныхъ адвокатахъ („прокураторъ, пленипотентъ, умоцованый, речникъ") [4]), посвятившихъ всю свою жизнь судебнымъ дѣламъ и изученію законовъ. Судебному приговору предшествовали рѣчи и споры представителей сторонъ.

Такимъ образомъ вся обстановка процесса содѣйствовала правиль-

---

[1]) Трет. Ст. IV, 29, 41, 54 и др.

[2]) Впрочемъ, во второй половинѣ столѣтія (второй и третій Статуты) въ большинствѣ случаевъ неправосудіе умышленное уже отличено отъ той судебной ошибки, какая могла произойти вслѣдствіе того только, что „вряду што недозреньемъ на томъ ураде и въ справѣ ихъ поблудило а зъ статутомъ бы се права посполитого незгожало". Ср. Перв. Ст. VI, 1; Вт. Ст. IV, 21; Трет. Ст. IV, 37, 40, 53. См. также выше стр. 40.

[3]) Акты Вил. Ком. т. XV, стр. XXX.

[4]) Перв. Ст. VI, 12, 13; Вт. Ст. IV, 32, 33, 34, 35, 36, 37; Трет. Ст. IV, 56, 57, 58, 59, 60, 61.

ному и точному примѣненію закона, который подвергался сначала тщательному толкованію, иногда весьма остроумному и тонкому, иногда хитрому и софистическому; принимались во вниманіе всевозможные артикулы, прежде чѣмъ останавливались на какомъ-нибудь изъ нихъ для опредѣленія наказанія и постановленія приговора. Отысканный и истолкованный законъ полагался въ основаніе судебнаго приговора, обычная формула котораго гласила: „мы (судъ), ся в томъ заховываючы водле обычаю права посполитого и статуту земского и отворивши статутъ а вычетши артикулъ (такой-то) в роздѣле (такомъ-то) писаномъ..., сказали...“; или: „мы, ся в томъ межы себе намовивши и взглянувши в статутъ земскии, яко в нем описует..., всказали...“; иногда же кратко: „мы, ся в томъ заховываючы водле обычаю права посполитого и статуту земского, всказали...“ [1]).

При примѣненіи уголовнаго закона и при назначеніи наказанія судъ долженъ былъ руководствоваться тѣми основными принципами, въ строгомъ соблюденіи которыхъ всякій давалъ торжественную присягу при самомъ вступленіи своемъ въ должность судьи, и сущность которыхъ можетъ быть выражена четырмя словами: справедливость, законность, безпристрастіе и неподкупность [2]). Кромѣ того при оцѣнкѣ сомнительныхъ доказательствъ судъ слѣдовалъ весьма разумному и гуманному правилу: „ведъ же судъ подобенъства всякие на доброй бачно-

---

[1]) Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 209, 233, 251, 362, 369 и мн. др.; Ак. Кіев. Центр. Архива кн. 2035, листъ 25, 130 на об.; кн. 2040, листъ 103, 118, 408 на об., 423, 488 на об., 476 на об. и др.; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 81, 352 и др.

[2]) Присяга судьи и подсудка: „Я присегаю пану Богу вшехъ мокгонцому въ тройцы единому, ижъ в томъ повете водле Бога справедливе и водле права статуту сего даного великому князству литовскому, водлугъ жалобы и отъпору сторонъ, а не водлугъ ведомости своее, ничого не прикладаючи а ни уймуючи, буду судити, сознанья и записы приймовати, не фолькгуючи высокимъ и подлымъ станомъ на достойностяхъ и врядехъ седячихъ, на богатого и на въбогого, на приятеля кровного заховалого, а ни на неприятеля, на тутошънего, а ни на гостя не смотречы, не с приязни, не з вазни, не з боязни, не за посулы и дары, а ни споведаючи се на потомъ даровъ и якого нагороженья, и нерадечы стороне, а ни боячисе казни, помъсты и погрозокъ, але самого Бога и его светую справедливость и право посполитое и сумненье свое передъ очима маючи, тежъ роковъ николи неомешкиваючи кромъ великое, правдивое, зложное хоробы, а якъ на томъ справедливе присегаю, такъ ми Боже поможи, а естли бы несправедливе, боже мя убий“ (Вт. Ст. IV, 1; Трет. Ст. IV, 1).

сти мети маеть и в речахъ вонтъпливыхъ [1]) склоннейшый маеть быти ку вызволенью, нижли ку каранью“ [2]).

Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ одинъ судебный актъ, который относится ко времени дѣйствія перваго Статута и заслуживаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ большого вниманія.

Трое захваченныхъ разбойниковъ обвинили и указали передъ смертной казнью на служебника п. Бенедикта, Станислава Скиндера, какъ на главнаго виновника совершеннаго разбоя. Потерпѣвшій обратился къ п. Бенедикту съ просьбой „вчинить справедливость на своего служебника“. На судѣ истцы „статут положили и у востатнем роздели артикул девятыинадцат вказали, в котором пишетъ, естли бы розбоиники шляхтича поволали трикрот, иж с ними розбивал и тых лупов участником был, тогды маетъ вряд его казат зымати и на муку выдати, а где бы ся з муки признал, маетъ каранъ быти, яко розбоиникъ [3]). Пан Бенедыктъ тот артикул вычетши не принял: я деи того статуту не приимую, и вказал статут свои, в котором артикул шостыинадцатъ в розделе остатнем показал, естлибы розбоиники або злодеи чии люде были поиманы, а перед право приведены, а поволали наместника своего, иж он с ними розбивал або их переховывал, а оным ся лупом делили и напотом бы померли, а того перед смертъю не отволали, а такъ бы ся придало, иж бы злодеевъ других было поимано, а тые на тогож бы поволали и теж на том бы померли не отволываючи, и потретии раз бы вже поимании на тогож поволали, а на смертъ идучи так же не отволали, тогды таковыи чоловѣкъ безъ лица маетъ быти каран яко злодеи [4]). На которыи артикул Мошко и Хаям (истцы) поведил: тот деи артикул не о такового розбоиника явного пишет, але гдебы пана которого люди врядника своего повалали, яко того сила бывает, иж часом по серцу то чинитъ, але тот Станислав жадным врядником на тыми помочника своими небыл, одно тот вряд над ними

---

[1]) Wątpliwy—сомнительный, неизвѣстный.

[2]) См. Вт. Ст. XIV, 2; Трет. Ст. XIV, 3.

[3]) Истцы ссылаются на первый Статутъ; однако такого артикула вовсе не имѣется въ дошедшихъ къ намъ экземплярахъ (спискахъ) перваго Статута.

[4]) Панъ Бенедиктъ цитируетъ 16-й ар. въ XIII раздѣлѣ; однако въ извѣстныхъ намъ рукописяхъ этотъ артикулъ помѣщенъ подъ № 15. См. рукописи *Дзялынскаго* и *Фирлея* (къ сожалѣнію эта часть XIII раздѣла утрачена въ *Слуцкой* и *Виленской* рукописяхъ перваго Статута).

мел, же их на розбои подмовил и сам с ними розбивал; таковому розбоиникови, от помочников его трикрот поволаному, тот артикул не пануетъ".

Вслѣдствіе указанныхъ разногласій дѣло было перенесено въ гродскій судъ, къ которому истцы обратились, „абы имъ справедливостъ на того розбоиника, Станислава Скиндера, вчинил" [1]).

Приведенный актъ мы выбрали изъ болѣе древнихъ судебныхъ книгъ, когда еще судебная казуистика и адвокатское краснорѣчіе не получили большого развитія и не имѣли такого значенія, какъ въ концѣ XVI столѣтія и позже, и когда основной кодексъ литовско-русскаго права еще не былъ осложненъ массой сеймовыхъ конституцій, въ которыхъ и свѣдущему человѣку не легко было разобраться.

3. Власть суда при опредѣленіи наказанія обусловливается большей или меньшей опредѣленностью санкціи уголовнаго закона. Современное право и наука признаютъ необходимымъ предоставить извѣстную свободу усмотрѣнію суда при выборѣ и опредѣленіи наказанія. Соотвѣтственно этому въ современномъ уголовномъ правѣ преобладающимъ типомъ уголовной санкціи является санкція относительно-опредѣленная [2]). Напротивъ, въ древнемъ правѣ господствуетъ иной типъ уголовной санкціи—санкція абсолютно-опредѣленная. Такой характеръ санкція уголовнаго закона имѣетъ и въ Литовскомъ Статутѣ [3]).

Насколько судъ свободенъ въ выборѣ и толкованіи закона, настолько онъ стѣсненъ при опредѣленіи наказанія: если преступленіе предусмотрѣно закономъ, то судъ можетъ и долженъ назначить только то наказаніе, которое вполнѣ опредѣленно и точно указано въ уголовномъ кодексѣ для даннаго преступленія [4]). Ограниченія этого общаго и основного правила обусловливаются двумя обстоятельствами:

---

[1]) Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2040, листъ 103. Неизвѣстно, какъ разрѣшилъ этотъ споръ гродскій судъ.

[2]) См. *Таганцева*, Лекціи, вып. I, стр. 119 и сл.; *Сергѣевскаго*, Наказаніе въ рус. правѣ, стр. 23 и сл.; *Филиппова*, О наказаніи по законодательству Петра В., стр. 216 и сл.

[3]) Различныя объясненія этого явленія см. у *Филиппова*, О наказаніи и пр., стр. 226 и сл.

[4]) „Бо есмо", какъ выражается иногда судъ въ своемъ рѣшеніи, „ничого отъ статута ухвалы правъ земскихъ отступати не смели, нижли яко у вуфалѣ правъ земскихъ значитъ, такъ ся есмо въ томъ справовали, то такъ будетъ на воли господарской". См. Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 362, № 898. Это не исключаетъ права судьи опредѣлять

а) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ санкція уголовнаго закона не имѣетъ своей обычной опредѣленности. Такъ, въ видѣ исключенія мы находимъ въ Статутѣ, рядомъ съ абсолютно-опредѣленной санкціей, также санкцію неопредѣленную (въ 15-ти случаяхъ) и относительно-опредѣленную (въ 10-ти случаяхъ) [1]). Въ такихъ случаяхъ, объявляя то или другое дѣяніе наказуемымъ, законодатель иногда не назначаетъ опредѣленнаго взысканія, а ограничивается одной угрозой: „не мають того чинити подъ ласкою нашою господарскою“ [2]), „врядъ маеть карати винныхъ водле шкоды и выступку, водле зданья своего, подлугъ порозуменья и баченья своего“, „гетманъ маеть карати винныхъ водле баченья своего и водлугъ артыкуловъ, которые бы на онъ часъ о спокойномъ захованью у войску выданы были“, „кождому пану поданого своего непослушного подлугъ порозуменья своего скарать вольно“ [3]). Иногда угроза выражается болѣе опредѣленно: „за обмовенье славною о парсунѣ нашой господарской маемъ карати ведлѣ важности выступу и словъ, вѣдже ласкою нашою господарскою, а честью и горломъ ани имѣнья отнятьемъ за то карати не будемъ“ [4]).

Чаще встрѣчаются относительно-опредѣленныя наказанія, когда законодатель указываетъ только родъ (видъ) взысканія, предоставляя уже самому суду опредѣленіе его вида (мѣры): „винный тратитъ горло, шию“, „маеть быти на смерть сказанъ“, „маеть быти горломъ каранъ“, „маеть быти каранъ везеньемъ водле баченья врядового“, „седеньемъ черезъ колько дней водле узнанья врядового каранъ быти маеть“, „маеть битъ быти“ или „маеть дубцы, пугами битъ быти“ [5]) и под.

сложныя наказанія (см. выше стр. 208): для этого онъ имѣетъ совершенно точныя и твердо установленныя практикой и обычаемъ правила (руководящіе принципы), которыя восполняютъ законъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ немъ не содержится болѣе подробныхъ на этотъ счетъ опредѣленій.

[1]) Не считая, конечно, въ томъ числѣ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній— см. ниже.

[2]) Перв. Ст. II, 7; Вт. Ст. II, 16; Трет. Ст. II, 16.

[3]) Вт. Ст. I, 4; II, 21, 23; XIV, 8; Трет. Ст. II, 19, 21, 27; III, 3; X, 6; XII, 23. Также иногда въ отдѣльныхъ грамотахъ, напр. Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 69. Само собою разумѣется, въ случаяхъ нарушенія подобныхъ запретовъ наказаніе опредѣляется по усмотрѣнію власти уже послѣ совершенія самаго преступленія — напр. Ак. юж. и зап. Россіи, т. I, стр. 92.

[4]) Вт. Ст. I, 4.

[5]) Перв. Ст. II, 13, 15, 16; VI, 21; VII, 1, 15; IX, 1; Вт. Ст. I, 12; II, 26; XI, 18, 23; XII, 5; XIV, 4, 7, 25; Попр. Ст. стр. 218; Трет. Ст. I, 4; II, 6, 27; III, 6, 22; XI, 17, 28; XII, 7; XIV, 11, 26, 27.

Слѣдуетъ замѣтить, что вообще опредѣленіе вида смертной казни и размѣровъ тѣлесныхъ (болѣзненныхъ) наказаній почти всегда предоставляется вряду, который руководствуется установившимся обычаемъ. Впрочемъ, очень часто видъ смертной казни и размѣръ тѣлесныхъ наказаній не опредѣляются и въ судебномъ приговорѣ; очень часто рѣшеніе суда ограничивается простымъ указаніемъ, что, согласно со Статутомъ, виновный долженъ быть „горломъ каранъ“ или „пугами, дубцами, розгами битъ“ [1]). Руководствоваться своимъ усмотрѣніемъ и установившимся обычаемъ предоставляется потерпѣвшему и другимъ исполнителямъ наказанія.

Иногда законодатель опредѣляетъ максимальный размѣръ наказанія: „повиненъ будетъ в замку верхнемъ у везенью учтивомъ седѣти шесть недель, а небольшъ, ведже можетъ быти меншъ за ласкою нашою господарскою“ [2]). Встрѣчаются также разнообразныя соединенія неопредѣленной и относительно-опредѣленной санкцій съ санкціями абсолютно-опредѣленными [3]).

б) Если бы объемъ власти суда при опредѣленіи наказанія зависѣлъ исключительно отъ опредѣленности уголовной санкціи, то мы могли бы съ полнымъ правомъ сказать, что власть эта была очень незначительна. Но Статутъ содержитъ нѣсколько весьма важныхъ постановленій, имѣвшихъ большое практическое значеніе и дававшихъ суду ту силу и ту свободу его усмотрѣнію, которой онъ былъ лишенъ по буквальному смыслу и характеру большинства уголовныхъ постановленій кодекса. Могущественное орудіе далъ законодатель въ руки суда, опредѣливъ тѣ многочисленныя и своеобразныя условія отмѣны и замѣны наказанія, благодаря которымъ возможно было смягчать и измѣнять большую часть суровыхъ взысканій, назначаемыхъ уголовнымъ закономъ, и санкція этого послѣдняго, при всей своей строгой опредѣленности, обращалась de facto въ тотъ примѣрный и максимальный предѣлъ, выше котораго наказаніе

---

[1]) Напр. Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 82; т. XVII, стр. 364; Ак. зап. Россіи т. II, стр. 197.

[2]) Трет. Ст. I, 4.

[3]) Напр. „маеть быть каранъ водлугъ зданья гетманского, а шкода зъ совитостью зъ статьку маетности его маеть быть укривъжоному плачона“; „маютъ быти карани горломъ и отъсуженьемъ почстивости, а шкоды и наклады совито нагородити и заплатити винъни будуть“. Трет. Ст. II, 27; IV, 31 и др.

не поднималось никогда, и до котораго оно очень часто вовсе и не достигало [1]).

В. Обстоятельства, вліяющія на примѣненіе и размѣръ наказанія [2]).

При господствѣ абсолютно-опредѣленнаго типа уголовной санкціи суду рѣдко приходится вполнѣ самостоятельно руководствоваться всѣми объективными и субъективными обстоятельствами даннаго преступленія, такъ какъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ смягчаетъ и уменьшаетъ установленное закономъ наказаніе, непосредственное значеніе имѣютъ для него не эти обстоятельства, но общія условія отмѣны и замѣны наказанія и тѣ основанія, которыми опредѣляются эти условія. Такимъ образомъ, говоря объ обстоятельствахъ, вліяющихъ на примѣненіе и на размѣръ наказанія, мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ не опредѣленіе наказанія въ судебномъ приговорѣ (судъ опредѣляетъ то, что установлено закономъ, и такъ, какъ это допускается по общимъ условіямъ отмѣны и замѣны наказаній), но опредѣленіе нормальной наказуемости, опредѣленіе наказанія въ законѣ и законодателемъ; мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ тѣ обстоятельства и условія, какія самъ законодатель принимаетъ во вниманіе при назначеніи того или другого наказанія за то или другое преступленіе.

1. Наказаніе не примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, которые являются преступными только по ихъ внѣшности, т. е. когда или нѣтъ на лицо необходимыхъ условій вмѣненія, или существуютъ обстоятельства, устраняющія преступность самаго дѣянія. Статутъ объявляетъ ненаказуемыми тѣ преступленія, которыя совершены въ силу крайней необходимости или необходимой обороны, по приказанію пана или съ дозволенія закона.

а) О состояніи крайней необходимости упоминается еще въ первой редакціи Статута: „а естлибы хто кому пса забил з руки боронечися, таковый не мает ничого за него платити; естлижбы кинувшы забил, повинен платити“ [3]). Постановленіе это повторяется и въ по-

---

[1]) См. ниже—окончаніе главы.

[2]) Полное разсмотрѣніе вопроса выходитъ за предѣлы нашей задачи, потому что составляетъ отдѣлъ общаго ученія о преступленіи. Поэтому ограничимся только нѣсколькими краткими замѣчаніями.

[3]) Многіе криминалисты относятъ защиту противъ нападающаго животнаго къ

слѣдующихъ редакціяхъ, а также и въ Уложеніи царя Ал. Мих., которое заимствуетъ его изъ литовско-русскаго права [1]). Кромѣ того въ третьемъ Статутѣ читаемъ: „хто бы замокъ нашъ неприятелю здрадою подалъ, кроме причины голоду кгвалтовъного..., честь и горло тратитъ“ [2]).

б) Въ числѣ обстоятельствъ, устраняющихъ наказуемость дѣянія, Литовскій Статутъ чаще всего упоминаетъ о необходимой оборонѣ. „Признаніе права обороны отъ грозящей опасности присуще всѣмъ законодательствамъ на всѣхъ ступеняхъ развитія“ [3]). Не касаясь другихъ законодательствъ, не можемъ не отмѣтить, что понятіе необходимой обороны нынѣшняго права значительно разнится отъ того, что понимали подъ обороной современники Статута, которые видѣли въ дѣйствіи необходимой обороны не только актъ самозащиты, но также заслуженное возмездіе, вызванное страстью и раздраженіемъ противъ того, кто принудилъ къ оборонѣ, „за чьимъ початкомъ и виной“ случился бой, пораненіе, убійство и пр. На этомъ основаніи оборона по Л. Статуту всегда предполагаетъ вызовъ (початокъ, provocatio) и противозаконность (вину) дѣйствій нападающаго—съ одной стороны [4]), неумышленность [5]) дѣйствій обороняющагося—съ другой; дѣйствія, вызванныя необходимой обороной, признаются ненаказуемыми не только потому, что они неумышлены и вынуждены („вчинилъ въ обороне примушоный“), но потому именно и главнымъ образомъ, что они со всѣми ихъ послѣдствіями вполнѣ заслужены потерпѣвшимъ, кото-

---

разновидностямъ необходимой обороны. Такого воззрѣнія придерживается и проф. *Таганцевъ* въ своихъ „Лекціяхъ“ (вып. II, стр. 565—536). Впрочемъ почтенный ученый отступаетъ отъ своего воззрѣнія, когда касается нѣкоторыхъ моментовъ изъ исторіи постановленій русскаго права о крайней необходимости именно—первый намекъ, первое упоминаніе о крайней необходимости онъ видитъ въ постановленіи. Уложенія царя Ал. Мих., которое вполнѣ аналогично съ приводимымъ нами изъ Литовскаго Статута (ibidem, стр. 603).

[1]) Перв. Ст. XII, 15; Вт. Ст. XIII, 13; Трет. Ст. XIII, 13; Уложеніе Ал. Мих. X, 282, 283.

[2]) Трет. Ст. I, 3.

[3]) См. *Таганцева*, ib. стр. 559.

[4]) Перв. Ст. VII, 4, 5, 16, 26; VIII, 16; XIII, 20, 21; Вт. Ст. IV, 39; IX, 4; XI, 6, 7, 19, 29; XIV, 19, 25; Трет. Ст. I, 13; IV, 62, 63; IX, 23; XI, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 35; XII, 1; XIV, 21, 26, 30.

[5]) Неумышленность съ точки зрѣнія Л. Статута—см. ниже стр. 244.

рый ихъ вызвалъ. Здѣсь отражается еще старое воззрѣніе, извѣстное Русской Правдѣ: „то ему за платежь, оже и били“ и „не терпя ли противоу тиму тнеть мечемъ, то вины емоу въ томъ нѣтъ“ [1]). Такое пониманіе необходимой обороны вполнѣ согласно съ основными воззрѣніями эпохи на важнѣйшія условія вмѣненія и на кривду (обиду), какъ на существенный элементъ почти всякаго преступленія. Въ самомъ дѣлѣ: нанесеніе раны, хотя бы и случайное („пригодне“), наказуется; но если пораненіе произошло „в обороне и за початкомъ оного ранъного“ [2]), то виновный (ранившій) не несетъ никакой отвѣтственности. На какомъ основаніи?—Потому что „ни хто в невинъности своей ранъ терпеть не повиненъ“; потому что въ первомъ случаѣ неумышленно раненъ невинный, во второмъ—виновный, которому „то за платежь, оже и били“ [3]).

Что касается условій необходимой обороны, то въ этомъ отношеніи воззрѣнія современниковъ Статута гораздо ближе къ новѣйшему уголовному праву. Именно, отъ нападенія, вызвавшаго оборону, требуется, чтобы оно было противозаконнымъ, опаснымъ и существующимъ, т. е. уже начавшимся и еще не оконченнымъ въ моментъ обороны [4]). Защита разрѣшается не только относительно личныхъ, но также и относительно имущественныхъ правъ; но защищаемыя права должны быть дѣйствительными, а не мнимыми, т. е. должны дѣйствительно принадлежать обороняющемуся [5]); допускается защита другихъ лицъ (пана—слугой, подданныхъ—паномъ) [6]). Въ каждомъ данномъ случаѣ оборона должна быть доказана передъ судомъ, который можетъ признать существованіе обороны только при наличности опредѣлен-

---

[1]) Карам. ст. 21, 24—гдѣ также указывается на початокъ: „боудеть самъ почалъ“. Ср. Трет. Ст. I, 9—наказывается за то, что самъ „початокъ учинилъ и ударилъ“.

[2]) Трет. Ст. XI, 24; см. также выше стр. 22 и сл.

[3]) Нѣсколько иначе относится Статутъ къ убійству „в обороне“ при дракѣ (звадѣ)—виновный платитъ головщину (Трет. Ст. XI, 22).

[4]) Напр. Перв. Ст. VII, 16; Трет. Ст. XI, 35 и др. Можно думать, что неотвратимость опасности другими средствами не считается существенно-важнымъ условіемъ необходимой обороны; по крайней мѣрѣ послѣдняя всегда признается доказанной и существующей, если обвиняемый подъ присягой подтвердитъ, что онъ дѣйствовалъ „боронечися за початкомъ оного забитого (ранъного и пр.)“. Вызовъ, початокъ provocatio—самый существенный признакъ необходимой обороны.

[5]) Напр. Перв. Ст. VIII, 16; Вт. Ст. IX, 14; Трет. Ст. IX, 23.

[6]) Напр. Перв. Ст. VII, 5, 26.

ныхъ процессуальныхъ условій (напр. при оборонѣ имущества отъ вора требуется немедленное заявленіе объ этомъ сосѣдямъ и вряду) [1]).

в) Приказаніе господина слугѣ освобождаетъ послѣдняго отъ отвѣтственности за совершенное преступленіе, хотя и не во всѣхъ случаяхъ (напр. при поимкѣ на мѣстѣ преступленія отвѣчаетъ самъ слуга) [2]). Первый и второй Статутъ неоднократно упоминаютъ о приказаніи пана, какъ условіи, устраняющемъ отвѣтственность слуги [3]); но только въ третьемъ Статутѣ находимъ общее правило, выведенное изъ множества частныхъ случаевъ: „ведъже слуги пановъ своихъ за помочники розумени быти не могуть“ [4]). При заинтересованности законодателя въ имущественномъ удовлетвореніи потерпѣвшаго (кривда) для него нѣтъ основаній налагать то же взысканіе на слугу (исполнителя), разъ отвѣтственъ господинъ (приказавшій).

г) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ законъ разрѣшаетъ тѣ дѣйствія, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ считаются преступными. Не говоря уже о многочисленныхъ случаяхъ исполненія закона, дозволенія начальства, осуществленія профессіональныхъ обязанностей или пользованія карательными мѣрами дисциплинарной власти, не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ спеціальныхъ и своеобразныхъ постановленій, въ силу которыхъ всякому изъ гражданъ дозволяется убійство лица, совершившаго опредѣленное преступленіе или лишеннаго всѣхъ правъ. Статутъ разрѣшаетъ убійство измѣнника: всякій „хтобы такового здрайцу утекаючого забилъ..., такового почтивости то шкодити не маеть, але еще за то будетъ годенъ ласки нашого господарское“ [5]). Также точно относительно убійства человѣка выволаннаго читаемъ: „хтобы его забил, тогды тотъ не повиненъ будеть за голову его платити ничого ани у вину жадную невпадываеть“ [6]). Пытка пойманнаго съ поличнымъ вора („мука злодея приличного“) дозволена; но если истецъ „не домучит ся на нем злодейства“, то платитъ навязку или головщину, смотря по результатамъ муки [7]).

---

[1]) Перв. Ст. XIII, 20, 21; Вт. Ст. XIV, 19, 25; Трет. Ст. XIV, 21, 26.

[2]) Перв. Ст. IX, 1; Вт. Ст. X, 1; Трет. Ст. X, 1.

[3]) Перв. Ст. VII, 18, 19; IX, 1; Вт. Ст. X, 1; XI, 20, 21, 29, 30.

[4]) Трет. Ст. I, 24, 25; III, 47; IV, 11, 94; X, 1; XI, 1, 41.

[5]) Вт. Ст. I, 11; Трет. Ст., I, 7.

[6]) Перв. Ст. VII, 8; Вт. Ст. XI, 4; Трет. Ст. XI, 4.

[7]) Перв. Ст. XIII, 14; Вт. Ст. XIV, 15; Трет. Ст. XIV, 18.

2. Наказаніе увеличивается или уменьшается въ зависимости отъ разнообразныхъ обстоятельствъ, принадлежащихъ частью къ составу преступнаго дѣянія, частью же его сопровождающихъ. Сюда относятся разнаго рода какъ объективныя, такъ и субъективныя обстоятельства.

а) Въ числѣ *объективныхъ обстоятельствъ* особенное значеніе придается важности нарушеннаго правоинтереса, размѣру причиненнаго вреда, соціальному положенію субъекта или объекта преступленія, обстановкѣ совершенія преступнаго дѣянія, соучастію, согласію потерпѣвшаго и нѣкоторымъ процессуальнымъ условіямъ (поличное, зуполный доводъ, горячій учинокъ).

1) Со стороны важности нарушеннаго правоинтереса во главѣ всѣхъ преступленій Литовскій Статутъ ставитъ преступленія государственныя. Изъ преступленій частныхъ строже всего наказываются тѣ, которыя могутъ колебать основанія общественнаго строя (семью, власть пана, отца, власть уряда, уваженіе къ церкви, привилегіи шляхты и под.). [1]). Въ сферѣ частныхъ интересовъ жизнь цѣнится выше здоровья и чести; неприкосновенность имущественныхъ правъ охраняется нерѣдко весьма строгими карами по основаніямъ вполнѣ субъективнымъ (напр. позорность кражи); по общему же правилу личныя права цѣнятся выше правъ имущественныхъ [2]).

---

[1]) Напр. Перв. Ст. I, 6; III, 14; IV, 14; VII, 14, 15; Вт. Ст. III, 18; IV, 6; VIII, 7; XI, 3, 10, 15, 16, 17, 18; Трет. Ст. I, 14; III, 22; IV, 7, 11; VIII, 7; XI, 3, 6, 7, 8, 9, 39 и др.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что злодѣйство приравнивается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ наиболѣе тяжкимъ видамъ убійства (всѣ соучастники „мають горломъ караны быти“). Въ объясненіе этого проф. Богдановскій замѣчаетъ: „Кара уголовнаго наказанія въ древнихъ законахъ всѣхъ народовъ упадаетъ прежде всего на преступленія противъ собственности. По счастливому выраженію одного изъ германскихъ историковъ-юристовъ, въ начальный періодъ развитія народа индивидуальная собственность, едва только образовавшаяся, цѣнится такъ высоко, въ такой тѣсной связи находится съ личностью обладателя, что составляетъ какъ бы плоть и кровь его, а потому естественно, что нарушеніе или лишеніе этого права часто ведетъ за собой по закону строгое личное наказаніе, тогда какъ еще убійство, тягчайшее изъ личныхъ преступленій, окупается денежной платой“ (см. *Богдановскаго*, Развитіе понятій о преступ. и наказаніи, стр. 101). Противъ этого возражаетъ, и совершенно справедливо, Чебышевъ-Дмитріевъ: „Объяснять причину такого явленія тѣмъ только, что въ начальный періодъ развитія народа собственность цѣнится слишкомъ высоко,—ошибочно: собственность конечно не цѣнилась выше жизни. Причина этому другая. Убійство (кромѣ тайнаго) предполагаетъ борьбу, обоюдную опасность: трусъ не явится на бой, in re sua violenter resistens. Убійство въ то время, при господствѣ силы, считалось не такъ гнуснымъ и не такъ опаснымъ для общества, какъ воровство или зажигательство“ (см. *Чебышева-Дмитріева*, О преступномъ дѣйствіи, стр. 32—33).

2) Размѣръ причиненнаго вреда вліяетъ не только на имущественную, но и на личную отвѣтственность преступника. Размѣръ имущественныхъ взысканій опредѣляется во множествѣ случаевъ въ зависимости отъ размѣра причиненныхъ шкодъ (навязка, совитость, закладъ) или тѣлесныхъ поврежденій (навязка за рапы и за различныя увѣчья) [1]). Такое же значеніе имѣетъ размѣръ причиненнаго вреда и для личной отвѣтственности: степень послѣдней очень часто опредѣляется по размѣрамъ шкодъ (напр. при кражѣ) [2]) или личнаго вреда (раны) [3]), родъ ея весьма нерѣдко предрѣшается родомъ поврежденія (тальонъ) [4]). Поскольку размѣръ вреда зависитъ отъ степени осуществленія задуманнаго преступленія, можно замѣтить, что по общему правилу голый умыселъ (угрозы, приготовленія) не подлежитъ наказанію [5]); покушеніе (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно отмѣчено) служитъ основаніемъ для нѣкотораго смягченія взысканій (кромѣ самыхъ тяжкихъ преступленій) [6]). Что касается размѣра вреда, поскольку онъ зависитъ отъ сложности преступнаго дѣянія, то его вліяніе на наказуемость опредѣляется общими условіями сложенія наказаній [7]).

3) Соціальное положеніе („станъ“), въ зависимости отъ котораго опредѣляется размѣръ наказанія, можетъ обусловливаться сословіемъ преступника или потерпѣвшаго, поломъ, національностью, служебными правами, занятіями, осѣдлостью и нѣкоторыми другими обстоятельствами.

Сословіемъ потерпѣвшаго [8]) опредѣляется размѣръ личныхъ и имущественныхъ взысканій не только въ случаяхъ преступленій про-

---

[1]) Напр. Перв. Ст. VII, 9; XIII, 14; Вт. Ст. XI, 13; Трет. Ст. XI, 27 и мн. др.

[2]) Напр. Перв. Ст. XIII, 1; Вт. Ст. XIV, 4; Трет. Ст. XIV, 7.

[3]) Напр. Трет. Ст. XI, 16, 17, 27 и др.

[4]) Напр. Вт. Ст. I, 2; Попр. Ст. стр. 205; Трет. Ст. I, 2, 4, 5, 7; IV, 76; XI, 27 и др.

[5]) Напр. Перв. Ст. VII, 7; VIII, 14, 15; Вт. Ст. I, 21, 22; XI, 11; Трет. Ст. I, 25; XI, 14, 40. Впрочемъ угроза судьѣ признается наказуемой—Перв. Ст. VI, 22; Вт. Ст. IV, 38. Въ государственныхъ преступленіяхъ подлежатъ наказанію и умыселъ, и приготовленіе (Трет. Ст. I, 3, 5).

[6]) Напр. Перв. Ст. III, 14; VII, 1, 4, 16; XIII, 20; Вт. Ст. I, 3, 11; XI, 1, 2, 3, 6, 7, 18, 19; XII, 5; XIV, 19, 25; Трет. Ст. I, 3, 6, 7, 9, 10; IV, 7, 62; XI, 17, 19, 20, 21; XIV, 21, 26.

[7]) См. выше стр. 206 и сл.

[8]) Статутъ различаетъ шляхтичей (къ которымъ приравнено духовенство), мѣщанъ, слугъ, тяглыхъ людей, челядь.

тивъ жизни, здоровья, чести или свободы, но также и при имущественныхъ преступленіяхъ. Личныя и имущественныя права шляхты охраняются болѣе суровыми взысканіями, чѣмъ права другихъ сословій [1]). Напротивъ, какъ субъектъ преступленія, шляхтичъ находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ суровость закона въ этомъ случаѣ обращается на простыхъ людей, которые и наказываются строже, и въ самомъ процессѣ занимаютъ гораздо менѣе выгодное и безопасное положеніе, чѣмъ шляхтичи [2]). Впрочемъ, какъ мы уже имѣли случай указывать, иногда (въ видѣ исключенія) законодатель принимаетъ во вниманіе значительное неравенство матеріальныхъ средствъ лицъ разныхъ сословій и на этомъ основаніи назначаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ для шляхтичей болѣе значительные штрафы, чѣмъ для простыхъ людей [3]).

Полъ потерпѣвшаго принимается во вниманіе при назначеніи взысканій за преступленія противъ личности особъ женскаго пола. Въ теченіе первой половины XVI вѣка честь и тѣлесная неприкосновенность женщины охранялись „совитыми“ (двойными) штрафами [4]). Послѣ изданія второго Статута это же было распространено и на „головщины бѣлыхъ головъ“, т. е. двойными взысканіями стала ограждаться не только честь (здоровье), но и жизнь лицъ женскаго пола [5]). Третій Статутъ распространилъ усиленіе наказанія также на нѣкоторыя личныя взысканія („совитое везенье“ за нанесеніе женщинѣ побоевъ, ранъ и пр.) [6]).

Національностью [7]), служебнымъ положеніемъ и занятіями [8]) потер-

---

[1]) Напр. Перв. Ст. III, 14; VII, 29; IX, 18, 19; XIII, 10; Вт. Ст. III, 18; XI, 12, 15; XIII, 3; XIV, 11; Трет. Ст. III, 22; XI, 29, 39, 49 и др.

[2]) Напр. Перв. Ст. XIII, 7, 8, 9, 13, 22, 25; Вт. Ст. IV, 35; XIV, 16, 18; Трет. Ст. I, 24; XI, 16, 17, 29, 39; XII, 1, 2; XIV, 10, 19 и мн. др.

[3]) См. выше стр. 200.

[4]) Перв. Ст. XI, 1, 4, 5; XII, 6.

[5]) Вт. Ст. XI, 13.

[6]) Трет. Ст. XI, 27.

[7]) Статутъ различаетъ татаръ и жидовъ.

[8]) Различаются путные, бортные и панцерные слуги, ремесные люди различныхъ спеціальностей, врядники городскіе и сельскіе, торговцы и военные люди—см. Перв. Ст. XI, 1, 2, 3, 4, 5; Вт. Ст. XII, 1, 2, 3, 6; Трет. Ст. XII, 3, 4, 5, 6, 7, 10. Иногда размѣръ головщинъ или навязокъ опредѣляется въ зависимости отъ нѣсколькихъ изъ указанныхъ обстоятельствъ (напр. по національности и занятіямъ, по сословію и служебному положенію и под.).

пѣвшаго опредѣляется размѣръ головщинъ и навязокъ, если, конечно, потерпѣвшій не принадлежитъ къ шляхетскому сословію (для шляхтичей, какое бы кто изъ нихъ ни занималъ положеніе, головщины и навязки всегда однѣ и тѣ же)[1]. Въ свою очередь отвѣтственность преступника во многихъ случаяхъ зависитъ отъ этихъ же самыхъ условій, и лица высшаго положенія несутъ и болѣе легкія (личныя или имущественныя) наказанія[2].

Неимѣніе осѣдлости и недвижимаго имущества даетъ иногда основаніе прибѣгать къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ; тамъ, гдѣ „осѣлый виноватецъ“ отвѣчалъ бы только своимъ имуществомъ, „неосѣлый“ лишается чести, заключается въ тюрьму или даже подвергается выволанію[3].

Изъ числа лицъ, презираемыхъ по своему соціальному положенію или рожденію, Статутъ упоминаетъ о незаконнорожденныхъ, о „неоселой шляхъте, которые никому не служачи, а толко костырствомъ и пьянъствомъ бавятся“, о „жонце, которая мужа немела и немаетъ“. Незаконнорожденность служитъ основаніемъ для смягченія наказанія за убійство „бенкарта“[4]. Неосѣлая шляхта по своей отвѣтственности приравнивается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ простымъ людямъ (напр. при убійствѣ жида)[5]. „Жонце, которая мужа немела и немаетъ“, назначается минимальная навязка и головщина[6].

4) Въ числѣ обстоятельствъ совершенія преступнаго дѣянія Статутъ упоминаетъ о времени (во время войны, во время несчастнаго случая, во время судебныхъ роковъ, во время пребыванія короля и под.)[7] и о мѣстѣ (передъ судомъ, передъ королемъ, въ церкви, въ полѣ, на торгу, въ домѣ, на пасѣкѣ и под.)[8], какъ объ обстоятель-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что нѣкоторыя занятія считаются несовмѣстимыми съ шляхетскимъ званіемъ: шляхтичъ, занимающійся торговлей или ремеслами, лишается своего шляхетства (Трет. Ст. III, 25).

[2]) Напр. Перв. Ст. III, 14; Вт. Ст. XI, 15; Трет. Ст. XI, 49 и др.

[3]) Напр. Вт. Ст. I, 22; II, 10; Трет. Ст. IV, 32.

[4]) Трет. Ст. XIV, 32.

[5]) Трет. Ст. XII, 7.

[6]) Вт. Ст. XII, 1; Трет. Ст. XII, 3.

[7]) Напр. Перв. Ст. II, 14, 15, 16; Вт. Ст. XIV, 27; Трет. Ст. I, 9, 10; XIV, 28 и др.

[8]) Напр. Перв. Ст. VI, 21, 22; Вт. Ст. XI, 3; Трет. Ст. I, 9, 10; XI, 3; XIII, 4; XIV, 22 и др.

ствахъ, которыя могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для возвышенія отвѣтственности за тѣ или другія преступленія. Въ частности относительно кражи слѣдуетъ отмѣтить увеличеніе отвѣтственности за кражу изъ „клѣти"—обстоятельство извѣстное еще въ глубокой древности (Русская Правда) [1]).

5) Соучастіе, какъ условіе чисто внѣшнее, объективное, вліяетъ на наказуемость въ случаяхъ убійства, когда изъ нѣсколькихъ совиновниковъ (слѣдовательно лицъ равно виновныхъ и равно вложившихся въ совершеніе преступленія) высшей отвѣтственности подлежатъ не всѣ, а только нѣкоторые по выбору истца (за одного убитаго подвергается смертной казни только одинъ изъ обвиненныхъ [2]), или трое [3]), или семеро) [4]); для остальныхъ наказаніе нѣсколько смягчается [5]). Само собою разумѣется, что денежные штрафы, которые платятся по количеству кривдъ, а не по числу „шкодниковъ", взыскиваются со всѣхъ совиновниковъ, и для послѣднихъ, слѣдовательно, уплата штрафовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, всегда бываетъ менѣе чувствительный, чѣмъ при совершеніи преступленія только однимъ лицомъ, отвѣчающимъ за кривду только изъ своего имущества [6]).

6) Предварительное согласіе лица на то противозаконное посягательство, которымъ нарушаются его права, отмѣчено литовско-русскимъ правомъ, хотя и не съ достаточной полнотой, а мимоходомъ. Въ приложеніяхъ ко второму Статуту (формы записей—„записъ на вечистую продажу") упоминается между прочимъ о слѣдую-

---

[1]) Перв. Ст. XIII, 10; Вт. Ст. XIV, 11; Трет. Ст. XIV, 14. „Законодатель считаетъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину, если татьба сдѣлана изъ чьихъ-нибудь строеній или сооруженій въ самомъ домѣ или даже внѣ дома". См. *Ланге*, Изслѣдов. о Русской Правдѣ, стр. 208—209; *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 269; также см. ниже стр. 242.

[2]) За каждаго убитаго шляхтича „маеть горломъ карана быти одна особа стану шляхетского"—Трет. Ст. XI, 29.

[3]) „За одну голову шляхетскую" подлежатъ смертной казни три простыхъ человѣка—Трет. Ст. XI, 39.

[4]) Въ томъ же случаѣ (см. предыдущее примѣчаніе) второй Статутъ назначалъ семь смерт. казней—Вт. Ст. XI, 12.

[5]) Перв. Ст. VII, 8; Вт. Ст. XI, 12; Трет. Ст. XI, 29, 39. Впрочемъ въ тяжкихъ случаяхъ (особенно при разбоѣ и кражѣ) всѣ соучастники подлежатъ равному наказанію.—Перв. Ст. XIII, 1, 15; Вт. Ст. XIV, 11, 25; Трет. Ст. XI, 29, 32, 39; XIV, 14.

[6]) Напр. Трет. Ст. XI, 1, 29 и др.

щемъ оригинальномъ обязательствѣ продавца: „при которой отправѣ (присужденнаго) если бы се якіе шкоды кому кольвекъ стали, будь крови розленья або забойство, того такъ на сторонѣ, яко и на врядѣ правнымъ и ни якимъ способомъ доходить не маю и потомкове мои не будуть“ [1]). Къ сожалѣнію мы не можемъ сказать, какое значеніе имѣло въ дѣйствительности это оригинальное обязательство. Въ третьемъ Статутѣ содержится одно постановленіе относительно согласія при поединкѣ: въ случаѣ поединка согласіе потерпѣвшаго не оказывало никакого вліянія на личную отвѣтственность преступника; напротивъ, имущественныя взысканія въ пользу потерпѣвшаго устранялись, „кгдыжъ о томъ ведалъ и самъ на то зезволялъ“ [2]).

7) Въ числѣ процессуальныхъ условій, имѣющихъ особенное вліяніе при назначеніи наказанія и опредѣленіи его размѣра, необходимо упомянуть о поличномъ, „горячомъ учинкѣ“ и „зуполномъ доводѣ“.

Поимка преступника съ поличнымъ или на мѣстѣ преступленія служитъ основаніемъ для значительнаго увеличенія размѣровъ отвѣтственности. Поличное имѣетъ исключительное значеніе въ случаяхъ кражи (по общему правилу кража съ поличнымъ влечетъ за собой смертную казнь) или разбоя [3]); при другихъ преступленіяхъ принимается во вниманіе „горячій учинокъ“ [4]), сущность котораго опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „иманье на горачомъ учинку маеть се розумети, коли бы хто могъ быти пойманъ заразомъ, тогожъ часу на самомъ такомъ учинку, о што горъломъ карають; а естлибы таковый, збытокъ учинивши, заразомъ пойматисе недалъ, алебы зникалъ або се скрилъ, такового вольно искати з урядомъ, ведъже не далей одно отъ пополъненья того учинку черезъ двадъцать чотыре годины зекгаровые, а то се маеть розумети о томъ, гдебы се што такового збытку стало в месте албо в селе; але хто бы и в томъ часе з места або з села, а где ся учинокъ станеть, до именья и до дому своего шляхетъскаго уехалъ альбо вшолъ, тотъ иманъ вжо быти не маеть“ [5]).

---

[1]) Вт. Ст. стр. 198.

[2]) Трет. Ст. XI, 14. Само собою разумѣется, никакого наказанія не можетъ быть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ именно несогласіе потерпѣвшаго составляетъ необходимое предположеніе самой преступности дѣянія (напр. изнасилованіе). См. Трет. Ст. XI, 12, 13 и др.

[3]) Перв. Ст. IX, 1, 18; XIII, 1, 12, 17; Вт. Ст. XIV, 14; Трет. Ст. X, 14; XI, 31, 32; XIV, 7, 15 и др.

[4]) Впрочемъ извѣстное *процессуальное* значеніе горячій учинокъ имѣетъ при всѣхъ вообще преступленіяхъ.

[5]) Трет. Ст. IV, 30; XII, 1, 7, 10 и др. Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 113.

Увеличеніе наказанія при поимкѣ съ поличнымъ или на мѣстѣ преступленія не составляетъ исключительной особенности литовско-русскаго права; это явленіе свойственно древнему уголовному праву всѣхъ народовъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ даетъ этому явленію слѣдующее объясненіе: „Преступнымъ считается дѣяніе, вызвавшее реакцію со стороны общества; въ первобытныхъ же обществахъ реакція эта тѣмъ жизненнѣе, чѣмъ ближе стояло общество къ совершенному злодѣянію. Если жертва своимъ крикомъ („Klage“) привлекла общество къ самому факту совершенія преступленія, то присутствующіе или тотчасъ карали преступника, или сохраняли въ себѣ болѣе сильное непріязненное чувство къ злодѣю, чѣмъ какое можетъ быть возбуждено въ нихъ сложными дѣйствіями процесса“ [1]).

Въ числѣ судебныхъ доказательствъ огромное значеніе принадлежало присягѣ истца или отвѣтчика, подкрѣпляемой присягой другихъ лицъ, свидѣтелей-соприсяжниковъ. Обыкновенно количество лицъ, необходимыхъ для „довода“ или „отвода“, опредѣлено въ каждомъ данномъ случаѣ самымъ точнымъ образомъ. Неимѣніе „зуполного довода или отвода“ считается достаточнымъ основаніемъ для оправданія или обвиненія. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ („крывавые выступки“) законодатель дозволяетъ обвиненіе (оправданіе) и при неимѣніи „зуполного довода“ („отвода“), хотя и считаетъ это обвиненіе (оправданіе) невполнѣ достаточнымъ для нормальнаго наказанія (для полной безнаказанности). Въ виду этого отсутствіе „зуполного довода“ считается въ нѣкоторыхъ случаяхъ справедливымъ основаніемъ для уменьшенія наказанія; чѣмъ болѣе „доводъ“ оказывается неполнымъ, тѣмъ больше смягчается наказаніе [2]). Также точно отсутствіе „зуполного отвода“ освобождаетъ преступника-обвиняемаго не вполнѣ, но отчасти только; обыкновенно устраняется уголовная отвѣтственность, и сохраняется отвѣтственность гражданская („маеть шкоды платити“) [3]).

---

[1]) *Владимірскаго-Буданова*, Христоматія, вып. II, стр. 41—42. Іерингъ со своей стороны въ объясненіе того же явленія прибавляетъ: „Der fur manifestus begegnet dem wilden Ungestüm des ersten Affects, während dem fur nec manifestus nicht blos die beruhigende Macht der Zeit, sondern auch die Freude des Eigenthümers, eine bereits mehr oder weniger verloren gegebene Sache wiedergefunden zu haben, zu gute kommt und ihm mildere Bedingungen erwirkt“ (*Jhering*, Das Schuldmoment, стр. 17).

[2]) Вт. Ст. XI, 2; Трет. Ст. XI, 2; XII, 1 и др.

[3]) Трет. Ст. XIV, 10, 19, 20 и др.

б) Къ *субъективнымъ обстоятельствамъ*, вліяющимъ на размѣръ отвѣтственности за преступленіе, слѣдуетъ отнести всѣ тѣ условія, въ которыхъ выражается, по мнѣнію законодателя того времени, степень напряженности злой воли или испорченности преступника. Особенное значеніе придается степени нормальнаго психическаго состоянія преступника, повторенію преступленій, преодолѣнію особыхъ препятствій при совершеніи преступленія, особымъ отношеніямъ между преступникомъ и потерпѣвшимъ, степени умышленности, возрасту преступника, способу дѣятельности и степени соучастія въ преступленіи.

1) Болѣзненное разстройство душевной дѣятельности служитъ основаніемъ для значительнаго смягченія наказанія или даже для его полной отмѣны: „естли бы хто з глупъства або шаленства в томъ выступилъ, за то мы господаръ братися не будемъ“ [1]). Впрочемъ, какъ мы уже имѣли случай указать [2]), сумасшедшій, виновный въ убійствѣ, подлежитъ обыкновенному наказанію, если совершилъ убійство во время или послѣ одного изъ перерывовъ между отдѣльными приступами помѣшательства (lucida intervalla),—„бо тотъ, ведаючи до себе такий припадокъ, повиненъ около себе опатръность и сторожу мети и меръне ся ховати“ [3]).

2) Повтореніе того же преступленія или однороднаго съ тѣмъ, за которое виновный отбылъ уже положенное наказаніе, всегда почти разсматривается какъ обстоятельство, особенно увеличивающее виновность преступника. Главное значеніе придается рецидиву въ случаяхъ кражи; тѣмъ не менѣе о немъ упоминается изрѣдка и при оцѣнкѣ тяжести нѣкоторыхъ другихъ преступленій (клеветы, сводничества и др.) [4]).

3) При совокупности преступленій виновному назначается одно общее наказаніе, размѣръ котораго опредѣляется по началу сложенія наказаній (quot delicta, tot poenae) [5]). Впрочемъ, что касается лич-

---

[1]) Трет. Ст. I, 4.

[2]) См. выше стр. 26--27.

[3]) Трет. Ст. XI, 35.

[4]) Напр. Перв. Ст. XIII, 1; Вт. Ст. II, 14, 15; XIV, 4; Трет. Ст. IV, 105; IX, 6; XIV, 7, 27, 31. Судебникъ Казимира, ст. 16 и мн. др.

[5]) Напр. Перв. Ст. II, 9, 14; Вт. Ст. II, 20; Трет. Ст. II, 18; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 42 и др. Съ тѣмъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и въ польскомъ правѣ: „Przy zbiegu kilku przestępstw popełnionych przez jedną osobę czy to jednorodnych, czy różnorodnych,

ныхъ наказаній, кажется, что виновный подлежитъ только одному высшему [1]). Такимъ образомъ совокупность преступленій по общему правилу имѣетъ значеніе не просто отягчающаго обстоятельства; такое значеніе придается ей изрѣдка, только въ видѣ исключенія, напр. въ случаяхъ нѣкоторыхъ преступленій по гражданской службѣ: судья „тратить свой урядъ за омешканье судовыхъ роковъ“ только въ томъ случаѣ, если „то бы се до трехъ разовъ на него показало“ [2]).

4) Наказаніе увеличивается, если для совершенія преступленія нужно было преодолѣть болѣе препятствій. На этомъ основаніи тяжкими видами кражи признаются: кража изъ клѣти, изъ скарбнаго или спижарнаго свирена, кража пчелъ изъ дома или изъ пасѣки, кража плодовъ изъ сада [3]). Всѣ эти случаи кражи хотя и квалифицируются по мѣсту совершенія преступнаго дѣянія, однако этотъ чисто внѣшній признакъ (мѣсто, обстановка преступленія) имѣетъ здѣсь значеніе именно только благодаря указанному обстоятельству (преодолѣніе особыхъ препятствій), выражающему бо̀льшую степень напряженности преступной воли. Напротивъ, наказаніе смягчается въ тѣхъ случаяхъ, когда посягательство направлено на предметъ, охраняемый крайне слабо или даже и вовсе не охраняемый. Поэтому уменьшается отвѣтственность за кражу хлѣба съ поля, сѣна съ луга, рыбы изъ чужого става или сажалки, пчелъ изъ бортнаго дерева, находящагося въ лѣсу или на полѣ [4]).

5) Преступникъ и потерпѣвшій могутъ находиться въ особенныхъ

---

winny skazuje się na tyle kar, ile przestępstw tych popełnił, lub ile razy to samo przestępstwo powtórzył“. См. *Hube*, Sądy, ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi 14 wieku, стр. 241—242.

[1]) Трет. Ст. II, 18.

[2]) Трет. Ст. IV, 4, 38. Второй Статутъ не опредѣляетъ числа повтореній: „а то бы се колко кроть показывало“—Вт. Ст. IV, 7.

[3]) Перв. Ст. XIII, 10; Вт. Ст. X, 14, 16; XIV, 11; Трет. Ст. X, 14, 16; XIV, 14 и др. Проф. Леонтовичъ говоритъ, что „покраденье свирни, свирена скарбнаго, спижарнаго“ означаетъ кражу цѣнныхъ заводскихъ лошадей изъ свирни (конюшни). Это невѣрно: swiernia—амбаръ, spiżarnia—чуланъ для провизіи; свиренъ спижарный—promptuarium cum victualibus, свиренъ скарбный—camera cum thesauro (см. латинскій текстъ перваго Статута въ изданіи Дзялынскаго). Ср. *Леонтовича*, Рус. Правда и Лит. Статутъ, стр. 26; *Дзялынскаго*, Zbiór praw litewskich.

[4]) Напр. Перв. Ст. IX, 17; Вт. Ст. X, 14; XIV, 25, 26; Трет. Ст. X, 14; XIV, 26, 27 и др.

отношеніяхъ между собой, благодаря которымъ одинъ можетъ быть обязанъ по отношенію къ другому особенными чувствами любви, послушанія, преданности, уваженія, гостепріимства и под.; другой же можетъ пользоваться по отношенію къ первому особыми правами власти, авторитета [1]). Преступное нарушеніе этихъ отношеній свидѣтельствуетъ или объ особенной испорченности и безнравственности виновнаго, или же является простымъ превышеніемъ собственной власти, злоупотребленіемъ авторитетомъ, принадлежащимъ виновному. Въ первомъ случаѣ преступленіе считается болѣе тяжкимъ; во второмъ— заслуживаетъ смягченной отвѣтственности. На этомъ основаніи Статутъ квалифицируетъ преступленія, совершенныя дѣтьми противъ родителей, женой противъ мужа (и наоборотъ), подданнымъ противъ своего пана, родственникомъ противъ родственника, гостемъ противъ хозяина (и наоборотъ) [2]). Напротивъ, убійство отцомъ (матерью) собственнаго ребенка (даже незаконнорожденнаго) считается менѣе тяжкимъ и по наказуемости относится къ привилегированнымъ видамъ „мужобойства“ [3]).

6) Высшей отвѣтственности подлежитъ тотъ, кто совершилъ преступленіе умышленно („умыслне“). Что же разумѣетъ Литовскій Статутъ подъ словами умыселъ, умышленно?—Въ современномъ уголовномъ правѣ подъ умышленнымъ дѣяніемъ понимается дѣяніе сознаваемое и желаемое дѣятелемъ при самомъ его совершеніи [4]). Сознаніе и хотѣніе являются непремѣнными условіями умысла и по Литовскому Статуту. Однако элементы хотѣнія отличаются въ литовскомъ законодательствѣ такими чертами, которыя придаютъ понятію умысла весьма своеобразный оттѣнокъ и содержаніе.

Умышленное дѣяніе есть дѣяніе сознательное; отсутствіе сознанія совершаемаго дѣлаетъ его непреступнымъ и ненаказуемымъ. Статутъ

---

[1]) Отношенія родства, власти и подчиненія, гостепріимства.

[2]) Перв. Ст. IV, 14; VII, 14, 15; Вт. Ст. VIII, 7; XI, 10, 16, 17, 18, 35; Трет. Ст. VIII, 7; XI, 6, 7, 8, 9, 42 и др.

[3]) Трет. Ст. XI, 7, 60—за убійство законнорожденнаго дитяти вмѣсто смерт. казни и головщины (обычное наказаніе за умышленное убійство) виновный подлежитъ тюремному заключенію (на годъ и 6 недѣль), соединенному съ церковнымъ покаяніемъ; за убійство незаконнорожденнаго смерт. казнь не соединяется съ уплатой головщины (головщина не взыскивается).

[4]) См. *Таганцева*, Лекціи, вып. II, стр. 641 и сл.

отличаетъ error juris отъ error facti (ошибку юридическую отъ ошибки фактической); только фактическая ошибка служитъ законнымъ основаніемъ для того, чтобы признавать дѣяніе непреступнымъ и ненаказуемымъ по отсутствію сознанія при его совершеніи [1]). Но не всякое сознаваемое и желаемое дѣяніе слѣдуетъ считать умышленнымъ: умышленному убійству противополагается убійство „с прыгоды, за вину, за початкомъ забитого, за жалемъ, в обороне". Напримѣръ: „пакли жъ бы... учынилъ не умыслне, не обычаемъ окрутеньства, але в зваде с припадку"; „о томъ, хто бы кого въ якой зваде неумыслне, але в обороне забилъ"; „а если бы се трафило родичомъ дитя свое забити не с прыгоды а ни за вину, але умыслне..."; „ранил есми не з жадного умыслу своего, одно за жалемъ брата моего" [2]). Такимъ образомъ умышленнымъ дѣяніемъ считается дѣяніе сознаваемое и желаемое, но желаемое особеннымъ образомъ, при особенныхъ условіяхъ; существенное значеніе придается характеру желанія, какъ мотиву и цѣли преступной дѣятельности: [3]) только то дѣяніе можетъ быть умышленнымъ, которое или вызвано желаніемъ коварнымъ, или корыстнымъ, или вообще не смягчаемымъ никакими благородными побужденіями (напр. состраданіемъ), или же заранѣе обдумано и выполнено въ соотвѣтствіи съ желаніемъ и по составленному плану. Всякое иное дѣяніе признается неумышленнымъ [4]).

Среди неумышленныхъ дѣяній различаются дѣянія, совершенныя

---

[1]) Перв. Ст. I, 3, 4, 5; VII, 27, 31; XI, 9, 10; XIII, 6; Вт. Ст. I, 3, 6, 8, 10, 11, 12, 20; II, 26; V, 18; XI, 5, 20, 30; XII, 9, 10; XIII, 14; XIV, 10, 16, 30; Попр. Ст. стр. 205, 206, 207, 212; Трет. Ст. I, 3; IV, 93; XIV, 23 и мн. др.; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 202, 203. Законодатель принимаетъ различныя мѣры, „абы нихто непослушенъства своего праву посполитому неведомостью покрывати и обмовляти не могъ". Въ виду этого — публикація, обнародованіе закона, послѣ котораго „нехай кождый собѣ смотритъ", что́ запрещено подъ угрозой наказанія.

[2]) Трет. Ст. XI, 7, 22, 27 и мн. др.; Акты Кіев. Центр. Арх. кн. 2038, листъ 278 на об.; см. также выше стр. 231.

[3]) Въ этомъ отношеніи литовско-русское право вполнѣ сходно съ древнимъ правомъ другихъ народовъ, такъ какъ мотивъ и цѣль преступной дѣятельности вездѣ оказывали огромное вліяніе при опредѣленіи размѣра взысканій.

[4]) Перв. Ст. I, 1; VIII, 17; IX, 9, 18; Вт. Ст. I, 6, 20; II, 18, 21, 23; IX, 11; X, 8, 13, 17; XI, 1, 7, 10, 13, 16, 18, 23, 26, 27, 28, 30, 35; XIII, 13; Трет. Ст. I, 2, 3, 6; II, 17, 21; IV, 27, 41, 59, 62, 63; V, 22; X, 17; XI, 10, 11, 15, 16, 17, 21, 22, 27, 30, 39, 42; XIII, 13 и др.

въ дракѣ („в зваде“) [1]) и случайныя („пригодныя“), за которыя во многихъ случаяхъ не полагается никакого наказанія [2]). Неосторожность, какъ середина между случайностью и умышленностью, приравнивается то къ случаю, то къ умыслу [3]).

7) Малолѣтство, предѣлъ котораго съ теченіемъ времени отодвигается все выше и выше, служитъ основаніемъ для значительнаго смягченія наказанія или даже для его полной отмѣны. Такъ, уже по Судебнику Казиміра хотя жена и дѣти вора, знавшіе о преступленіи мужа (отца), при несостоятельности послѣдняго выдаются потерпѣвшему („ино жоною и дѣтми заплатити“), но если „будуть малыи дѣти, ниже семи годовъ, тыи въ томъ невинни“ [4]). Литовскій Статутъ упоми-

---

[1]) Убійство въ звадѣ отмѣчено еще Русской Правдой, какъ привилегированный видъ убійства. Различные ученые объясняютъ это явленіе различно, напр. проф. Фойницкій по аналогіи съ германскимъ правомъ объясняетъ убійство въ звадѣ, какъ убійство открытое, а убійство безъ звады, какъ убійство коварное (*Фойницкаго*, Курсъ уголов. права, стр. 40); на это противорѣчитъ Статуту (ср. Трет. Ст. XI, 17). Проф. Мрочекъ-Дроздовскій считаетъ звaду признакомъ убійства въ отместку за предшествующую обиду; по его мнѣнію это убійство отличается отъ убійства безъ звады отсутствіемъ корыстныхъ цѣлей нападенія (*Мрочека-Дроздовскаго*, Изслѣдов. о Рус. Правдѣ, прилож. ко втор. выпуску, стр. 150); но Литовскій Статутъ вездѣ отличаетъ убійство съ корыстной цѣлью или въ отместку отъ убійства въ звадѣ; въ сомнительныхъ случаяхъ признакомъ послѣдней считается именно то, что обвиненный не имѣлъ съ потерпѣвшимъ „никоторое вазни и зайстя“, и что не было „лупу“. По мнѣнію М. Ф. Владимірскаго-Буданова звада служитъ внѣшнимъ признакомъ непредумышленности дѣянія (*Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 267). Однако Литовскій Статутъ именно указываетъ, что убійство (нанесеніе ранъ) въ звадѣ есть неумышленное убійство (нанесеніе ранъ): оно очень часто ставится наравнѣ съ „пригоднымъ“ убійствомъ (нанесеніемъ) (Перв. Ст. VII, 29; Трет. Ст. XI, 22, 23) и всегда противополагается убійству (нанесенію) умышленному, напр.: „то ся маеть розумети о забийстве *в звaде* учиненомъ, а где бы люди простого стану *умыслне*... забили“; „пакли жъ бы што с тыхъ речей веръху менованыхъ одинъ другому учинилъ не *умыслне*, не обычаемъ окрутеньства, але *в звaде* с припадку...“ (Трет. Ст. XI, 27, 39 и др.). Неумышленное убійство (нанесеніе) въ звадѣ наказывается различно, смотря потому, кто виноватъ: тотъ-ли, кто началъ звaду, или же тотъ, кто защищался. Въ первомъ случаѣ отвѣтственность болѣе тяжкая (иногда, какъ за умышленное дѣяніе—въ третьемъ Статутѣ), во второмъ—обыкновенно нѣтъ никакого наказанія (необходимая оборона). См. Перв. Ст. VII, 22, 23, 29; Вт. Ст. II, 23; XI, 13, 26, 27, 28, 29; Трет. Ст. II, 21; IV, 62; XI, 10, 11, 17, 27, 30, 39, 42 и др.

[2]) Перв. Ст. VII, 25, 29; Вт. Ст. XI, 27, 28; Трет. Ст. IV, 105; X, 13, 17; XI, 7, 15, 23, 24; XII, 7 и др. См. также выше стр. 22 и сл.

[3]) Напр. Перв. Ст. I, 13; II, 12, 13; Вт. Ст. X, 17; Трет. Ст. IV, 31; X, 17; XI, 15, 23; XIV, 1 и др.

[4]) Судебникъ Казиміра, ст. 1.

наетъ о малолѣтствѣ въ двухъ случаяхъ: „а тые сынове (измѣнника), которые бы не были лѣтъ зуполъныхъ дорослыхъ, або другие дорослыми будучы а тое здрады отцовское не были бы вѣдоми, таковые чести ани горъла не будуть тратити“ [1]); малолѣтній воръ, „естли бы в летехъ шестьнадцати а не большъ обвиненъ о злодейство або приведенъ былъ з лицомъ“, не несетъ никакого личнаго наказанія, но только имущественное (платитъ навязку), хотя въ случаяхъ рецидива вряду разрѣшается „карати его водле зданья своего, то естъ не горъломъ, але якимъ караньемъ на теле“ [2]).

8) Способъ дѣятельности преступника имѣетъ огромное и, часто, рѣшающее значеніе при опредѣленіи наказанія за то или другое преступленіе. Литовскій Статутъ придерживается взгляда, вообще свойственнаго древнему праву: дерзость, смѣлость и сила нападенія указываютъ, по понятіямъ эпохи, на меньшую безнравственность и испорченность, чѣмъ дѣйствіе тайное, коварное и трусливое [3]). На этомъ основаніи кража наказывается строже насильственнаго отнятія вещи, коварное убійство (нанесеніе ранъ)—строже убійства открытаго [4]).

9) При назначеніи наказанія принимается во вниманіе степень соучастія въ преступленіи. Впрочемъ, при самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ равному наказанію подлежатъ всѣ соучастники и прикосновенные къ дѣлу [5]). Статутъ различаетъ тѣхъ, которымъ „сполнѣ вину дадутъ“, и „ихъ помочниковъ“ [6]). Тѣ, которымъ „сполнѣ вину дадутъ“ (совиновники), отвѣчаютъ всѣ вмѣстѣ и въ равной мѣрѣ, насколько это допускается тяжестью преступленія и объективными соображеніями о наказуемости соучастія [7]). Зачинщики и подстрекатели (интеллектуальные виновники) считаются главными „злочинцами“, поэтому взысканія обращаются прежде всего и главнымъ образомъ (а иногда и исклю-

---

[1]) Трет. Ст. I, 3.

[2]) Вт. Ст. XIV, 8; Трет. Ст. XIV, 11. Второй Статутъ предѣломъ уголовной вмѣняемости считаетъ не 16-ть, а 14-ть лѣтъ.

[3]) См. выше стр. 108.

[4]) Напр. Перв. Ст. IX, 1, 18; Вт. Ст. X, 1 15; Трет. Ст. X, 1, 15; XI, 17.

[5]) Напр. Трет. Ст. XI, 1, 29, 36, 39 и др.

[6]) Вт. Ст. IV, 53.

[7]) Перв. Ст. VII, 8; XIII, 1, 15; Вт. Ст. X, 17; XI, 12; XIV, 11, 25; Трет. Ст. IV, 78; XI, 29, 32, 39; XIV, 14. См. также выше стр. 238.

чительно) на нихъ [1]). „Помочники“ и лица, прикосновенныя къ преступленію, наказываются значительно легче (очень часто дѣло ограничивается возмѣщеніемъ гражданскихъ убытковъ—шкодъ, шкодъ и накладовъ и пр.) [2]).

II. Отмѣна и замѣна наказаній.

Всякое преступленіе влечетъ за собой то наказаніе, которое установлено закономъ и опредѣлено судомъ. Тѣмъ не менѣе, при наличности опредѣленныхъ условій, установленное закономъ наказаніе можетъ быть отмѣнено (вполнѣ или отчасти), или замѣнено другимъ, равнымъ ему по строгости. Совершенное преступленіе не повлечетъ за собой всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя обыкновенно и по общему правилу должны слѣдовать за нимъ. Въ однихъ случаяхъ преступленіе можетъ быть объявлено неподлежащимъ наказанію, такъ что судъ долженъ вынести виновному оправдательный приговоръ; въ другихъ случаяхъ обвинительный приговоръ суда можетъ быть не приведенъ въ исполненіе, или даже прервано исполненіе уже начавшееся, но еще не оконченное; наконецъ, судъ можетъ быть вынужденъ примѣнить къ преступнику иное наказаніе въ замѣну нормальнаго взысканія, которое не можетъ осуществиться по особеннымъ обстоятельствамъ даннаго случая.

Не касаясь чисто случайныхъ условій отмѣны и замѣны наказаній [3]), укажемъ важнѣйшія.

A. Отмѣна наказанія.

Наказаніе подлежитъ отмѣнѣ въ шести случаяхъ: 1) когда смерть похититъ виновнаго до отбытія положеннаго наказанія; 2) когда преступленіе останется безъ преслѣдованія или наказаніе не будетъ

---

[1]) Перв. Ст. VII, 18, 19; IX, 1; Вт. Ст. X, 1; XI, 20, 21, 29; Трет. Ст. I, 24, 25; IV, 11, 94, 95, 100; IX, 3; X, 1; XI, 17, 25, 28, 35, 41, 43, 60; XII, 14 и др.

[2]) Перв. Ст. I, 3, 4, 5; V, 11; VII, 24, 31; XI, 10; XIII, 27; Вт. Ст. I, 3, 4, 6, 10, 11, 12, 14; XI, 4, 5, 12, 16, 20, 29, 30, 31, 33; XII, 10; XIV, 10, 16, 21, 23; Попр. Ст. стр. 210; Трет. Ст. I, 3; IV, 31, 32, 48, 49; XI, 1, 7, 11, 25, 29, 36, 37, 68; XIV, 1, 13, 23.

[3]) Между прочимъ отмѣна наказанія, примѣненнаго по ошибкѣ къ невинному (Вт. Ст. стр. 205; Трет. Ст. IV, 40 и др.). Также невозможность для потерпѣвшаго потребовать наказанія своего обидчика вслѣдствіе случайнаго пропуска „завитого рока“ (Трет. Ст. IV, 34, 42).

исполнено въ теченіе опредѣленнаго давностнаго срока; 3) когда виновный будетъ помилованъ; 4) когда потерпѣвшій примирится и проститъ виновнаго; 5) когда произойдетъ выкупъ отъ наказанія или 6) зачетъ наказаній [1]).

1. Смерть виновнаго оказываетъ вліяніе на примѣненіе наказанія, поскольку является физическимъ препятствіемъ для выполненія наказанія, поскольку дѣлаетъ его выполненіе физически-невозможнымъ. Слѣдовательно, смерть виновнаго имѣетъ значеніе исключительно при примѣненіи личныхъ наказаній; имущественныя же взысканія падаютъ на имущество виновнаго—безразлично, умеръ ли виновный до судебнаго преслѣдованія (но послѣ надлежащаго заявленія о преступленіи со стороны потерпѣвшаго), во время судебнаго производства или послѣ (до исполненія судебнаго приговора или во время его исполненія) [2]).

„Кгды бы хто учинивши кому кгвалтъ який, забийство альбо бой, раны, якие кольвекъ кривъды, шкоды поделавшы, а не росправившися з стороною жалобною умеръ, а именье або маетность рухомую по собе зоставилъ, а тая бы кривда еще за жывота того, на кого жалоба идеть, была на враде и суседомъ водлугъ сего права оповедана и записана, ино укривжоный албо тежъ дети, потомъки, близские его, не промолъчавши давъности, водлугъ учынъку в семъ статуте описаное, будуть мочи тыхъ кривдъ шкодъ на детяхъ, потомкахъ и близскихъ оного змеръзлого, на кого по немъ маетность его лежачая або рухомая падеть, правомъ пойскивати; а естли бы жалобная

---

[1]) Что касается заглаженія причиненнаго вреда, то слѣдуетъ замѣтить, что обстоятельство это не служитъ непосредственнымъ основаніемъ для отмѣны наказанія; чаще всего оно является однимъ изъ условій примиренія съ потерпѣвшимъ, безъ согласія котораго не оказываетъ никакого вліянія. Только въ случаяхъ необходимаго заступничества лицо, по винѣ котораго потерпѣвшій „не маеть или не ведаеть своего шкодника", можетъ избѣжать отвѣтственности, если представитъ потерпѣвшему его обидчика въ опредѣленный срокъ до наступленія отвѣтственности или даже и послѣ (напр. Перв. Ст. I, 13; Вт. Ст. XI, 11; XIV, 23; Трет. Ст. IV, 31 и др.—см. выше о заступничествѣ, стр. 127 и сл.). Въ послѣднемъ случаѣ иногда допускается весьма своеобразный обмѣнъ: заступца вручаетъ „жалобной сторонѣ" ея шкодника, „сторона" возвращаетъ заступцѣ „тую нагороду", которая уже раньше была взыскана на заступцѣ по приговору суда и вслѣдствіе непредставленія потерпѣвшему дѣйствительнаго виновника (напр. Трет. Ст. IV, 31; XII, 14, 18 и др. Ср. Вт. Ст. XII, 10; Трет. Ст. XI, 38; XII, 18 и Перв. Ст. XII, 8; Вт. Ст. XIV, 29; Трет. Ст. XII, 15).

[2]) Перв. Ст. VII, 4; Трет. Ст. XI, 20, 48. Ср. Нерв. Ст. V, 6, 7; Трет. Ст. VI, 8, 11; VII, 18; XI, 54.

сторона тое речи водлугъ права сего статуту довела, тогды дети близские оного кгвалтовника або шкодника отъ горла и везенья волни зостануть, але кгвалтъ, головщизну, навезку и шкоды... зыменья и маетности оного змерлого, поки ее станеть, платити винни будутъ“ [1]).

Такимъ образомъ, если смерть виновнаго послѣдовала *до возбужденія судебнаго преслѣдованія*, потерпѣвшій можетъ вчинать искъ противъ его наслѣдниковъ при условіи соблюденія давностныхъ сроковъ и надлежащаго (своевременнаго) оповѣданія своей кривды сосѣдямъ и вряду [2]). Если виновный умеръ *послѣ вызова къ суду*,—истцу предоставляется „отъновить позовъ водлугъ потребы“, т. е. возобновить свою жалобу съ необходимыми измѣненіями (между прочимъ въ именахъ „позываемыхъ“), поправками и дополненіями, какія окажутся нужными по обстоятельствамъ дѣла [3]). Если отвѣтчикъ умеръ *во время процесса или послѣ постановленія судебнаго приговора*, наслѣдникамъ дается увѣдомленіе, и затѣмъ „отправа присужоного“ производится на имуществѣ умершаго по общему порядку [4]). Наслѣдникамъ предоставляется право выкупить имущество умершаго, вознаградивъ истца за всѣ шкоды и штрафы. Обыкновенно истецъ „увязывается въ имѣніе“ умершаго только послѣ отказа наслѣдниковъ принять наслѣдство и платить долги, составляющіе его пассивъ [5]).

Необходимо замѣтить, что въ видѣ исключенія смерть виновнаго служитъ иногда основаніемъ для полной отмѣны наказаній (даже имущественныхъ). Случаи такого рода въ высшей степени исключительны и рѣдки. Литовскій Статутъ упоминаетъ только объ одномъ: „гдѣ бы се то трафило, жебы позваная сторона за нестаньемъ своимъ упорнымъ въ вину нестанную впадшы, а потомъ нерозправивши се з жалобною стороною з сего свѣта зышла, тогды дети, потомъки або близские змерлого винъ нестанъныхъ платити небудуть повинни“; на-

---

[1]) Трет. Ст. XI, 48.

[2]) Слѣдуетъ замѣтить, что за „вины, въ записехъ добровольныхъ описаные“, дѣти отвѣчаютъ послѣ смерти отца—*вполнѣ*, если уже состоялось судебное рѣшеніе,—*съ извѣстными ограниченіями*, если умершій былъ только позванъ къ суду; „а где бы о тое небудучи еще до права позваный змеръ, тогды большъ не маеть платити, одно истизну ему (истцу) позычоную“ (Трет. Ст. VII, 18).

[3]) Трет. Ст. IV, 46.

[4]) Трет. Ст. IV, 86, 94.

[5]) Трет. Ст. VII, 18; XI, 4.

противъ, „естли сторона позваная умреть по сказанью самое речы, тогды дети, потомъки або близкие то платити винъни будуть“ [1]).

2. Давность [2]). Литовскому Статуту извѣстна уголовная давность въ обоихъ ея *видахъ*—какъ давность преступленія (преслѣдованія) и какъ давность наказанія (судебнаго приговора) [3]). Соотвѣтственно этому *давность опредѣляется какъ „промешканье часу позванью или отправы“*, т. е. какъ пропускъ опредѣленнаго времени, въ теченіе котораго можно было требовать судебнаго приговора о наказаніи виновнаго или добиваться исполненія приговора уже состоявшагося. Пропускъ давностнаго срока считается дѣйствительнымъ только при наличности опредѣленныхъ условій, безъ которыхъ давность не имѣетъ никакого юридическаго значенія. *Существеннымъ условіемъ* давности, какъ юридическаго основанія для отмѣны наказанія, считается пропускъ опредѣленнаго срока по собственной винѣ, недосмотру или небрежности истца, не возбудившаго своевременно иска о наказаніи виновнаго или не добивавшагося исполненія того, что уже было опредѣлено судомъ. Только при наличности этого условія можетъ быть рѣчь „объ омешканью и давности“; если истецъ-потерпѣвшій вынужденъ былъ „молчать“, „промолчалъ давность“ по необходимости, вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ препятствій—„таковому давность не шкодитъ“.

„Кгды бы хто кому кгвалтъ посполитый суседский або злодейство, пожогу, бой, грабежъ и якую шкоду учинилъ, а тотъ бы молчалъ отъ оного часу, якъ ся то стало, три годы, тогды вжо о то будетъ вечне молчати; а если бы и позвавши о то, а права недоведши, а потомъ за ся знову три годы промолчалъ, о то таке жъ небудетъ мочи правомъ чинити, вынемши естли бы опекуны замолъчали, тогды детемъ, кгды дойдуть летъ, право негинеть такежъ до трохъ годъ“ [4]). —„Естли бы хто на комъ якую суму пензей с права презыскавъшы, а после суда и сказанья врядового неуживаючы и не домогаючыся

---

[1]) Трет. Ст. IV, 22.

[2]) Перв. Ст. I, 18, 27; V, 2, 4, 5, 7; VII, 28; X, 1; Вт. Ст. III, 29, 37, 38; IV, 66, 69; VI, 5, 6, 10; XI, 32; Трет. Ст. I, 4; III, 3, 30, 35, 38, 44, 45; IV, 33, 35, 49, 91, 92; VI, 5, 6, 7, 9, 10; VII, 10, 13; IX, 21; XI, 45, 52; XII, 13.

[3]) Послѣднее противорѣчитъ установившемуся мнѣнію о сравнительно недавнемъ происхожденіи законодательныхъ постановленій подобнаго рода—см. ниже стр. 254.

[4]) Перв. Ст. VII, 28; Вт. Ст. XI, 32; Трет. Ст. XI, 52.

отъправы той речы сужоной, черезъ десеть (лѣтъ) въ молчанью того былъ, таковый такежъ о то вечне молъчати маеть“ [1]).

Такимъ образомъ понятіе уголовной давности, служащей однимъ изъ основаній отмѣны наказанія, предполагаетъ: а) протеченіе опредѣленнаго періода времени со дня совершенія преступнаго дѣянія или постановленія судебнаго приговора о наказаніи виновнаго; б) невозбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ преступника или непримѣненіе наказанія вслѣдствіе добровольной (невынужденной) бездѣятельности потерпѣвшаго (истца); в) признаніе совершеннаго преступленія неподлежащимъ наказанію за протеченіемъ установленнаго и точно опредѣленнаго давностнаго срока.

а) *Давность*, какъ протеченіе опредѣленнаго періода времени, *имѣетъ свой начальный (исходный) моментъ, свою опредѣленную продолжительность и окончаніе.*

Начало давности уголовнаго преслѣдованія считается со дня совершенія преступнаго дѣянія, предполагая, конечно, что потерпѣвшій съ этого же самаго момента имѣлъ возможность возбудить уголовное преслѣдованіе противъ своего шкодника; въ противномъ случаѣ началомъ давности считается тотъ день, когда онъ получилъ эту возможность [2]). Начало давности наказанія (судебнаго приговора) считается (при тѣхъ же условіяхъ) со дня „врядового сказанья“, т. е. со дня постановленія приговора о наказаніи виновнаго [3]).

Продолжительность давности опредѣляется по общему правилу въ три года—давность преслѣдованія, или въ десять лѣтъ—давность наказанія. Впрочемъ первая половина XVI столѣтія въ этомъ отношеніи нѣсколько отличается отъ второй: первый Статутъ назначаетъ трехлѣтнюю давность только для болѣе легкихъ преступленій, для остальныхъ же срокъ давности значительно продолжительнѣе (10 лѣтъ); одна общая трехлѣтняя давность впервые вводится вторымъ Статутомъ—ей подлежатъ не только „кгвалты посполитые суседские, бои, грабежи и иншые шкоды тымъ подобные меншые“, но также всѣ дѣла „о голову шляхетскую и о наездъ кгвалтовный и крвавый на домъ

---

[1]) Трет Ст. IV, 91.

[2]) Перв. Ст. VII, 28; Вт. Ст. XI, 32; Трет. Ст. XI, 52. Ср. Перв. Ст. I, 18; V, 2, 4, 5, 7; Вт. Ст. III, 38; VI, 5, 6, 10; Трет. Ст. III, 45; IV, 33, 35; VI, 5, 6, 7, 9, 10; XI 45.

[3]) Трет. Ст. IV, 91, 93.

шляхетский, такъ же о кгвалтъ костелный, о кгвалтъ панснъ и невестъ (изнасилованіе), о розбой, пожогу, злодейство и инъшие речи крвавые, то есть за што горломъ каранотъ“ [1]). Изъ этого общаго правила о давностномъ срокѣ уголовнаго преслѣдованія существуетъ нѣсколько исключеній: въ однихъ случаяхъ срокъ уголовной давности значительно сокращается (напр. преслѣдованіе по поводу словеснаго оскорбленія величества должно быть возбуждено не позже первыхъ послѣ преступленія судовыхъ роковъ)[2]), въ другихъ случаяхъ, напротивъ, срокъ уголовной давности значительно расширенъ (напр. искъ о наказаніи виновнаго въ затопленіи чужого млина, става, сѣножатей и под. долженъ быть предъявленъ не позже десяти лѣтъ со дня правонарушенія)[3]).

Окончаніе давности уголовнаго преслѣдованія и судебнаго приговора опредѣляется послѣднимъ днемъ установленнаго срока. Съ этого времени совершившій преступленіе пріобрѣтаетъ право на exceptio longi temporis, которую онъ можетъ выставить противъ всякаго, кто бы вздумалъ потребовать его наказанія или возбудить уголовное преслѣдованіе по поводу преступленія, давно совершеннаго и уже погашеннаго уголовной давностью.

б) *Давность*, какъ юридическое условіе отмѣны наказанія, *предполагаетъ добровольную бездѣятельность потерпѣвшаго (истца)*, который не требуетъ наказанія своего шкодника.

Бездѣятельность потерпѣвшаго выражается въ томъ, что онъ въ теченіе всего давностнаго срока „молчитъ, не упоминаетъ, не позываетъ“ своего шкодника[4]). Такимъ „молчаніемъ“ потерпѣвшаго именно и обусловливается теченіе давности. Внѣшнимъ признакомъ „молчанія“ служитъ то, что потерпѣвшій 1) не беретъ господарскихъ или земскихъ „упоминальныхъ листовъ“ и не вручаетъ ихъ черезъ вознаго („врядовне“) своему шкоднику съ напоминаніемъ прекратить правонарушеніе или выполнить судебный приговоръ[5]); 2) что потер-

---

[1]) Трет. Ст. IV, 35; XI 52.

[2]) Напр. Трет. Ст. I, 4. Что касается десятинедѣльной давности „о выбитье з спокойного держанья“,—рѣчь идетъ только „о позванью до кгродского суду“; въ земскомъ судѣ можно искать и послѣ этого срока (Вт. Ст. IV, 69; Трет. Ст. IV, 33, 92).

[3]) Напр. Вт. Ст. III, 29; Трет. Ст. III, 35, 38; IX, 21; XII, 12, 13.

[4]) Напр. Перв. Ст. I, 18, 27; VII, 28; Вт. Ст. III, 38; Трет. Ст. III, 45; IV, 35 и др.

[5]) Только въ такой формѣ „упоминанье“ считается „слушнымъ“ и прерывающимъ

пѣвшій не беретъ „позвовъ“, не вручаетъ ихъ отвѣтчику и не „припозываетъ“ его на судъ [1]); 3) не „домогается отправы сужоной речы“ и не обращается къ уряду съ „судовымъ листомъ“, прося „вчинить тую отправу“ [2]). Если потерпѣвшій не прерываетъ своего молчанія какимъ-нибудь изъ указанныхъ трехъ дѣйствій, то давность течетъ безостановочно и безъ перерывовъ. Напротивъ, каждое изъ этихъ дѣйствій, выполненное истцомъ и притомъ такъ, какъ того требуетъ законъ, является причиной перерыва давности: съ того момента, какъ истецъ совершилъ все, что нужно для законнаго состава „упоминанья“ („припозванья“; „напоминанья о вчиненью отправы“), давность считается прерванной, все истекшее время какъ бы несуществующимъ; день „обношенья шкодника упоминальнымъ листомъ“, „заложенья позвовъ“ или „домоганья отправы“ является начальнымъ моментомъ новой давности [3]), если изъ всѣхъ дѣйствій истца по прежнему „никоторого скутку не будетъ“, т. е. если потерпѣвшій не доведетъ начатаго до конца и предастъ дѣло забвенію [4]).

Но для того, чтобы возможно было теченіе давности, бездѣятельность потерпѣвшаго должна быть *добровольной*: если потерпѣвшій не дѣйствуетъ потому, что не можетъ дѣйствовать,—давность не течетъ, т. е. она или не начинается, или пріостанавливается на все то время, пока потерпѣвшій находится въ состояніи вынужденной бездѣятельности. Въ числѣ обстоятельствъ, препятствующихъ истцу требовать наказанія отвѣтчика, Литовскій Статутъ называетъ: малолѣтство, которое считается для мужчинъ до 18 лѣтъ, для женщинъ—до 15 лѣтъ (13-ти по третьему Статуту); пребываніе въ чужихъ краяхъ или въ

давность: „ведъ же тотъ, хто се упоминаетъ, маетъ се того упоминати черезъ листы наши господарские и земъские упоминальные..., а хто бы листы упоминальные взявши у себе держалъ... и листовъ упоминальныхъ врядовне не давалъ, таковое упоминанье за вспоминанье у права не маетъ быти приймовано“ (Трет. Ст. III, 45).

[1]) „Позванье ку праву“ должно быть подкрѣплено явкой самого истца на судъ: „припозываючи ку праву и становечи се за позвы“. Никакого значенія не придается „взятью позвовъ“, если истецъ ихъ „у себе держалъ и стороны ку праву не припозывалъ“ (Трет. Ст. III, 45).

[2]) Трет. Ст. IV, 91.

[3]) Трет. Ст. IV, 91- позвы вручались или непосредственно самому отвѣтчику, или же оставлялись „на томъ именью, съ которого се кривда деетъ“; послѣднее и называлось „заложеньемъ позвовъ“.

[4]) Напр. Вт. Ст. IV, 66; Трет. Ст. IV, 91; XI, 52 и др.

плѣну у непріятеля; исполненіе господарской службы; препятствія, обусловливаемыя „безкоролевьемъ“ или существованіемъ „морового повѣтрея“; невѣдѣніе своего шкодника и проистекающее отсюда незнаніе, какъ, гдѣ и на комъ искать „своей кривды“ [1]).

При всѣхъ ли, однакожъ, преступленіяхъ примѣнима уголовная давность?—Хотя Статутъ въ своемъ исчисленіи преступленій, погашаемыхъ давностью, упоминаетъ далеко не о всѣхъ преступленіяхъ, но только о нѣкоторыхъ, тѣмъ не менѣе его общія указанія достаточно опредѣленны: давность имѣетъ силу и сопровождается обыкновенными послѣдствіями при всѣхъ „меншихъ, некрвавыхъ речахъ“ такъ же, какъ и при всѣхъ „большихъ речахъ, о што карають честью, горъломъ и розлитьемъ крви“. Такимъ образомъ, говорить о непримѣненіи давности преступленія мы можемъ только тогда, когда это положительно указано въ самомъ кодексѣ. Но такихъ указаній въ Л. Статутѣ не содержится. Напротивъ, говоря о давности наказанія, Литовскій Статутъ касается только наказаній имущественныхъ [2]). О личныхъ наказаніяхъ и о вліяніи на нихъ погашающей силы уголовной давности нѣтъ никакихъ указаній ни въ Статутѣ, ни въ современной ему судебной практикѣ. Можно думать, по аналогіи съ уголовнымъ правомъ другихъ народовъ [3]), что давность наказанія не имѣетъ никакого значенія и остается безъ послѣдствій по отношенію къ взысканіямъ, поражающимъ личность преступника: если опредѣленное закономъ личное наказаніе не можетъ быть выполнено немедленно послѣ судебнаго приговора или замѣнено какимъ-нибудь другимъ взысканіемъ (что бывало чаще всего въ видѣ выволанія), то истцу предоставляется требовать наказанія виновнаго тогда и тамъ, „когда и гдѣ онъ можеть, бы в надолъжейшомъ часе, постигнуть и злапать своего шкодника“.

---

[1]) Перв. Ст. I, 18; Вт. Ст. III, 38; Трет. Ст. III, 3, 45; IV, 33, 35; XI, 45, 52; XII, 12 и мн. др. Иногда, впрочемъ, при бѣгствѣ преступника потерпѣвшему предоставляется, даже если онъ знаетъ „своего шкодника“, „тыхъ обвиненыхъ, гдѣ можеть, бы в надолъжейшомъ часе, постигати и правомъ ихъ водлугъ ихъ учинъку покопывати“ (Трет. Ст. IV, 49). Но это—исключеніе: по общему правилу побѣгъ преступника влечетъ за собой заочный приговоръ и выволаніе (при „большихъ речахъ“).

[2]) Трет. Ст. IV 91. Ср. ib. VII, 10; Перв. Ст. X, 1.

[3]) См. *Фойницкаго*, Ученіе о наказаніи, стр. 110; *Таганцева*, Лекціи, вып. IV, стр. 1861, 1869.

3. Помилованіе („отпущенье винъ“) [1]) хотя и служитъ основаніемъ для отмѣны наказанія, но имѣетъ нѣсколько весьма своеобразныхъ чертъ, вполнѣ отличающихъ его отъ аналогичнаго института современнаго намъ права. Въ настоящее время преступленіе и наказаніе носятъ вполнѣ публичный характеръ. Соотвѣтственно этому и право помилованія является исключительной принадлежностью верховной власти, которая пользуется этимъ правомъ для отмѣны наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывается необходимымъ и справедливымъ по тѣмъ или другимъ условіямъ даннаго времени и даннаго преступленія. Нѣсколько иной характеръ имѣетъ институтъ помилованія при частноправномъ воззрѣніи на преступленіе и наказаніе.

Если преступленіе (наказаніе) есть фактъ, въ которомъ наиболѣе заинтересованъ потерпѣвшій, то можетъ-ли верховная власть обладать неограниченнымъ правомъ помилованія, и можетъ-ли это право принадлежать исключительно ей одной?—Разумѣется, нѣтъ. Помиловать преступника-вкодника—это значитъ обидѣть потерпѣвшаго, его семью, родъ, общину, оставить незаглаженной его кривду. Очевидно, такую обиду можно нанести потерпѣвшему только тогда, когда она оправдывается другими (общественными) соображеніями, когда соображенія эти считаются достаточно вѣскими, и власть имѣетъ достаточно силы для того, чтобы не обращать вниманія на протестъ „жалобливой стороны“. Послѣднихъ двухъ условій именно и не существовало въ литовско-русскомъ государствѣ XVI вѣка. Вслѣдствіе этого институтъ помилованія оказался, если можно такъ выразиться, въ однихъ отношеніяхъ болѣе расширеннымъ, въ другихъ—болѣе стѣсненнымъ и ограниченнымъ, чѣмъ въ современномъ намъ правѣ.

а) Институтъ помилованія можетъ быть названъ расширеннымъ съ точки зрѣнія *субъекта права помилованія.* Это право принадлежало въ извѣстной степени не только королю, но и вряду [2]), и

---

[1]) Перв. Ст. II, 1, 7, 12; VII, 30; Вт. Ст. I, 4, 7, 21, 27; II, 16; XI, 12, 33; Трет. Ст. I, 4, 11, 12, 14, 25; II, 16; III, 28; IV, 11, 30, 32, 95, 101; XI, 5, 29, 56; Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 71, 82; т. XV, стр. 293, 368, 406, 429, 463, 495; т. XVII, стр. 58, 363; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 89, 115; Ак. зап. Россіи т. II, стр. 62; Устав. Зем. Грам. стр. 131.

[2]) Трет. Ст. IV, 101; Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 71, 82; т. XV, стр. 293, 368, 406, 429, 463, 495 и др.

потерпѣвшему. Такъ какъ о значеніи воли потерпѣвшаго у насъ будетъ еще рѣчь впереди, то мы ограничимся здѣсь только разсмотрѣніемъ правъ короля и вряда.

б) Институтъ помилованія можетъ быть названъ болѣе ограниченнымъ съ точки зрѣнія *объема власти, предоставленной королю и вряду, какъ субъектамъ права помилованія.* Король и врядъ пользуются правомъ помилованія только въ извѣстныхъ предѣлахъ и съ извѣстными ограниченіями.

Неограниченное право помилованія принадлежитъ королю только въ чисто-публичныхъ преступленіяхъ (напр. преступленіяхъ государственныхъ, противъ уставы объ оборонѣ земской) и особенно въ тѣхъ, которыя направлены непосредственно противъ его личности [1]). При всѣхъ прочихъ преступленіяхъ власть короля значительно ограничена: имущественныхъ взысканій въ пользу потерпѣвшаго онъ не можетъ „отпускать", потому что въ полученіи ихъ наиболѣе заинтересованъ самъ потерпѣвшій [2]); штрафовъ въ пользу вряда онъ не можетъ прощать, потому что они составляютъ доходъ вряда, котораго нельзя отнимать „безъ вины" такъ же, какъ и самой должности [3]). Остаются наказанія публично-уголовныя (личныя и имущественныя), относительно которыхъ ничто не стѣсняетъ королевской власти [4]). Но сами по себѣ эти наказанія безъ соединенія съ другими встрѣчаются весьма рѣдко. Поэтому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда возможна отмѣна ихъ вслѣд-

---

[1]) Перв. Ст. II, 1, 12; VII, 30; Вт. Ст. I, 4; Трет. Ст. I, 4; IV, 95; XI, 5; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 89, 115; Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 58, 363; Ак. зап. Россіи т. II, стр. 62; Устав. Зем. Грам. стр. 131.

[2]) Напр. Трет. Ст. I, 25; „мы господаръ немаемъ никому таковыхъ закладовъ отпускати". Такое „отпущенье винъ" находилось бы въ полномъ противорѣчіи съ общимъ договорнымъ характеромъ отношеній, возникающихъ между преступникомъ и потерпѣвшимъ.

[3]) Должность („врядъ, достоенство") со всѣми ея атрибутами была правомъ, привилегіей, пожалованіемъ, ненарушимость котораго утверждалась каждой редакціей кодекса въ одномъ изъ первыхъ артикуловъ раздѣла „о волностяхъ шляхетъскихъ"—Перв. Ст. III, 4, 5; Вт. Ст. III, 10, 11; Трет. Ст. III, 2, 13, 14.

[4]) Иногда, впрочемъ, даже и относительно этихъ взысканій съ короля берется обязательство „никому ихъ не отпущати"—Вт. Ст. I, 21, 27; Трет. Ст. I, 11, 14; IV, 11, 30. Ср. *Maciejowskiego*, Historya, т. III, стр. 121; *Du-Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр. 181—182. Между прочимъ относительно Испаніи Дюбуа сообщаетъ, что „en Espagne, jusqu'à ces derniers temps, le droit de grâce du souverain a été subordonné au consentement des parents de la victime du meurtre".

ствіе помилованія, исходящаго отъ верховной власти,—отмѣна эта, безъ согласія вряда и потерпѣвшаго, окажется неполной, ограниченной лишь публично-уголовной частью взысканій.

Еще въ болѣе ограниченномъ видѣ предоставлено право помилованія вряду, который можетъ дѣйствовать вполнѣ свободно только относительно тѣхъ имущественныхъ взысканій, какія поступаютъ исключительно въ его пользу („вины такъ в семъ статуте, яко и въ записехъ добровольныхъ на вряды описаные“) [1]. Публично-уголовныя наказанія „отпускаются“ врядомъ только тогда, когда этому не противорѣчитъ потерпѣвшій [2]).

в) Самый *порядокъ помилованія* также нѣсколько отличается отъ современнаго. Отмѣна наказанія, обусловливаемая помилованіемъ, можетъ выразиться или въ томъ, что король (врядъ) не возбудитъ уголовнаго преслѣдованія противъ преступника, или въ томъ, что онъ отмѣнитъ вполнѣ или отчасти (смягчитъ) то наказаніе, которое назначено уголовнымъ закономъ за данное преступленіе. Помилованіе можетъ состояться, такимъ образомъ, какъ до суда, такъ и во время суда, а также при постановленіи судебнаго приговора, при обращеніи его къ исполненію и даже при отбываніи самого наказанія [3]). Основаніемъ для подобной отмѣны наказанія могутъ служить различныя обстоятельства: желаніе избѣжать излишней строгости („взглядомъ милосердья“), просьба виновнаго (осужденнаго) и постороннихъ почтенныхъ и вліятельныхъ лицъ [4]), несправедливость и безполезность

---

[1]) Трет. Ст. IV, 101.

[2]) Поэтому въ такихъ случаяхъ врядъ обыкновенно ссылается на то, что этихъ наказаній не требуетъ самъ потерпѣвшій („поневажъ оныхъ и сама сторона не афектовала“), или даже что онъ ихъ и требовать не можетъ: „а въ самой справѣ ачъ бы слушне панъ Яновскій за таковый подступокъ, подъ ихъ милостями паннами законными учиненый, подлугъ права и конституціи соймовое на горлѣ покараный былъ, лечъ же и рекгула закону ихъ милостей на кровь наступовати не допущаетъ, теды мы судъ его пана Яновского одъ горла на сесь часъ увольнивши... на седѣнье въ вѣжу на недѣль чотыри... всказуемъ“ (Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 293). Литов. Статутъ обыкновенно запрещаетъ вряду „чинить якую кольвекъ фолкгу“ преступнику „безъ позволенья самое стороны“—Вт. Ст. XI, 12; Трет. Ст. Ш, 28; IV, 32; XI, 29. Подобно этому и въ нѣмецкомъ правѣ: „Wenn Kläger und Richter einverstanden waren, konnte jede Strafe durch eine mildere ersetzt werden“ (*Schröder*, Lehrbuch, стр. 707).

[3]) Напр. Трет. Ст. IV, 95.

[4]) Перв. Ст. VII, 30; Вт. Ст. XI, 33; Трет. Ст. XI, 56. Ср. *Антоновича*, Монографіи, т. I, стр. 177; *Сергѣевскаго*, Наказаніе, стр. 110, 111, 266.

наказанія въ данномъ случаѣ, особыя свойства преступленія [1]) и под.

4. Воля потерпѣвшаго имѣетъ громадное значеніе при примѣненіи наказанія къ преступнику [2]). Въ этомъ отношеніи литовско-русское уголовное право значительно отличается отъ уголовнаго права другихъ народовъ. Въ то время какъ повсюду развитіе сознанія общественнаго момента преступленія неизбѣжно сопровождается ограниченіями частнаго произвола какъ въ наказаніи преступника, такъ и въ отмѣнѣ этого наказанія; въ то время какъ въ уголовномъ правѣ другихъ народовъ оба явленія развиваются параллельно другъ другу;— литовско-русское уголовное право представляетъ поразительный примѣръ колебаній и несоотвѣтствія въ развитіи понятія преступленія, съ одной стороны, и частнаго произвола—съ другой. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ XV и XVI столѣтія исторіи литовской Руси. Это именно есть то время, когда особенно рельефно выступаетъ ростъ общественнаго сознанія о преступленіи, какъ дѣяніи общевредномъ и общеопасномъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это же—періодъ неожиданнаго расширенія власти потерпѣвшаго, періодъ уступки частному лицу нѣкоторой доли тѣхъ правъ относительно преступника, какіе государство раньше уже успѣло присвоить себѣ, но отъ которыхъ оно торжественно отказалось въ началѣ XVI столѣтія. Явленіе это было уже отмѣчено нами выше [3]); были указаны и его причины, заключающіяся въ особенностяхъ общественно-политической исторіи литовской Руси [4]). На этомъ основаніи, во избѣжаніе повтореній, не будемъ касаться теперь причинъ и исторіи самаго явленія, но разсмотримъ его какъ данный фактъ литовско-русскаго уголовнаго права XVI столѣтія.

---

[1]) Ср. Перв. Ст. II, 1, 7, 12; VII, 30; Вт. Ст. I, 4; II, 16; XI, 12; Трет. Ст. I, 4; II, 16 и др. *Ясинскаго*, Устав. Зем. Грам., стр. 131—132.

[2]) Перв. Ст. VI, 36; VII, 6, 21, 30; Вт. Ст. XI, 8, 33; XIV, 10; Трет. Ст. IV, 25, 32, 92; XI, 12, 56; XIV, 13, 29; Ак. Кіев. Центр. Арх. кн. 2035, листъ 28, 263 на об.; кн. 2036, листъ 28, 52, 74; кн. 2037, листъ 195 на об.; кн. 2038, листъ 26 на об., 53 на об., 87; кн. 2040, листъ 50, 109, 201, 223, 394 на об., 479 на об.; Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 49, 51, 52; т. VIII, № 176; т. XV, стр. 29, 304 и др.; т. XVII, стр. 41, 51, 86, 119, 126, 135, 138, 139, 140, 154, 203, 208, 209, 223, 229, 239, 244, 280, 323, 364; Ак. юж. и зап. Россіи т. I, стр. 178, 209; Уст. Зем. Гр. стр. 146, 176—178, 191, 192; Судебникъ Казиміра ст. 12.

[3]) См. выше стр. 41—42.

[4]) См. выше стр. 102 и сл., 116—117.

Слѣдуетъ опредѣлить: а) въ какихъ случаяхъ и въ какой степени воля потерпѣвшаго могла быть основаніемъ отмѣны наказанія; б) почему и въ какой формѣ совершалась эта отмѣна; в) какими послѣдствіями сопровождалась она для преступника и для потерпѣвшаго.

а) *Объемъ власти потерпѣвшаго* опредѣляется двумя обстоятельствами: кругомъ тѣхъ преступленій, при которыхъ допускается произволъ „укривжонаго“, и полнотой свободы, которая предоставлена ему при отмѣнѣ наказанія.

Кругъ преступленій, допускающихъ большій или меньшій произволъ со стороны потерпѣвшаго при примѣненіи наказанія, ограничивается тѣми „выступками“, при которыхъ оказываются потерпѣвшіе, т. е. преступленіями частными и тѣми изъ публичныхъ, которыя являются въ то же самое время „кривдой“ для одного или нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Но и въ этой области потерпѣвшій пользуется извѣстнымъ вліяніемъ при примѣненіи наказанія только тогда, когда это не запрещено (разрѣшено) закономъ.

Литовскій Статутъ разрѣшаетъ примиреніе обиженнаго со своимъ обидчикомъ не только въ случаѣ болѣе легкихъ преступленій, но и при преступленіяхъ самыхъ тяжкихъ: обиженный всегда можетъ примириться со своимъ шкодникомъ, и если примиреніе („еднанье“) состоялось въ надлежащей формѣ, власть охраняетъ его ненарушимость такъ же, какъ и ненарушимость всякаго иного соглашенія и договора; возобновленіе дѣла, улаженнаго примиреніемъ, разсматривается и наказывается такъ же, какъ возобновленіе дѣла уже окончательно рѣшеннаго судомъ.

„Уставуемъ тежъ, хто бы с кимъ мевши право и утративши которую речъ на праве або на еднанью ее уступившы и заеднавъши, а по суде або зъеднавшися и тое еднанье, где о кгрунътъ земленый або о горъло идетъ при листе своемъ еднальномъ на вряде сознавши, а где о именье, або о кгрунътъ земленый, або о горло нейдетъ, такое еднанье листомъ своимъ еднальнымъ подъ печатью своею и с подписью руки своее власное и тежъ подъ двема печатьми людей сторонъныхъ, а хто писати невъмеетъ, тотъ при своей печати подъ тремя печатми людей сторонъныхъ данымъ упевнивши и утверъдивши, о тоежъ за се его до права позвалъ и на праве тоежъ речи знову искалъ и того доходилъ, таковый повиненъ заплатити тамъ же за разомъ у суду стороне семъ копъ грошей, судьи две копе грошей, а подъсудъку

копу грошей, а тотъ судъ або еднанье предъ се маеть при моцы зостати“ [1]).

Разсматривая приведенный артикулъ, мы видимъ, что примиреніе допускается не только въ гражданскихъ дѣлахъ (большей или меньшей важности), но также и въ дѣлахъ уголовныхъ, даже такихъ, „где идетъ о горъло“, т. е. гдѣ виновному угрожаетъ смертная казнь. Дѣйствительно, подтвержденіе этого общаго правила мы встрѣчаемъ неоднократно и въ кодексѣ, и въ современныхъ ему судебныхъ актахъ. Такъ, во всѣхъ редакціяхъ Статута упоминается о примиреніи при изнасилованіи („а естли бы она хотела его собе за мужа мети, то будеть на ее воли“) [2]) и при злодѣйствѣ съ поличнымъ („естли бы хто о злодейство або о которое злочинство на каранье горломъ черезъ врядъ права посполитого всказанъ былъ, а въ томъ каранъи горло свое пенезьми откупилъ“) [3]). Кромѣ того третій Статутъ говоритъ о примиреніи мужа со своей невѣрной женой („естли бы мужъ ее горломъ карати не хотелъ, то маеть зостати при воли его“) [4]), а первый упоминаетъ о примиреніи съ разбойникомъ: „а вшак же тот, который розбил, нехотел его (потерпѣвшаго) передьеднати, а пустилъ его на себе ку присязе, тогды, скоро присягнет, тот мает каранъ быти яко разбойникъ“ [5]). Истинный смыслъ этого постановленія Статута („передьеднати“) объясняется современными ему судебными актами, изъ которыхъ мы узнаемъ, что примиреніе въ уголовныхъ дѣлахъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ того времени: преступникъ мирился съ потерпѣвшимъ и до суда, и во время суда, и послѣ суда, иногда даже при отбываніи самаго наказанія [6]). Мало того, самый приговоръ суда давался нерѣдко въ условной формѣ; нерѣдко самъ судъ, не опредѣляя наказанія, предписывалъ отвѣтчику „еднать“ истца или опредѣлялъ наказаніе, но примѣненіе его ставилъ въ зависимости отъ предполагаемаго „еднанья“: „а за бой казалъ есми его переднати“; „и ведлугъ того сведецьства въ томъ есмо Томка винного

---

[1]) Трет. Ст. IV, 25.

[2]) Перв. Ст. VII, 6; Вт. Ст. XI, 8; Трет. Ст. XI, 12.

[3]) Перв. Ст. VII, 30; XIII, 6, 25; Вт. Ст. XI, 33; XIV, 10; Трет. Ст. XI, 56; XIV, 13.

[4]) Трет. Ст. XIV, 29.

[5]) Перв. Ст. VII, 21.

[6]) См. между прочимъ Трет. Ст. IV, 54.

знашли, сказали есмо ему Андрушка перееднати"; „и казалъ есми ему Миклаша за бой и за содранье шлыка перееднати, а естли бы не перееднялъ, тогды маеть полтиною грошей навязати" [1]). Такъ какъ постановленіе суда „о перееднанью" потерпѣвшаго встрѣчается иногда при такихъ преступленіяхъ, какъ злодѣйство [2]), то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что и вышеприведенное опредѣленіе перваго Статута „о передьеднанью разбойника" говоритъ о немъ, какъ о совершенно обыкновенномъ случаѣ: осужденному разбойнику предлагается „перееднать" потерпѣвшаго, „а естли бы не перееднялъ, тогды маеть каранъ быти яко розбойникъ".

Чаще всего судебные акты упоминаютъ о примиреніи „за бой", „за соромъ" [3]). Но нерѣдко встрѣчаются и болѣе серьезные случаи; такъ, мы можемъ указать нѣсколько актовъ, свидѣтельствующихъ о примиреніи за нанесенныя раны (иногда даже очень тяжкія), за грабежи, за наѣздъ (сопровождавшійся убійствомъ, изнасилованіемъ, нанесеніемъ побоевъ, ранъ и пр; въ другомъ случаѣ наѣздъ на церковь, также сопровождавшійся убійствомъ), за злодѣйство (иногда съ поличнымъ), за убійство (иногда умышленное—при наѣздѣ и притомъ убійство шляхтича) и под. [4]). Въ другихъ случаяхъ хотя и нѣтъ рѣчи о примиреніи, но оно предполагается (допускается) само собой: виновный выдается потерпѣвшему головой—„нехай где хочеть, тамъ его и денеть" [5]).

Такимъ образомъ, едва ли мы сдѣлаемъ большую ошибку, если скажемъ, что потерпѣвшему во всѣхъ случаяхъ предоставляется мириться со своимъ шкодникомъ. Отъ этого общаго правила нѣтъ почти никакихъ отступленій и въ самомъ Статутѣ. Только въ одномъ

---

[1]) Напр. Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 119, 135, 138, 140, 154, 208, 209, 223, 229 и др.

[2]) Напр. Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 208, № 563.

[3]) Ак. Кіев. Центр. Арх. кн. 2038, листъ 87; Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 51, 119, 135, 138, 154, 209, 223, 229, 239, 323, 364; Устав. Земск. Гр. стр. 191—192.

[4]) Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2035, листъ 28; кн. 2036, листъ 28, 52, 74; кн. 2037, листъ 195 на об; кн. 2038, листъ 26 на об., 53 на об.; кн. 2040, листъ 50, 109, 201, 223, 394 на об., 479 на об.; Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 49, 51, 52; т. VIII, № 176; т. XVII, стр. 41, 86, 126, 139, 140, 203, 208, 244, 280 и др.

[5]) Напр. Ак. Кіев. Центр. Арх. кн. 2036, листъ 176 на об., 177; кн. 2038, листъ 140 на об.; Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 280 и др.

случаѣ примиреніе запрещено положительно: „а тымъ, которихъ право на седенье до вежи на дно скажеть, хотя бы и сторона противная вольнымъ везенья чинила, врядъ ни которое фолки чинити немаетъ“ [1]; другими словами—преступникъ, уже приговоренный судомъ къ самому тяжкому виду тюремнаго заключенія, не можетъ быть помилованъ потерпѣвшимъ. Какое бы широкое значеніе ни придавать этому запрещенію, во всякомъ случаѣ необходимо помнить, что оно появилось только въ концѣ разсматриваемаго періода (1588 г.), и что другого такого же запрещенія мы не встрѣчаемъ ни въ одной редакціи Статута, такъ какъ нельзя же назвать запрещеніемъ ту (также единственную въ своемъ родѣ) угрозу, съ которой законодатель обращается къ „укривжоному“, не скаравшему „своего злодея“: „таковый кождый всю шкоду, которая бы ся кому черезъ того злодея зыменья его стала, будетъ повиненъ платити“ [2]. Это—не наказаніе и даже не угроза наказаніемъ; это не болѣе, какъ одно изъ основаній необходимаго заступничества, и притомъ въ его смягченной формѣ.

Итакъ, воля потерпѣвшаго можетъ служить основаніемъ отмѣны наказанія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть потерпѣвшій. Другой вопросъ—въ какой степени обусловливается ею эта отмѣна?

Степень (*полнота*) *власти* потерпѣвшаго опредѣляется далеко не одинаково для различныхъ преступленій: въ однихъ случаяхъ отъ воли потерпѣвшаго зависитъ полная отмѣна наказанія (полное помилованіе) преступника, въ другихъ—только частичная. Слѣдуетъ различать частныя и публичныя преступленія [3]: при первыхъ потерпѣвшій можетъ всегда и во всякое время отмѣнить все наказаніе преступника (имущественныя и личныя взысканія) [4], при вторыхъ—публично-уголовныя наказанія (личныя и имущественныя) отмѣнѣ не подлежатъ [5]. Что касается штрафовъ, поступающихъ въ пользу вряда, то они не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ самостоятельнаго значенія и почти всегда

---

[1]) Трет. Ст. IV, 32.

[2]) Перв. Ст. XIII, 6, 25; Вт. Ст. XIV, 10; Трет. Ст. XIV, 13.

[3]) См. выше стр. 31—32.

[4]) Напр. Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2040, листъ 394 на об.; Ак. Вил. Ком. т. V, стр. 49, 52; т. VIII, № 176 и др. Впрочемъ лишеніе чести не подлежитъ отмѣнѣ—см. выше стр. 221.

[5]) Такъ какъ они назначаются исключительно „за вину нашу господарскую“ и въ интересахъ „речи посполитой“ (напр. Трет. Ст. IV, 11 и др.).

являются придаткомъ, добавочнымъ требованіемъ при искѣ, возникшемъ безъ воли вряда и помимо вряда. Этимъ опредѣляется и ихъ отмѣна по волѣ потерпѣвшаго, который можетъ въ такихъ случаяхъ сдѣлать то, на что не имѣетъ права самъ король: при примиреніи „укривжонаго“ со своимъ „шкодникомъ“ врядъ не получаетъ своего обычнаго дохода; вмѣстѣ съ главнымъ требованіемъ уничтожается и придаточное [1]). На этомъ основаніи, чтобы возмѣстить вряду его матеріальный ущербъ, предписывается мириться въ присутствіи вряда („передъ вижемъ“) [2]) и уплачивать ему отъ каждаго „еднанья“ опредѣленную пошлину („змирская куница“) [3]).

Такимъ образомъ полнота (степень) власти потерпѣвшаго опредѣляется не только свойствами преступленія, но также и свойствами наказанія: отъ своихъ штрафовъ потерпѣвшій можетъ отказаться всегда; штрафы въ пользу вряда не подлежатъ отмѣнѣ только тогда, когда они имѣютъ самостоятельное значеніе, что бываетъ при нѣкоторыхъ публичныхъ преступленіяхъ [4]); публично-уголовныя наказанія не отмѣняются по волѣ потерпѣвшаго при всѣхъ публичныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ преступленіяхъ [5]).

б) *Мотивы и формы „еднанья“*. Воля потерпѣвшаго, служащая основаніемъ отмѣны наказанія, только въ рѣдкихъ случаяхъ возникаетъ помимо желанія преступника: потерпѣвшій только въ видѣ исключенія отказывается отъ иска и прощаетъ преступника prorio motu; обыкновенно же отмѣна наказанія по волѣ потерпѣвшаго совершается по просьбѣ преступника и въ формѣ примиренія („еднанья“).

Преступникъ, чувствуя свою вину и желая избѣжать грозящаго ему наказанія, обращается къ потерпѣвшему непосредственно или черезъ своихъ пріятелей, проситъ прощенія, сознаетъ свой „выступокъ“ и свою „винность“, обѣщаетъ дать посильное удовлетвореніе и

---

[1]) „Wo kein Kläger ist, da ist kein Richter“—это основное положеніе, и оно не можетъ быть нарушено врядомъ по своимъ личнымъ соображеніямъ и въ своихъ личныхъ интересахъ. См. выше стр. 212.

[2]) Перв. Ст. VI, 36; Трет. Ст. IV, 25.

[3]) Устав. Зем. Грам. стр. 146.

[4]) Напр. Трет. Ст. IV, 53; XIV, 33 и др.

[5]) Вѣроятно при тѣхъ, въ которыхъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія предоставлено самому вряду, „хотя бы сынове або кревные не хотели фолъдровати“. См. выше стр. 212.

проч. Если потерпѣвшій соглашается, то не „позываетъ“ на судъ своего шкодника (или прекращаетъ производство по начатому уже дѣлу, или отказывается отъ взысканія, опредѣленнаго судомъ—смотря по тому, когда состоялось еднанье), но „еднается“ или „ровнается“ съ нимъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ. Для подкрѣпленія своей просьбы преступникъ можетъ предложить потерпѣвшему опредѣленный выкупъ или прибѣгнуть къ содѣйствію добрыхъ людей, „зацныхъ и знакомитыхъ шляхтичей“, которые станутъ ходатайствовать („прохати, выпрохати“) за него передъ „укривжонымъ“ [1]).

Вотъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное.

„Наймитъ Гринашовъ Петръ повадился (поссорился) былъ съ тымъ Иваномъ и вдарилъ былъ его по голове пужилномъ. Кгды пріехали есмо до Мартина въ домъ посполъ съ тымъ чоловѣкомъ Иваномъ, ино, пъючи намъ въ того Мартина, мовилъ Иванъ и жаловалъ Мартину, штожъ дей Гринашовъ наймитъ Петръ, едучи намъ на дорозе, вдарилъ мя пужилномъ по голове вельми; ино дей Мартинъ, выслухавши того отъ Ивана, мовилъ тому наймиту Гринашову Петру: милый дей брате, естли его вдарилъ, вдарьже ему за то чоломъ и переднай его; и тотъ дей Петръ, наймитъ Гринашковъ, вдарилъ тому чоловѣку Ивану чоломъ и переедналъ его за то. Иванъ тежъ ему тотъ бой отпустилъ“ [2]).—„Ино кды съ казни тотъ Матысъ Кунцевичъ (убійца) передъ право приведенъ былъ, не чинячи никоторого отпору противней стороне, и не хотячи въ право вступати, яко тотъ, который есть виненъ, и падши крыжемъ передъ панамъ Яномъ и братомъ его Остафьемъ Воловичи, и передъ иншими кровными ихъ, просилъ для Бога съ плачемъ, просячи, даючися въ томъ виненъ и просячи милосердъя отъ пана Яна и отъ пана Остафья и отъ иншихъ кровныхъ ихъ и подиймуючися всякого каранья и вязенья и покуты за небожчика покутывати, на чомъ панъ Иванъ зъ братьею и зъ инъшими кровными своими зоставитъ и которою ласку симъ вчинити рачатъ“ [3]).—Пріятели виновныхъ заявляютъ, что пославшіе ихъ „чуюся быти винными, просили и били чолом его милости пану Загоров-

---

[1]) Перв. Ст. VII, 30; Вт. Ст. XI, 33; Трет. Ст. XI, 56. Ср. Ак. Вил. Ком. т. VIII, № 176.

[2]) Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 239, № 650.

[3]) Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 280, № 727.

скому сами через себе и через нас приятелеи своих, абы его милост, их ку праву до вряду их не притегаючи ани правом того не поискуючи, ласку над ними вчинил, хотячи тому вряднику его милости Куровскому и подданным его милости за бои и за шкоды досыт вчинити и нагородити“ [1]).—Брат мои Панфилон звадился был з служебниками его княжачое милости с товарищами своими, я деи теж тамъ на онъ час пришодчи и вжалившися брата своего ранил есми пана Липинского не з жадного умыслу своего, одно за жалемъ брата моего, а потом деи бачачи я в том выступокъ и винност свою напротивко товариша своего, пана Липинского, просил есми иных служебниковъ князя его милости панов а добродеев своих ласкавых..., што бы нас в томъ погодили и оны гнев промежку нас заеднали, што их милость на прозбу мою вчинити рачили и мне с паномъ Липинскимъ поеднали, с которого деи приятелского еднаня так ся знашло и постановило, же я за тот выступокъ свои поднялся покуту терпети в замку Луцком тыжден седѣти“ [2]).

Самое примиреніе заключается обыкновенно передъ свидѣтелями („паны едначи“), которые и подписываются (прикладываютъ свои печати) на „еднальномъ листѣ“. Въ тѣхъ же случаяхъ, „где о горло идетъ“, необходимо кромѣ того заявленіе передъ врядомъ о состоявшемся примиреніи („сознати еднанье на вряде“). Содержаніе еднальнаго листа зависитъ отъ условій примиренія. Его обыкновенная форма слѣдующая: „Я (такой-то) заявляю, что позвалъ было на судъ (такого-то), а дѣло заключалось въ слѣдующемъ...; однако мой противникъ переедналъ меня, и по просьбѣ добрыхъ людей (такихъ-то) я отпустилъ ему свой гнѣвъ: онъ вознаградилъ меня за то (такъ-то) и кромѣ того обѣщалъ еще сдѣлать (то-то), я же отказываюсь навсегда отъ своего иска и не возобновлю дѣла никогда ни самъ, ни мои потомки“.

в) *Послѣдствія „еднанья“* зависятъ отъ его содержанія и условій, но во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были тяжки обязательства примирившагося преступника, они никогда не достигаютъ размѣровъ всѣхъ законныхъ послѣдствій даннаго преступленія; примиреніе если и не отмѣняетъ наказанія вполнѣ, то всегда значительно смягчаетъ его.

---

[1]) Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2038, листъ 87.

[2]) Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2038, листъ 278 на об.

Для потерпѣвшаго примиреніе имѣетъ двоякое значеніе: онъ теряетъ право требовать наказанія пуеступника за данное преступленіе; взамѣнъ этого онъ пріобрѣтаетъ право добиваться исполненія всего того (тогда и такъ), что (когда и какъ) установлено въ еднальномъ листѣ. Если потерпѣвшихъ нѣсколько, то примиреніе касается только тѣхъ, съ кѣмъ именно оно заключено; остальные могутъ требовать удовлетворенія за свои кривды и шкоды на общихъ основаніяхъ [1]).

Преступникъ обязывается исполнить (немедленно или въ опредѣленный срокъ) все то, что принялъ на себя при еднаніи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ упоминается объ обязательствѣ виновнаго уплатить извѣстную сумму денегъ за шкоды, за бой, за раны, за голову и под. [2]); добровольно подвергнуться тюремному заключенію на опредѣленный срокъ [3]); публично покаяться и заявить о своемъ преступленіи въ церкви и передъ врядомъ [4]); явиться въ домъ обиженнаго и тамъ торжественно просить прощенія и вознаградить за все такъ, какъ условлено, и под. [5]).

5. *Выкупъ отъ наказанія* такъ же, какъ и заглаженіе причиненнаго вреда, не служитъ обыкновенно непосредственнымъ основаніемъ отмѣны наказанія, но является не болѣе, какъ однимъ изъ условій примиренія съ потерпѣвшимъ: преступникъ или третьи лица подкрѣпляютъ свои просьбы предложеніемъ извѣстнаго матеріальнаго удовлетворенія, извѣстной суммы денегъ, и на это предложеніе потерпѣвшій даетъ свое согласіе. Самостоятельное значеніе выкупъ пріобрѣтаетъ только тогда, когда онъ допускается независимо отъ согласія потерпѣвшаго. Литовскій Статутъ, подобно средневѣковому германскому праву, не назначаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ безусловной смертной казни, но предписываетъ виновному „окупати свое горло“; смертная казнь назначается только въ томъ случаѣ, если виновный самъ или третьи лица не представятъ надлежащаго выкупа.

„Где бы хто кому злодейскимъ обычаемъ дерево на чыемъ кгруите

---

[1]) Трет. Ст. IV, 87.

[2]) Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 41, 86, 119, 140 и др.

[3]) Трет. Ст. IV, 32; Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2036, листъ 28, 52, 74; кн. 2040, листъ 390 и др.

[4]) Ак. Вил. Ком. т. VIII, № 176.

[5]) Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2038, листъ 26 на об.; кн. 2040, листъ 394 на об.

порубалъ, а его бы з лицемъ з деревомъ поймано, тотъ маеть окупити горло свое водлугъ стану своего“ [1]).

Здѣсь выкупъ состоитъ, какъ видно, въ платежѣ потерпѣвшему суммы денегъ, соотвѣтствующей головщинѣ виновнаго („водлугъ стану своего“—„das Wergeld des Thäters als Löse des Halses“). Къ выкупу преступника третьими лицами законодатель относится нѣсколько неодобрительно: „тых всих, которые такового человека осужоного ведоме выправляли або пенязми своими окупали того, честь а добрая слава на ласце господарской“. Замѣчательно, что этой прибавки нѣтъ въ соотвѣтствующихъ артикулахъ второго и третьяго Статутовъ [2]).

6. *Зачетъ имущественныхъ взысканій* допускается при обоюдности кривдъ и при однородности ихъ послѣдствій. Возможность зачета обусловливается самой природой отношеній, создаваемыхъ преступленіемъ между „укривжонымъ“ и его „шкодникомъ“: два однородныя, но противоположныя долговыя требованія взаимно уничтожаются [3]). Способъ зачета наказаній бываетъ двоякій: внѣсудебный, по соглашенію сторонъ (примиреніе на извѣстныхъ условіяхъ) и судебный [4]). Первый, кажется, встрѣчался чаще, потому что не требовалъ такихъ „утратъ и накладовъ“, какъ второй. Послѣдствіемъ зачета наказаній могла быть ихъ полная отмѣна для обѣихъ сторонъ—при полномъ равенствѣ кривдъ, или же для одной стороны—въ остальныхъ случаяхъ.

---

[1]) Перв. Ст. IX, 18; Вт. Ст. X, 15; Трет. Ст. X, 15.

[2]) Ср. Перв. Ст. VII, 30; Вт. Ст. XI, 33; Трет. Ст. XI, 56 и Перв. Ст. XIII, 6, 25; Вт. Ст. XIV, 10; Трет. Ст. XIV, 13.

[3]) Впрочемъ, кромѣ указанныхъ условій (обоюдность кривдъ, однородность ихъ послѣдствій), всегда нужно имѣть въ виду особенности отношеній въ случаяхъ звады и мести. При звадѣ отвѣчаетъ только тотъ, кто началъ званду; месть же составляетъ самоуправство, запрещенное подъ угрозой наказанія. Такимъ образомъ здѣсь зачетъ наказаній невозможенъ, такъ какъ при звадѣ „початокъ“ уничтожаетъ наказуемость отвѣтной кривды, а месть уничтожаетъ наказуемость первой кривды (см. выше стр. 211 прим. 1-е). Слѣдуетъ замѣтить, что въ видѣ исключенія иногда допускается зачетъ и при одновременности кривдъ: „где бы се у волной званде оба два забили, а не было бы светковъ на обе стороне, ино потомъки або близъские забитыхъ вжо головъщизны на себе искати не маютъ“. Но это случай единственный и вполнѣ исключительный (Вт. Ст. XI, 26; Трет. Ст. XI, 10).

[4]) Ак. Вил. Ком. т. XVII, стр. 366.

Б. Замѣна наказаній.

Опредѣленное въ законѣ наказаніе замѣняется другимъ, равнымъ ему по тяжести, въ случаѣ невозможности примѣнить его къ данному преступленію. Чаще всего поводомъ къ замѣнѣ служитъ несостоятельность преступника или невозможность для власти овладѣть его личностью (побѣгъ виновнаго, сопротивленіе и под.). Но встрѣчаются и другія болѣе или менѣе случайныя причины замѣны наказанія.

а) При *несостоятельности* преступника наказаніе обращается на его личность: частные штрафы подлежатъ „выробленію“ [1]), штрафы же въ пользу общественной власти замѣняются тюремнымъ заключеніемъ [2]). Во всѣхъ редакціяхъ Статута содержится постановленіе, „ижъ чоловекъ вольный за жаденъ выступъ в неволю вечную выданъ быти не маеть, а естли бы в суме великой былъ выданъ, маеть с тое сумы выробливатися“ [3]). Это общее правило подтверждается неоднократно и въ другихъ мѣстахъ кодекса [4]); также и въ судебныхъ приговорахъ часто встрѣчаются опредѣленія въ родѣ слѣдующаго: „мы судъ (такую-то) сумму (штрафовъ) присуждаемъ на пану (такомъ-то) и на маетностяхъ всякихъ, лежачихъ, рухомыхъ, сумахъ пѣнежныхъ,

---

[1]) За рѣдкими исключеніями, напр. Трет. Ст. XII, 7 (вмѣсто выробленія—тюрьма, потому что у жида нельзя выробляться дольше семи лѣтъ); Вт. Ст. XIV, 4 (вмѣсто навязки—отрѣзать ухо). Послѣдній случай заслуживаетъ особеннаго вниманія, и вотъ въ какомъ отношеніи: подобно тому какъ при примиреніи со злодѣемъ Статуты расширили права потерпѣвшаго сравнительно съ Судебникомъ Казиміра и уставными земскими Грамотами, или какъ при выкупѣ (выпроханіи) злодѣя и другихъ злочинцевъ, второй и третій Статуты стали относиться снисходительнѣе перваго къ тѣмъ, „которые такового человека осужоного ведоме выправляли або пенязми своими окупали“;—подобно этому и въ данномъ случаѣ третій Статутъ измѣняетъ постановленія второго, и притомъ въ томъ же направленіи, не соотвѣтствующемъ общему развитію сознанія общественнаго значенія всякаго преступленія, именно—третій Статутъ возвращается къ старому: несостоятельный (для уплаты навязки) злодѣй подлежитъ выдачѣ „на выробъ“ (Трет. Ст. XIV, 7).

[2]) Трет. Ст. I, 10; IV, 53.

[3]) Перв. Ст. XI, 7; Вт. Ст. XII, 7; Трет. Ст. XII, 11. Въ одномъ только случаѣ первый Статутъ допускаетъ выдачу въ вѣчную неволю: „колибы на смерть сказаны кому, окроме злодейства, а они бы просили того, кому сказаны, жебы их не губилъ, а давалибы ся в не волю, а он бы их не вбил, таковые в неволю мают даны быти и дети их, которые ся будуть потом родити“ (Перв. Ст. XI, 13).

[4]) Перв. Ст. V, 9; VI, 15; XI, 6, 8; XIII, 27; Вт. Ст. VI, 12; XI, 2; XII; 5; Трет. Ст. I, 25; III, 32; IV, 15, 50, 67, 98; V, 18; VI, 14; XII, 9; XIV, 7, 11, 23 и др.

гдѣ кольвекъ будучихъ, а въ недостатку оныхъ и на самой особѣ его милости пана (такого-то—виновнаго)“ [1]). Любопытнѣе всего, что такую форму приговоры суда имѣютъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда одновременно съ тѣмъ назначаются какія-нибудь личныя наказанія (напр. смертная казнь, выволаніе). Къ сожалѣнію мы не можемъ сказать, какъ исполнялись эти приговоры суда, и какъ примирялись на практикѣ эти столь противоположныя другъ другу судебныя опредѣленія [2]).

Продолжительность „выробленія“ опредѣляется размѣрами присужденной суммы: къ концу столѣтія ежегодный „выпускъ“ для мужчины равняется одному рублю грошей, для женщины—копѣ грошей [3]). Если виновный не въ состояніи „выслужитися“ до смерти, „тогды дети его мають с тое сумы выроблятися“ [4]).

б) Если преступникъ *скроется или окажетъ сопротивленіе*, то болѣе тяжкія наказанія замѣняются для него выволаніемъ. Въ другихъ случаяхъ врядъ поступаетъ съ упорнымъ по общимъ правиламъ, о которыхъ у насъ была уже рѣчь выше [5]).

в) Въ отдѣльныхъ случаяхъ невозможность обратить взысканіе на недвижимое имущество *неосѣлаго* (онъ его не имѣетъ) даетъ поводъ къ замѣнѣ имущественныхъ взысканій личными (выволаніе, лишеніе чести, тюремное заключеніе) [6]); на томъ же основаніи лишеніе чести для *простыхъ людей* замѣняется смертной казнью [7]).

---

[1]) Напр. Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 149, 174, 306, 307 и др.

[2]) Третій Статутъ совѣтуетъ: „естли (у виновнаго) маетъности рухомое такъ много не будетъ, тогды самъ в томъ маетъ быти стороне выданъ на выробъ, *звлаща (особенно) где бы горла не заслужилъ*“ (Трет. Ст. IV, 15). По буквальному смыслу этого постановленія слѣдуетъ заключить, что выдача „на выробъ“ практиковалась даже и при самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, что́ подтверждается судебными актами—см., напр., Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2036, листъ 177 (разбойникъ „выданъ у шкодахъ“).

[3]) Въ различныхъ спискахъ перваго Статута размѣръ „выпуска“ опредѣляется для мужчины въ 12, 15 и 30 грош., для женщины въ 10, 12, 15 и 20 гр. Второй Статутъ увеличиваетъ его до 50 грош. (для мужчины) и до 30 грош. (для женщины). См. Перв. Ст. XI, 7, 8; Вт. Ст. XII, 5, 7; Трет. Ст. XII, 9, 11.

[4]) См. выше стр. 150—151.

[5]) См. выше стр. 214 и сл.

[6]) Перв. Ст. II, 4; Вт. Ст. I, 22; II, 10; Трет. Ст. I, 26; II, 10; IV, 96.

[7]) См. выше стр. 204.

Мы изучили важнѣйшія условія приложенія наказанія и познакомились вмѣстѣ съ тѣмъ съ вопросомъ, какъ *могло* и какъ *должно было* примѣняться наказаніе. Теперь слѣдовало бы разсмотрѣть, какъ *примѣнялось* наказаніе въ дѣйствительности, слѣдовало бы сопоставить законъ съ практикой; но откладывая подробности этого дѣла до изложенія особенной части ученія о наказаніи, ограничимся теперь слѣдующими немногими замѣчаніями.

При сличеніи Статута съ современными ему судебными актами оказывается, что его постановленія значительно измѣнялись при своемъ примѣненіи, и жестокость уголовнаго закона значительно смягчалась и скрадывалась въ судебной практикѣ. Въ однихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ замѣнѣ одного наказанія другимъ вслѣдствіе тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ западно-русской общественной жизни, о которыхъ мы уже говорили выше [1]), и вслѣдствіе которыхъ наказанія за самыя тяжкія преступленія сводились обыкновенно къ нулю: могущественный панъ, который „до везенья ити не хотелъ, и въ томъ ся вряду спротивилъ и послушенъ не былъ, а былъ такъ можнымъ, же его врядъ до везенья примусити не могъ“ [2]), смѣется надъ приговоромъ суда, и послѣднему вслѣдствіе этого очень часто остается только прибѣгнуть къ замѣнѣ назначеннаго наказанія выволаніемъ (баниціей), т. е., говоря другими словами, признать собственное безсиліе и предать дѣло забвенію [3]); простой человѣкъ, приговоренный къ смерти, находитъ защиту у своего пана, которому даже съ экономической точки зрѣнія невыгодно терять представляемую его подданнымъ рабочую силу [4]). Въ другихъ случаяхъ необходимость отмѣны или замѣны наказанія обусловливается свойствами самого уголовнаго закона: подъ

---

[1]) См. выше стр. 102 и сл., 214 и сл.

[2]) Трет. Ст. XI, 40.

[3]) Вслѣдствіе частаго примѣненія выволаніе обратилось въ концѣ-концовъ въ простую формальность и утратило всякое значеніе: выволанцы (баниты) свободно жили въ городахъ и селахъ и, не обращая никакого вниманія на судебный приговоръ, продолжали заниматься набѣгами, производить насилія и убійства. Прекрасной иллюстраціей того, насколько часто примѣнялось выволаніе, могутъ служить акты, содержащіеся въ XV т. изданій Виленской Археографической Коммиссіи: большинство приговоровъ сводится къ баниціи (20 къ баниціи и 10 къ смерт. казни), и даже иски, чисто гражданскіе вначалѣ, вслѣдствіе „спротивенства декретови“ оканчиваются чуть не въ большинствѣ случаевъ этимъ же практически-невыполнимымъ наказаніемъ.

[4]) Случаи подобнаго покровительства пана своимъ подданнымъ, даже въ дѣлахъ

вліяніемъ идеи устрашенія законодатель произвольно увеличиваетъ жестокость наказаній за многія преступленія и пользуется устрашеніемъ, какъ средствомъ для проведенія своихъ нововведеній. Вслѣдствіе этого многія наказанія, какъ идущія въ разрѣзъ съ правосознаніемъ народа, на практикѣ оказываются мало примѣнимыми и обыкновенно подлежатъ смягченію. Относительно нѣкоторыхъ постановленій уголовнаго кодекса трудно даже сказать, имѣли ли они какое-нибудь примѣненіе въ дѣйствительной жизни, но въ пользу отрицательнаго отвѣта говорятъ весьма многія соображенія. Приведемъ одинъ примѣръ.

Въ литовской Руси существовалъ весьма древній и общій обычай: крестьянинъ, владѣвшій бортнымъ деревомъ, распоряжался имъ, какъ своей собственностью, могъ продавать, дарить его и давать въ приданое своей дочери, хотя бы лѣсъ („пуща"), гдѣ находилось это дерево, принадлежалъ и не ему. Съ теченіемъ времени, когда возникло право собственности на лѣса[1]), владѣльцы послѣднихъ, какъ заинтересованные въ охранѣ ихъ отъ противозаконныхъ порубокъ, стараются всячески обезпечить себя, особенно со стороны лицъ, имѣвшихъ въ ихъ лѣсахъ права угодій и, слѣдовательно, пользовавшихся правомъ входа въ лѣсъ. Возникаетъ рядъ законовъ, опредѣляющихъ права и обязанности лицъ, пользующихся правомъ угодій въ чужихъ имуществахъ. Между прочимъ рядъ постановленій такого рода содержится и въ Литовскомъ Статутѣ[2]). Въ XVI вѣкѣ вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ начинается постепенное отнятіе у крестьянъ права собственности на землю въ пользу пановъ[3]); вмѣстѣ съ тѣмъ право угодій терпитъ все бо́льшія и бо́льшія ограниченія. Относительно бортныхъ ухожій, въ частности, шляхетское законодательство создаетъ постановленіе, находящееся въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ старымъ и общимъ обычаемъ, о которомъ мы только что говорили: въ виду различныхъ недоразумѣній и споровъ, возникающихъ между земянами, сосѣдями по имѣнію, вслѣдствіе передачи бортныхъ деревьевъ подданными одного

меньшей важности постоянно встрѣчаются въ актахъ того времени (напр. Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2039, листъ 374).

[1]) См. *Ясинскаго*, Устав. зем. грамоты, стр. 165.

[2]) Перв. Ст. IX, Вт. и Трет. Ст. X; Устав. зем. грам. въ указ. изд., стр. 165—166.

[3]) Перв. Ст. VIII, 21; Вт. Ст. IX, 18; Трет. Ст. IX, 27; Ак. Вил. Ком., т. XVII, № 861 и 881: „мужикъ у мужика земли на вечность купити не можетъ". Ср. *Леонтовича*, Крестьяне юго-зап. Россіи, Кіев. Унив. Изв., 1863 г., № 10, стр. 34 и сл.

изъ нихъ подданнымъ другого, Статутъ постановляетъ: „хто бы съ подданыхъ нашихъ, князскихъ, панскихъ и земянскихъ дерево бортное за границу пановъ своихъ отдавалъ, даровалъ и якимъ кольвекъ обычаемъ въ чужіе руки заводилъ, таковый маеть горломъ каранъ быти, а тое дерево засе тому пану маеть быти превернено, чіе первей было“ [1]).—Только произволъ законодателя, проникнутаго идеей устрашенія, могъ создать столь неосновательное и жестокое предписаніе! Санкціонировавъ свое запрещеніе смертной казнью, законодатель, очевидно, думалъ придать ему особенное значеніе и заставить крестьянъ выполнять то требованіе, которое было вполнѣ противоположно ихъ собственному правосознанію. Само собою разумѣется, что предписаніе это, какъ не отвѣчающее условіямъ дѣйствительной жизни и общему правосознанію, не могло существовать долго и едва ли когда-нибудь примѣнялось. Кто бы, въ самомъ дѣлѣ, захотѣлъ терять своего крестьянина, подвергая его смертной казни по столь ничтожному поводу! [2]) Вотъ почему неумѣстная строгость второго Статута была отмѣнена въ третьемъ: „такового (т. е. виновнаго въ передачѣ бортнаго дерева за границу владѣній своего пана) маеть панъ его карати водлугъ важности выступу“ [3]).

Ограничимся приведеннымъ примѣромъ, хотя подобныя постановленія встрѣчаются въ Л. Статутѣ неоднократно [4]), и произвольное увеличеніе жестокости наказаній составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ развитія уголовнаго права въ теченіе всего XVI вѣка [5]).

Итакъ, если назначаемыя Статутомъ наказанія при ихъ примѣненіи постоянно подвергались смягченію, замѣнѣ, а иногда и полной отмѣнѣ, такъ что санкція уголовнаго закона, при всей своей строгой опредѣленности, обращалась de facto въ тотъ примѣрный и максимальный предѣлъ, выше котораго наказаніе не поднималось никогда,

---

[1]) Вт. Ст. X, 6.

[2]) Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ господинъ имѣлъ неограниченную власть надъ своимъ рабомъ, нравы и экономическія соображенія удерживали его отъ злоупотребленія этой властью: „Un esclave d'ailleurs était un capital qu' on craignait de perdre ou de diminuer“ (*Loiseleur*, Les crimes et les peines, стр. 51).

[3]) Трет. Ст. X, 6.

[4]) Съ нѣкоторыми неудачными нововведеніями второго Статута мы познакомились уже раньше—см. выше стр. 115 - 116, 150. 152, 238, 268.

[5]) См. выше стр. 189 и сл.

и до котораго оно очень часто вовсе и не достигало; если, съ другой стороны, во многихъ случаяхъ примѣненіе наказанія являлось крайне затруднительнымъ или даже и совсѣмъ невозможнымъ вслѣдствіе особенныхъ процессуальныхъ или фактическихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ обвиненіе преступника или исполненіе уже опредѣленнаго наказанія; то совершенно естественно, что уголовное право современныхъ Статуту памятниковъ судебной практики значительно отличается отъ уголовнаго права самого Статута. Изъ числа многихъ актовъ, просмотрѣнныхъ нами, только въ *нѣсколькихъ* упоминается о тѣлесныхъ (болѣзненныхъ) наказаніяхъ, *немногіе* говорятъ о смертной казни и *ни въ одномъ* не упоминается о квалифицированныхъ ея видахъ или о членовредительныхъ наказаніяхъ. Неудивительно поэтому, что, несмотря на всю жестокость уголовнаго закона и щедрое расточеніе имъ смертной казни и пытки, въ дѣйствительности гродскій врядъ часто не имѣлъ собственнаго палача и въ случаѣ надобности принужденъ былъ отыскивать его въ другихъ мѣстахъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Статутъ, заявляя, что „естли бы который врядъ кгродъский недбалый былъ, а ката пры своемъ вряде немелъ, тогды часу потребы не сторона, але врядъ своимъ накладомъ будеть виненъ его, отъкуль можеть, набывати безъ жадное проволоки“ [1]). Объ этомъ же свидѣтельствуютъ факты позднѣйшаго времени: „Магистраты южно-русскихъ городовъ пользовались правомъ карать преступника смертью весьма умѣренно, и общественное мнѣніе, очевидно, не было согласно съ строгимъ духомъ нѣмецкаго законодательства. Въ одномъ только Каменцѣ магистратъ содержалъ палача, въ другихъ городахъ не только его не было, но часто приходилось отказаться отъ исполненія смертнаго приговора за невозможностью найти его исполнителя“ [2]).

---

[1]) Трет. Ст. XI, 5.

[2]) *В. Б. Антоновичъ*, Монографіи по исторіи зап. и юго-зап. Россіи, т. I, стр. 177.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
3	9 сн.	cywilizacyi	cywilizacji
7	10 св.	измѣненіи	измѣненія
8	2 св.	нѣс-колько	нѣ-сколько
8	20 сн.	нурушаетъ	нарушаетъ
11	12 св.	общест-веннаго	обще-ственнаго
13	15 св.	поймавши	поймавшы
14	14 сн.	могущест-веннымъ	могуще-ственнымъ
14	3 сн.	небольшаго	небольшого
15	10 св.	соз-наніемъ	со-знаніемъ
16	2 св.	сваволенства	своволенства
16	4 св.	каждому	кождому
19	4 св.	осущест-вленіе	осуще-ствленіе
25	6 св.	плачены	плачоны
27	6 св.	наказуемость,	наказуемость
27	8 св.	отвѣтственности	отвѣтственности,
35	9 св.	торриторіи	территоріи
36	8 сн.	обиженняго	обиженнаго
36	3 сн.	помѣщаетъ,	помѣщаетъ
36	2 сн.	наказаніями	„наказаніями
38	7 сн.	strafrecht	Strafrecht
41	10 сн.	Нѣкоторый,	Нѣкоторый
47	9 св.	пани	паней
48	6 сн.	безсиліемъ	безсилiи
51	2 сн.	der Strafrechts	des Strafrechts
60	2 сн.	Verkehrs=	Verkehrs-

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
62	8 св.	коренье	каранье
62	5 сн.	на ченіе	значеніе
73	8 св.	Когды	Кгды
74	8 сн.	Causal nexus	Causalnexus
80	9 св.	каждую	кождую
107	5 св.	соотвѣствующимъ	соотвѣтствующимъ
110	10 св.	право но и	право, но и
122	17 св.	але тежъ, посполъ	але тежъ посполъ
122	15 сн.	verfal, len	verfal-len
122	13 сн.	zeigen-	zeigen,
132	18 св.	даже случаяхъ, сведена	случаяхъ, даже сведена
132	6 сн.	заступаемаго мы	заступаемаго, мы
141	15 сн.	правами притомъ	правами, притомъ
142	3 св.	обязываетъ для вотчинника	обязываетъ вотчинника
154	12 сн.	поставленные вопросы,	поставленные, вопросы
167	7 св.	законъ ученіе	законъ (ученіе
175	15 сн.	отъ преступленія	отъ преступленія,
231	11 сн.	постановленіи.	постановленіи
232	3 св.	тиму	тому
253	9 св.	„припозванья“;	„припозванья“,
268	4 сн.	не волю	неволю;

HARVARD LAW SCHOOL LIBRARY

This book is due on or before the date stamped below. Books must be returned to the Circulation Desk from which they were borrowed. **Non-receipt of an overdue notice does not exempt the user from a fine.**

MAY 1 6 2001	